

63.3(2Г-6А)52

Д43
9(С412)

Из книги
В. ТАОСТАНОВА

Г. А. ДЗИДЗАРЯ

ФОРМИРОВАНИЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
АБХАЗСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

СУХУМИ
1978

Г. А. ДЗИДЗАРЯ

ФОРМИРОВАНИЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
АБХАЗСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
Сухуми — 1979

Ответственный редактор —
доктор исторических наук,
профессор **З. В. Анчабадзе**

ВВЕДЕНИЕ

Помимо общих работ о старой, дореволюционной интеллигенции в нашей стране в разные годы были изданы исследования об отдельных ее отрядах. В этих трудах советских исследователей, опирающихся на произведения классиков марксизма-ленинизма, содержится четкая характеристика интеллигенции и правильное определение ее места в освободительном движении¹.

Тем не менее вопрос об изучении истории интеллигенции в нашей исторической науке в целом оставляет желать много лучшего. А некоторые работы, посвященные этой общественной прослойке, к сожалению, страдают существенными недостатками. Порой даже сказывается влияние взглядов дореволюционных авторов. Так, вследствие того, что высшие слои русской буржуазной интеллигенции в период революции 1905—1907 годов сыграли реакционную роль, отдельные исследователи приписывают эти черты интеллигенции вообще, умаляя таким образом роль народной интеллигенции в революционной борьбе². Были и такие авторы, которые за русификаторским направлением работы дореволюционных учителей и школ в целом не видели роли, которую они объективно сыграли в развитии просвещения и культуры народов Кавказа³.

Не приходится уже говорить о позиции в этом вопросе современных буржуазных историков, многие из которых пытаются извратить вообще содержание и сущность русско-кавказских связей в прошлом⁴. Так, например, американский профессор Лауэлл Тиллет, автор книги «Великая дружба. Советские историки о нерусских национальностях» (1969), отрицает наличие традиции дружбы во взаимоотношениях народов

¹ А. В. Ушаков. Революционное движение демократической интеллигенции в России, 1895—1904. М., 1976, с. 11—12.

² См. об этом: В. Огиани. Большевицкая партия и интеллигенция в Первой русской революции. Тбилиси, 1970, с. 4—5.

³ В. Д. Магомедова. Просвещение и школа в Северной Осетии во второй половине XIX в. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1974, с. 4; В. Б. Виноградов. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1971—1975). — «История СССР», 1977, № 3, с. 164.

⁴ В. Б. Виноградов. Указ. соч., с. 165.

нашей страны, считая их «мифом». «Достается» советским историкам от Тиллета, в частности, за то, что в их трудах популяризируются русские революционные демократы и местные просветители. Симпатии к последним он объясняет тем, что они «оправдывали аннексию своих родных земель, восхваляли превосходство русской культуры»⁵.

Что касается конкретно дореволюционной абхазской интеллигенции, то специальных обобщающих работ, посвященных процессу ее формирования, у нас еще не было. Эта проблема лишь в той или иной степени рассматривается в различных работах по истории и культуре Абхазии. Вообще же в последние годы возрос интерес к осмыслению вклада, внесенного русской наукой в изучение Абхазии и деятельности местных передовых просветителей, испытывавших на себе влияние русской культуры, прогрессивной общественной мысли России.

Исходным моментом этого процесса было начало XIX века, которое связало судьбу абхазского народа, как и ряда других, с Россией. Абхазы относились к числу народов, для которых присоединение к России имело далеко идущие последствия. Плодотворное влияние русской культуры во взаимодействии с местными культурными традициями было решающим специфическим фактором образования дореволюционной абхазской интеллигенции, развития передовой общественно-политической мысли края. Мы уже не говорим о значении в этом процессе факта вовлечения края в орбиту всероссийского рынка. Здесь, как и в других областях Закавказья, происходило формирование капиталистического уклада, особенно в предреформенный период.

Поэтому вопрос рассматривается в известной связи с соответствующими явлениями в истории русской культуры. Вместе с тем подчеркивается и роль грузинской культуры, прогрессивное влияние которой трудно переоценить, несмотря на все препятствия царизма. Разумеется, абхазская интеллигенция представляется как часть многонациональной интеллигенции самой Абхазии, когда речь идет уже о второй половине XIX века. При этом для нарождающейся здесь, как и вообще на окраинах России, национальной интеллигенции на первых порах была особенно характерна просветительская деятельность, проявление просветительской идеологии.

Классики марксизма-ленинизма придавали большое значение участию в революционном движении широких слоев ин-

⁵ М. А. Магомедов. Несостоятельная попытка очернить советскую историографию. — «История СССР», 1973, № 1, с. 191—197.

Аргументированная критика подобных построений буржуазных авторов содержится в целом ряде и других работ советских историков, вышедших за последние годы (См.: В. Б. Виноградов. Указ. соч., с. 166).

интеллигенции, т. е. той социальной категории, которая могла стать «при условии сближения с народом» крупной силой в борьбе с царизмом⁶. Они высоко ценили ту часть интеллигенции, которая находилась близко к трудящимся, правдиво отражала жизнь масс, старалась способствовать развитию прогрессивной науки, литературы и искусства.

Самую передовую часть интеллигенции составляли интеллигенты-большевики. Они сыграли выдающуюся роль в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Это была не такая уж незначительная по численности группа. Между тем вопрос о непосредственном участии интеллигенции в событиях Октябрьской революции в нашей литературе не нашел еще должного освещения. Нет, в частности, исследования, посвященного роли в революции интеллигентов-большевиков и тесно примыкавшей к ним передовой, демократической части интеллигенции⁷.

Следовательно, показ роли широких слоев интеллигенции является важной задачей советской исторической науки и, в частности, настоящей работы — в условиях Абхазии.

Изучать же вопросы формирования кадров интеллигенции, ее профессиональной деятельности необходимо в тесной связи с конкретной исторической обстановкой.

Необходимо также оговорить, что в понятие «абхазской интеллигенции» нами вкладывается самое широкое представление. То есть, имеются в виду и те интеллигентные абхазы, профессии которых, казалось, даже далеки от узко абхазской действительности. Это особенно относится к военным, которые, получив специальное образование в учебных заведениях России, находились затем в среде русского офицерства. Но учитывается здесь прежде всего национальная принадлежность того или иного лица, затем его связь со своим народом и, что особенно важно, существо этих отношений. Например, создатель первой абхазской географической карты М. Л. Шервашидзе (Чачба) был типичным офицером русской армии. Встречались также ревностные защитники самодержавия, наносившие только вред трудящимся края. Наблюдалось и такое явление, когда отдельные профессиональные абхазские культурные деятели, проявляя глубокий интерес к грузинской или русской литературе, отличились успешной творческой деятельностью на поприще одной из этих культур. Значение подобных фактов в упрочении братства и взаимообогащения культурных ценностей народов трудно преувеличить. Яркий

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. III, с. 199.

⁷ С. А. Федюкин. Октябрьская революция и интеллигенция.—«История СССР», 1977, № 5, с. 70, 72.

пример — сын последнего абхазского владетеля, писатель Г. М. Шервашидзе (Чачба), который внес известный вклад в развитие грузинской литературы и общественной мысли второй половины XIX века.

Должно быть подчеркнута и то, что вместе с формированием и развитием интеллигенции осуществлялось идеологическое расслоение и размежевание общества, отражавшее в определенной степени этот общий процесс, если понимать под интеллигенцией «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда... в отличие от представителей физического труда»⁸.

Невозможно себе представить, чтобы, скажем, произведения древней архитектуры, живописи, скульптуры и прикладного искусства, так богато представленные в Абхазии⁹, создавались и развивались на протяжении веков без приложения сил и ума коренного населения. Напротив, они свидетельствуют о высоком творческом потенциале и эстетическом вкусе этого населения, его передовой части.

И тут мы считаем необходимым сделать некоторый исторический экскурс. Такой подход дает возможность лучше понять и, следовательно, глубже раскрыть интересующие нас явления определенной исторической эпохи. В частности, речь идет о значении и силе традиции и преемственности в историческом процессе. Если продолжить высказанную абзацем выше мысль, то история государственной и религиозной жизни Абхазии также безусловно предполагает историю интеллектуального труда ее аборигенов. Наличие образованных лиц и образованности на различных этапах этой истории — факт несомненный и закономерный.

Важное значение в истории Абхазии, тесными узами связанной с историей Грузии, имело ее широкое общение с античной цивилизацией Греции и Рима, а затем Византии. Надо при этом иметь в виду, что на Абхазском побережье в VI—V вв. до н. э. возникает ряд античных центров (Диоскурия, Гюэнос и др.). Археологические материалы прекрасно свидетельствуют о связях местной культуры с античной¹⁰.

Особого внимания заслуживает развитие письменной культуры. Начиная с ранней античной эпохи на территории Абхазии постепенно распространяется греческий язык, а затем, в меньшей степени, латинский, доказательством чего прежде всего являются дошедшие до нас надписи на различных пред-

⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 8, с. 309, прим.

⁹ См.: З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964; «Очерки истории Абхазской АССР». Сухуми, ч. I, 1960, с. 80—86; Л. А. Шервашидзе. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. Тбилиси, 1971 и др.

¹⁰ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 25—28.

метах¹¹. Причем эти эпиграфические и иные древние памятники письма возникают на местной почве¹².

Следует отметить роль идеологии классового общества — христианства, ставшего в Абхазии господствующей религией в VI веке, но и до этого получившего определенное распространение в развитии письменности и образованности в крае. Особой известностью пользовалась Пицунда, названная Страбоном (I в. н. э.) «Великим Питиунтом» — «древнейший очаг христианства Абхазии и всей Грузии»¹³. Здесь находился кафедральный собор, где восседал участник I Никейского церковного собора 325 года епископ Стратофил. Существенно при этом то, что, как подчеркивают специалисты, участником форума такого масштаба и значения могло стать только лицо, которое представляло также и коренное население, а не только временно расквартированных торговцев или солдат из казарм¹⁴. В последующие века, как известно, Питиунт оставался, хотя и с перерывами, крупнейшим центром христианской религии указанного региона и резиденцией католикоса абхазского до второй половины XVI века, когда эта резиденция, в условиях установления турецкого господства в крае, была перенесена в Гелати (близ Кутаиси).

Однако греческая и латинская системы письма для предков абхазов, как и их соседей — черкесов и осетин, никогда не были преобразованы в оригинальную собственную письменность¹⁵. Но несомненно, что известная часть коренного населения, разумеется преимущественно представителей знати, владела греческим или латинским языком в качестве разговорного, а некоторые из них и письменного. В этой связи интересен тот факт, что в Севастополисе (Сухуми) собиралось столько людей, что, по утверждению Плиния (I в. н. э.), требовалось посредство 130 толмачей¹⁶; прибывало же сюда, если верить Страбону, 70 народностей, а «согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300»¹⁷. Ди-

¹¹ См.: В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии, с. 224-226; თ. ვაუხნიშვილი, ბერძნული წარწერები საქართველოში. თბილისი, 1951; X. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии, Тбилиси, 1967.

¹² X. Бгажба. Указ. соч., с. 6-7.

¹³ А. М. Апакидзе. «Великий Питиунт» — археологические раскопки в Пицунде (резюме). — «ლიბი პიტუნტი», I. თბილისი, 1975, გვ. 126.

¹⁴ (ა. ვაპყრელიძე, ს. ვაუხნიშვილი), გეოგრაფიკი, ბიზანტიული მწერლების ცნობები საქართველოს შესახებ, ტ. I, თბ., 1961, გვ. 251-252; ა. აუაქიძე. «ლიბი პიტუნტი» — არქეოლოგიური გათხრები ბიჭვინთაში, — В кн.: «ლიბი პიტუნტი», ტ. I, გვ. 27.

¹⁵ Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 9.

¹⁶ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ. 1949, № 2, с. 859.

¹⁷ Страбон. География. М., 1964, с. 472.

оскурия (Севастополис), говоря словами П. К. Услара, «была окном, сквозь которое римляне смотрели на Кавказ...»¹⁸.

О наличии среди абхазов людей с греко-римским образованием говорят и более конкретные факты. По сообщению антиохийского юриста Евagriя (537—594), при дворе византийского императора Юстиниана I жил один абхаз (абазг) — евнух по имени Евфрата¹⁹, которого он послал в Абхазию «собрать несколько детей и привезти их в Константинополь, где названный император устроил школу для обучения их грамоте и разным наукам». Этот императорский посланец с 523 года через Пицунду усердно распространял христианство среди своих соотечественников. И в последующее время католиков Иоанн направил в Константинополь «несколько священников и дьячков для получения там религиозного воспитания и ознакомления с науками». Из абхазов «состояла внутренняя охрана Юстиниана»²⁰. Кроме того, абхазские (абазгские) отряды («союзники») состояли в византийских войсках²¹.

Что представители правящих кругов Абхазии пользовались греческой письменностью, ясно говорит серия вислых свинцовых печатей, связанных с важнейшими историческими центрами — Питиунтом и Анакопией. На одной из них (найдена в Пицунде в 1954 году), принадлежащей правителю Абхазского княжества VII—VIII веков, имеется надпись: «Константин Абазгский» (Абхазский)²². Здесь же была найдена вислая печать VI—VII веков с именем епископа Феодора, который мог принадлежать к числу местных перархов²³. А в

¹⁸ П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888, с. 9.

¹⁹ Об Евфрате — «одном из императорских евнухов, родом абазге», посланном Юстинианом в Абхазию, пишет и византийский историк Прокопий Кесарийский (См.: «Война с готами». М., 1950, с. 383). Согласно его же сообщению, вообще значительное число евнухов при византийском дворе были родом абазги (Там же). А евнухи играли большую роль как в домашнем быту византийских императоров и их вельмож, так и в проведении ими своей государственной и общественной деятельности — они являлись их ближайшими помощниками, советчиками и неизменными членами многочисленной свиты. Источником образования этого контингента была прежде всего работорговля, о чем пишет тот же Прокопий (См. там же, с. 382—383).

²⁰ П. Жузе. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария. Казань, 1905, с. 10—11. Макарий (1648—1672) — антиохийский патриарх, и речь идет о его арабской рукописи.

Для Византийской империи территория Абхазии представляла большой интерес в стратегическом отношении. Вместе с тем эта была область, опираясь на которую Византия распространяла свое религиозное и культурное влияние на все Северо-Восточное Причерноморье и Северный Кавказ.

²¹ См., например, (ა. ვამერქლიძე, ხ. ვაუხნიშვილი). ვიზანტიკა, ტ. I, გვ. 168, 170—175.

²² В. А. Леквинадзе. Вислая печать Константина Абазгского. — «Сообщения АН Грузинской ССР». Тбилиси, 1955, т. XVI, № 5, с. 403—405.

²³ ვ. ლუნიძე. ვინ იყო თეოდორე ეპისკოპოსი? — «ძველის მემკობარი», 1973, № 33, გვ. 73-76; ეგი ჯე. თეოდორე ეპისკოპოსის ბულა. — «დიდი პიტუნტი», II, თბ., 1977, გვ. 335-342.

1975 году в Новом Афоне, исторической Анакопии, была обнаружена печать, также относящаяся к VI—VII векам. Ее стороны заняты изображениями крестообразных монограмм, в одной читается должность и имя его владельца — эпарх Пепр. Не исключена возможность, что он был должностным лицом в Анакопии²⁴.

Необходимо учитывать и значение личных и близких родственных связей и отношений. Так, Леон II, основатель Абхазского царства (Абхазия и Эгриси), был внуком по матери хазарского кагана и двоюродным братом византийского императора Льва Хазара, царствовавшего в 775—780 годах²⁵.

Академик Н. Я. Марр писал: «Абхазский народ в лице его предковых слоев, преимущественно знати, был долгое время, веками, сподвижником носителей христианского света и его проповедником в соседних странах. Языческим племенам христианизированная часть абхазского народа могла нести евангельское учение, а христианским народам с восточно-христианской культурой — греческое просвещение... Великая торговля с толмачами на десятках языков в абхазском городе (Севастополисе, — Г. Д.) привлекала, надо думать, всякого типа искателей наживы, но с востока или запада, отовсюду они приходили из культурных стран и происходил обмен не только товаров, но и идей... Ясно, что абхазский народ, не только имевший общение с просвещенными народами в продолжении многих веков, но и творчески принимавший участие в древности в развитии общекавказской христианской культуры, как народ с историей, заслуживает внимания историка Кавказа, тем более археолога»²⁶.

Интересно отметить и сообщение грузинского писателя конца VIII века Иоанн Сабанидзе о том, что Абхазия была непосредственно подвержена влиянию ведущих центров христианства и входила в Черноморский мир, сплошь христианский; он объясняет прочность позиций христианства в крае²⁷.

О том, что правители Абхазии, во всяком случае наиболее выдающиеся, с их государственной, культурной и церковной политикой, были на высоте культуры и образованности своего времени, особенно ярко свидетельствует их строительная деятельность (храмы и т. д.). Причем христианские памятники края того времени «не уступают по своей художественной ценности памятникам христианской культуры других об-

²⁴ Л. Г. Хрушкова. Моливдовул из Анакопии. — «Известия» АИЯЛИ. Сухуми, 1976, V, с. 146—148.

²⁵ С. Джанашиа. О времени и условиях возникновения Абхазского царства. — «Збодоро», II, од., 1952, зз. 330.

²⁶ Н. Я. Марр. Кавказоведение и абхазский язык. — Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М., 1938, с. 126—128.

²⁷ С. Джанашиа. О времени и условиях возникновения Абхазского царства, с. 338.

ластей Грузии»²⁸. Представляет интерес и то, что Лыхненский храм²⁹ «возглавляет целую группу абхазских памятников, каковыми являются храм Симона Кананита в Новом Афоне (Псырцха) и храмы Шоана, Зеленчук и др. по ту сторону Кавказского хребта»³⁰. Этот факт заслуживает внимания и как показатель культурных связей Абхазии с названными северокавказскими районами. Отметим также, что архитектурные памятники Абхазии средневековья, «следуя общему развитию грузинской архитектуры, сохраняют своеобразный облик», что позволяет говорить о существовании в это время «абхазской школы» этой архитектуры³¹. В. В. Беридзе, имея в виду ряд церквей Абхазии, также пишет об «особой группе» грузинской архитектуры³².

О высоких эстетических вкусах передовой общественности Абхазии эпохи средневековья говорят также великолепные образцы декоративной скульптуры, украшавшие фасады и интерьеры храмов. Из памятников живописи, например, до нас дошли остатки росписей. Доктор искусствоведения Л. А. Шервашидзе в результате многолетнего тщательного изучения средневековой монументальной живописи в Абхазии пришел к выводу, что эта живопись «не представляет собой явления изолированного, оторванного от общего развития; она идет по общему и единому руслу с монументальной живописью Грузии... содержит в себе отдельные черты, говорящие о ее самобытности»³³. Значительный интерес представляет и поливная полихромная керамика с разнообразными орнаментальными мотивами.

Примерно с IX века в целом в Абхазском царстве (Абхазия и Эгриси), которое вносит большой вклад в развитие

²⁸ З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVIII вв.). Сухуми, 1959, с. 197.

²⁹ Время постройки Лыхненского храма — не позднее XI века (См.: Дм. Бакрадзе. Кавказ в археологическом отношении.—ЗЮЛКА, т. I, 1975, с. 136).

³⁰ Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства, с. 205. Об этих памятниках см. также: П. С. Уварова. Христианские памятники.—МАК, вып. IV, М., 1894, с. 16; В. Сысоев. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года. — Там же, вып. VII, М., 1895, с. 115—136; Н. П. Северов. Памятники грузинского зодчества. М., 1947, с. 194.

³¹ Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства, с. 204.

О «своеобразных чертах» памятников архитектуры в Абхазии говорит и Л. Д. Рчеулишвили — см. сб. «Средневековое искусство. Русь. Грузия», М., 1978, с. 27.

³² В. Беридзе. Грузинская архитектура. Тбилиси, 1967, с. 14.

Вместе с тем продолжало развиваться абхазское народное зодчество (жилые и хозяйственные постройки и другие), характеризовавшиеся яркими самобытными чертами (См. например: И. А. Аджииджал. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969).

³³ Л. А. Шервашидзе. Указ. соч., с. 143—144.

культуры всей феодальной Грузии, «языком книжной культуры, царской канцелярии и церкви становится грузинский язык, который распространяется и на Северном Кавказе...»³⁴. О распространении грузинской письменности здесь в средневековое время наглядно говорят, например, лапидарные надписи на всевозможных сооружениях (в первую очередь на стенах древних храмов), на церковной утвари (иконы, выносные кресты и пр.)³⁵. Следует отметить, что грузинский язык в Абхазии получил распространение преимущественно среди феодальной знати и некоторой части торгово-ремесленного населения городов. Разговорным же языком (общенародным) абхазского населения оставался родной язык³⁶. Что касается византийского влияния, то оно ослабевает после образования единого Грузинского царства, которое в течение XI и особенно XII веков играло важную роль в политической жизни стран Закавказья и Ближнего Востока.

Об известном распространении письменности в Абхазии уже в IX веке свидетельствует также Житие Кирилла (Константина). Этот факт привлек внимание академика М. Н. Тихомирова³⁷ и американского ученого Фрэнсиса Дворника. В частности, Дворник в докладе, прочитанном им на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 году, отмечая, что Константин в ходе дискуссии с латинскими священниками в Венеции в перечне народов, которые обладают собственной литературой «и богу славу воздают каждый своим языком», упоминает и «авастов», говорил: последние «не имели своей литературы, но они пользовались грузинским языком для богослужения и для своих сочинений. Конечно, это не исключает использования разговорного языка, но крайней мере частично, в абхазском богослужении»³⁸.

В отмеченном аспекте вызывает интерес сообщение и немецкого путешественника Иоанна Шильтбергера³⁹, книга которого под названием «Путешествие Иоанна Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год», вышла

³⁴ В. ჯაბაძის, აფხაზთა წერილობითი ძეგლები. — В. ჯაბაძის, აფხაზთა, ტ. II, თბილისი, გვ. 306.

³⁵ См.: Х. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии; С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925.

³⁶ Э. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 196—197.

³⁷ М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 192.

³⁸ F. Dvornik. Missions of the Greek and Western Churches in the East during the Middle Ages. — «XIII Международный конгресс исторических наук. Доклады конгресса, Т. I, ч. 4, М., 1973, с. 189.

³⁹ О нем: М. А. Подиевтов. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935, с. 172—193.

в Аугсбурге в 1860 году⁴⁰. Он, в частности, писал: «Далее королевство Грузия... Есть еще страна Абхазия, с главным городом Сухум»⁴¹. В другом месте автор среди языков, «на каких именно... служат Богу по греческому вероисповеданию», называет и абхазский⁴². Трудно сказать, что конкретно имелось здесь в виду. Во всяком случае, это сообщение свидетельствует о распространении христианства в крае, с чем в ту эпоху было связано и развитие грамотности.

С точки зрения истории письменности вообще на территории современной Абхазии заслуживает внимания и одно сочинение XIII века, составленное на еврейском языке⁴³. Как отмечает его автор в приписке, оно было написано им «здесь в городе Гагра, и завершено» в 1208 году⁴⁴. Кроме того, этот переписчик, по сообщению же М. Н. Зислина, годом раньше, т. е. в 1207 году «переписал другое сочинение грамматического характера... также в городе Гагра»⁴⁵.

Одним из наиболее бесспорных доказательств наличия письменной традиции у абхазов является обилие специальных терминов, выработанных практикой культурной жизни народа на протяжении веков. Таковы, например, бытующие в абхазском языке слова: анца (надпись), антара (запись), афра или ацшшара (писать), ацшара (читать), акьаад (бумага), амсыр кьаад (египетская бумага, т. е. палирус), ашэ-ку (жюга), адакьа (спраница), ашыга (ручка, карандаш) и т. д. Со второй половины XIX века, с развитием письменности, литературного языка и педагогической практики, происходит дальнейшее обогащение лексики элементами этого порядка⁴⁶.

В русских летописях, начиная с XII века, встречается этноним «обезы». В данной группе источников речь идет о Грузинском царстве в целом, не исключая, следовательно, из этого понятия Абхазию, роль которой в политической жизни

⁴⁰ Русский перевод (Ф. Бруна) книги И. Шильдбергера см.: «Записки Новороссийского университета», т. I. Одесса, 1867.

⁴¹ Там же, с. 44.

⁴² Там же, с. 102.

⁴³ Сочинение это (около 28 листов) находится среди материалов неопубликованных рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

⁴⁴ Цит. по: М. Н. Зислин. Восточная школа еврейских грамматиков в X—XIII вв. — «Семитские языки». Вып. 2 (ч. 2). Материалы Первой конференции по семитским языкам 26—28 октября 1864 г. Изд. 2-е. М., 1985, с. 768.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: «Русско-абхазский словарь». Сухуми, 1964; К. С. Шьякрыл. Афра надхэылоу жэнтэ терминкуак ацсуа ышшэафы. — Журн. «Алашара», 1972, № 5, ад. 79.

последнего той поры была значительной⁴⁷. Причем и само слово «обезы» исторически производно от нее. Это было не случайно. Абхазы были одними из первых среди кавказских народов, с которыми русские непосредственно встретились⁴⁸. Характеризуя связи абхазского языка с разными языками, академик Н. Я. Марр отмечал, что существенный интерес представляют, в частности, для Восточной Европы, «абхазо-русские отношения, последние по связи с вопросами о хазарах и о Руси на юге и русской Тмутаракани...»⁴⁹.

Очевидным свидетельством культурных и торговых связей населения объединенного Грузинского царства с Древней Русью является сообщение «Киево-Печерского патерника» (XIII век) о том, что «Грьци и Обези» были приглашены в Успенский собор Киево-Печерской лавры для украшения стен мозаикой⁵⁰. Не случайно, конечно, что знаменитый Моквский храм, строительство которого грузинская летопись приписывает абхазскому царю Леону III (957—967), по целому ряду черт «оближается с памятниками Киевской Руси»; он свидетельствует «о местной переработке древнерусского прототипа»⁵¹.

Христианская церковь (сперва византийская, а затем грузинская) именно через Абхазское царство распространяла свою идеологию среди северокавказских народов (черкесов-адыгов, алан). В частности, в Аланию христианство проникает отсюда в первой четверти X века⁵². Константинопольский патриарх Николай Мистик в одном из своих

⁴⁷ Подробнее об этом см.: З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидвария. Дружба извечная, нерушимая. Очерки из истории грузино-абхазских отношений. Сухуми, 1972, с. 36; *გ მ ლ ი ქ ი შ ე ა ლ ი, უ მ დ ლ უ რ ნ ა ქ რ ნ უ ლ ო ბ პ ო ლ ი ტ ი კ უ რ ი ვ ა რ ი ა ბ ა ზ ე ბ, და ს ა ქ რ ა თ ე ლ ო შ ი უ მ დ ლ უ რ უ რ ბ ა რ ო ბ ო ბ ა რ ა ვ ა ნ ი ო ბ ა რ ე ბ ა ს ზ ე რ ბ ო ბ ა ს ა ქ ო ბ ო, ო ბ ო ლ ო ბ ო, 1973.*

⁴⁸ По своему географическому положению Абхазия соединяла Закавказье и Северо-Западный Кавказ, где находилась русская Тмутаракань, тесно связанная с остальной Русью. Вдоль Черноморского побережья «в Абхазии проходил древний торговый путь из Грузии в русские земли» («История СССР с древнейших времен до наших дней», т. II, М., 1966, с. 529). Причем вплоть до XVIII века население абхазского этнического корня занимало приморскую территорию Северо-Западного Кавказа до Туапсинского сектора, а отдельные их поселения, как видно, тянулись дальше и на север (З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 208).

⁴⁹ Н. Я. Марр. Абхазский язык. — Н. Я. Марр. Об языке и истории абхазов. М.—Л., 1938, с. 399.

⁵⁰ «Патерик Киево-Печерского монастыря. Памятники славяно-русской письменности, изданные археографической комиссией», т. II, СПб., 1911, с. 8. См. также: Ш. А. Месхиа и Я. З. Цинцадзе. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси, 1958, с. 12—13.

⁵¹ Н. П. Северов. Указ. соч., с. 194.

⁵² «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 68.

писем, датируемом началом указанного столетия, отмечал правителя Абазгии (под которой понимал все Абхазское царство) Григория—Георгия II как активного проводника христианства и византийской политики в Алании⁵³.

Несколько возвращаясь к предшествующим периодам, безынтересно сослаться на тот факт, что в начале XI века (1007—1014) была составлена генеалогическая таблица владетелей Абхазского княжества и правителей Абхазского царства, известная в науке как «Диван абхазских царей»⁵⁴. Она была создана (на грузинском языке) по инициативе первого царя объединенной феодальной Грузии Баграта III (975—1014)⁵⁵. Кроме того, существовал более ранний памятник, условно именуемый «Жизнь абхазов» или «История абхазских царей». Сообщение о нем содержится в сочинении анонимного автора XI века «Матиане Картлиса», где по этому поводу говорится, что после смерти абхазского царя Константина III (893—929) между его сыновьями — Георгием и Багратом — разыгралась ожесточенная борьба, «о чем подробно повествует их История»⁵⁶. Вообще основными письменными источниками по истории феодальной Абхазии являются грузинские памятники, что было обусловлено, в первую очередь, той же тесной и непрерывной культурно-исторической связью между грузинским и абхазским народами⁵⁷.

По-видимому, в рассматриваемый период в Абхазии получают распространение и образцы грузинской классической литературы, в частности, «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, как произведение, проникнутое общечеловеческими идеалами гуманизма. Характерно, что у абхазского народа бытуют сказания о гениальном грузинском поэте, а образ главного героя его поэмы Тариэла стал символом красоты, здоровья, героизма и доблести. Ряд абхазских имен и слов (например, Тариал, Автандил, акачаа-каджи), как полагают, также заимствованы у Руставели⁵⁸. Полагают также, что в

⁵³ В. А. Кузнецов. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 13.

⁵⁴ См. в изд.: Е. Такайшвили «*ქართული საზოგადოებრივი ცხოვრება*», т. II, თბილისი, 1911—1913, III, аз. 28—54. См. также: Е. С. Такайшвили.

Что заключала в себе так называемая «История Абхазии грузинского царя Баграта», которой пользовался Досифей для своей «Истории иерусалимских патриархов». — ИКОМО, 1913, вып. 3, протоколы, с. 70.

⁵⁵ При Баграте III были выстроены замечательные храмы в Кутаиси и Бедиа. В последней он и похоронен.

⁵⁶ «Матиане Картлиса». Перевод и редакция М. Д. Лорджианидзе. Тбилиси, 1976, с. 33—34.

⁵⁷ Большого внимания в этом отношении заслуживают работы Г. А. Амичба «Сборник сведений средневековых грузинских письменных источников об Абхазии» (рукопись) и «*Аღსნის ავთოურილი ეთნოგრაფიის კრებული ავსტანაკა*», Акуа, 1977.

⁵⁸ См.: З. Анчабадзе, Г. Дзидзария. Дружба извечная, нерушимая, с. 32.

Абхазии были известны (народным врачевателям) и грузинские медицинские книги («Усцоро карабадини» и «Цигни сакнимо»), изданные в XI—XIII веках⁵⁹.

Мы уже не говорим о церковных книгах. Сохранилось, например, Пицундское евангелие первой половины XIII века, которое в настоящее время находится в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе Академии наук Грузинской ССР (шифр Н-2120). П. С. Уварова, посетившая в 1886 году Пицундский храм, писала: «Когда войска русские заняли впервые эту местность, ...на алтаре... находилось древнее пергаментное грузинское евангелие, в серебряном окладе...»⁶⁰. Из этой рукописи снимок с изображенным пишущего евангелиста Марка был опубликован в «Описательном путеводителе по Сухуми и Сухумскому округу» К. Д. Мачавариани (Сухум, 1913).

Мих. Ив. Тарнава в 1917 году сообщал, что «старинное Евангелие и Псалтырь XI века на древнегрузинском языке Моквинского храма... находится в Мартвильском монастыре, Зугдидского уезда»⁶¹. Моквское евангелие 1300 года в настоящее время также хранится в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР (шифр Q-902). Оно было по заказу моквского архиепископа Даниила переписано и иллюстрировано (около 152 миниатюр) неким Ефремом⁶². Рукопись открывается канонами тонкого письма, «традиционными по форме и стилю, напоминающими памятники греко-фильского круга XI—XII веков»⁶³.

Послы московского царя Михаила Федоровича, посетившие в 1639—1640 годах Мегрельское княжество, в частности южную часть современной Абхазии, в своих отчетах, говоря о фактах разрушения турками памятников материальной культуры, отмечали уничтожение ими монастырских летописей. В одном случае послам так и сказали: «Турские люди приходили и... летописи пожгли»⁶⁴. В Моквском, Илорском, Бедийском и Драндском монастырях также было заявлено, что нет у них летописей⁶⁵. Очевидно, это надо понимать в смысле того, что и здесь они были уничтожены⁶⁶.

⁵⁹ Ш. Д. Гогохия, *Здравоохранение в Абхазии, Сухуми*, 1966, с. 6.

⁶⁰ [П. С. Уварова], *Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок*. Ч. II. М., 1891, с. 125.

⁶¹ Мих. Ив. Тарнава. *Краткий очерк истории Абхазской церкви*. Сухум, 1917, с. 16.

⁶² Ш. Амиранашвили. *Грузинская миниатюра*. М., 1966, с. 25.

⁶³ Его же. *История грузинского искусства*, с. 235.

Три миниатюры из Моквского евангелия (евангелист Иоанн диктует Прохору, Сошествие св. духа на апостолов и Успение богородицы) приводятся в последней из указанных книг Ш. Я. Амиранашвили (таблицы 107 и 108).

⁶⁴ С. А. Белокуров. *Материалы для русской истории*. М., 1888, т. 324.

⁶⁵ Там же, с. 326, 351-355.

⁶⁶ Там же, с. 355.

В этих церквах имелись также грамоты или гуджары. Например, в Пицунде академик М. И. Броссе, посетивший ее в 1848 году, «имел случай читать копию с великой хартии», датированной 1470 годом⁶⁷. В этом документе число крестьян, «жертвованных Пицунде царями Имеретии и Картли, а также владетелями Мегрелии и другими лицами, доходило до 629 дворов; двадцать других хартий насчитывали их до 800⁶⁸. Представляет интерес и «Большая книга крестьян Абхазского католикосата»⁶⁹, очень ценная для изучения социально-экономической истории всей Западной Грузии и относящаяся к XVI — первой четверти XVII века, т. е. ко времени до перенесения резиденции католикоса абхазского из Пицунды в Гелати.

Из сказанного вполне очевидно, что абхазская культура, как уже подчеркивалось, искони развивалась в тесной и плодотворной связи с грузинской культурой. Вместе с тем абхазы, как отмечал академик Н. Я. Марр, «давно находившиеся в теснейшей связи с Византиею и под непосредственным культурным ее влиянием, надо думать, были издавна проводниками византийской образованности»⁷⁰. Некоторые черты самобытной абхазской материальной и духовной культуры раннесредневекового времени, включая язык, проникали в Грузию (элементы хозяйственного быта, народной одежды, традиций и т. д.). Традиции дружбы, бытовых, культурных и прочих взаимоотношений грузинского и абхазского народов развивались и в дальнейшем⁷¹.

Обратимся теперь к последующим векам. Дочь владетеля Абхазии Сетемана Шервашидзе Дареджан (была замужем за мегрельским владетельным князем Леваном Дациани)⁷², по сообщению итальянского миссионера Арканджело Ламберти, жившего в Мегрелии в 1635—1653 годах, «помимо природной красоты, обладала всеми добродетелями... в выпечке, чтении, письме, великодушии и учтивости не имела себе подобных...»⁷³. Ламберти писал и о книгах на грузинском языке, хранившихся в «прекрасных храмах», стоявших в

⁶⁷ M. Brosset. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et l'Arménie., I. Spb. 1849, p. 135.

⁶⁸ Дм. Бакрадзе. Указ. соч., с. 122.

⁶⁹ Она была опубликована впервые в 1891 году А. С. Хахановым (Хаханашвили), а в 1914 году снова издана С. Н. Какабадзе.

⁷⁰ Н. Я. Марр. Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII века. — ЗВРАО, СПб., 1909, т. XIX, вып. 2—3, с. 55—58.

⁷¹ О. Г. Чургулия. Грузино-абхазские литературно-культурные взаимосвязи в XIX в. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1972, с. 5.

⁷² См.: Ламберти. Описание Колхиды... — СМОНПК, 1913, вып. 43, с. 18; დას კრისტოვარო დე კახტალი, ცნობები და აღწერა საქართველოს შესახებ, თბილისი, 1976, зз. 79, 90-91, №№ 16 и 57.

⁷³ Ламберти. Указ. соч., с. 18.

«стране абхазов и джигетов»⁷⁴, в частности, в Анакопии и Пицунде.

От времени XVII — начала XIX века до нас дошел ряд грамот и официальных писем, на грузинском же языке; владетельных князей Абхазии Шервашидзе (Чачба) (Сустар, Квану, Келешбей и др.)⁷⁵. Грузинский историк и географ XVIII века Вахушти Багратиони подчеркивал, что абхазы «имеют свой собственный язык, однако знатные владеют также грузинским»⁷⁶. Здесь, несомненно, речь идет и о знании грамоты⁷⁷. Грузинский язык и письменность на территории Абхазии и в XIX веке, наряду с русской грамотностью, имели известное распространение. Это было именно «плодом многовекового культурно-исторического развития...»⁷⁸.

Что касается турецкого письма, то в Абхазии оно не получило заметного распространения. Его памятники встречаются обычно в виде длинных надгробных надписей (эпитафий), высеченных на камнях⁷⁹. Исключение, может быть, составляет надпись над входом в одни из ворот Сухумской крепости, прочитанная в 1835 году профессором Одесского лицея А. Д. Нордманом⁸⁰. Надпись эта в 1877 году, во время оккупации Абхазии турецкими войсками, была сорвана султанским адъютантом Али-беем и доставлена в Стамбул (Константинополь), где она была сдана в музей дворца Топкапы⁸¹. Кроме того, некоторые представители абхазской феодальной знати, стремясь дать образование своим детям, посылали их для этой цели в Стамбул. Вместе с тем известно немало фактов, когда отдельные лица абхазского происхождения в самой Турции и ее провинциях (в некоторых странах Ближнего Востока и Европы), куда они попадали по разным причинам, в том числе на почве работорговли, достигали высокого служебного положения, вплоть до великого визиря (премьер-министра)⁸².

⁷⁴ О Джигетах (садзах) — абхазской этнической группе — см. ниже (с. 45, сн. 121).

⁷⁵ См.: М. В. Соссов. Указ. соч., с. 133; И. Г. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII вв. Сухуми, 1919, с. 50; АКАК, т. III, с. 189—191, 200, 204—209.

⁷⁶ ვახუშტის აღწერა სამეფო საქართველოს (საქართველოს აღწერა). თბ., 1941, გვ. 27.

⁷⁷ Например, Иоане Шервашидзе был священником (1776—1781).

⁷⁸ ჯაბაშვილი, ვახუშტი: შარვაშიძე, — ვ. შარვაშიძის ლიბრეო, ძივის, ღრანა. ნახეში, 1946, გვ. 26.

⁷⁹ Подробнее об этом: Х. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии, с. 27—28.

⁸⁰ См.: ЖМНП, 1838, № 11, с. 404—405.

⁸¹ «Голос», 8.VII.1877, № 147.

⁸² См.: Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, с. 487—488.

Наконец, несколько слов о народной медицине, поскольку она, как и другие виды народного опыта, «представляет собой неотъемлемую часть культуры каждого народа, в том числе его духовной культуры»⁸³. В хирургии, особенно травматической, в лечении переломов и вывихов абхазские лекари достигли достаточно высокого мастерства. Сюда включалась и зубоврачебная практика. Было распространено также терапевтическое лечение внутренних болезней. Целители лечили болезни с помощью испытанных веками народных средств — лекарствами растительного, животного и минерального происхождения. Оригинальны были способы лечения нарывов, ожогов, укусов собак, змей и пчел. Были специалисты по кровопусканию. Методы и приемы абхазской народной медицины имели много общего с народной медициной соседних народов. Деятельность народных лекарей, основывавшаяся на многовековом эмпирическом опыте, на использовании лекарственных средств и т. д., по существу, являлась отрицанием религиозной культовой жетератин⁸⁴.

Медицинские знания абхазов тщательно передавались из поколения в поколение. Лекари держали свое искусство в строгой секретности. Слава об отдельных из них порой распространялась по всему краю. Естественно, в обществе такие лица занимали почетное положение и находились в выгодных материальных условиях. Нередко иной лекарь за удачное лечение получал значительное вознаграждение — скотом, зерном, оружием и т. д.⁸⁵. Первые же абхазские медицинские

⁸³ Ю. В. Бромлей, А. А. Воронов. Народная медицина как предмет этнографических исследований. — «Советская этнография», 1976, № 5, с. 3.

⁸⁴ Г. Х. Мамбетов, А. А. Маслов. Из истории народной медицины кабардинцев и балкарцев в XIX — начале XX века. — «Этнография народов Кабардино-Балкарии», вып. I. Нальчик, 1977, с. 9.

⁸⁵ Об абхазской народной медицине см.: И. И. Шабловский. Медикаменты и способы лечения, употребляемые народными врачами Абхазии и Самурзакани. — «Медицинский сборник». Тифлис, 1886, № 41; Я. Я. Ушинский. Об абхазской народной медицине. Пг., [1916]; В. С. Яброва. Дикорастущие лекарственные растения Абхазии. Сухуми, 1940. И. И. Шабловский (в 80-х гг. был сухумским окружным врачом — КК на 1888 г., отд. II, с. 78), в частности, описывает 126 наименований различных лекарств растительного (по данным специалистов, флора Абхазии содержит несколько сот видов лекарственных растений), животного и минерального происхождения, которые народные врачи Абхазии применяли при лечении различных заболеваний. Очень интересны также данные фольклора. Один из самых любимых героев нартского эпоса «Сарыкча прославился и тем, что избавил народ от малярии. Другой представитель плеяды нартов Айнар-жий — великий мастер кузнечного дела — особенно популярен из-за своего волшебного искусства закалять героев при рождении и «чинить» им головы, поврежденные в жестоких схватках (Ш. Х. Салака я. Абхазский нартский героический эпос. Тбилиси, 1966, с. 56). А рецепт сказочного «Лекаря» имеет беспрецедентные претензии на разнообразие и чудодействие (См.: «Абхазские сказки». Сост. Л. С. Бгажба. Сухуми, 1959, с. 13—14). В предании турецких абхазов «Как Бганба Мышь задушил медведя» также говорится о широком применении лекарственных растений (сообщение С. И. Зухба).

кадры, получившие специальное образование, стали появляться лишь в начале XX столетия⁸⁶.

В заключение не лишне еще раз подчеркнуть, что XIX—начало XX века — важнейший период и в истории Абхазии. В это время происходят глубокие изменения в ее экономической, социально-политической и культурной жизни. В 70-х годах здесь было отменено крепостное право, проведены земельная и другие буржуазные реформы. Под воздействием русского капитализма существенно меняются семейный и общественный быт абхазов, классовая структура общества, возникает капиталистический уклад, усиливается классовая борьба. К началу XX столетия в Абхазии создаются революционные организации. Революционное движение становится стержнем политической жизни края. В развитии общественной мысли Абхазии в общем прослеживаются революционно-демократическое, буржуазно-либеральное и помещичье-реакционное направления. Процесс консолидации абхазского народа обуславливает образование здесь буржуазной народности.

Что касается историографии вопроса, она, как уже указывалось, весьма ограничена. Наиболее разработанными проблемами этой темы являются история народного просвещения в Абхазии, творчество отдельных видных представителей абхазской литературы и культуры, а также биографии некоторых известных общественных и революционных деятелей, где речь идет прежде всего о раскрытии взаимосвязи личности и общества. Все соответствующие работы нашли отражение в научно-справочном аппарате. Особое место среди них занимают «Очерки истории Абхазской АССР» (ч. I и II. Сухуми, 1960 и 1964), «Очерки истории абхазской литературы» (Сухуми, 1974) и «Борцы за Советскую власть в Абхазии» (ч. I и II. Сухуми, 1965 и 1973), а также монографии З. В. Анчабадзе, П. А. Дзидзария «Дружба извечная, нерушимая. Очерк из истории грузино-абхазских отношений» (Сухуми, 1972) и О. Г. Чургулия «Очерки из истории грузино-абхазских культурно-литературных взаимосвязей», кн. I (Сухуми, 1972, на груз. яз.), как основные труды на марксистско-ленинской методологии обобщающие труды. В научно-справочном аппарате также нашли отражение разнообразные материалы, проанализированные в монографии. Хотелось бы только отметить широкое привлечение вводимых большей частью впервые в научный оборот архивных документов и периодической прессы, которая всегда дает большие возможности проследить развитие культуры и общественной мысли, осмыслить эпоху в целом.

⁸⁶ Но уже в первой половине XIX века в Абхазии известны имена отдельных русских военных врачей и фельдшеров.

При этом, однако, автор допускает возможность упреков в его адрес относительно некоторой неоднородности различных частей работы и «разбросанности», а также известной описательности. Но это было неизбежно и обусловлено прежде всего своеобразием духовного развития края во всей его противоречивости и в особенности ограниченностью, неравномерностью и нестрогой источников⁸⁷. Трудность заключается и в том, что дореволюционная интеллигенция Абхазии еще не дифференцирована, не так просто выделить собственно интеллигенцию. Но автор считает неправомерным к оценке образовательного уровня интеллигенции подходить с современной меркой, т. е. считать работниками умственного труда только лиц, имевших высшее или среднее специальное образование. Например, педагогов-выпускников второклассных учительских школ можно безоговорочно отнести к этой категории.

Следует также оговорить, что в работе не раскрываются вопросы, связанные с зарубежными абхазами, хотя автору уже приходилось высказываться в том смысле, что нельзя считать освещенным прошлое абхазского народа в целом без истории и культуры той его части, которая в силу ряда причин сравнительно недавно оказалась в пределах Турции и некоторых арабских стран⁸⁸. Вопрос этот он предпочел исследовать специально.

⁸⁷ Например, Всероссийская перепись 1897 года дает лишь самые приблизительные данные о населении окраин, без какой-либо попытки дифференциации по социальным группам и классам, без всяких попыток статистического, научного анализа.

⁸⁸ См.: Г. А. Дзидзария. Махалжирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, с. 4.

Здесь хотелось бы отметить некоторые имена из зарубежных интеллигентов абхазского происхождения, которые проявили себя в области культуры, просвещения и науки. Это прежде всего Хайраддин ат-Туниси (Тунуслу Хайреддин-паша) (1825—1890) — сын крестьянина из поселка Бамбора с. Лыхны, как полагают, по фамилии Нанба. В 1835 году он вместе с двумя другими малолетними братьями был продан на рынке невольников в Стамбуле. Получив образование в Стамбуле, Тунисе и Париже, Хайраддин стал выдающимся тунисским просветителем и государственным деятелем. Был он, в частности, главой правительства Туниса, а в конце 70-х годов — Османской империи (великий визирь). Хайраддин — автор первой тунисской конституции (1861 г.) и сочинения о политическом устройстве европейских стран, вышедшего в конце 60-х годов в Тунисе и Париже. С его именем также связано проведение в Тунисе ряда реформ в области экономики, просвещения, культуры и т. д. Его брат Яверь-бей, находившийся во дворце (серале) турецкого султана, благодаря своим необыкновенным способностям стал известным артистом и музыкантом — играл на всех инструментах. Он вместе с тем достиг положения «придворного льва». Принц Мехмед Сабахаддин (из фамилии Квацба, р. 1877) — крупный либеральный политический деятель и мыслитель, блестящий публицист и оратор, один из главных представителей социальных наук в Турции конца XIX—начала XX века; в свое время получил специальное педагогическое образование. Генерал Су-

И последнее. В настоящей монографии автор подвел итог своему многолетнему изучению вопросов истории культуры и общественного движения в Абхазии XIX — начала XX века и обобщил выводы по этой проблеме, содержащиеся в трудах других исследователей. Один из важнейших этих выводов, как видели, заключается в том, что основу развития абхазской культуры, в широком ее понимании, составляют два элемента — устное народное творчество и передовая русская культура. Значительна была и роль грузинской культуры. Причем на развитии культуры абхазского народа сказывались не только положительные элементы, поскольку в названных культурах противостояли друг другу прогрессивная и реакционная тенденции. Однако в культуре любого народа основным является самобытное, национальное начало.

лейман-паша (Чачба) (1838—1883) одно время был профессором литературы и директором военной школы в Стамбуле. Произведения художницы Ачба (дочь Асланбен Ачба) были хорошо известны не только в Турции, но в Америке и Греции, где они выставлялись в 1918 году и имели успех. Профессор Мустафа Бутба (его отец был родом из Цебельды) вел активную просветительскую деятельность среди абхазской махаджирской массы. Он, в частности, создал для них азбуку (1919 г.), хотя, однако, она и не получила практического применения в условиях Турции. С парижским университетским образованием Азизбей Мекрипа (Мекер) (абазин по происхождению) — до 1919 года был профессором сельскохозяйственного института в Стамбуле; автор научных трудов по истории Кавказа, в которых особое место отводится махаджирскому вопросу.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АБХАЗИИ К РОССИИ И ЗАРОЖДЕНИЕ АБХАЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В 1810 году, вслед за другими политическими единицами Грузии и Закавказья, произошло официальное присоединение Абхазского княжества к России. Был положен конец турецкому владычеству, которое в течение веков тормозило развитие производительных сил и культуры края. Исторический акт присоединения к России, несмотря на установление и здесь колониального режима, создавал известный перелом во всех сферах жизни абхазов, как и других народов Кавказа. В частности, складываются определенные благоприятные условия для культурного сближения с Россией.

Велика была роль передовой русской интеллигенции в этом жизненно важном для абхазского народа деле. Многие ее представители уже в первой половине XIX века бывали в Абхазии сравнительно продолжительное время или на короткий срок, по долгу службы или проездом, а то и в ссылке, поскольку этот край считался чуть ли не самым «суровым» и «опасным» районом «теплой Сибири», каким тогда представлялся Кавказ. Это были прежде всего декабристы и их единомышленники: братья Александр и Павел Бестужевы, В. С. Норов, С. И. Кривцов, А. А. Фок, В. Д. Вольховский, Н. Н. Раевский и другие, а также польские революционеры В. И. Багряновский, Ф. Я. Лисовский, К. И. Зах и А. Ф. Тржаковский. Это были далее: поэт Е. П. Зайцевский, писатели П. П. Каменский, Ф. Ф. Торнау, В. И. Савинов, лексикограф В. И. Даль, художники И. К. Айвазовский, Н. Г. Чернецов, Г. Г. Гагарин, профессор зоологии А. Д. Нордман, ботаник И. Т. Радожицкий, адмирал М. П. Лазарев, академик М. И. Броссе и другие. Замечательным было также пребывание на абхазской земле великого азербайджанского поэта и мыслителя М.-Ф. Ахундова, грузинского историка Николая (Нико) Дадиани, видного деятеля грузинской культуры Б. Г. Чилашвили (Чилаев), А. Г. Орбелиани и др.

Достаточно отметить, что под влиянием в первую очередь декабриста А. А. Бестужева-Марлинского первый абхазский

ученый С. Т. Звямба занялся изучением богатейшей этнографии своего народа. Н. Н. Раевский, будучи начальником так называемой Черноморской береговой линии, ставил вопрос о развитии в Абхазии торгового земледелия, рыбного промысла, технических культур; он также первым обратил внимание на каменноугольное месторождение в Абхазии. Декабрист А. Е. Розен, уезжая на родину, писал: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одною природою, но и благосостоянием твоих обитателей»¹. Затем великие русские революционные демократы выступают против царской политики угнетения на Кавказе и ведут борьбу за сближение кавказских народов с русским народом, за развитие культуры и просвещения этих народов.

Особое значение имело возникновение школы, с чем и было связано подлинное зарождение национальной интеллигенции, хотя учебные заведения как в этот, так и в последующие периоды открывались «в видах правительства», т. е. в его классовых и религиозных интересах. С. Пушкарев в 1854 году, отмечая учреждение школ в с. Лыхны и в г. Сухуме, подчеркивал, что они «предназначены к поступлению в духовное звание или для должностей переводчиков»². Таким образом, классовый характер школы проявлялся не только в ее труднодоступности для народных масс, но и в ее целях и задачах.

Однако В. И. Ленин, бичуя классовую ограниченность старой школы, в то же время подчеркивал ее положительную роль. Благодаря демократическому учительству и всем передовым деятелям просвещения школа в условиях царизма являлась и важным средством борьбы за развитие народного образования и культуры в целом. Передовая русская педагогика с самого начала оказывала плодотворное влияние на развитие педагогической мысли и просвещения и у нерусских народов, в том числе кавказских.

Еще в 1810 году была сделана попытка открыть в селе Лыхны, тогдашнем политическом центре Абхазского княжества, церковную школу на 12 мальчиков («апостолики») с приглашением и учителя русского языка³. Инициатор этого дела протопоп Иоанн Иоселиани выражал надежду, что «таким образом вновь просветится Абхазия, ввергнутая во тьму татарами», т. е. турками⁴. В 1846 году также была сделана попытка открыть в Пицунде, при Абхазском архимандритстве, духовную школу для абхазских же детей.

Однако первым более или менее действительным учебным заведением в Абхазии надо считать Окумскую церковнопри-

¹ А. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 262.

² С. Пушкарев. Абхазия и абхазцы. — «Кавказ», 1854, № 61.

³ АКАК, т. VI, ч. II, с. 851.

⁴ Там же.

ходскую школу, открытую в 1851 году. Ее основание было связано с именем грузинского священника-учителя Д. А. Мачавариани (ум. 1905)⁵. Одним из первых учеников этой школы был известный впоследствии педагог, просветитель и краевед К. Д. Мачавариани, оставивший прекрасное описание ее первоначальной жизни. Помещение школы походило на шалаш, крытый папоротником и поддерживаемый четырьмя столбами, а учебно-воспитательная работа велась из «патриархальных начал». О жаловании преподавателю, методе преподавания, учебниках и учебных пособиях в смысле позднейшего времени «и речи не было тогда». Писать ученикам приходилось на собственных коленях, имея только гусиные перья, да клочок бумаги, а вместо чернил — разведенную в воде сажу. Многим мальчикам даже зимой приходилось делать по 7 верст. Но, несмотря на все эти «неблагоприятные условия», в Окумскую «незабвенную школу» шли «с охотой и малые и большие.., и все с одинаковой жадностью принимались за изучение русской грамоты.. учились с особенным удовольствием», «счастливые их лица кроме довольства ничего не выражали». Этому учебному заведению «многие молодые люди из самурзаканцев обязаны своим дальнейшим образованием и получением мест на разных поприщах государственной службы»⁶.

В 1852 году в Сухуме была открыта школа для обучения амалатов (заложников) и детей «туземцев». Причем в нее был определен младший учитель за счет упразднения должности переводчика⁷. В том же году и в с. Лыхны было учреждено духовное училище, которое, однако, во время Крымской войны, когда Абхазия была оккупирована турецкими войсками, было закрыто⁸. По сведениям С. Пушкарева в 1854 году была сделана новая попытка открыть школы за счет правительства в с. Лыхны и в г. Сухуме, в которых «с успехом» обучалось до 40 абхазских детей-мальчиков⁹. Однако дальнейшая судьба этих школ неизвестна, если не иметь в виду почти дословное повторение сообщения названного автора А. Н. Лаврентьевым в 1858 году¹⁰. В 1856 году были открыты министерская школа в г. Сухуме и миссионерская — в с. Дихазурга (Самурзакано), работавшая по учебному плану приходских школ¹¹; в 1863 году стала функционировать

⁵ О нем: ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 2458, лл. 5об.—10об. Послужной список 1901 г.

⁶ См.: К. Д. Мачавариани. Абхазия и народное образование в ней. — В сб. его статей: «Очерки и рассказы». Батум, 1909, с. 22—23, 275.

⁷ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. VIII. Отд. первое. СПб., 1853, с. 191—192.

⁸ ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 160, л. 2.

⁹ С. Пушкарев. Абхазия и абхазцы. — «Кавказ», 1864, № 61.

¹⁰ См.: «Военно-статистические описания губерний и областей Российской империи», т. XVI, ч. 5. СПб., 1858, с. 264.

¹¹ АКАК, т. XI, ч. II, с. 746—747.

начальная горская школа с пансионом на 40 мальчиков-абхазов в г. Сухуме, а в 1864 году школа была открыта и в с. Илори. В 1865 году численность учащихся в Абхазии доходила уже до 362 человек¹².

Следует отметить, что среди указанных учебных заведений Абхазии значительное место занимали светские школы. А это было очень важно. «Только светская школа могла обеспечить расширение круга образованных людей в той мере, чтобы у каждого народа могла сложиться своя демократическая интеллигенция, чтобы каждый народ приобрелся к типичному для того времени процессу демократизации»¹³. Классовый характер и этих школ не подлежит сомнению. Однако они выгодно отличались от духовных училищ и структурой своих учебных планов, и методикой обучения.

Большую пользу приносила деятельность в Абхазии многих русских и грузинских учителей и отдельных офицеров, преданных делу народного просвещения и благожелательно расположенных к местному населению. Известный русский кавказовед-историк М. А. Селезнев в 1847 году отмечал, что, несмотря «на все усилия турок унижить нравственную их (абхазов. — Г. Д.) силу, они имеют, так сказать, зародыш в себе к благотворительному образованию: многие лишут по-турецки, грузински, а теперь некоторые, образовываясь в Бамборах и в Сухуме, даже по-русски»¹⁴.

Одновременно обучение определенного контингента абхазских юношей, в основном сыновей князей и дворян, происходило и вне Абхазии — в различных, главным образом военных, учебных заведениях России. Речь идет о специальной подготовке кадров дворянско-помещичьей интеллигенции. Но это тоже опосредствовало распространению русской передовой культуры.

Еще в 1812 году в Пажеский корпус в Петербург был направлен старший сын владельца Абхазии Г. К. Шервашидзе, 17-летний Дмитрий Шервашидзе¹⁵, причем с двумя при нем «благородными молодыми людьми для образования их в С.-Петербурге приличным воспитанием в полезных науках»¹⁶. Поехал он в столицу также вместе со своей бабушкой — правительницей Мегрелии Ниной Дадиани¹⁷. Д. Г. Шервашидзе

¹² А. П. Дудко. Указ. соч., с. 27, 33.

¹³ А. В. Фадеев. Идеиные связи и культурная жизнь народов до-реформенной России. М., 1966, с. 118.

¹⁴ [М. А. Селезнев]. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847, кн. II, с. 206.

¹⁵ См.: ЦГВИА, ф. 318, оп. I, д. 9716. Конduitные списки Пажеского корпуса (1821 г.), л. 29.

¹⁶ АКАК, т. IV, с. 398, № 534. Письмо ген. Тормасова от 25 июня 1810 г. кн. Нине Георгиевне (Дадиани).

¹⁷ АВПР, ф. Главного архива, I—10, 1808 г., д. I, л. 112об—113.

вернулся на родину в 1821 году в чине полковника и в качестве нового владетеля Абхазского княжества. Он уже «не знал языка родины и объяснялся с подвластным ему народом через посредство переводчиков» и стремился «создать вокруг себя нечто подобное величию владетельных особ Европы»¹⁸. Однако вскоре, в 1822 году, Д. Г. Шервашидзе был отравлен в лыхненском дворце владетельных князей и похоронен в придворной церкви этого дворца¹⁹.

В 1831 году Пажеский корпус также окончил младший брат названного владетеля — Константин (Хуршидбей) Георгиевич Шервашидзе (1801—1883). Но это была значительная фигура в истории культуры и общественной мысли края. К. Г. Шервашидзе (Чачба) к «высочайшему двору» пажем был определен и зачислен в корпус на казенное содержание в 1826 году, причем в результате ходатайства «проконсула» Кавказа генерала А. П. Ермолова от 26 июля 1825 года²⁰. Следовательно, К. Г. Шервашидзе прибывает в столицу империи вскоре после восстания декабристов. Он знакомится с идеями родоначальников революционного движения в России, а также с передовыми русской и европейской культурами²¹.

Вместе с тем молодой Шервашидзе в Петербурге сближается с учившимися здесь представителями революционно настроенной грузинской молодежи, некоторые из них являлись непосредственными свидетелями выступления декабристов на Сенатской площади. Это особенно относилось к Вахтангу Орбелиани, известному впоследствии поэту и общественному деятелю, а в ту пору — товарищу Константина Шервашидзе по Пажескому корпусу. Шервашидзе также хорошо знал Александра Орбелиани и Элизбара Эристави. Все они в будущем вошли в число руководителей так называемого дворянского заговора 1832 года в Грузии²².

Таким образом, пребывание К. Г. Шервашидзе в Петербурге имело большое значение в формировании его общественно-политических воззрений.

Из Пажеского корпуса по экзамену К. Г. Шервашидзе 2 мая 1831 года был произведен в прапорщики в Нижегородский драгунский полк, в Грузию, а 19 ноября 1833 года пере-

¹⁸ «Исторический архив», т. V. М., 1950, с. 406.

¹⁹ Н. Д а д и а н и. История Грузии. — СМОМПК, 1902, вып. 31, с. 103.

²⁰ ЦГВИА СССР, ф. 35, д. 109, лл. 1—5.

²¹ ი. ჰურდიდისა. ნარკვევაჲ ქართულ-აფხაზური კულტურულ-ლიტერატურული ურთიერთობის ისტორიიდან, წიგ. I. სოხუმი, 1974, გვ. 278.

²² О. Ч у р б у л и а. Константин Гьаргы-ица Чачба. — «Аფხაზი კაპიშ», 1971 შ., ავგუსტ 7.

веден в гусарский короля Витенбергского полк с переименованием в корнеты²³.

В Грузии К. Г. Шервашидзе мог быть знаком с некоторыми из сосланных сюда декабристов. А с В. Г. Орбелиани и другими грузинскими деятелями он продолжал находиться в близких отношениях, в результате чего Шервашидзе становится уже непосредственным участником заговора 1832 года. Об этом свидетельствовал упомянутый Орбелиани. Из его показания узнаем, что после возвращения из Петербурга К. Г. Шервашидзе «возобновил дружбу» с ним, которую они «имели в прошлом в Пажеском корпусе», и часто виделись. Во время одной из таких встреч, на квартире К. Г. Шервашидзе, последний выразил недовольство по поводу того, что от него что-то скрывают. «Я же знаю, — заявил он, — что здесь некоторые молодые вынашивают мечту об освобождении Грузии». Сперва Орбелиани не хотел сразу открыться перед своим другом, но когда он увидел, что тот «с таким воодушевлением говорит о свободе», решил сказать ему правду. Через некоторое время они «опять заговорили о свободе». «Знаешь ли ты, — заметил Шервашидзе, — что вашему делу смогу принести большую пользу. Я могу поднять на восстание всю Абхазию. С помощью двух тысяч абхазов я сумею очистить Абхазию» от властей. На вопрос же В. Орбелиани, в состоянии ли он к началу восстания прислать в Тифлис какое-то количество людей, молодой Шервашидзе уверенно сказал, что он легко сможет направить туда 300 абхазов. В Орбелиани, кроме того, показал, что о их замыслах с Константином Шервашидзе говорили также его брат Александр²⁴ и, вероятно, Элизбар Эристави²⁵. Заал Автандилашвили заявил, что они, участники заговора, думали посвятить и прапорщика Нижегородского драгунского полка Константина Шервашидзе²⁶.

В 1833 году К. Г. Шервашидзе был арестован в Тифлисе «по приписываемой ему неблагонадежности»²⁷ в связи с названным выше дворянским заговором, являвшимся выражением протеста против колониальной политики царского само-

²³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 83, д. 516, лл. 50—59об.; ЦГАА, ф. 60 д. 96, л. 1. Указ об отставке К. Г. Шервашидзе (20.V.1867 г.); ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума. Словарь (Картоотека) — Шервашидзе К. Г.; АКАК, т. VIII, ч. I, с. 413, № 285.

В этом полку впоследствии числился младший брат Константина, Александр Шервашидзе (См.: КК на 1851, отд. V, с. 88).

²⁴ Между прочим, А. Г. Орбелиани в 1824 году был в Абхазии (АКАК, т. VIII, ч. I, с. 409, № 281).

²⁵ ა. ვ. ზ. ლ. ი. შ. ვ. ი. ლ. 1832 წლის შეთქმულება, წინასიტყვაობა, მასალები, კომენტარები, ტ. II, თბილისი, 1970, გვ. 363-364.

²⁶ Там же, с. 379.

²⁷ АКАК, т. VIII, ч. I, с. 410, № 281. Отношение бар. Розена от 2 октября 1833 г. гр. Чернышеву.

державия. Как известно, если часть дворянской интеллигенции Грузии стремилась к восстановлению грузинского царского престола, то представители демократического направления, идейно связанные с декабристами, ратовали за создание здесь республики или конституционной монархии²⁸. К. Г. Шервашидзе, как видно, примыкал ко второму течению, т. е. левому крылу заговорщиков, положившему основу национально-освободительному движению в Грузии.

Военный историк В. А. Потто по поводу участия К. Г. Шервашидзе в этом заговоре писал: «Случилось и другое событие, которое с разных сторон задевало нижегородцев и не могло не волновать их полкового общества. В Тифлисе обнаружен был обширный заговор... и в числе заговорщиков оказался один из нижегородских офицеров. Это был князь Константин Шервашидзе. Передавали шепотом, что арестован и князь Александр Герсеванович Чавчавадзе, как один из вождей готовившегося восстания... Но слухи скоро подтвердились. И Чавчавадзе, и Шервашидзе были действительно арестованы...»²⁹.

А. Г. Чавчавадзе, признанный участником заговора 1832 года, был выслан в Тамбов. Не вызывает сомнения, хотя бы из сказанного, существование связи между молодым офицером К. Г. Шервашидзе и виднейшим представителем грузинской интеллигенции того времени и талантливейшим поэтом, человеком передовых взглядов А. Г. Чавчавадзе. И вся последующая деятельность А. Г. Чавчавадзе характеризует его как одного из выдающихся представителей национально-освободительного движения в Грузии.

Положение К. Г. Шервашидзе осложнялось еще «привязанностью к нему известного строптивостью своею», родного его дяди и воспитателя Хасанбея Шервашидзе³⁰. Этот князь, по характеристике Ф. Ф. Торнау (Торнова), «умный и хитрый, тайный противник» русских властей, имел «большой успех у тех людей», которые, хотя и с точки зрения своих ин-

²⁸ Ю. Качарава, А. Киквадзе, П. Ратиани, С. Сургуладзе. История Грузии, II. Тбилиси, 1973, с. 78.

²⁹ В. Потто. История 44-го Драгунского Нижегородского полка, т. IV. СПб., 1894, с. 25—26.

³⁰ АКАК, т. VIII, ч. I, с. 410, № 2817.

Владелец Абхазии Георгий (Сафарбей) Шервашидзе, отец Константина, желая укрепить союз со своим братом Хасанбеом (Гасанбеом), отдал ему на воспитание (аталичество) своего сына. Причем к Константину в качестве агента («помощника») был приставлен старший сын драгунского дворянина Теймурквы Званба — Соломон, будущий известный ученый и военный деятель, который затем сопровождал его в Петербург, где молодой князь был определен в Пажеский корпус, а С. Званба — в Дворянский полк (А. Пахомов. Исторические записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе. — «ახაღვალის მისივე». Исторический вестник», т. VII. Тбилиси, 1953, с. 284).

тересов, но так или иначе были недовольны «существующим порядком вещей»³¹.

В конце концов было признано «полезным» перевести К. Г. Шервашидзе на службу в Россию, определив ему, «во уважение матери его», княгини Тамары Шервашидзе, на содержание, сверх жалования, ежегодно по 1500 руб., с тем, однако, чтобы «без сношения» с кавказским главным начальством «не позволять ему возвращаться в Кавказский край»³². И 5 января 1834 года корнет Шервашидзе был отправлен сперва в г. Таерь, к начальнику 7-й легкой кавалерийской дивизии. Почти одновременно с ним были высланы и другие участники «злоумышленного заговора»: Георгий Эристави — в г. Вильно, Дмитрий Орбелиани — в г. Калугу и т. д.³³.

Репрессивные меры против молодого К. Г. Шервашидзе вызвали известную реакцию в общественных кругах Тифлиса. Причем, как писал командир Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розен, «не только грузины, но и русские начали говорить, будто кн. Шервашидзе невинным образом был удален отсюда...»³⁴.

В июне 1840 года поручик К. Г. Шервашидзе был переведен в Грузинский гренадерский полк, а в апреле следующего года — снова в Нижегородский драгунский полк (командовал сотней Грузинской милиции). В том же году и до этого он участвовал в боевых действиях русской армии в разных районах Кавказского края³⁵. Вместе с тем автор статьи «1843 год на Кавказе» А. Юров пишет о «главнейшем присоединении» К. Г. Шервашидзе к абхазским абрекам-партизанам и уходе с ними в горный Псху, чем он «совершенно развязал» руки владельцу Абхазии³⁶. К. Г. Шервашидзе довольно часто брал длительные отпуска и проводил время в основном на родине. В 1844 году, как говорится в предписании военного министра от 13 апреля командиру Отдельного Кавказского корпуса, было признано необходимым перевести К. Г. Шервашидзе в 14-й уланский ямбургский принца Фридриха Витенбергского полк с переименованием в штабс-ротмистры и «иметь за ним секретный надзор»³⁷. В 1845—1853 годах он одновременно служил в гусарском короля Витенбергского, пехотном короля Прусского и Ахтырском гусарском полках; в послед-

³¹ [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, М., 1864, с. 28.

³² АКАК, т. VIII, ч. I, с. 410—411, № 281.

³³ Там же, с. 413, № 281. Рапорт бар. Розена от 11 января 1834 г. гр. Чернышеву.

³⁴ Там же, с. 423, № 290. Мнение бар. Розена от 30 августа 1834 г. гр. Чернышеву.

³⁵ ЦГАА, ф. 60, 96, лл. 1—3.

³⁶ КС, 1882, т. VI, с. 208—209.

³⁷ ЦГВИА, ф. 395, 1843 г., Канцелярия, 2 стол, оп. 280, д. 36, л. 2, ф. 400, оп. 83, д. 516, л. 51.

нем случае командовал эскадроном. К. Г. Шервашидзе побывал, в частности, в придунайских княжествах в 1850 году³⁸.

В августе 1853 года Николай I лично распорядился К. Г. Шервашидзе «уволить от службы» и «учредить за ним, во время отставки, строгий секретный надзор, с тем, чтобы без особого разрешения не дозволялось ему отправляться на Кавказ»³⁹. Одновременно начальнику Черноморской береговой линии было дано распоряжение «о пресечении князю Шервашидзе возможности отправиться на Кавказ и через другие места Новороссийского края и Бессарабии»⁴⁰. Владетель же Абхазии М. Г. Шервашидзе, родной брат Константина, «что касается до пропуска» последнего в Абхазию, то он, «напоминая только его прежние проступки», решение этого вопроса представлял «совершенно на благоусмотрение» начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова⁴¹. Но в конце августа того же года К. Г. Шервашидзе был определен на службу в 15-й Тверской драгунский вел. кн. Николая Николаевича полк⁴². Однако в октябре 1853 года К. Г. Шервашидзе, по личному же распоряжению императора, был отправлен из г. Вознесенска в г. Ярославль с предписанием: «Кроме учреждения за ним строгого секретного надзора, принять надлежащие меры к воспрещению ему выезда из сего города, без особого на то разрешения»⁴³.

В период оккупации Абхазии турками и повсеместных на территории Западной Грузии боевых действий против войск экспедиционного корпуса Омер-паши в 1855 году К. Г. Шервашидзе решил откликнуться на эти события. «Зная хорошо жителей Абхазии, а равно и местность края» и «желая быть сколько-нибудь полезным», он 20 декабря 1855 года составил Записку, в которой изложил свои соображения (план) по разгрому противника⁴⁴. В ней отмечалось, что дорога из Сухума в Мегрелию «представляет непреодолимые препятствия в следовании даже самого малого отряда». Омер-паша, совершивший поход по этой дороге, «в случае крайности», вероятно, предпочтет отступление к Потти и посту св. Николая (Шекветили). Поэтому, если кавказский главнокомандующий генерал Н. Н. Муравьев со своей карсской армией сделает движение к этому пункту, а Омер-паша должен будет идти к Сухуму, «тогда гибель Омер-паши несомненна». Редут-Кале (Кулеви) же, по мнению Шервашидзе, должен был

³⁸ ЦГАА, ф. 60, д. 96, лл. 1—2; ЦГВИА, ф. 400, оп. 83, д. 516, лл. 51—52.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 109, I экспед., 1853 г., д. 3, ч. 22.

⁴⁰ ГАКК, ф. 260, ол. I, д. 1610, св. 199, л. 13.

⁴¹ Там же, л. 15.

⁴² ЦГАА, ф. 60, д. 96, л. 2.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 109, I экспед., 1853 г., д. 3, ч. 22, лл. 3—3об.

⁴⁴ Там же, 1855 г., д. 3, ч. 22, л. 10 и сл.

стать могилой для турецкой армии, поскольку «открытый рейд и отмелья препятствуют армии к посажению ее на суда в этом месте». О владетеле Абхазии М. Г. Шервашидзе в Записке говорилось, что он при всем своем желании не в состоянии предпринять что-либо в пользу России, так как удаление русских войск в 1854 году из Абхазии ослабило его влияние на народ. Записка К. Г. Шервашидзе, в конце концов, дошла до императора, который адресовал ее генералу Муравьеву⁴⁵. Трудно установить отношение Записки К. Г. Шервашидзе к плану разгрома армии Омер-паши в 1855—1856 годах, но и нельзя отрицать известного совпадения.

По разрешению императора в апреле 1856 года К. Г. Шервашидзе был «перемещен» в г. Рыбинск, где он «предполагал иметь занятия у богатых купцов, надеется получить более средств к приличному содержанию себя и воспитанию малолетней дочери, так как в Ярославле не имеет других способов, кроме... негласного пособия и едва имеет насущный хлеб и самое скромное помещение»⁴⁶. Через некоторое время К. Г. Шервашидзе ставит вопрос уже о разрешении ему вернуться на Кавказ. Однако наместник Кавказа Н. Н. Муравьев «находит, что возвращение на Кавказ при настоящих обстоятельствах... Шервашидзе было бы неудобно»⁴⁷. Только в сентябре 1856 года К. Г. Шервашидзе был «освобожден» от полицейского надзора и разрешено ему жить «где пожелает, кроме столиц, Кавказского и Закавказского края, а равно Новороссийского края, земли Войска донского и Астраханской губернии»⁴⁸.

В этот период К. Г. Шервашидзе женится вторым браком на дочери профессора Данлуа, Наталье Матвеевне⁴⁹. Наконец, с 1858 года он — в родной Абхазии. Здесь К. Г. Шервашидзе был управляющим Сухумским округом (прибрежная часть нынешнего Сухумского и Гульрипшского районов)⁵⁰, а в связи с длительной болезнью владетеля ему даже поручается управление княжеством, и эту обязанность он «добросовестно исполняет»⁵¹. В октябре 1861 года К. Г. Шервашидзе направляется в распоряжение командующего войсками Дагестанской области, в январе 1865 года производится в май-

⁴⁵ Там же, л. 14.

⁴⁶ Там же, лл. 15—15об.

⁴⁷ Там же, лл. 17—17 об.

⁴⁸ Там же, лл. 19—19об.

⁴⁹ ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека (словарь) — Шервашидзе К. Г.

⁵⁰ ი. აბაყურიძის ზ. დავაბაძის მიხედვით შერვაშიძის მმართველობის პერიოდში — «ახალციხის დაცვა». «Исторический вестник», 1953, № 7, стр. 248-249, 293.

⁵¹ «Документы по истории Грузии», серия II, ч. I. Под ред. проф. Ш. К. Чхеидзе. Тбилиси, 1954, с. 640, № 93.

оры и затем направляется в распоряжение кутаисского генерал-губернатора⁵².

В эти годы К. Г. Шервашидзе значительное время живет в Кутаисе и Тифлисе, имеет «многочисленное семейство и никаким имением не владеет»⁵³, а существует тем, что выделяет ему брат, владетель Абхазии, из получаемого им от казны содержания⁵⁴.

В связи с восстанием 1866 года в Абхазии К. Г. Шервашидзе, как и некоторым другим членам абхазского владетельского дома, был запрещен въезд в край, а после событий 1877 года он изгоняется навсегда. В феврале 1867 года К. Г. Шервашидзе уходит в отставку, дослужившись лишь до чина майора⁵⁵. Владимир Константинович Шервашидзе писал: «Отец мой мало жил в Абхазии, так как по требованию владетеля Абхазии и влиятельных лиц дворянства, которым мой отец мешал эксплуатировать абхазцев, защищая их, русские власти его держали в России, как вредный элемент»⁵⁶. Тем не менее К. Г. Шервашидзе, как увидим в дальнейшем изложении, продолжал играть активную роль в культурной и общественной жизни своей родины.

К. Г. Шервашидзе, лишенный имения и всякого имущества в Абхазии⁵⁷, обремененный семьей⁵⁸, а впоследствии фактически и отстраненный от службы, живя в основном в г. Вознесенске, с самого начала находился, по его словам, в «бедственном положении»⁵⁹, и ему часто приходилось обращаться к

⁵² ЦГАА, ф. 60, л. 96, л. 2; ЦГВИА, ф. 400, оп. 83, л. 516, л. 520б.

⁵³ «Документы по истории Грузии», серия II, т. 1, ч. 1, с. 677, № 101.

⁵⁴ Характерно, что если другие князья Шервашидзе все же были наделены землей (например, пятеро из них получили 11 825 дес.), то против сго имелись только «и» (См.: «Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии». Венден, 1913, с. 99).

⁵⁵ ЦГАА, ф. 60, л. 96, л. 3.

⁵⁶ ПА Грузфинлаза ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, л. 470, л. 153.

⁵⁷ Дело в том, что «родовое имение» владетельского дома оставалось неразделенным и по существу находилось в собственности одного М. Г. Шервашидзе, являвшегося владетелем в 1823—1864 годах; спустя же некоторое время после смерти последнего, а именно в 1873 году оно было отобрано в казну. К. Г. Шервашидзе, в частности, была назначена лишь «наследственная пенсия» в размере 5 000 руб. (ЦГАА, ф. 60, л. 112, л. 55).

⁵⁸ К. Г. Шервашидзе имел пятерых детей: от первого брака — дочь Марию (по мужу Ян), от второго — сыновей Дмитрия, Александра, Владимира и дочь Тамару (по мужу Волконская).

⁵⁹ Вот что узнаем, например, из прошения К. Г. Шервашидзе в адрес Сената от 9 июля 1874 года (из Феодосии, где в это время он проживал временно в собственном доме): «Стечением разных неблагоприятных для меня обстоятельств... приведен в такую крайность, что в необходимости был занимать деньги у частных лиц и таким образом, в числе прочих, я занял под четыре векселя у проживающего в городе Феодосии иностранца Луи Гандта 6 600 руб. сер., и как денег этих в назначенный срок я уплатить не мог, то векселя те кредитором Гандтом представлены к взыска-

влиятельным лицам с просьбой «спасти» его и «бедное семейство» «от стыда»⁶⁰. В письме на имя генерала А. П. Карцова от 9 июля 1864 года из Темур-Хан-Шуры (нынешний г. Буйнакск) К. Г. Шервашидзе писал: «Предположение мое, что с полным покорением Кавказа одна Абхазия не может и не должна оставаться в том неправильном и двусмысленном положении, в котором она находилась прежде, оправдывается слухами о том, что Его Высочество разрешил брату моему, владельцу Абхазии, переселиться в Россию на жительство... Тридцать пять лет брат мой пользовался безотчетно всеми выгодами отцовского имения, а я все это время боролся с нуждой и нищенствовал по прихоти его. Уезжая, брат мой вывезет сундуки, набитые золотом отцовским, а при мне долги и нищенская моя сума, в которую, я надеюсь, правительство не бросит камень»⁶¹.

Но надежда К. Г. Шервашидзе не оправдалась. В его суму правительство бросило именно камень. Если владелец Абхазии «распоряжался по личному произволу общим родовым имением, отбирая его у одних, уделяя другим», то после упразднения Абхазского феодального княжества, как видели, «конфискованные родовые земли владетельского дома (а не самого владетеля) были отобраны все целиком в казну», т. е. «родовое имение не было тогда обращено в майорат, подобно мингрельскому»⁶². И на одно из своих многочисленных заявлений (докладная записка от 21 февраля 1876 года) К. Г. Шервашидзе получил такой ответ (от начальника Кавказского горского управления от 12 апреля 1876 года): «При всем моем желании оказать содействие к улучшению Вашего положения не представляется возможности ходатайствовать в смысле изложенной в той записке просьбы, так как Кавказский комитет положительно отказал в допущении капитализации пенсии как Вами, так и вообще лиц Вашей фамилии, полностью или же по частям»⁶³.

Для характеристики душевных качеств К. Г. Шервашидзе очень ценно адресованное ему письмо его племянницы Ели-

нию в Керченский коммерческий суд, который решением, состоявшимся 2 мая сего года, присудил ко взысканию с меня претендуемую Гандтом сумму с причитающимся на нее ростом, затем по заявлению поверенного Гандта... о том, что будто бы я не могу рассчитаться со своим кредитом, тот же Керченский коммерческий суд, признавая меня немущим должником, указом от 8 сего июня предписал Федосийскому городскому полицейскому управлению о заключении меня как несостоятельного должника под стражу сроком на два года...» (ЦГАА, ф. 60, д. 79, л. 1—106).

⁶⁰ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1610, св. 199, л. 1—10. Письмо К. Г. Шервашидзе от 30 июня и 20 июля 1853 г. начальнику Черноморской береговой линии А. М. Серебрякову.

⁶¹ ЦГАА, ф. 60, д. 136, лл. 1—106.

⁶² Там же, д. 1444. Письмо А. К. Шервашидзе от 3 апреля 1907 г.

⁶³ Там же, д. 98, лл. 1—106.

⁶⁴ Там же, д. 105, л. 1.

заветы Александровны Шервашидзе-Кипиани от 11 июля 1883 года из Петербурга, в котором, в частности, говорится: «Знаю Вашу доброту не только к родным, но и ко всем, а главное — справедливость Вашу и желание поддержать напрасно погибающих людей...»⁶⁴.

Следует сказать и о самом владельце Абхазии, Михаиле (Хамудбей) Георгиевиче Шервашидзе (Чачба). Как и его братья, Дмитрий, Константин и Александр, он получил, для того времени, приличное домашнее воспитание. Обучали их с детства пружинскому языку и грамоте, чему способствовала образованность их матери Тамары Кациевны Шервашидзе, родной сестры владетельного князя Мегрелии Григория Дадiani. Кроме того, М. Г. Шервашидзе, как отмечал Г. И. Филиппсон, «до вступления на престол», т. е. до 1823 года находясь в Тифлисе, в штабе главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, где научился и русской грамоте⁶⁵.

В 1839 году М. Г. Шервашидзе в его лыхненской резиденции посетил генерал Н. Н. Раевский в сопровождении Г. И. Филиппсона. Последний обратил внимание на «европейский вкус» еще незаконченного нового дома владельца и на его сравнительно хорошее знание русского языка⁶⁶. Встречался Шервашидзе с Раевским и при других обстоятельствах. Как видно, они были в близких отношениях. Кстати, по представлению Раевского Шервашидзе был произведен в генерал-лейтенанты. Вообще Н. Н. Раевский «нашел нужным поднять в этом крае значение и власть владельца» и «сделал князя Михаила действительным владельцем Абхазии»⁶⁷.

В лыхненском владельческом дворце и вообще в этом селе, особенно в его укреплении Бамборе, бывали, кроме того, известный французский ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ (1833), Ф. Ф. Торнау (1835), профессор А. Д. Нордман (1835), академик Н. Г. Чернецов (1836), инженер Гурьев (1843), историк М. А. Селезнев (1847) и другие. В 30-х годах в Бамборе служили многие из названных выше ссыльных декабристов и польских революционеров. Все эти факты, несомненно, имели значение для развития абхазской культуры.

Представляет интерес и письмо неустановленного лица Михаилу Шервашидзе, относящееся к середине XIX века⁶⁸. В нем говорится: «Я посылаю Вам памятную книгу, в которой, на странице 199-й, Вы найдете княгиню Александру Ге-

⁶⁴ Г. И. Филиппсон. Воспоминания. М., 1885, с. 191.

⁶⁵ Там же, с. 195. См. также: РБС, т. 23, с. 100—101.

⁶⁷ Там же, с. 233, 242, 255.

⁶⁸ См.: РО ГПБ, шифр 1928 № 567/5.

огневному...»⁶⁹. Во владетельском доме вообще книга была не редкостью. Автор «Из записок кавказского туриста», посетив летом 1867 года уже «пустынную обитель» владетеля в Очемчирах, отмечал, что в большом, «выстроенном по-европейски доме», нашел библиотеку, в которой имелись и «Герой нашего времени» Лермонтова, и какая-то алгебра, и диссертация на латинском языке, и либретто итальянских опер, и французские медицинские книги, и множество разрозненных томов русских старых романов, журналов и других изданий... Там находились история Наполеона, Суворова, походы 1812 года, описание малой войны, о полевом строе и несколько других. Все они (военные сочинения. — Г. Д.) были тщательно переплетены, полны и нет сомнения, что по крайней мере в то время, когда еще князь почитывал книги, занимали его больше, чем все другие»⁷⁰.

М. Г. Шервашидзе находился в близких отношениях со многими грузинскими деятелями. Это относится, в частности, к Д. И. Кишани — видному представителю грузинской культуры. В одном из своих писем к нему (от 16 июня 1859 года) владетель Абхазии писал, что приятно видеть такого друга, как он⁷¹. Искренность этой дружбы Кишани прекрасно доказал в 1855 году, когда, в связи с событиями Крымской войны в Абхазии, царские власти на Кавказе с определенным политическим умыслом обвиняли М. Г. Шервашидзе в измене⁷². Д. И. Кишани составил обширную официальную записку⁷³, в которой решительно опроверг эту субъективную версию и убедительно показал, напротив, весьма рискованные для себя действия владетеля в пользу России.

Ближайшим сподвижником М. Г. Шервашидзе из абхазских феодалов был генерал-майор Кац Бежанович Маргания (Маан). Это был человек «тонкого ума», один из первых «абхазских политиков», а по его собственным словам, сказанным русскому офицеру Ф. Ф. Торнау еще в 1835 году, «старый

⁶⁹ Речь идет о супруге владетеля, А. Г. Шервашидзе (внучке известного грузинского историка Н. Дадияни). Между прочим, о ней писательница А. А. Колубаккина-Крижановская отзывалась как о кроткой и культурной женщине, и вместе с тем «ее прекрасное лицо и добрый взгляд носили оттенок постоянной грусти, располагавшей всех в ее пользу...» («Исторический вестник», 1894, т. 58, ноябрь, с. 400). Вот какую характеристику дал ей генерал Коцебу в 1855 году: «...Кня. Александра, женщина около 30 лет, отличается преданностью правительству, умом, благородными правилами и красотой; она умела писать (по-грузински) «замечательно хорошо и сильно. «საბჭოთაო მოადგიე». Исторический вестник». (опд., 1963, №№ 15—16, 33. 153—154). Умерла А. Г. Шервашидзе в 1862 году.

⁷⁰ «Кавказ», 11 (23). VII.1867, № 45.

⁷¹ ИР, ф. Д. Кишани, д. 1715.

⁷² Подробнее об этом см.: Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, с. 141 и сл.

⁷³ См.: «საბჭოთაო მოადგიე». Исторический вестник, 1963, №№ 15—16.

волк»⁷⁴. Г. И. Филипсон также характеризовал К. Б. Маргания как «горца умного, хитрого и имевшего огромное значение в Абхазии»⁷⁵. Между прочим, на полях одного документа за 1844 год, в котором упоминается Маргания, Николай I написал: «Я его лично знаю»⁷⁶. Умер К. Б. Маргания в возрасте ста лет.

М. Г. Шервашидзе дослужился, в молодых еще годах, до чинов генерал-майора (1837), генерал-лейтенанта (1845) и, кроме того, был пожалован в генерал-адъютанты (1849). Имел много боевых наград, в частности, орден за удачный вывод русских войск с территории Абхазии в период Крымской войны⁷⁷.

Одним из самых выдающихся представителей абхазской интеллигенции первой половины XIX века, несомненно, был Соломон Теймуркович Званба (1809—1855)⁷⁸. Небольшое научное наследие Званба, как подчеркивал еще его современник К. А. Бороздин, оставило заметный след в литературе Кавказа⁷⁹. Вместе с тем имя первого абхазского ученого вписано в историю русской армии как имя человека, проявившего себя храбрым и талантливым командиром во время Крымской войны.

С. Т. Званба родился в 1809 году в селе Дранда, в богатой дворянской семье. Мальчик выделялся своими способностями, и вскоре был замечен начальником Абхазского отряда полковником А. Г. Пацовским⁸⁰. Желая «составить новую связь с абхазцами»⁸¹, последний около 1824 года взял к себе «на воспитание» Соломона Званба вместе с его сверстником Эмином (Николаем) Шакрылом.

В 1826 году С. Т. Званба сопровождал князя К. Г. Шервашидзе в Петербург, а в 1828 году, очевидно по ходатайству того же Пацовского, был определен в Дворянский полк⁸². С этого момента и начинается военная служба Званба, благодаря чему мы имеем в своем распоряжении официальные

74 [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. М., 1864, с. 46, 48.

75 Г. И. Филипсон. Указ. соч., с. 240.

76 ЦГВИА, ф. ВУА, 1844 г., д. 6540, лл. 1—8.

77 Там же, ф. 409, оп. 1, д. 362—299, лл. 1—3; «Русский архив», 1888, кн. III, с. 92.

78 Подробнее о нем: Г. А. Дзидзария. Соломон Теймуркович Званба. — С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955.

79 К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии (рассказ очевидца). — «Военный сборник», 1873, № 6, с. 207.

80 О нем: Г. А. Дзидзария. Участники польского национально-освободительного движения 20—40-х гг. XIX в. в Абхазии. — «Известия» АИЯЛИ, II. Тбилиси, 1973, с. 50.

81 Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., с. 41.

82 Дворянский полк — военно-учебное заведение, существовавшее в царской России с 1808 по 1855 год; в 1855 году он был преобразован в Константиновский кадетский корпус.

С. Т. Заиба

сведения о его жизни и деятельности, хотя несколько односторонние и довольно скудные, но тем не менее почти единственные. В военном училище С. Т. Званба находился до марта 1832 года и был выпущен в чине унтер-офицера. За время своего пребывания в столице он пристрастился к чтению, стал подписчиком многих периодических изданий. Едва ли не первые научные журналы попали в Абхазию, будучи адресованы ему⁸³.

Служил С. Т. Званба в войсках Черноморской береговой линии. Одновременно он приобретает «довольно большое значение у русского начальства и в Абхазии»⁸⁴. С 1833 года Званба, как человек достаточно подготовленный, в одинаковой степени владеющий абхазским и русским языками, состоял при владетеле Абхазии «для помощи в письменных сношениях» последнего с русскими властями⁸⁵. В мае 1842 года С. Т. Званба едет в Петербург. Он сопровождал «депутацию» из садзских (джигетских) князей и дворян, назначенную для представления Николаю I. В следующем году Званба становится приставом Джигетии. В том же году он — начальник всех войск и милиции, расположенных в Цебельде⁸⁶.

В силу «служебной опытности и знания военного дела»⁸⁷, неоднократно отмечавшихся начальством, С. Т. Званба в 1848 году производится в подполковники. В августе того же года он выступает посредником в переговорах между гарнизоном Навагинского форта и окрестным населением с целью прекращения «продолжительной войны»⁸⁸. Все эти годы Званба командовал отдельными линейными батальонами, а с 1852 года — батальоном № III. Он был награжден несколькими орденами (св. Владимира 4 степени, св. Анны 3 степени, св. Станислава 4 степени, св. Георгия 4 степени). Как офицер царской армии, Соломону Званба приходилось принимать участие в военных действиях и карательных экспедициях, которые проводило правительство Николая I в те годы в Абхазии и на Черноморье Кавказа.

Но вместе с тем С. Т. Званба принимал самое активное участие в строительстве дорог, имевших большое значение для разрушения натурально-патриархальной замкнутости, развития внутреннего рынка и т. д. Он был награжден орденом св. Станислава как раз за участие в экспедиции отряда

⁸³ «История СССР с древнейших времен», т. IV, с. 699.

⁸⁴ А. Пахомов. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе. — «ახაფშაბის მთხრობა. Исторический вестник», თბილისი, 1953, № 7, 23. 286.

⁸⁵ АКАК, т. XII, ч. I, с. VI.

⁸⁶ [Т. Т. Стефанов]. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе, 1819—1906. Юбилейный выпуск. Батум, 1906, с. 196.

⁸⁷ Там же, с. 203.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 272, св. 124, л. 173, л. 121, Рапорт бар. Будберга от 14 сентября 1848 г. гр. Воронцову.

для устройства сухопутного сообщения по побережью Абхазии, состоявшейся еще в 1834—1835 годах. Между прочим, в этой экспедиции находились также декабристы В. С. Норов, Павел А. Бестужев, писатель П. П. Каменский и др.

Следует отметить активное участие С. Т. Званба и в борьбе русского правительства против англо-турецкой контрабандной торговли, в том числе пленопродавства, на побережье Кавказа. Как известно, большое значение в этом деле имели крейсерство русского флота и затем учреждение Черноморской береговой линии. В 1845 году С. Т. Званба был награжден золотой шпагой за участие в десанте против контрабандных судов⁸⁹.

В книге Т. Т. Стефанова «Михайловский крепостной пехотный батальон⁹⁰ на Кавказе» приводится интересный материал, характеризующий командира Черноморского линейного батальона № 11 подполковника С. Т. Званба как прогрессивного и гуманного офицера русской армии. Картина состояния названного батальона, как и других военных частей на Черноморской береговой линии, «была крайне неутешительная»⁹¹. Первое, на что обращено было внимание нового командира⁹², это офицеры, мало знавшие службу и не обращавшие внимания на образование солдат, предоставляя это дело «дядькам» и унтер-офицерам. Хотя роты батальона часто бывали на работах, подполковник Званба успевал с ними пройти курс стрельбы и «устные учения». Он добился выделения средств на постройку каменных казарм и устройство лазарета в нагорной части Сухума, а также заботился об обеспечении солдат и офицеров теплым зимним обмундированием и т. д. Как признавал и Т. Т. Стефанов, служба в черноморских линейных батальонах была тяжелая. И подполковник С. Т. Званба всячески «стремился улучшить жизненную обстановку солдата своего батальона». Он «особенно оставался недовольным, когда поступали жалобы от нижних чинов на офицеров, взявших у них деньги и не думавших об уплате». «Поступки, недостойные имени офицера, им строго карались». В то же время командир «дорожил своими офицерами и всегда горячо отстаивал их, когда начальство, узнав о поступке офицера, собиралось уволить его от службы». Таким образом, С. Т. Званба «всегда оставался деятельным и требовательным

⁸⁹ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., приложение XVII. Формулярный список С. Т. Званба, 1855 г., с. 24.

⁹⁰ Он был преобразован из Черноморского линейного № 11 батальона.

⁹¹ Количество умерших солдат (от малярии и других болезней) дислоцированной в Сухуме части Черноморского линейного № 11 батальона, которым командовал С. Т. Званба, с 1845 по 1850 год равнялось 1 071 чел., в среднем за год — 178 чел. (Т. Т. Стефанов. Указ. соч., приложение XVI, с. 21).

⁹² С. Т. Званба командиром 11-го батальона был назначен 14 апреля 1852 года.

при исполнении службы и в то же время добрым, сердечным человеком, в полном смысле отцом-командиром своих офицеров и солдат», благодаря чему он и «достиг громадных успехов»⁹³. Говоря словами того же Т. Т. Стефанова, «вот с каким командиром Черноморский линейный № 11 батальон начал Восточную войну», участие в которой и батальона, и лично его командира, подполковника С. Т. Званба, было поистине выдающимся.

Как известно, турецкие войска во время Крымской войны повели наступление на территорию Закавказья. Летом 1855 года был выдвинут проект о диверсии в Западной Грузии, чтобы принудить русскую армию снять осаду с Карса и создать угрозу Тифлису⁹⁴, а также поднять кавказских горцев против России. Было решено начать это вторжение со стороны Абхазии, откуда еще весной 1854 года были эвакуированы русские войска. Сухум был избран исходным пунктом движения, где противник сосредоточил войска в составе более 30 тысяч человек. Турецкая оккупация тяжело отразилась на всей жизни Абхазии. В первых числах октября 1855 года главнокомандующий турецкой экспедиционной армией Омер-паша начал движение из Сухума к границам Мегрелии, и к 20 октября главные силы противника были стянуты на правом берегу Ингури⁹⁵. Когда наступление неприятеля со стороны Абхазии ясно обрисовалось, начальник Гурийского отряда И. К. Багратион-Мухранский на левом берегу Ингури сосредоточил большую часть своих войск, в том числе и Черноморский линейный № 11 батальон, составляющий 30% пехоты и 15% всего отряда⁹⁶. Перед этим батальон, командуемый С. Т. Званба, участвовал в движении: в Кобулетский сандажак — с 10 по 28 мая, на р. Супса — с 10 по 29 сентября, 5 октября — следование в Коки и 21 октября — на р. Ингури⁹⁷.

Начальник Гурийского отряда, учитывая значение Ингури как хорошей оборонительной линии, решил встретить в этом месте противника упорным боем, несмотря на незначительность сил, имевшихся в его распоряжении для обороны большой линии фронта с многочисленными переправами через реку. Оборона самого «опасного пространства» фронта, куда были брошены основные силы турок, поручается подполковнику Званба. Он приготовился к бою с неприятелем, превосходившим силы командуемого им батальона в десять раз.

⁹³ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 203—205.

⁹⁴ Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году, т. II, ч. IV. СПб., 1877, с. 265.

⁹⁵ Подробнее см.: АКАК, т. XI, ч. I, № 223, с. 240—242. Записка о военных действиях Гурийского отряда... полк. Услара, 1856.

⁹⁶ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., приложение XVIII, с. 27.

⁹⁷ Формулярный список С. Т. Званба, 1855 г., с. 24.

25 октября начался знаменитый Ингурский бой. «Неустранимый подполковник Званба, находившийся впереди батареи под неприятельскими выстрелами, отдавал приказания»⁹⁸.

Но вскоре массы турецкой пехоты вступили в самую р. Ингури. Бойцы Званба «молодечки отбивали переправу войск Омер-паши... с утра до поздней ночи»⁹⁹; «солдаты дрались отлично»¹⁰⁰. Река, наконец, была очищена от противника. Однако, писал Багратион-Мухранский, «это блистательное отражение дорого нам стоило. Не заботясь о себе, думая лишь о поражении неприятеля, начальники и подчиненные вырывались из-за завалов на самый берег и представили собой широкую цепь для турецких штуцеров и турецкой картечи»¹⁰¹. Перед ротами линейных батальонов пали один за другим три командира. Первым из них был командир «геройской колонны» подполковник С. Т. Званба. Он был убит штуцерной пулей, вошедшей в правое ухо и вышедшей в левое. Званба был немедленно вынесен на перевязочный пункт. Врач констатировал смерть¹⁰².

Кровополитное сражение на рубеже реки Ингури в целом закончилось неудачно для Гурийского отряда, части которого в конце концов отступили на новую позицию. Однако в этом бою численно превосходивший противник получил сильный урон — он понес «огромную потерю, в несколько раз превышавшую нашу»¹⁰³, и впоследствии вся эта кампания Омер-паши была сведена к нулю¹⁰⁴.

Такой результат был достигнут кровью Черноморского линейного батальона подполковника С. Т. Званба. «Изложенный мною ход боя, — писал начальник Гурийского отряда, — как я смею надеяться, красноречивее всех похвал доказывает, с каким геройским мужеством, с каким упорством сражались войска наши против многократ сильнеешего неприятеля. Черноморский линейный № III батальон кровью своей и кровью врагов записал имя свое в летописях славы русского оружия»¹⁰⁵. И действительно, согласно официальным сведениям об уроне в сражении на Ингури 25 октября 1855 года, из 7 убитых здесь всех офицеров русских войск 3 человека пало на этот батальон, а из 412 убитых, раненых и без вести

⁹⁸ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 241.

⁹⁹ «Кавказская старина». Тифлис, 1872, № 1, с. 68.

¹⁰⁰ Н. П. Колюбакин. Закавказье в 1855 г. — «Русская старина». СПб., 1876, октябрь, с. 690.

¹⁰¹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 108.

¹⁰² Там же; Н. Н. Муравьев. Указ. соч., с. 289; К. А. Бороздин. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб., 1885, с. 26—27.

¹⁰³ АКАК, т. XI, ч. I, с. 243.

¹⁰⁴ Е. В. Тарле. Крымская война, II. М.—Л. 1950, с. 535.

¹⁰⁵ АКАК, т. XI, ч. I, с. 107—108.

пропавших солдат — 152 человека¹⁰⁶. Черноморскому линейному № 11 батальону (переименованному в № 3) в 1858 году было вручено Георгиевское знамя с надписью: «За отличие в сражении на р. Ингуре 25-го октября 1855 года»¹⁰⁷.

По некоторым данным С. Т. Званба был погребен в церкви в с. Старо-Сенаки (ныне гор. Миха Цхакая)¹⁰⁸, а по иным сообщениям, он вместе с другими героями, павшими смертью храбрых во время Ингурского боя, был предан земле в с. Кики, в местности Налима¹⁰⁹, где впоследствии, 25 октября 1913 года, был воздвигнут памятник.

Согласно формулярному (послужному) списку, составленному уже после его смерти, у С. Т. Званба остался трехлетний сын Георгий. Но А. В. Пахомов утверждает, что Званба умер бездетным¹¹⁰.

В силу своего служебного положения С. Т. Званба приходилось постоянно разъезжать по Абхазии. Это давало ему возможность близко общаться с населением, изучать его быт, нравы и обычаи, накапливать этнографический материал. В одной из своих статей Званба писал: «Хотя в молодости я часто присутствовал при религиозных обрядах абхазского народа, но полагая, что позабыл некоторые из них», жил у пастухов, внимательно наблюдая за совершением ими религиозных обрядов, связанных со скотоводством¹¹¹. Современники подчеркивали, что С. Т. Званба был знатоком родного края, быта и обычаев его населения. Так, например, К. А. Бороздин свидетельствует, что Званба знал «прекрасно свою родину и ее своеобразные обычаи»¹¹². Но об этом лучше всего говорят работы самого Соломона Теймуровича.

В то же время С. Т. Званба «свободное время от службы... охотно посвящал чтению и литературным занятиям»¹¹³. Тот же К. А. Бороздин, по-видимому, хорошо знавший С. Т. Званба, подчеркивал, что он был «очень начитанным и развитым человеком»¹¹⁴. Следует особо отметить знакомство Званба со специальной литературой, частично использованной в его сочинениях. Об образованности С. Т. Званба свидетельствует и следующая запись в его формулярном списке: «Рос-

¹⁰⁶ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., приложения, с. 391—392.

¹⁰⁷ АКАК, т. XI, ч. I, с. 321.

¹⁰⁸ ИР, ф. Г. Е. Вейденбаума, словарь (картотека) — Званба С. Т.

¹⁰⁹ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., приложение XVIII, с. 27, рапорт зугдидского пристава от 4 марта 1903 года.

¹¹⁰ См.: Т. Т. Стефанов. Указ. соч., приложение XVII, с. 25;

А. В. Пахомов. Указ. соч., с. 288.

¹¹¹ С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955, с. 73.

¹¹² К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии. — «Военный сборник», 1873, № 6, с. 207.

¹¹³ АКАК, т. XII, ч. I, с. VII.

¹¹⁴ К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии, с. 207; его же. Закавказские воспоминания, с. 27—28.

сийской и французской грамоте читать и писать умеет; математику, тригонометрию, алгебру, историю, географию, фортификацию, ситуацию и закон божий знает»¹¹⁵. Как отмечает Т. Т. Стефанов, Званба выписывал разные газеты и журналы¹¹⁶. Сохранился автограф рапорта майора Званба от 28 августа 1845 года, из которого узнаем о получении им журнала «Военный сборник» за 1844 год для библиотеки ему «порученного... укрепления»¹¹⁷.

На развитие общественно-политических взглядов С. Т. Званба и возникновение у него интереса к изучению абхазской этнографии, несомненно, решающее влияние оказало его тесное общение с представителями передовой русской общественности. В Петербурге, где Званба находился около 7 лет, он был связан прежде всего с Константином Шервашидзе, а через него и, надо полагать, с той революционной молодежью, о которой говорилось выше. Позже на Кавказе, где Званба все время был в рядах Отдельного корпуса, он имел возможность встречаться с некоторыми передовыми людьми России.

На Черноморской береговой линии, где непосредственно служил С. Т. Званба, с 1837 по 1841 год находился Н. Н. Раевский (младший) в качестве ее командира. Это был друг А. С. Пушкина, человек декабристского круга. В отряде Раевского служили декабристы, кроме уже названных, А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, М. М. Нарышкин, Н. А. Загорецкий и другие. С некоторыми из них и другими лицами (Ф. Ф. Торнау, И. К. Айвазовский, М.-Ф. Ахундов, Б. Г. Чилаев (Чилашвили), П. К. Услар и т. д.) С. Т. Званба встречался и общался. При этом следует выделить А. А. Бестужева-Марлинского, который представляет особый интерес с точки зрения выяснения развития научных интересов С. Т. Званба. Как известно, Бестужев был прекрасным знатоком этнографии. Более того, он сыграл большую роль в развитии русского кавказоведения¹¹⁸. И такой деятель не мог, конечно, не «приметить» С. Т. Званба — знатока абхазов, их нравов, обычаев и традиций, тем более, что с ним он некоторое время служил в одной воинской части. Следует обратить внимание и на такой факт. В период Крымской войны П. К. Услар, выдающийся русский кавказовед, впоследствии успешно занимавшийся, в частности, исследованием абхазского языка, по сообщению Л. Г. Загурского, в Абхазии «успел на досуге набросать ценные этнографические заметки»¹¹⁹. Надо полагать, что именно Званба способствовал ему в этом научном занятии.

¹¹⁵ Формулярный список С. Т. Званба, 1855 г., с. 25.

¹¹⁶ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 205.

¹¹⁷ ИР, ф. Е. Вейденбаума, д. 1882/347, лл. 283—284.

¹¹⁸ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 161—163.

¹¹⁹ Л. Загурский. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе. — ССКГ, 1881, вып. X, с. XVI.

Будучи военным и уделяя основное время своим служебным обязанностям, притом в чрезвычайно напряженный период истории кавказской армии, и прожив сравнительно короткую жизнь, С. Т. Званба, естественно, не мог много времени уделить науке. Тем не менее он, сотрудничая в тифлисской газете «Кавказ», опубликовал несколько очерков. Есть данные, что они являются лишь частью его сочинений¹²⁰. Подтверждением этого является недавно установленный нами факт авторства Званба рукописи «О Гагре и джигетах» середины 40-х годов, хранящейся ныне в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. Собр. ед. пост. 1928 г. № 553). Это — исключительно ценная работа по истории садзов (джигетов)¹²¹. В ней содержится богатый конкретный этнографический материал. К сожалению, архив самого ученого не сохранился. Но и то, что дошло до нас, свидетельствует о глубоких познаниях С. Т. Званба в истории и этнографии Абхазии, о его методике работы и исследовательском опыте.

Первая печатная работа С. Т. Званба — «Зимние походы убыхов¹²² на Абхазию» была опубликована в 1852 году («Кавказ», № 33). Подчеркивая значение этого труда для современной науки, профессор М. О. Косвен писал, что она «осталась и по сие время единственной специальной статьей об этом народе»¹²³. В ней, на основании непосредственных наблюдений над жизнью убыхов, даются сведения о военном строе убыхов (это главное содержание статьи) и, частично, о боевых качествах абхазов, а также сообщаются отдельные факты по вопросу о пище и одежде убыхов.

В 1852 же году был напечатан небольшой очерк С. Т. Званба — «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами» («Кавказ», № 90). В нем дается подробное описание обрядов, связанных с жертвоприношениями в честь Георгия Илорского. Илорский храм как в Абхазии (Очамчирский и Гальский районы), так и во

¹²⁰ АКАК, т. XII, ч. I, с. VII.

¹²¹ Джигеты (джики) — садзы (точнее асадзуа или асадзуа) принадлежали к абхазской этнической группе. Занимали они территорию от Гагринских теснин до р. Хоста (Хамышь) и делились на горных и прибрежных, которые в свою очередь подразделялись на ряд обществ. Эта территория была известна под общим названием Джигетия или Малая Абхазия. В результате Кавказской войны садзы почти целиком выселились в Турцию (махаджирство).

¹²² Убыхи занимали часть Черноморского побережья, между реками Хоста и Шахе. Этнически и лингвистически они составляли промежуточное звено между абхазами и адыте (черкесы) и занимали особое место в западной группе народов Кавказа. Убыхи также почти целиком выселились в Турцию.

¹²³ М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. — КЭС, I, М., 1955, с. 356.

всей Западной Грузии пользовался особой известностью. Очерк С. Т. Званба сообщает ценные сведения о сохранении пережитков язычества в культе св. Георгия в Абхазии.

В 1853 году появилась статья С. Т. Званба «Поцелуй за занавесом» («Кавказ», № 55), которая в следующем году в немецком переводе была опубликована в „Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland“ (XIII, 3). О цели указанной работы автор писал: «Взглянув на заглавие этой статейки, читатель может подумать, что я хочу рассказать о какой-нибудь закулисной интриге; чтобы не заставить его обмануться, я должен объяснить, что дело идет о свадебном обычае абхазцев».

В 1855 году была опубликована последняя и самая значительная работа С. Т. Званба — «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии» («Кавказ», №№ 81—82). В 1856 году она была перепечатана в „Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland“ (XV, 4), а в «Журнале Министерства народного просвещения» (ч. XC, № 4, с. 31, 41) было помещено краткое извлечение из нее. Затем в 1867 году данная статья с незначительными изменениями редакционного характера вновь была перепечатана полковником Ф. А. Завадским под названием «Очерк абхазской мифологии» («Кавказ», №№ 74—76)¹²⁴.

Рассматриваемая работа С. Т. Званба, составляющая «значительный вклад в абхазоведение»¹²⁵, в руках специалистов всегда являлась и является весьма ценным материалом в изучении мифологии и религии абхазского народа. В ней автор затрагивает целый ряд очень важных вопросов. Опираясь в основном на свои собственные наблюдения и полевые историко-этнографические материалы, он дает описание главнейших абхазских божеств (Афы, Ажвейпшаа, Айтар, Джаджа и др.) и связывавшихся с ними явлений и обрядов. При этом, однако, Званба известным образом умаляет степень распространения в Абхазии (в первой половине XIX века) пронесенного через века мусульманской агрессии христианства, имевшего здесь глубокие корни и большие традиции.

Вряд ли стоит подходить к оценке научного уровня работ С. Т. Званба с современными критериями и искать в них всесторонний анализ. Следует отметить и то, что его позиция в ряде случаев отражает мировоззрение господствующего класса. Не лишены они и отдельных погрешностей в описательной

¹²⁴ При внимательном сличении обеих редакций этой работы С. Т. Званба выясняется, что Ф. А. Завадский в ряде случаев допустил произвольное сокращение и изменения, что не могло не отразиться отрицательно на качестве материала.

¹²⁵ М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке, с. 356.

части. Здесь как раз сказались отсутствие у Званба специальной подготовки и достаточного запаса времени, а также условий для углубления своих занятий в деле изучения абхазской истории и этнографии.

Тем не менее работы С. Т. Званба, как уже подчеркивалось, заслуживают самого серьезного внимания и сохраняют свою ценность по сей день. До появления статей Званба фактически не было ни одной работы, которая сколько-нибудь удовлетворительно освещала тот или иной вопрос абхазской этнографии. Сочинения С. Т. Званба представляют интерес и с точки зрения выяснения тех религиозных предрассудков, которые связывали абхазский народ, мешали его развитию. В ряде случаев описания Званба вскрывают реакционную сущность всевозможных суеверий, религиозных обрядов, обычаев и праздников, а иногда автор иронизирует над «чуждодейственностью» того или иного божества. Критика эта, однако, проводилась с позиций христианской морали.

Работы С. Т. Званба, оцененные высоко еще в XIX веке, способствовали тому, что на изучение Абхазии стали обращать внимание не одни только любители сенсационных сообщений, но и серьезные авторы. В этом отношении особое значение имело появление сборника сочинений Званба в 1955 году под названием «Этнографические этюды»¹²⁶. Но следует отдать должное прежде всего газете «Кавказ», благодаря которой сохранилось для истории основное научное наследие С. Т. Званба. Вообще «в особую заслугу «Кавказу» надо поставить то, что он стимулировал вступление на литературно-этнографическое поприще ряда представителей местных народов»¹²⁷.

Если задаться целью составить обзор работ, для которых сведения С. Т. Званба являлись источниками основными или частичными, а также отзывов и замечаний на его труды, то это, к нашему большому удовлетворению, заняло бы много места и времени. Во всяком случае, укажем еще на некоторых авторов. Составитель «Статистического описания Кутаисского генерал-губернаторства» А. Н. Лаврентьев в предисловии к этому в целом весьма ценному материалу по истории Западной Грузии отмечал: «Я нашел много любопытных сведений в статьях... «Абхазская мифология» и проч.»¹²⁸. Академик Н. Ф. Дубровин в известном своем сочинении «История войны и владычества русских на Кавказе» детально

¹²⁶ См. рецензию Г. А. Сергеевой в журн. «Советская этнография», 1957, № 2, с. 183—184.

¹²⁷ М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке, с. 321.

¹²⁸ «Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. XVI. Кавказский край. Ч. 5, Кутаисское генерал-губернаторство». СПб., 1858, с. IX.

использовал сведения С. Т. Званба о религиозном состоянии, поверьях и обычаях абхазов¹²⁹, а также работу об убыхах, которую он почти целиком изложил в разделе об этом народе¹³⁰. В библиографическом же указателе к названной монографии он рекомендовал, например, «Абхазскую мифологию» Званба как работу, которая «по своей важности должна служить главным материалом» при изучении общественной жизни и быта абхазов¹³¹. Н. М. Альбов этому труду С. Т. Званба дает такую характеристику: «Среди литературы об Абхазии мы имеем много весьма ценных статей, которые должны послужить основой для будущих этнографических исследований Абхазии. Из этих статей на первом плане должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки абхазской мифологии» Соломона Званбайя, дающие нам превосходные понятия о религиозных верованиях абхазов»¹³². Академик Н. С. Державин также называет их «обстоятельной статьей»¹³³. Г. Ф. Чурсин, считая указанную работу Званба «первой серьезной статьей о религиозных верованиях абхазов», подчеркнул, что сведениями абхазского ученого «пользовались многие позднейшие авторы»¹³⁴. И это, как уже отмечалось, действительно так — велико само по себе было значение работ С. Т. Званба и их влияние на развитие всей последующей литературы по изучению этнографии абхазского народа.

Одним из первых абхазских интеллигентов XIX века был также Николай (Эмин) Шакрыл. Родился он около 1809 года в с. Лыхны (в поселке Алгыт) в семье ашнакума Новея Шакрыл («линия Шаугена»). Н. Шакрыл начал военную службу вместе с С. Т. Званба и вскоре из них вышли «прекрасные офицеры, ничем не отстававшие от своих русских товарищей»¹³⁵. Затем они вместе находились при дворе владельца Абхазии в качестве переводчиков и проводников. Шакрыл владел несколькими языками (абхазским, русским, черкесским, турецким), и «зная основательно свою родину», он много помог, как и С. Т. Званба, русскому офицеру Ф. Ф. Тор-

¹²⁹ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. II, СПб., 1871, с. 16—18, 23—30, 38—39, 47—49.

¹³⁰ Там же, кн. I, с. 254—258.

¹³¹ Там же, кн. III, с. 3. В упомянутом указателе перечислены и все другие работы С. Т. Званба.

¹³² [Н. М. Альбов]. Этнографические наблюдения в Абхазии. — «Живая старина», СПб., 1893, вып. III, с. 298.

¹³³ Н. С. Державин. Абхазия в этнографическом отношении. — СМОМПК, 1907, вып. 37, с. 1.

¹³⁴ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии абхазов. Сухуми, 1957, с. 251.

¹³⁵ Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., ч. I, с. 72, 102.

нау¹³⁶, от которого «в продолжение многих месяцев не отставал... ни на шаг»¹³⁷, в сборе физико-географических, историко-этнографических и статистических сведений об Абхазии¹³⁸, а также в деле знакомства его «с языками и наречиями, находившимися в употреблении за Кубанью»¹³⁹. Вообще Шакрыл очень сблизился с Ф. Торнау во время его пребывания в 1834—1835 годах в Абхазии с особым заданием. Когда же в 1835 году прапорщик 5-го Черноморского линейного батальона Н. Н. Шакрыл утонул в р. Бзыбь, во время переправы на пароме¹⁴⁰, то «это известие, — писал Торнау, — меня чрезвычайно огорчило, потому что я привык видеть в Шакрылове моего неразлучного товарища и любил его за добрый нрав и за качества ума, которыми он отличался перед всеми знакомыми мне молодыми абхазцами»¹⁴¹. Торнау тотчас же отправился к вдове Шакрыла, где его «ожидала сцена», которой он «не мог предвидеть, не имевши прежде случая присутствовать на абхазском погребении». Выслушав от русского офицера выражения участия, какое принимал он в постигшем ее горе, вдова Николая Шакрыла звела его за руку в шалаш, построенный возле их небольшого домика и убранный внутри коврами и разными материями, посреди которого стояла на подмостках парадная постель. Вместо неотысканного тела на постели лежали вещи Н. Н. Шакрыла, оружие и седло висели над изголовьем¹⁴².

Ф. Ф. Торнау второй раз посетил дом своего друга, когда справляли по нем поминки, длившиеся в течение трех дней и описанные им подробным образом¹⁴³. Это были «тревожные дни, поднявшие на ноги весь Бзыбский округ», не исключая самого владетельного князя Абхазии М. Г. Шервашидзе. Торнау обратил внимание, в частности, на выступление импровизатора, который рассказывал рифмованным напевом о жизни покойного. Торнау и в других случаях отмечал популярность Н. Н. Шакрыла в Абхазии.

Ф. Ф. Торнау вместе с тем считал своим долгом ходатайствовать перед кавказским высшим начальством об оказании материальной помощи семье Н. Н. Шакрыла, оставившего троих сыновей¹⁴⁴ и жену. Кстати, о последней Торнау был

¹³⁶ О нем: Г. А. Дзидзария. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.

¹³⁷ Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., ч. I, с. 76; ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 103.

¹³⁸ Сведения эти вошли в названную книгу Ф. Ф. Торнау.

¹³⁹ Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., с. 72, 112.

¹⁴⁰ Тело Н. Н. Шакрыла унесло в море, и его не могли отыскать.

¹⁴¹ Там же, с. 75.

¹⁴² Там же, с. 75, 76.

¹⁴³ См.: там же, с. 76—79.

¹⁴⁴ В одном документе за 1875 год речь идет о двух его сыновьях — Решеде и Шахане Шакрыл (ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 113—116).

также довольно высокого мнения. Она говорила по-русски «не хуже своего мужа», поэтому после его гибели, когда разведчик «остался без языка», Торнау обратился к ее посредству, и она «вела в этих случаях» за него «разговор с людьми», которых он к ней привозил¹⁴⁵. Затем к Торнау в качестве постоянного переводчика был назначен старший брат Н. Н. Шакрыла, Муты, с которым тот и совершил знаменитое путешествие через Кавказский становой хребет, на Северный Кавказ¹⁴⁶.

Французский ученый и путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ, посетивший Абхазию в 1833 году, упоминает другого абхазского «офицера русской службы» — князя Анчабадзе, из Самурзаканской Абхазии¹⁴⁷.

Среди абхазской дворянской интеллигенции первой половины XIX века выделялся и Дмитрий (Сейтбей) Хасанбеевич (Гасанбеевич) Шервашидзе (ум. 1858). Это был человек «с хорошими способностями»¹⁴⁸; он учился в Тифлисской гимназии¹⁴⁹. Есть сведения, что он занимался литературой¹⁵⁰, писал прекрасно по-русски и грузински¹⁵¹. По свидетельству же современников, Д. Х. Шервашидзе (Чачба) — «один из умнейших людей Абхазии»¹⁵². Вот какую характеристику дает Д. Х. Шервашидзе детская писательница А. А. Колюбакина (урожденная Крижановская)¹⁵³: «Мне приятно вспомнить о князе Дмитрие... Князя Дмитрия мы любили как человека умного, и уважали за непоколебимую преданность его России, доказанную во многих случаях...»¹⁵⁴.

Д. Х. Шервашидзе был женат на дочери мегрельского владельца Григория Дадзиани, Екатерине, которая по матери являлась внучкой последнего царя Грузии Георгия XII. Она получила хорошее воспитание у своей матери, женщины энергичной, умной и образованной (кстати, обладала богатой и

¹⁴⁵ Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., ч. I, с. 72.

¹⁴⁶ Описание этого путешествия см. там же.

¹⁴⁷ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, с. 161.

¹⁴⁸ [М. А. Селезнев]. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. СПб., 1847, с. 174.

¹⁴⁹ ЦГАА, ф. 60, д. 58, л. 21. А. А. Колюбакина. Воспоминания из жизни кавказской.

¹⁵⁰ М. А. Селезнев. Указ. соч., с. 174.

¹⁵¹ ЦГВИА, ф. 395, III отд. I стол, оп. 455, св. 1100, ч. II, л. 654, лл. 159—162.

¹⁵² С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907, с. 151.

¹⁵³ А. А. Колюбакина была супругой начальника третьего отделения Черноморской береговой линии и затем и. д. кутаисского военного губернатора, в 50-х годах, генерала (впоследствии генерал-адъютанта и сенатора) Н. Н. Колюбакина.

¹⁵⁴ Воспоминания А. А. Колюбакиной. — «Исторический вестник», 1894, т. 58, ноябрь, с. 401—402.

весьма ценной библиотекой)¹⁵⁵. В 1850 году «удельного князя» Абхазии Д. Х. Шервашидзе видим в должности заведующего Абхазским округом и чине ротмистра лейб-гвардии Казачьего полка¹⁵⁶. Д. Х. Шервашидзе находился в неприязненных отношениях с владельцем Абхазии М. Г. Шервашидзе, доводившимся ему двоюродным братом, а со временем слыл как его «ярый враг»¹⁵⁷.

Когда началась Крымская война и из Абхазии были выведены русские войска, князь Д. Х. Шервашидзе немедленно воехал в Тифлис и изъявил желание вступить на действительную службу, к тому же ему как человеку, который «слишком открыто держал сторону русских», было «опасно оставаться в Абхазии»¹⁵⁸. И он получил назначение командовать кавалерией Гурийского отряда, частям которого была вменена оборона Западной Грузии. Придавая важное значение переходу на сторону Турции полковника Д. Х. Шервашидзе, игравшего большую роль в политической жизни Абхазского княжества, оккупированного турецкими войсками, и в войсках названного русского отряда, турецкий главнокомандующий Омер-паша обратился к нему с письмом, в котором, с целью обострения раздора между ним и владельцем Абхазии, особо подчеркивал, что если он и владелец Абжуйской Абхазии Григорий Шервашидзе покинули родину по неудовольствиям на М. Г. Шервашидзе, вследствие его домогательств на их наследственные имения, то теперь могут возвратиться и получить все им принадлежащее¹⁵⁹. Вообще же целью войны паша объявлял не завоевание новых стран, а якобы отторжение их от русского владычества и возвращение им прежних прав¹⁶⁰.

На обращение турецкого главнокомандующего, составленного 12 сентября 1855 года, Д. Х. Шервашидзе ответил следующим образом¹⁶¹: «Временные впечатления не могут отклонить честного человека от путей, начертанных ему собственными его убеждениями. Мои понятия об обязанностях абхаза и о цели вашего вторжения совершенно противны вашему взгляду на сей предмет. Я недоступен заразе, вызыва-

¹⁵⁵ Д-р Н. Эристов-Шервашидзе. Книга о приданом царевны Нины Георгиевны. М., 1916, с. 4—8.

¹⁵⁶ КК на 1850, отд. V, с. 92.

¹⁵⁷ См., например: «Документы по истории Грузии», серия II, т. I, ч. I, с. 639, 645.

¹⁵⁸ «~~Восточный вестник~~». Исторический вестник», отд. 3, 7, 1953, № 236.

¹⁵⁹ См.: Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году, т. II, ч. IV. СПб., 1877, с. 386.

¹⁶⁰ ЦГАА, ф. 60, д. 58, л. 26об.

¹⁶¹ В составлении текста письма на французском языке ему помог кутавский генерал-губернатор Н. П. Колобакин, которого он просил «высказать в устных выражениях, что он считает отечеством своим Россию и ни в коем случае не согласится принять предложение, оскорбляющее его честь» (Там же).

емой дурными примерами... Конечно, не заслужил бы выражений, которыми вашему превосходительству угодно одобрить мои военные достоинства, если бы я обратил оружие свое против тех, в победах которых я не один раз участвовал. Всегда и везде позорен побег и уклонение от своих знамен»¹⁶². Именье «несговорчивого» Д. Х. Шервашидзе, раскинутое на побережье между реками Гумиста и Кодор, турецким командованием было предоставлено в собственность сыну давнишнего верного ставленника султанов Асланбея Шервашидзе¹⁶³; а при отступлении турок это именье было «разорено дотла»¹⁶⁴. Генерал Н. Н. Муравьев в письме от 31 июля 1856 года графу Орлову констатировал: «Покинув вместе с нашими войсками Абхазию, престарелую мать и именье, полк, кн. Дмитрий Шервашидзе до самого окончания войны не переставал сражаться с общим врагом в рядах наших, несмотря ни на какие внушения и приглашения, делаемые ему с разных сторон»¹⁶⁵.

Во время генерального сражения между русскими и турецкими войсками на р. Ингури 25 октября 1855 года полковник Д. Х. Шервашидзе особо отличился, командуя всей кавалерией Гурийского отряда. Ему также было поручено общее руководство обороной переправ через р. Ингури. «Он вышел невредимым из боя, несмотря на то, что его видели все время на коне в самой жаркой схватке, впереди командуемой им части»¹⁶⁶. Затем, когда турецкие войска вторглись на территорию Мегрелии и там в связи с этим развернулась настоящая народная война, Д. Х. Шервашидзе был одним из организаторов этой борьбы. Отряды милиции (ополчение) под общим командованием Дмитрия Шервашидзе и Григория Даднани преследовали и уничтожали войска противника¹⁶⁷. Д. Х. Шервашидзе вернулся на родину только в 1857 году. Именье его было разорено турецкими войсками, а землями завладели Михаил Шервашидзе и другие абхазские феодалы, и ему пришлось много сил и времени потратить на то, чтобы восстановить свое хозяйство¹⁶⁸.

В период Крымской войны отличились и другие абхазские офицеры. После С. Т. Званба и Д. Х. Шервашидзе следует назвать Самсона Левановича Шервашидзе (1835—

¹⁶² Н. Н. Муравьев. Указ. соч., с. 387—388.

¹⁶³ *Свободный восток*. Исторический вестник». 1963, №№ 15—16, с. 215. Докладная записка Д. Кипиани от 12 октября 1855 г. ген. В. Бебутову.

¹⁶⁴ АКАК, т. XI, ч. II, с. 949, № 853.

¹⁶⁵ Там же, с. 713, № 737.

¹⁶⁶ К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии (Рассказ очевидца). — «Военный сборник», 1873, № 6, с. 207.

¹⁶⁷ См., например, газ. «Русский инвалид», 29.XII.1855, № 283.

¹⁶⁸ ЦГАА, ф. 60, д. 63, лл. 1—2. Черновое письмо И. К. Баграткион-Мухранского кн. Эристави, бывш. кутаисскому генерал-губернатору.

1881)¹⁶⁹, «героя Кавказа, где прекрасными подвигами в два месяца заслужил отличия храбрейшего из храбрейших»¹⁷⁰. С. Л. Шервашидзе был воспитанником Константиновского кадетского корпуса (бывший Дворянский полк в Петербурге), где он находился с 1845 года и был вымущен 11 июня 1855 года¹⁷¹. Уже 17 сентября артиллерист С. Л. Шервашидзе участвовал в штурме карсоких укреплений и был ранен¹⁷². В момент выступления войск Омер-паши из Сухума, в октябре 1855 года, он со своей батареей находился в Гурии. Быстро двинувшись навстречу противнику, батарея Шервашидзе приняла активное участие в битве на рухском участке Ингурского боя. «За отличие, оказанное» «при этом боевом крещении», прапорщик С. Л. Шервашидзе был награжден орденом Анны 4 степени с надписью «За храбрость», пожалованным со следующей грамотой: «С 28-го октября по 4-го ноября князь Шервашидзе участвовал в отступлении к реке Цхенис-Цхали и в расположении там Гурийского отряда для преграждения неприятелю пути на г. Кутаис»¹⁷³. С. Л. Шервашидзе принимал самое активное участие в разгроме противника и на территории Мегрелии в 1855—1856 годах. В дальнейшем, находясь на различных участках Кавказской войны, а затем, в 70—80-х годах, служа в действующих войсках Кавказской армии, С. Л. Шервашидзе дослужился до чина полковника и был награжден многими орденами и медалями¹⁷⁴. Одно время С. Л. Шервашидзе командовал 6-й батареей 21-й артиллерийской бригады. В 1869—1871 годах он являлся мировым посредником в Зулдидском уезде¹⁷⁵. Умер С. Л. Шервашидзе от ранения в июле 1881 года и похоронен в Хобском монастыре (Хобский район)¹⁷⁶.

Прапорщик Донского казачьего № 11 полка Зураб Джамлетович Анчабадзе «за отличие против турок» в 1854 году

¹⁶⁹ Отец его Леван (Бего), сын Махмедбея Келешбеевича Шервашидзе (ум. 1809), по достижении совершеннолетия был определен на службу в русские войска, в рядах которых он был убит в 1843 году. Малолетние его дети, Самсон и Прокопий, были взяты в Россию, где после завершения образования определяются на военную службу (ЦГАА, ф. 60, д. 78, л. 1 об.). Родовое же их имя было присвоено владельцем Абхазии М. Г. Шервашидзе, в результате чего они в свое время остались «без куска хлеба», а мать умерла в 1861 году в «крайней бедности» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 76, лл. 96—100).

¹⁷⁰ Биографический очерк о кн. С. Л. Шервашидзе, л. 1. РО ГПБ, бумага И. В. Помяловского, ОИПБ за 1907 г. СПб., 1914, с. 166.

¹⁷¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 76, лл. 180—198.

¹⁷² АКАК, т. XI, ч. I, с. 177, № 157.

¹⁷³ Биографический очерк о С. Л. Шервашидзе, лл. 3—5.

¹⁷⁴ Там же, л. 5 и сл.; ЦГВИА, ф. 400, оп. 135, д. 578, лл. 9—10; КК на 1871 г., адрес-календарь, с. 37.

¹⁷⁵ Б. Эсадзе. Летопись Грузии, Тифлис, 1913, с. 274.

¹⁷⁶ Биографический очерк о С. Л. Шервашидзе, л. 5 и сл.

приказом военного министра по иррегулярным войскам получил звание подпоручика, а «за отличие, оказанное им в сражении» против 34-х тысячного корпуса Селим-паши на р. Чо-локе 4 июня 1855 года, был «всемилоостивейше» награжден единовременно деньгами¹⁷⁷. Бронзовую медаль на анненской ленте в память Крымской войны получил прапорщик Бабышьбей Маршания¹⁷⁸. Был отмечен также Григорий Шервашидзе. Военную интеллигенцию представляли и другие абхазские офицеры.

¹⁷⁷ ЦГАА, ф. 833, л. 16. Формулярный список З. Д. Аячабадзе, 1856 г.

¹⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1268, 1862 г., д. 109, л. 306.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СДВИГИ В ФОРМИРОВАНИИ АБХАЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Как известно, капиталистические отношения в России явились могучим ускорителем общественно-экономического развития. Этот процесс повлек за собой рост национального самосознания, что немедленно проявилось в культурной деятельности народа. Дело было не только в расширении кругозора и преодолении ограниченности мышления феодальной эпохи, не только в распространении грамотности и увеличении численности образованных людей. Более важным было повышение культурных потребностей всех слоев общества, что способствовало демократизации культуры¹.

На этом мы остановились с той только целью, чтобы подчеркнуть, что в обстановке этого развития даже и в абхазской действительности наблюдается, пусть в весьма слабой степени, известный рост культурных запросов «всех слоев общества». Причем, говоря более конкретно, это было следствием постепенного укрепления экономических и культурных связей Абхазии, как всей Грузии и Закавказья, с Россией, когда уже применительно к началу пореформенного периода можно было говорить об определенных сдвигах, в частности, в развитии культуры, просвещения и общественной мысли в крае, несмотря на реакционную политику царизма. И тем яснее ощущалось существование двух России, наличие «двух национальных культур в каждой национальной культуре»². Теперь деятелям местной национальной культуры Россия представлялась уже не только надежным щитом, заслоняющим народы от посягательства иноземных завоевателей, но и неугасимым маяком просвещения.

В этих условиях, в 60-х годах, и возникает, вызванный именно потребностями развития культуры народа, вопрос о научной разработке проблем абхазского языка и письменности. Для разрешения этой научной и практической задачи

¹ А. В. Фадеев. Идейные связи и культурная жизнь народов до-реформенной России. М., 1966, с. 4.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 24, с. 120.

выдвигается такой высокий авторитет, как П. К. Услар — выдающийся русский лингвист-кавказовед, основоположник научного изучения горских иберийско-кавказских языков. Его труды в этой области занимают важное место в истории языкознания и кавказоведения. В 1862 году П. К. Услар типографическим способом издал грамматику абхазского языка, написанную на материале бзыбского диалекта. В предисловии к своей книге автор писал: «В продолжение шести недель занимался я непрерывно с тремя абхазцами, из числа которых двое понимали и объяснялись довольно хорошо. С особою признательностью должен я упомянуть о Георгии Курцикидзе... Так как ни одна книга еще не напечатана на абхазском языке, то люди, специально занимающиеся каллиграфией, могут заменить предлагаемые мною начертания букв другими более удобными». П. К. Услар, кроме того, на основе русской графики составил абхазский алфавит и готовил абхазский букварь, который, однако, ему не удалось завершить. П. К. Услар «воспользовался деятельным содействием [А. П.] Берже, которого филологическим мнением он весьма дорожит»³.

Монография П. К. Услара под названием «Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык» (с приложением нескольких статей) была издана типографским способом в Тифлисе в 1887 году окружным инспектором Кавказского учебного округа М. Р. Завадским, который снабдил ее предисловием и, главное, внес изменения в начертание усларовских букв и придал им печатную форму. Со времени П. К. Услара абхазский язык, являющийся одним из древнейших и самобытных языков кавказского корня, стал все более привлекать к себе внимание ученых.

Д. И. Гулиа писал: «Тем больше чести лингвисту Услару, инициатору изучения абхазского языка, Его книга — единственная драматика абхазского языка — сохранила речь абхазского народа и сделала ее доступной ученому миру... Од-

³ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. П. Чеченский язык. Тифлис, 1888, с. 28.

Между прочим, еще до этого П. К. Услар, будучи начальником штаба Гурийского отряда в 1854—1855 годах, во время пребывания в Абхазии «успел на досуге набросать ценные этнографические заметки» (Л. Загурский. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе. — ССКГ, 1881, вып. X, с. XVI). В его работах «Гурийский отряд в 1855 году» (см.: «Кавказский сборник», 1880, т. V, с. 235—333; АКАК, 1888, т. XI, ч. I, с. 231—255) и «Древнейшие сказания о Кавказе» (ССКГ, 1881, вып. X) содержатся ценные сведения по вопросам истории Абхазии. Абхазский же язык он начал изучать в 1861 году. В июне месяце того же года Услар приехал в Сухум и в течение семи дней собирал материал по фонетике и морфологии абхазского языка (см.: П. К. Услар. Чеченский язык, с. 28). Занятия по исследованию абхазского языка, начатые в Сухуме, были продолжены Усларом в Тифлисе с тремя абхазами, которые находились там же для участия в составлении абхазского букваря.

нако само собой ясно, что труд Услара, как первый шаг в области абхазского языкознания, не мог обойтись без ошибок. Вопрос сложный и не легкий для разрешения»⁴.

Параллельно с П. К. Усларом по поручению «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» под руководством И. А. Бартоломея работала комиссия над составлением букварей и книг для школ, в которых обучались дети горцев. В 1862 же году особой комиссией в составе И. А. Бартоломея (председатель), Д. П. Пурцеладзе⁵ и В. Г. Трирогова при содействии «природных абхазцев» Иоанна Гегиа, Георгия Курцикидзе и Симиона (Смел) Эшба, а также Константина и Григория Шервашидзе, на основе буквенных начертаний П. К. Услара с небольшими изменениями, был составлен «Абхазский букварь» (с параллельным переводом на русский и грузинском языках), вышедший в 1865 году в Тифлисе⁶. Приложенные к букварю абхазские пословицы являются оригинальным материалом, а остальные тексты (расказы, басни и т. д.) переведены с русского языка, причем перевод сделан на высоком уровне.

Алфавит П. К. Услара лег в основу и последующих абхазских букварей. Некоторые усларовские буквы сохранились также в современном абхазском алфавите. Работа Услара, направленная на создание письменности для бесписьменных народов Кавказа, и высокая оценка им роли родного языка в просвещении народных масс свидетельствуют объективно о прогрессивном характере его научной и практической деятельности⁷, хотя он и не очень верил в развитие литератур на язы-

⁴ Д. Гулиа. Материалы по абхазской грамматике. Сухум, 1927, с. 3.

⁵ Д. П. Пурцеладзе в это время был чиновником особых поручений при наместнике Кавказа, заведовал делопроизводством «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», а впоследствии был председателем Цензурного комитета. Пурцеладзе принимал активное участие в распространении грамотности среди горцев, в составлении сванского, абхазского и чеченского букварей. Из печатных его работ можно назвать: «Грузинские церковные грамоты», «Грузинские дворянские грамоты», «Грузинские крестьянские грамоты», «О главных нуждах и потребностях Кахетии» (П. К. Услар. Чеченский язык, с. 22).

⁶ Учебник содержит следующее примечание: «Алфавит этот мы заимствовали с литографированного издания сочинения генерал-майора Услара под заглавием Абхазский язык, 1862 года, позволив себе сделать перестановку в порядке букв, которая, по нашему мнению, более соответствует общим учебникам. Причем мы не включили букв, изображающих звуки, принадлежащие исключительно наречию, употребляемому в Бзыбском округе» (с. 3).

⁷ Есть основание полагать, что П. К. Услару в изучении горских кавказских языков способствовал Н. И. Воронов. Об этом свидетельствует, в частности, их переписка. Так, из письма знаменитого русского лингвиста от 1 декабря 1870 года из Дагестана Н. И. Воронову узнаем, что «все время» его тогда было «поглощено исследованием горских языков», а также о подготовке им статьи «Характеристические особенности кавказских языков» специально для очередного номера «Сборника сведений о кавказских горцах», редактором которого являлся адресат. В ней автор стре-

ках, для которых он создавал алфавит⁸.

Что касается абхазского букваря, осуществленного комиссией И. А. Бартоломея, по характеристике Д. И. Гулиа, «более или менее удачного»⁹, то нельзя, конечно, согласиться с давно и часто встречающимся в нашей абхазоведческой литературе мнением о том, что он «не дошел до абхазских школ» и им «не пользовались последние», а тем более с заявлением, что букварь 1865 года «не получил практического применения ввиду отсутствия абхазских школ и учительских кадров». Встречаются также высказывания о том, что и алфавит П. К. Услара «не дошел до народа», или — бартоломеевский «букварь, как и алфавит Услара, не нашел практического применения». С. М. Ашхацава писал даже, что абхазы, почувствовав политическую подоплеку создания абхазской письменности, «отнеслись к этому делу враждебно и поэтому дальше усларовского алфавита и бартоломеевского букваря эта «письменность» не двигалась, а вместе с тем задерживалось, конечно, и культурное развитие»^{9*}.

При всех своих недостатках и несовершенстве и несмотря на исключительно неблагоприятные условия, сложившиеся в крае в связи с событиями 60—70-х годов, абхазский букварь 1865 года¹⁰, созданный комиссией под председательством И. А. Бартоломея¹¹, сыграл важную роль в истории развития просвещения и всей культурной жизни абхазского народа.

На протяжении почти трех десятилетий он был первым и единственным абхазским учебником для учащихся и учащихся. В отчете «Общества восстановления православного христианства на Кавказе»¹² за 1866 год говорилось: «...Некоторые ученики как Окумской, так и других самурзаканских школ,

мнясь «совместить... некоторую степень ученого значения и вместе с тем некоторую степень занимательности для массы читателей». П. К. Услар особо подчеркивал свое желание «сделать лингвистические исследования сколько-нибудь занимательными для массы читателей» (ЦГАА, ф. 839, д. 32, лл. 1—1об.).

⁸ Х. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии, с. 37—39.

⁹ Д. Гулиа. История Абхазии, т. 1. Тифлис, 1925, с. 20.

^{9*} С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской письменности. Сухуми, 1925, с. 38.

¹⁰ Известно, что еще П. К. Услар не был доволен принципом составления этого букваря, и вообще отрицательно отнесся к работе комиссии Бартоломея.

¹¹ И. А. Бартоломей (1814—1870) — видный русский ученый, член-корреспондент Петербургской Академии наук, на Кавказе — с 1853 года. умер в Тифлисе в чине генерал-лейтенанта.

¹² Это общество, созданное в начале 60-х годов, имело широкий план деятельности. Оно развернуло работу по переводу на языки горских народов Кавказа литературы, преимущественно церковной, составлению алфавитов, букварей и словарей, открытию школ и т. д.

знающие абхазский язык, выучились читать и писать по-абхазски, и свободно рассказывают содержания статей, помещенных в абхазском букваре»¹³. В остальных районах Абхазии «большая часть детей училась только [по] азбуке русской и абхазской»¹⁴.

При этом надо иметь в виду и открытую еще в 1863 году Сухумскую горскую школу — самое крупное тогда учебное заведение в Абхазии, в которой абхазские дети составляли основной контингент¹⁵. Кроме того, в 1870 году «исключительно для абхазских дочерей» была открыта Сухумская женская школа, реорганизованная в 1872 году в трехклассную прогимназию с подготовительным классом и пансионатом (а в 1909 году — в гимназию), хотя со временем стало «неизвестно даже, чьи дочери учатся там»¹⁶. До русско-турецкой войны в названных учебных заведениях обучалось 130 (80 и 50) человек¹⁷.

Интересно также отметить, что из оставшихся к началу 1867 года 2262 экземпляров абхазского букваря, например, было распространено («выдано по предписанию» и продано) 456¹⁸. В 1868 году только в Самурзаканской Абхазии, где в это время функционировало уже 11 школ (12 учителей¹⁹ и 287 учащихся), было получено официально 50 экземпляров этого пособия и 5 — «Краткой священной книги» (на абхазском же языке).

Автор (И. Н.) известной книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», вышедшей в Москве в 1898 году, указывая на учебники, имевшиеся в монастырской школе, по которым обучали воспитанников абхазскому языку, прежде всего называет «Абхазский букварь» 1865 года (с. 295). В дальнейшем изложении будут приведены дополнительные факты, свидетельствующие о достаточном распространении указанного учебника среди населения и некоторых успехах изучения родного языка по нему.

Таким образом, абхазский букварь 1865 года — первый печатный учебник на абхазском языке, книга для овладения грамотой. Его в известном смысле можно назвать первой книгой для всего народа. Трудно переоценить значение этого букваря и в создании абхазской учебной литературы.

Именно поэтому Д. И. Гулиа отдавал должное бартоломе-

¹³ ООВПХК за 1868 г., с. 52, 54.

¹⁴ Там же за 1866 г., с. 22.

¹⁵ Подробнее о ней: Б. Г. Тарба. К 100-летию Сухумской абхазской школы. Исторический очерк. Сухуми, 1964.

¹⁶ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 183.

¹⁷ ЦГИАГ, ф. 545, д. 1674, лл. 359—359об.

¹⁸ Там же, ф. 493, оп. 1, д. 135, л. 180б.

¹⁹ В 1869 году их стало 14.

евскому букварю²⁰. К. Д. Мачавариани и Д. И. Гулиа — авторы второго по счету абхазского букваря, составленного в 1892 году и с точки зрения методических требований, несомненно, более усовершенствованного учебника, ставшего затем основным пособием для изучения абхазского языка, имели возможность учесть положительные качества и недостатки абхазского букваря 1865 года, являвшегося к тому времени уже редкостью, поскольку он не перендавался.

Примечательно, что в создании первого абхазского букваря участвовала целая группа представителей самой абхазской интеллигенции, а также грузинских специалистов. В последнем случае речь идет о писателе и ученом Д. П. Пурцеладзе, который вместе с тем занимался собиранием и обработкой абхазских сказок. Что касается «природных абхазцев», то о них в данном случае следует сказать особо, хотя наши сведения о деятельности этих просветителей, особенно некоторых из них, очень скудные.

Несомненно, что создание национальной письменности являлось залогом преодоления культурной отсталости. Именно поэтому формировавшаяся на окраинах России национальная интеллигенция считала своей первейшей обязанностью разработку алфавитов и грамматических норм родного языка. С решением этой задачи она связывала перспективы дальнейшего развития своего народа по пути прогресса и просвещения²¹.

Прежде всего отметим роль Константина Георгиевича Шервашидзе (Чачба) в составлении букваря, чем и завершим свое повествование об этом ярком представителе первого поколения абхазской интеллигенции. Вот что говорится в газете «Кавказ» от 6 сентября 1862 года: «Особо важную услугу в этом деле оказал князь Константин Георгиевич Шервашидзе, служивший в Тифлисе... Содействие в подобном деле вполне просвещенного и развитого абхаза, знающего, кроме природного, и другие языки, было драгоценно. Князь с охотой принял участие в деле комиссии, просмотрел и исправил все статьи, вошедшие в букварь, введя в них много оборотов, исключительно свойственных духу абхазского языка».

В букваре Константином Шервашидзе абхазский текст был «пересмотрен и исправлен в 1863 году»²². Сохранился один архивный материал (в основном на абхазском языке), относящийся к началу 60-х годов, который отражает творческую работу К. Г. Шервашидзе над рассматриваемым буква-

²⁰ См.: Д. Гулиа. Аџсуа календар. Аџуа, 1920, ал. 15.

²¹ А. В. Фадеев. Идеиные связи и культурная жизнь народов доформенной России, с. 128.

²² См., предисловие И. Бартоломея к «Абхазскому букварю».

рем²³. В нем чувствуется серьезное изучение им работы П. К. Услара по абхазскому языку. К. Г. Шервашидзе приводит алфавит, а за ним и небольшой словарь (на «а»), в котором немало интересных нюансов, свидетельствующих о тонкой наблюдательности автора. Интересны также его записи о глаголе и личных местоимениях в абхазском языке по Услару, в известной степени в собственной интерпретации.

Как видно, К. Г. Шервашидзе в первой половине 60-х годов какое-то время жил и работал в Тифлисе. К сожалению, нам пока трудно сказать, в кругу каких людей он вращался. Во всяком случае, напомним, что время это в жизни города и всего края было переломным. В Грузии наступил период окончательной ликвидации феодализма и смены его капиталистическим строем, когда особенно обостряется социальная борьба, и крестьянский вопрос становится остро злободневным. А идеологическим выражением движения крестьянских и городских масс против помещиков и царизма становится прогрессивное идейное течение (шестидесятники — тергдалеули). И для нас совершенно ясно, почему царские власти непосредственно связывали деятельность К. Г. Шервашидзе с бурными событиями 1866 и 1877 годов в Абхазии, когда ему и вовсе было запрещено пребывать на родной земле.

После отставки в 1867 году, К. Г. Шервашидзе почти постоянно жил в Крыму, в Феодосии, где он имел дом, и довольно часто выезжал в Петербург, Москву, Тифлис. К сожалению, не представляется возможным осветить вопрос об его интересах и занятиях в этот период, если не иметь в виду переписку, главным образом, со своими детьми, дающую некоторый материал к биографии последних — Дмитрия, Александра и Владимира Шервашидзе; с другой стороны, эти письма характеризуют наставническую роль отца, а также его материальное и моральное состояние²⁴.

К. Г. Шервашидзе умер 18 ноября 1883 года в подмосковной деревне Фили, где он в это время проживал. Духовным завещанием своим душеприказчиком и опекуном детей он назвал родственника, отставного полковника Д. Б. Грузинского. Ввиду того, что после покойного «не оставалось никаких источников», последний, «почитая память почившего князя», «принял решение... из своих личных средств» выдать вознаграждение прислуживавшим К. Г. Шервашидзе людям²⁵. За-

²³ См.: ЦГАА, ф. 60, д. 147.

²⁴ Например, в письме Александру от 17 октября 1883 года из Москвы он писал: «Я очень рад, что хочешь свободное от занятий время посвящать музыке. Деньги исключительно на этот предмет четыре рубля сер. буду высылать тебе каждый месяц» (ЦГАА, ф. 60, д. 125, л. 2).

²⁵ ЦГАА, ф. 60, д. 100, л. 8; д. 112, лл. 3, 24—26, 43, 51.

тем он в «Московских ведомостях» опубликовал извещение о смерти К. Г. Шервашидзе²⁶.

Далее следует остановиться на Григории Алибеевиче (Александровиче) Шервашидзе (1808—1898), хотя его активная деятельность падает на несколько более поздний период. Он занимает вообще особое место среди абхазской дворянской интеллигенции XIX века. Г. А. Шервашидзе (Чачба) получил хорошее домашнее воспитание благодаря своей матери Кесарии, женщины образованной и влиятельной. Она была дочерью известного грузинского историка Николая Даднани (Диди Нико). В 1848 году, например, видим Г. А. Шервашидзе в чине штабс-капитана и в должности «заведующего Абжуйским округом»²⁷. Затем он управлял и Сухумским округом. В отчете «Общества распространения православного христианства на Кавказе» за 1874 год отмечалось, что житель села Атара Г. А. Шервашидзе «пользовался уважением и влиянием в народе»²⁸.

Начав военную службу двадцатилетним юношей, Г. А. Шервашидзе стал «человеком войны по призванию». Как «местный уроженец», он «досконально был знаком с каждой тропинкой, с каждым проходом и уголком местности», а «знание в совершенстве местных языков еще более усугубляло его значение для русского войска в то время». При этом, «верный традициям предков», Шервашидзе «отличался мужеством, доходившим до самопожертвования; качество это поражало его товарищей по оружию». И «начальство сразу оценило выдающиеся военные способности Г. А. Шервашидзе». В частности, он, как уже отмечалось, отличился во время Крымской войны — «против соединения войск Турции, Англии, Франции, Сардинии». В период же русско-турецкой войны 1877—1878 годов Г. А. Шервашидзе «отражал бомбардирование Сухума неприятельской эскадрой», затем, с 12 апреля 1877 года по 1 сентября 1878 года, принимал участие в 12 сражениях в разных местах Абхазии с турецким десантом, будучи начальником кавалерии Ингурского отряда. Г. А. Шервашидзе за боевые отличия был награжден несколькими орденами (св. Владимира 3 ст., св. Анны 2 ст., св. Святослава 2 и 3 ст.) и медалями. В июне 1877 года «за отличие в делах

²⁶ В связи с «предсмертным ходатайством» К. Г. Шервашидзе похоронить его на родине, «в ногах дорогих родителей» внутри древнего Лыхненского храма, Д. Б. Грузинский добился «высочайшего разрешения» удовлетворить эту просьбу и отпустить средства на перевозку тела покойного в Абхазию и на его погребение. Тело К. Г. Шервашидзе было отправлено из Москвы 31 мая 1884 года в м. Гудауты через Севастополь (ЦГАА, ф. 60, д. 100, лл. 3, 5, 11—15; д. 129, л. 2об.).

²⁷ КК на 1848 г., с. 92.

²⁸ ООВПХК за 1874 г., с. 10.

против турок» был произведен в генерал-майоры, а в июне 1890 года — в генерал-лейтенанты²⁹.

Г. А. Шервашидзе находился в близких отношениях со многими выдающимися деятелями грузинской культуры — Дмитрием Кипиани, Рафаилом Эристави и Нико Николадзе, о чем свидетельствует, в частности, оживленная переписка между ними³⁰. Обратимся, например, к письмам Г. А. Шервашидзе к Д. И. Кипиани, хранящимся в фондах Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР³¹. Они проникнуты чувством глубокого уважения и любви к адресату, «давнишнему другу и любимому человеку». В одном из них говорится, что Кипиани — человек, «который, кроме добра, ничего не делал». Последний в свою очередь, обращаясь за помощью к Г. А. Шервашидзе, писал: «Я надеюсь, что ты вспомнишь обе мои просьбы, а то действительно плохи дела твоего друга».

Г. А. Шервашидзе также был известен как поборник школьного образования на родном языке, что не раз отмечала газета «Дрозда». Г. А. Шервашидзе много способствовал открытию новых школ, совершенствованию их работы. Он внес большой вклад в учреждение Абхазского отделения «Общества по распространению грамотности среди грузин»³², работа которого в значительной мере охватывала и абхазское население. Например, в ноябре 1880 года в Очемчирах состоялось совещание, посвященное деятельности названного Общества. Из сообщения об этом узнаем, что в Общество входили и представители абхазов³³.

В этих делах верным помощником Г. А. Шервашидзе была его жена, Агата Элизбаровна (урожденная Дадияни), активный общественный деятель, особенно в области развития театрального искусства в Абхазии. Одно время она и Елена Михайловна Шервашидзе были членами «Кутаисского отде-

²⁹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 173, д. 210, лл. 30—35; «Кавказ», 24.II.1898, № 51; от 16.II.1898, № 44.

³⁰ О. Чурбула. Гваргуал Чачба. — «Абхазские казнь», 14. XII. 1971.

³¹ См.: ф. Д. Кипиани, дд. 1716—1721 (1858, 1859, 1864, 1872 годы).

³² Общество было организовано в 1879 году. Инициаторами его создания и активными руководителями являлись представители грузинской демократической интеллигенции, такие выдающиеся деятели национально-освободительного движения, как И. Чавчавадзе (председатель с 1885 года), Д. Кипиани, Я. Гогобашвили, А. Церетели, Р. Эристави, Д. Пурцеладзе, И. Мачабели, П. Умикашвили и другие. Общество, кроме своей прямой цели — обучения грамоте широких слоев трудового населения, занималось сбором и охраной древних уникальных грузинских рукописей и книг, археологических находок, памятников старины и занисью образов устного народного творчества. Оно создавало народные школы, учреждало библиотеки-читальни и т. д. На средства Общества издавались учебники, а также популярные произведения грузинских писателей и ученых.

³³ «Кавказ», 27.IX.1880, № 259.

ления Женского благотворительного общества св. Нины»³⁴. Агата Шервашидзе являлась также членом попечительского совета Сухумской женской прогимназии³⁵, а затем — учителем и председателем попечительского совета того же учебного заведения³⁶.

Участие же Г. А. Шервашидзе в создании первого абхазского букваря выразилось, главным образом, в том, что по его предложению бзыбское произношение, принятое сначала в учебнике, было заменено общабхазским.

Интересна и личность Иоанна Гегиа, который в 60-70-х годах являлся переводчиком и священником в с. Лыхны. Помимо того, что И. Гегиа являлся одним из составителей первого абхазского букваря 1865 года, он был участником перевода, под руководством того же И. А. Бартоломея, второй книги на абхазском языке, вышедшей в Тифлисе в 1866 году, — «Краткой священной истории» (из книги «Доброе чтение православным»). Другие переводчики этой книги — также «природные абхазцы» — подпоручик Давид Кашиевич Маргани (Марганья, Маая) и прапорщик Георгий Давыдович Курцикидзе. Идеологическая цель создания подобной литературы на национальных языках ясна, но названная книга имеет для нас важное значение как памятник младописьменного абхазского языка.

Между прочим, в Лыхненской церкви имелась небольшая библиотека, в основном церковной литературы. Еще в 1822 году священник этой церкви, «очень бедный имеретинец», показывал французскому коммерсанту Полю Гибалю «одну из своих церковных книг, аккуратно переплетенную и имевшую серебряные застешки». «Эта грузинская книга, форматом в пол-листа, была написана от руки и имела исключительно четкий шрифт»³⁷.

И. Гегиа, кроме родного абхазского, превосходно знал грузинский и мегрельский языки. Епископ Имеретии Гавриил (Г. Кикодзе) в отчете об обозрении им абхазских церквей в 1868 году, писал: «Слова мои с грузинского языка переводил по-абхазски священник сего прихода (с. Лыхны. — Г. Д.) Гегия, сам абхазец и уроженец сего села. Он же сопровождал нас после и во всех приходах, в коих говорят по-абхазски, и,

³⁴ КК на 1861 г., отд. V, с. 44.

³⁵ Там же на 1888 г., отд. III, с. 190.

Другим членом Совета являлся прапорщик Соломон Иванович Лакербай (Там же, с. 191).

³⁶ КК на 1894, с. 296.

³⁷ [P. Guibal]. Journal de mon voyage entre la mer Noire et la mer Caspienne, Astrakhan et Taganrog entrepris le 21 mars 1870 et fini le 24 decembre de même année. ЦГАИ СССР, ф. 1261/1, д. 2896, л. 88.

Во время оккупации Абхазии турецкими войсками в 1877 году богослужебные книги и документы были уничтожены в 26 церквях (ЦГАИ, ф. 1, оп. I, д. 46, лл. 6—11).

по сознанию многих абхазцев, переводил очень понятно»³⁸. А. Н. Введенский также писал о И. Гегиа как о «природном абхазце, говорившем с прихожанами на их родном языке»³⁹.

И. Гегиа проявлял большую заботу об открытии и деятельности школы в родном селе. Школа начала функционировать здесь с 15 января 1871 года. Помещалась она тогда в уцелевшей части разрушенного в 1866 году каменного дворца бывших владетелей Абхазии (26 учеников), а до этого замечательный учитель-энтузиаст Естафий Сакварелидзе собирал у себя мальчиков и обучал их практическому русскому языку, при этом «сам учился у них абхазскому», очевидно, с помощью бартоломеевского букваря. Он «весь отдался школе и его преданность школе, его безупречная жизнь доставила ему всеобщее уважение...»⁴⁰. А вот что говорится в отчете директора Тифлисского учительского института за 1872 год: «Школа Лыхненская найдена в отличном состоянии, число учеников значительно увеличилось; учитель Сакварелидзе более и более приобретает доверие и уважение жителей»⁴¹. Не исключается, что именно Гегиа натолкнул молодого учителя на мысль заняться и изучением этнографического быта абхазского народа. Его годовое сочинение за 1871 год называется: «Предрассудки и поверия абхазцев, жителей Пицундского округа»⁴².

Во время оккупации Абхазии турецкими войсками в 1877 году И. Гегиа в течение трех месяцев скрывался от противника. Однако 5 августа его все же нашли и варварски задушили за то, что «он будучи абхазцем, не желал ехать в Турцию и удерживал свой приход»⁴³. Кроме того, ценные вещи церкви Гегиа заблаговременно спрятал в стене храма, благодаря чему они и уцелели⁴⁴. «Смерть его,—писал епископ Имеретии Гавриил, — тем более была прискорбна, что он служил отличнейшим переводчиком на абхазский и мингрельский языки, да и был весьма честный и благочестивый человек»⁴⁵. Между прочим, с большим трудом избегли тогда расстрела миссионеры Виссарион Микаберидзе и Ахвледнани, которые обвинялись в том, что «возбуждают абхазских жителей против турок»⁴⁶, а в Эшкитской церкви был убит церковный староста⁴⁷.

³⁸ ООВПХК за 1868 г., с. 8.

³⁹ [А. Н. Введенский]. Письма об Абхазии.—«Кавказ», 3.XI.1877, № 222.

⁴⁰ ООВПХК за 1871 г., с. 6.

⁴¹ ЦГИАГ, ф. 433, оп. I, л. 20, л. 12об.

⁴² Там же, л. 18, лл. 21—22, 39—42.

⁴³ «Русский мир», 29.X.1877, № 295.

⁴⁴ ООВПХК за 1877 г., с. 11.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «Голос», 20.VII.1878, № 199; ООВПХК за 1877 г., с. 11.

⁴⁷ ЦГАА, ф. 1, оп. 1, л. 46, л. 7об.

Из «могучей кучки» «природных абхазцев» теперь остается рассказать о Георгии Давыдовиче Курцикидзе. Но, к сожалению, мы знаем о нем также мало. Г. Д. Курцикидзе, как значится во многих документах, — абхазский дворянин, кордорский житель» (с. Адзюбжа), родился в апреле 1824 года, а начал служить, в качестве переводчика, с 1842 года. В этой должности видим его до 1854 года, в разное время служившим в укреплении Пицунда, в Самурзаканском приставстве, в Сухумском комендантском управлении, в укреплении Гагра и Цебельдинском приставстве. В 1848 году Г. Д. Курцикидзе совершил переход через Главный Кавказский хребет из Сухума на Кавказскую линию. В 1852 году он получил чин юнкера милиции, а впоследствии — прапорщика. В марте 1854 года Г. Д. Курцикидзе участвовал в выводе русских войск из Абхазии в Мепрелию, произведенном под руководством абхазского владетеля М. Г. Шервашидзе, и в память о Крымской (Восточной) войне 1853—1856 годов был награжден бронзовой медалью, а за «отличную храбрость и мужество, оказанные... в делах против турок с 20 мая по 21 августа 1877 года в Азиатской Турции» — орденом св. Станислава 3-й степени. Имел он и другие награды⁴⁸.

Выше уже было отмечено участие Г. Д. Курцикидзе в создании первого абхазского букваря. К сказанному следует добавить, что 89 абхазских пословиц, приложенных к этому букварю с переводом на русский и грузинский языки, были записаны непосредственно Георгием Курцикидзе. Кроме того, как говорится в свидетельстве, выданном генерал-майором А. И. Бартоломеем 1 марта 1865 года, прапорщик Курцикидзе, «будучи вызван в Тифлис для корректуры издаваемого Абхазского букваря, с ноября 1864 до марта 1865 года усердно и добросовестно исполнял возложенный на него труд»⁴⁹. В предисловии Бартоломея к книге «Аџшьа история назкъаџны. Краткая священная история» также читаем: «Труд этот начат 15 октября 1865 года и окончен 5 марта 1866 года; корректором абхазского текста, при печатании, был прапорщик Г. Курцикидзе».

Г. Д. Курцикидзе был женат на дочери адзюбжинского дворянина Эриста Маргания, Елизавете, и имел сына — Андрея (р. 1853) и двух дочерей — Мину и Агафию. Не уточнен еще год смерти Г. Д. Курцикидзе. Но сохранился его «Полный послужной список», составленный 8 июня 1884 года, т. е. на 61 году жизни Г. Д. Курцикидзе⁵⁰.

Что касается Симиона (Смел) Эшба, то о нем мы пока почти ничего не знаем. Лишь по известным данным, он был

⁴⁸ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 1.

⁴⁹ Литературно-мемориальный музей Д. И. Гулиа, вр. ф. 83.

⁵⁰ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 1, лл. 13—15.

родом из села Абжаква и в 1877 году стал жертвой турецкой оккупации Абхазии — его насильственно увезли в Турцию.

Этим завершается, по существу, начальная фаза развития абхазского литературного языка. Профессор А. Н. Генко, автор этой периодизации, отмечал: «Первые попытки литературного использования закавказско-абхазских наречий были сделаны в 1865—1866 гг. в изданных по инициативе Бартоломея «Абхазском букваре» и «Краткой священной истории»; попытки эти исходили, по-видимому, от представителей ныне почти исчезнувшего гумского наречия. Это наречие занимало некогда промежуточное положение между южным, кодорским и северным, бзыбским наречиями, тяготея, впрочем, больше к бзыбскому»⁵¹. В конечном итоге абхазский литературный язык, как известно, был сориентирован на абжуйский диалект, имеющий более простую фонетическую систему. Таким образом, рассматриваемый период представляет важную веху в развитии абхазской языковой общности⁵².

Однако широкое развитие культуры абхазского народа, как и любого другого народа, могло произойти только в результате создания разветвленной школьной сети. Царское правительство, как отмечалось выше, разумеется, не хотело заботиться об этом. Речь идет о том, что меры, принимавшиеся им в школьном вопросе в Абхазии, объективно способствовали общему прогрессу культуры здесь. Особенно после введения в 1864 году в Абхазии русского управления ощущается острая потребность в сельских писарях, переводчиках, работниках канцелярий, учителях для открывающихся школ, в которых языком обучения, как правило, являлся русский. Школьная политика царизма на Кавказе, как и другие мероприятия в области культуры, была теснейшим образом связана с его общей программой идеологической обработки кавказских народов. Школа была признана основным орудием распространения здесь идей православия, а христианизация горских народов становилась стержнем всей идеологической линии самодержавия на Кавказе. Особая роль при этом отводилась «Обществу восстановления православного христианства на Кавказе», которое с самого начала развернуло довольно активную работу по переводу литературы, главным образом религиозной, на языки горских народов; началась работа по составлению словарей, алфавитов, букварей и т. д. Причем в осуществлении своих целей Общество особое место отводило школе. И горцы, испытывая большую потребность в образовании, независимо от миссионерских и политических

⁵¹ А. Генко. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков. — «Труды» АИЯЛИ, XVIII, 1957, с. 186.

⁵² Э. В. Аячабадзе. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976, с. 94.

целей устроителей школ, горячо взялись за организацию начальных школ⁵³.

Как отмечалось выше, в Абхазии некоторые сдвиги в школьном строительстве наблюдаются уже в 60-х годах, когда фактически здесь и закладываются основы школьного образования.

Одним из поборников школьного дела в Абхазии в этот период был известный грузинский историк-археолог и общественный деятель, находившийся под сильным влиянием шестидесятников Грузии, Д. З. Бакрадзе. В 1864—1867 годах он, обзрев в качестве инспектора школ Общества учебные заведения Абхазии, в своих отчетах доказывал, что абхазы особенно нуждаются в просвещении и считал необходимым ликвидировать влияние мусульманского духовенства⁵⁴.

Еще М. А. Селезнев отмечал, что абхазы имеют стремление вообще «к благотворительному образованию»⁵⁵. В 1868 году священник Моквской церкви сообщал Д. А. Мачавариани, что «из разных ближайших деревень многие абхазцы привели к нему детей своих обоюбого пола для обучения грамоте»⁵⁶. Родители очень интересовались успехами своих детей. Тот же Д. З. Бакрадзе в 1865 году писал: «Многие из родителей и родственников, желая видеть успех своих детей, являлись на испытания... Как они понимают пользу грамотности и как сильно в них желание, чтобы дети их учились, видно из того, что из бывших в 1864 году в школах никто их не покинул, напротив, число их значительно выросло»⁵⁷. Епископ Имеретии Гавриил писал в 1868 году, что жители Самурзаканской Абхазии горячо желают и просят, чтобы в селе Окум открыли женскую школу и вместо двухклассной школы—четырёхклассное мужское училище, для какой цели они изъявили желание

⁵³ В. Д. Магомедова. Просвещение и школа в Северной Осетии во второй половине XIX в. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1974, с. 7—8.

⁵⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 77, л. 43.

Крупнейший представитель грузинской буржуазной историографии Д. З. Бакрадзе много труда уделил и изучению прошлого Абхазии. В своей известной работе «Кавказ в древних памятниках христианства» (см.: ЗОЛКА, кн. I, 1875, с. 19—177) он дал описание ряда исторических памятников Абхазии (Пицунда, Лыхны, Моква, Илора и др.). В 1860 году в газете «Кавказ» (№№ 48—49) Бакрадзе опубликовал обширный «Очерк Мингрелии, Самурзакано и Абхазии». В мае 1866 года он произвел археологическое обследование района Цебельды. В отчете об этом (см.: ИР, ф. Дм. Бакрадзе, д. 39), помимо описания археологических памятников, он дает справку о древней истории Абхазии, в частности, периода Абхазского царства.

⁵⁵ [М. А. Селезнев]. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. СПб., 1847, с. 207.

⁵⁶ Цит. по: А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851—1917 гг.). Сухуми, 1956, с. 91.

⁵⁷ ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 96, лл. 16—17.

собрать средства⁵⁸. Епископ сообщает и о следующем факте. 30 сентября 1869 года в селе Мазихва калдахварский князь Александр Инал-ипа от имени жителей сел района между реками Бзыби и Мчишты (Черная) обратился к нему, ведшему в это время здесь проповедь, с речью, в которой заявил, что они «не желают более быть похожими на бесплодное дерево, но для этого им нужно учиться», а потому просят построить им школу и церковь⁵⁹.

В Отчете по учебной части Сухумской горской школы за 1868 год читаем: «...Абхазцы заметно начинают сознавать важность и необходимость воспитания своих детей; жизнь домашнюю, свое хозяйство абхазцы по мере возможности улучшают мало по малу. Примером служат для них живущие здесь русские..., устраивают жилища по образцу русских домов..., просят о зачислении детей своих на казенный счет в школу и даже на свой счет и, при доставлении детей в школу, убедительнейше просят обращать на них особенное, отеческое внимание»⁶⁰.

В этом отношении представляет интерес также статья И. П. «Несколько слов об Абхазии», опубликованная в газете «Кавказ» 30 мая 1869 года. В ней говорится о том, что абхазы «по возможности стараются сближаться» с русскими, «обнаруживают стремление дать детям своим хотя бы какое-нибудь образование»; в Сухумской горской школе «ощущается большой недостаток свободных вакансий». «Как велико желание абхазцев, — читаем дальше, — дать образование своим детям, можно видеть из того, что жители с. Лыхны просили здешнее начальство устроить в их селении начальную школу; то же самое хотят сделать, как слышно, и жители некоторых других селений». А начальник Сухумского отдела в отчете за 1875 год писал, что на народных сходах нередко заявляют: «Дайте нам умереть такими, как мы есть, но сделайте (через школу. — Г. Д.), чтобы наши дети были другими людьми». И «в подтверждение искренности такого заявления служит факт, что школы не могут вмещать всех детей, желающих учиться»⁶¹.

Заслуживает внимания и следующий факт. В 1862 году солдатами пицундского гарнизона была открыта своеобразная школа. Вступив «в знакомство и в духовное родство» с жителями соседних сел, они начали обучать абхазских детей русской грамоте. Солдаты «приучили» их «приходить в вос-

⁵⁸ Цит. по: А. П. Дудко. Указ. соч., с. 93.

⁵⁹ Гавриил. Обзорение абхазских церквей в 1869 году (Путевые записки). — «Кавказ», 8(20).IV.1870, № 42.

⁶⁰ ЦГИАГ, ф. 545, д. 531, лл. 5—5об.

⁶¹ Там же, д. 986, лл. 79—116.

Большинство школ ютилось в тесных, арендуемых у частных лиц помещениях, малоприспособленных для учебной работы.

кресные дни. «Учеников» своих они кормили, купали в бане и одевали на этот день «скудным своим иждивением». Некоторые дети оставались в гарнизоне, у крестных своих отцов, и дольше, как правило, для продолжения изучения азбуки. Количество «учащихся» увеличивалось. Это были Агрба, Жибба, Гочуа, Анкваб, Садзба, Джакония. Это дело поощрялось также начальником гарнизона капитаном А. С. Вороновым⁶². Вообще Воронов и солдаты, «вступая в приятные сношения с жителями абхазских селений, до того расположили их к себе, что абхазы доброхотно доверяют им воспитание детей»⁶³. Наиболее отличившегося мальчика Николая (Хусейна) Садзба было решено направить в Кутаисское духовное училище на казенный счет⁶⁴. Однако это «доброе дело» продолжалось недолго. В 1864 году занятия детей прекратились⁶⁵.

Своеобразная школа была открыта и при Тамышском приходе, в которой в 1864 году училось четыре человека. Их обучал грузинской грамоте священник Георгий Ахвледiani⁶⁶. И некоторые другие сельские священники на собственные же средства воспитывали мальчиков.

Несколько детей обучалось также на средства мусульманского духовенства — местные муллы готовили их себе в приемники⁶⁷. Вообще тяга к грамотности малоимущих слоев населения в ту пору часто удовлетворялась этими традиционными методами обучения на дому, у так называемых «мастеров грамоты», большей частью священников или, в гораздо меньшей степени, мулл.

Отмечая проявление живого интереса населения к изучению русской грамоты и известного прогресса в этом деле, П. К. Услар еще в 1861 году писал: «Большая часть горских народов... живо чувствует потребность учиться русскому языку и русской грамоте... При этом встречаются сванеты, абхазцы, адыги, кабардинцы, осетины, чеченцы, лезгинцы, которые весьма хорошо уже говорят и пишут по-русски. На долю этих лиц выпадает роль быть просветителями своих едино-

⁶² ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 35, лл. 1—3, 7—10.

Это был окружной военный начальник А. С. Воронов, «при усердии и умеренности в издержках» которого Пидундский храм, без изменения его главных частей, был «точно воспроизведен» по первоначальному плану. Причем «торжественное освящение» главного храма было совершено 27 сентября 1869 года епископом Имеретии и Абхазии Гавриилом (И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канаанитский монастырь. М., 1898, с. 101).

⁶³ ЦГАА, ф. 493, оп. 1, д. 35, л. 18.

⁶⁴ Там же, л. 14.

⁶⁵ Там же, д. 77, л. 48об.

⁶⁶ ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 77, лл. 47об.—48.

⁶⁷ Там же, ф. 545, д. 986, л. 2 в. Отчет начальника Сухумского отдела за 1874 год.

земцев созданием для них грамотности»⁶⁸. И уже в 1885 году отмечается, что «абхазцы турецкого языка не знают, а некоторые из них знают хорошо по-русски»⁶⁹.

Дети проявляли большой интерес и к изучению родного языка. Д. З. Бакрадзе писал о первых успехах в этом стремлении, например, в Окумской школе благодаря новому (бартоломеевскому) букварю⁷⁰. Родному языку отводилось, с одной стороны, чисто служебное место (с его помощью можно было быстрее изучить русский язык), а с другой стороны, им пользовались для того, чтобы дети скорее могли изучить молитвы, богослужение и катехизис, а также для проведения на родном языке религиозно-нравственных бесед⁷¹. Вообще же допущение преподавания родного языка и некоторые успехи в этом деле были связаны с либеральным характером школьной реформы 60-х годов в России.

В 1865 году, перед выездом из Тифлиса, инспектору Д. З. Бакрадзе было предложено ознакомить предварительно с новым абхазским букварем «священников из природных абхазцев, предложить им собрать несколько приходских мальчиков и обучить их местному языку». Таких в Абхазии в то время нашлось четыре человека, одним из которых был И. Гегна из села Лыхны. Бакрадзе просил окумского благочинного обратить особое внимание на абхазских детей и «занимать их абхазским языком». Некоторые из них, наиболее способные и выделенные самим инспектором для подготовки в дальнейшем к преподавательской деятельности, за короткое время «совершенно усвоили абхазский букварь»⁷².

Следует также отметить, что в некоторых школах края, в которых обучались абхазские и грузинские дети (например, в Самурзаканской Абхазии), по инициативе отдельных учителей-грузин велось и преподавание грузинского языка, хотя царские власти, по вполне понятным причинам, всячески препятствовали этому.

Таким образом, школы, несмотря на их классовую ограниченность, объективно играли важную роль в развитии народного образования и культуры в целом, в формировании национальной интеллигенции. Они являлись источником просвещения населения. В них обучали русскому и отчасти род-

⁶⁸ П. К. Услар. О состоянии азбук кавказских языков. См. приложение к его работе «Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык», с. 50, 56.

⁶⁹ А. Л. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885, с. 114.

⁷⁰ ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 161, л. 8.

⁷¹ А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии, с. 243.

⁷² ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 96, лл. 13—15.

ному языкам, арифметике, истории, географии, рисованию. Школьники читали произведения Пушкина, Крылова, Лермонтова, Некрасова, Кольцова. Вообще все больше и больше появляются книги из России. И эти русские издания были для абхазских юношей в тех условиях единственным средством научного познания мира и приобщения к достижениям европейской цивилизации. Все это способствовало ориентации местных жителей на великую русскую культуру, делу сближения народов.

Особо должен быть отмечен тот факт, что среди русских учителей, обучавших абхазских детей, было немало истинных поборников просвещения, чуждых великодержавной идеологии царских колонизаторов и беззаветно преданных лучшим прогрессивным традициям русской педагогики. Это были по преимуществу представители разночинной интеллигенции, самоотверженность которой всегда вызывала восхищение. Читая произведения русских писателей и слушая живые рассказы русских педагогов, пытливые юноши проникались идеями гуманизма и социальной справедливости, характерными для передовой русской культуры.

В этом жизненно важном для судеб абхазского народа процессе, как отмечалось выше, большое значение имела также практика обучения молодых абхазов за пределами края. Например, в 1864 году в Цаншском грузинском монастыре грамоте обучалось 6 абхазских юношей⁷³, а в 1871/72 учебном году из числа абхазских детей ученые проходили: в Магарачском училище виноделия (Ялта) — 1 чел., Нижитском ботаническом саду (Крым) — 3, Ставропольской гимназии — 3, Тифлисском фельдшерском училище — 2, Тифлисской александровской учительской школе — 4. Кроме того, в сельскохозяйственную школу (Лачино) готовились 2 человека (один «для обучения ветеринарному искусству», другой «для приготовления в агрономы»), двое «при докторах готовятся в фельдшеры»⁷⁴ и т. д.

В 1875 году только из 10 окончивших Сухумскую горскую школу 6 учеников поступили: в Кутанскую гимназию (1), ставропольские гимназию (2) и семинарию (2), Нижитский сад (1). Следует отметить, что лучшие ученики этой школы, как правило, направлялись в учебные заведения других городов⁷⁵.

В отчете начальника Сухумского отдела за 1874 год говорится: «...Нельзя упустить из виду одно важное обстоятельство, имеющее некоторую связь с будущим в отношении сель-

⁷³ ЦГАА, ф. 493, оп. 1, д. 77, л. 48.

⁷⁴ ЦГИАГ, ф. 545, д. 574, лл. 4—10.

⁷⁵ Б. Г. Тарба. Указ. соч., с. 26.

скохозяйственном — это надежда на воспитанников Владикавказской школы и Никитского сада, куда из Абхазии отправлено в последние два года несколько мальчиков для обучения специально сельскому хозяйству, которым остается пожелать одного только, чтобы приобретенное ими знание могли они с пользой применить на родной своей почве»⁷⁶. Вместе с тем сыновей местных дворян продолжали посылать в военные учебные заведения, а также в университеты. В некоторые средние общие и специальные учебные заведения попадали и отдельные крестьянские дети.

Получив специальность, абхазские дети возвращались в родные места, многие из них несли знания своему народу. Это относится особенно к учительским кадрам. Уже в начале 70-х годов появляются первые их представители. Это были в то же время и первые представители абхазской мелкобуржуазной интеллигенции, в составе которой, в условиях Абхазии, народные учителя всегда составляли самую значительную группу.

В подготовке первых педагогических кадров Абхазии особенно большая роль принадлежит Тифлисской александровской учительской школе с трехгодичным сроком обучения, открытой в 1866 году «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе»⁷⁷. В подготовке абхазских учителей важную роль сыграли также Тифлисская и Ставропольская духовные семинарии, Закавказская (Горькая) и Хонская (Кутанская) учительские семинарии.

Владея абхазским и русским языками, а некоторые и грузинским, учителя-абхазы за короткий срок добивались хороших результатов. Имеются в виду, в частности, Григорий Эмухвари, Григорий Шервашидзе, Виссарион Инал-чина, Алексей Эмухвари.

Григорий Эмухвари (Эмхаа) начал свою педагогическую деятельность в 1870 году. Он был направлен в Моквинскую школу, но «за неимением помещений» ему пришлось работать временно в Окумской⁷⁸. В 1872 году Г. Эмухвари — учитель Очемчирской школы. В отчете «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» за 1872 год отмечалось, что указанная школа, в которой обучалось 70 учеников, была «замечательна по своим блестящим успехам, которых она достигла в продолжении своего пятимесячного существования благодаря энергичной деятельности учителя, природного абхазца Эмухвари»⁷⁹. «Этот учитель, а также и

⁷⁶ ЦИАГ, ф. 545, д. 986, л. 13.

⁷⁷ В 1872 году она была преобразована в учительский институт, который состоял из четырех классов (ЦУКУО за 1889 г., с. 69—70).

⁷⁸ ООВПХК за 1870 г., с. 60.

⁷⁹ Там же за 1872 г., с. 39.

учителя Давидов и Сергеев... служат осязательным доказательством того, что может сделать учитель с призванием, посвятивший себя всего педагогическому делу»⁸⁰. В Отчетах Общества за 1873⁸¹ и 1874⁸² годы также отмечены успехи Григория Эмухвари в обучении детей. В 1878 году видим его в Дихазуртской школе, где обучение им по-прежнему «ведется хорошо»⁸³, а в 1882 году — в Окумской⁸⁴.

Учитель Бедийской школы Григорий Фарнаозович Шервашидзе (ок. 1853—1919), назначенный в июле 1872 года, «не уступит по своей энергической деятельности учителям Сакварелидзе, Эмухвари и Иоселиани, оказавшимися по ревизии отчетного года в числе лучших учителей»⁸⁵. А в отчете Общества за 1873 год говорилось: «Бедийская школа совершенно пересоздана учителем Шервашидзе, успешным, благодаря своему влиянию на жителей, увеличить и самое число учеников»⁸⁶. Об его успехах также говорилось в отчете Общества за 1874 год⁸⁷, когда он был отмечен и денежным награждением. Бедиа — родное село Г. Ф. Шервашидзе (Чачба)⁸⁸.

Обращает на себя внимание годовое сочинение Г. Ф. Шервашидзе «Записки одного молодого человека», датированное 10 декабря 1872 года⁸⁹. Оно интересно прежде всего с точки зрения выяснения кругозора его автора. Работа эта, несомненно, свидетельствует о глубине интеллекта и литературном вкусе молодого педагога. Сохранились также его отчеты о состоянии Бедийской школы от 20 ноября и 8 декабря 1876 года. Небезынтересно, что из 26 всех учеников названной школы крестьянские дети составляли 17. «Занятия по всем элементарным наукам ведутся одним учителем», т. е. самим Шервашидзе. Это — русский язык в связи с наглядным обучением, арифметика, мироведение, письмо, черчение, пенне, гимнастика и закон божий⁹⁰. Речь шла, видимо, и об абхазском языке. Учитывая «распыленность населения», Шервашидзе ставил вопрос об улучшении приюта при школе. «Труд наш, — писал он, — будет вознагражден добрыми плодами и школа в скором времени достигнет своей высокой цели»⁹¹.

С 14 марта 1881 года Г. Ф. Шервашидзе становится учи-

⁸⁰ ЦГИАГ, ф. 433, оп. 1, д. 20, л. 12. Отчет директора Александровского учительского института по управлению школами Общества за 1872 год.

⁸¹ ООВПХК за 1873, с. 54.

⁸² Там же за 1874, с. 57.

⁸³ Там же за 1883, с. 18.

⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 15, д. 537.

⁸⁵ ООВПХК за 1872, с. 39.

⁸⁶ Там же, за 1873, с. 54.

⁸⁷ Там же, за 1874, с. 56.

⁸⁸ ЦГИАГ, ф. 443, оп. 1, д. 11 и 48, лл. 43—44; ЦГАА, ф. 833, д. 58, л. 4.

⁸⁹ Там же, д. 19, лл. 33—42 об.

⁹⁰ Там же, ф. 433, оп. 1, д. 103, лл. 202об.—204.

⁹¹ Там же, л. 205.

телем Окумской школы. Он и составляет годовой отчет о состоянии этой школы за указанный год⁹². По его старанию попечителями Окумской школы становятся Эристо и Чагу Эмухвари, которые оказывают школе большую помощь. Это были почетные люди — герои русско-турецкой войны 1877—1878 годов, награжденные боевыми орденами⁹³. В мае 1881 года Г. Ф. Шервашидзе по поручению инспектора училищ Общества производит ревизию Бедийской школы и составляет отзыв о ее состоянии⁹⁴.

Воспитанник Тифлисского же учительского института Виссарион Инал-ипа в 1874 году начал работать в Окумской школе в качестве второго учителя, чем было и обусловлено «значительное увеличение числа учащихся» в этой школе⁹⁵. В 1875 году он стал основателем школы в с. Гуп⁹⁶, а в 1891 году — в с. Саберио⁹⁷.

Однокашник и друг В. Инал-ипа, педагог-грузин Г. Гогоберидзе в 1874 году был назначен в Лыхненскую школу. Инспекция школ «с особым удовольствием» свидетельствовала «о замечательной по своей энергии деятельности» этого учителя⁹⁸. Сохранился отчет самого Гогоберидзе о работе Лыхненской школы в 1875 году. Учитель особо отмечал успехи детей в изучении русского языка⁹⁹, которые «довольно свободно читают, пишут и говорят по возможности по-русски»¹⁰⁰. Как один из лучших учителей Абхазии, Гогоберидзе в 1876 году был назначен смотрителем-директором Сухумской горской школы и на этой должности находился до 1879 года¹⁰¹. В этой самой крупной в крае школе «дети абхазцев занимаются усердно и весьма охотно выполняют свои самостоятельные работы»¹⁰².

В начале 70-х годов начинает свою деятельность и Алексей Михайлович Эмухвари (Эмхаа) (умер в 1915 году), которого К. Д. Мачавариани упоминает в 1900 году как одного из самых интеллигентных абхазов¹⁰³. Он сперва учился в родном селе Окум, а в 1866 году поступил в Тифлисскую александровскую учительскую школу, где всем учителям и директору

⁹² Там же, д. 157, л. 48.

⁹³ Там же, лл. 48—48об.

⁹⁴ Там же, лл. 36, 39об., 58—58об.

⁹⁵ ООВПХК за 1874, с. 56.

⁹⁶ Там же, за 1876, с. 23.

⁹⁷ Там же, за 1892, с. 195.

⁹⁸ Там же, за 1874, с. 57.

⁹⁹ О больших успехах «никогда не слыжавших русской речи» учеников Лыхненской школы, через год после ее открытия, писал и Н. Лихачев в номере газеты «Кавказ» за 17 октября 1876 г.

¹⁰⁰ ЦГИАГ, ф. 433, оп. 1, д. 103, л. 34.

¹⁰¹ Там же, д. 193, лл. 11об., 28.

¹⁰² Там же, д. 188, л. 9.

¹⁰³ К. М а ч а в а р и а н и. Очерки Абхазии. — «Черноморский вестник», № 31, 9. II. 1900.

Захарову «было много хлопот» с его абхазским акцентом¹⁰⁴. Как видно из рапорта Эмухвари от 19 января 1874 года, он был учителем Очемчирской школы¹⁰⁵. Начинается долголетняя и многотрудная педагогическая деятельность А. М. Эмухвари (главным образом в с. Моква). Он в совершенстве знал французский язык, бывал во Франции.

Но для нас А. М. Эмухвари особенно важен как человек, проявивший глубокий интерес к научным занятиям и общественной жизни края. Уже в 1873 году им была опубликована обстоятельная статья под названием «Самурзаканские поверья»¹⁰⁶, очерк, который не потерял своей ценности как историко-этнографический материал и в настоящее время¹⁰⁷. В ней речь идет о кузне и кузнецах-ремесленниках, которые, по поверьям местного населения, могли «распоряжаться жизнью и смертью человека». Статья заканчивается так: «Кузнецы того времени пользовались большим почетом и жили очень богато, потому что большинство самурзаканцев отдавало сыновей своих на воспитание к кузнецам, делая им большие за то подарки, дабы впоследствии дети-ученики сами сделались кузнецами и обогатились бы, через что число кузнецов не уменьшалось и с увеличением его беднел народ, но... в настоящее время число кузнецов уменьшается заметно, и нынешнее поколение кузнецов не пользуется прежними благами и живет беднее других».

В 1898 году А. М. Эмухвари на страницах батумской газеты «Черноморский вестник», корреспондентом которой он был много лет, опубликовал целый ряд статей и заметок. Первая из них была посвящена обычаю отдавать детей на воспитание в другие семьи (аталычество)¹⁰⁸. Автор пытается раскрыть причины возникновения этой системы воспитания и ее социальный смысл. Он подчеркивает печальный характер последствий обычая — пережиточного института давно минувших времен. «Из рассказанного мною видно, — заключает Эмухвари, — как рано начинали нравственно портить детей в Абхазии».

А. М. Эмухвари волнует также экономическое положение абхазского населения¹⁰⁹ и его нужды¹¹⁰. В своем большом

¹⁰⁴ А. М. Эмухвари. Абхазцы и их потребности. — «Черноморский вестник», 15.VII.1898, № 155.

¹⁰⁵ ЦГАИГ, ф. 433, оп. 1, д. 187, л. 1.

¹⁰⁶ См.: «Кавказ», 12(24).I.1873.

¹⁰⁷ См.: Г. Ф. Чурсия. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 71.

¹⁰⁸ См.: А. М. Э. Воспитание детей в Абхазии. — «Черноморский вестник», 28.III.1898, № 70.

¹⁰⁹ См.: «Черноморский вестник», 5.V.1898, № 98.

¹¹⁰ «Черноморский вестник», 14.VI.1898, № 154; 15.VII.1898, № 155.

очерке «Абхазцы и их потребности» он писал: «В настоящее время абхазцы имеют право ожидать лучшего и есть надежды, что в скором времени они не будут отставать от своих старших братьев — русских, а туземные полунинтеллигенты не будут иметь возможность говорить о них с пренебрежением... Те, кому приходится так или иначе стать руководителями той или другой народности, обязаны употребить все свои силы на то, чтобы, по возможности, экономически, нравственно и умственно поднять эту народность... Многие из читателей, конечно, имеют смутное понятие об абхазах, этом маленьком народе, живущем в дебрях Сухумского округа. Для них я скажу, что абхазцы способны, гостеприимны, услужливы, подвижны, сметливы, находчивы, самолюбивы, строго почитают родство по закону и обычаю, любят единение, трезвы и решительны. Ласкою и приветом абхаза можно убедить в чем угодно, и он все исполнит, но к тем, кто не умеет обращаться с ним, он относится очень недоверчиво. Абхазец любит оценивать человека по своему соображению и при этом отличается мстительностью...»¹¹¹.

А. М. Эмухвари ставит вопрос об открытии мужской гимназии, «в которой окончившие курс в начальных школах дети местных жителей (а их несколько десятков тысяч) могли бы приобрести более полные познания, а, быть может, получить доступ и к высшему образованию». Для этой цели он предлагал использовать, в частности, 80 000 рублей, оставленные князьями и дворянами Абхазии после крестьянской реформы на образование их же детей и 20 000 рублей, пожертвованные Чавчавадзе в пользу населения Самурзаканского участка во время русско-турецкой войны 1877—1879 годов¹¹².

А. М. Эмухвари ставил также вопрос об открытии сельскохозяйственных школ. «Ввиду того, — обосновывал он, — что старый способ ведения сельского хозяйства уже давно не удовлетворяет жизненным требованиям, пора уже открыть в Сухумском округе одну или две сельскохозяйственные школы, которые дали бы нам возможность научиться другим более прибыльным культурам и таким образом выйти из теперешнего бедственного положения»¹¹³.

Проблеме улучшения шоссейных дорог в Самурзаканском участке была посвящена корреспонденция А. М. Эмухвари, опубликованная в «Черноморском вестнике» 15 октября 1898 года. А в статье «Положение Кодорского участка», напечатанной на страницах той же газеты 27 сентября 1892 года (№ 215), речь идет о том, что этот район, «как и все остальное Кавказское побережье, с нетерпением ожидает открытия железной дороги». С проведением же последней

¹¹¹ Там же, 14.VI.1898, № 154.

¹¹² Там же, 15.VII.1898, № 155.

¹¹³ Там же, 19.VIII.1898, № 182.

«явится и возможность более скорой отправки, а потому и остальные продукты найдут более выгодный сбыт..., увеличатся и местные торговые обороты вообще...».

Затрагивая переселенческий вопрос, А. М. Эмухвари подчеркивал, что в лице русских трудовых колонистов местные жители получают соседей, от которых «можно будет научиться многому» («новым культурам», русскому языку), а местные люди, «со своей стороны, с радостью готовы поделиться с русскими тому, чему научил весь долгий опыт» как их личный, так и их предков¹¹⁴.

А. М. Эмухвари обращался и к абхазскому фольклорному материалу. Под названием «К характеристике абхазов» он опубликовал известное красивое и поучительное предание об абхазском князе Хасанбее и кабардинском дворянине Заурбеке¹¹⁵, которое показывает, «насколько предки абхазцев считали священным честно относиться друг к другу». Это абхазское предание в свое время было записано К. Д. Мачавариани, а в обработке С. Я. Чанба под названием «Любовь и дружба» в 1935 году опубликовано в книге «Абхазские сказки»¹¹⁶. Но вариант Эмухвари более полный и относится к Самурзаканской Абхазии.

В «Письме к редактору»¹¹⁷ А. М. Эмухвари выступает против инсинуаций и клеветнических измышлений некоторых органов печати на абхазский народ. В этой заметке он, в частности, сообщает следующие факты. В Самурзаканском участковом управлении находилось турецкое, испачканное кровью, знамя. Оно было отбито у турецких аскеров во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов под Очеччирами Бату Эмухвари (дядя автора статьи), который командовал сотней и был ранен в ногу. «Все самурзаканцы говорят как по-абхазски, так и по-мингрельски. Население Самурзакани довольно многочисленно».

24 ноября 1898 года на русском языке была опубликована еще одна статья А. М. Эмухвари¹¹⁸, причем под псевдонимом «Апсуа»¹¹⁹. В ней автор ставил вопрос о принятии мер по переводу богослужебных книг на абхазский язык, выражая при этом свое недовольство сухумскому епархиальному начальству.

Под псевдонимом «Апсуа» А. М. Эмухвари в последующее время опубликовал еще несколько статей. Например, в 1899

¹¹⁴ Там же, 5.V.1898, № 98; 27.IX.1902, № 215.

¹¹⁵ См.: Там же, 17 и 20 июня 1898 г., №№ 132 и 135.

¹¹⁶ См. также: «Апсуа лакукуа», I. Акуа, 1940, ад. 201; «Абхазские народные сказки». М., 1975, с. 229.

¹¹⁷ «Черноморский вестник», 6.VIII.1898, № 173.

¹¹⁸ Там же, 24.XI.1898, № 256.

¹¹⁹ А. М. Эмухвари часто выступал под псевдонимами «Апсуа» («Абхаз») и «А. М. Э.».

году на страницах «Иверии» были напечатаны заметки: «Письмо из Абхазии», «с. Пишап» и «с. Дранда». В первой корреспонденции (5 марта, № 48) автор обращал внимание на плохое состояние дорог (между Сухумом и Очемчиры), а также здравоохранения, в результате чего, например, в с. Дранда гибла крестьянская молодежь. Во второй заметке (22 апреля, № 84) Эмухвари сообщал о народном собрании в с. Пишап, где был поставлен вопрос об открытии школы и высказано требование о назначении учителем этой школы опытного педагога Н. Корочанского. В третьей (11 декабря, № 267) речь шла о развитии шелководства в с. Дранда. По инициативе местной интеллигенции здесь с этой целью было создано товарищество (более 100 членов), которое прежде всего развернуло работу по пропаганде новой для этого района культуры. Автор всячески приветствовал это дело как экономически выгодное для населения.

Опубликованную в «Черноморском вестнике» 20 марта 1902 года статью А. М. Эмухвари посвящает вопросу развития женского образования в Абхазии. Отмечая, что «среди абхазцев замечается сильное стремление дать образование своим дочерям», он подчеркивал: «Но далеко не все из них могут достигнуть этого, так как лишь немногие имеют средство содержать своих детей в Сухумской женской гимназии». «В интересах населения» Эмухвари считал целесообразным преобразовать Гудаутскую одноклассную женскую школу в двухклассную. Для населения Гудаутского участка с населением в 24 000 душ имелась только одна упомянутая женская школа, в которой ежегодно оканчивало курс 5—6 абхазок, «чего, разумеется, недостаточно»¹²⁰. Автор особое отмечал «большое стремление к учению» со стороны абхазского населения вообще¹²¹. В той же газете 27 сентября 1902 года появилась его заметка «Положение Кодорского участка».

23 декабря 1903 года в «Цнобис пурцели» была опубликована корреспонденция А. М. Эмухвари «с. Дранда». Его глубоко волновали проблемы развития сельского хозяйства Абхазии¹²². Он был обеспокоен участвовавшими в крае случаями воровства и прабежей, от которых в первую очередь страдало трудовое крестьянство. Этот злободневный вопрос Эмухвари поднимал и в заметке «Абхазские дела», опубликованной в газете «Батумский голос» 15 октября 1908 года. «Со стоном с гор скота и лошадей, — писал он, — опять появились на сцене паразиты нашей абхазской жизни — любители легкой наживы, так нагло, бесцеремонно и безнаказанно державшие в полной своей власти все трудовое население окру-

¹²⁰ Апсуа. Гудауты. — «Черноморский вестник», 20.III.1902, № 65.

¹²¹ Апсуа. Сел. Лыхны. — Там же, I.I.1904, № 1.

га. Эти отбросы, подонки общества — в массе своей из привилегированных сословий...».

В другой своей статье — «У абхазцев», напечатанной в той же газете 19 января 1912 года, А. М. Эмухвари проявляет интерес не только к этнографии, но и к философии абхазов, ко всему тому, что «создал национальный их гений». Его занимали особо «доктрины абхазской религии». Вот некоторые выдержки из названной статьи, представляющие интерес и с точки зрения характеристики его мировоззрения как материалистического. «Нет такого исторического момента, которым подтверждался бы факт полного отрицания или непочитания абхазами своего культа. В века исповедывания ими христианства и ислама, никогда не замечались отступления абхазами от своей религии. Далее, несмотря на тысячелетия своего существования и невзгоды, заставлявшие их терять надежду на существование, абхазцы отстаивали культ своих предков и им удавалось всегда сохранять свои святыни. Религия издревле была по существу своему—естественная, т. е. она произошла из страха перед непонятными явлениями природы, как, например, гром, молния и др., устрашавшие темную толпу, которая научным образом не могла объяснить себе ни одного из явлений природы... Религия абхазцев, являясь этнографической, чужда была духу прозелитизма не в стране только, но и между отдельными общинами и семьями. Но... боготворение и страх перед страшными явлениями природы, форма умиловивления их и привлечения этих суровых, безжалостно убивающих людей и разбивающих вековые деревья (гром), у всех абхазцев были одинаковы: та же кузница, та же ювелирная мастерская, в которых устроены алтари для клятвы, которая бывает в разнообразной форме и разнообразного содержания. Формы выполнения этой религии были напоминанием абхазами общих их обычаев (не нарушать клятвы, произнесенной в кузнице, уважать гостя, как священную особу), служивших объединением всех абхазцев».

Последняя из известных нам в настоящее время работ А. М. Эмухвари («Война и Абхазия») была опубликована в «Сухумском листке» 3 апреля 1915 года. Она по существу посвящена абхазским махаджирам 70-х годов XIX века. Вот выдержки из этой статьи: «Чуть пронеслась в октябре истекшего года весть о конфликте между Турцией и Россией..., как болезненно отозвалось это в сердце абхаза и раскрылись вдруг те раны, которые некогда нанесла ему Турция. Понял он тот наглый по своей ужасающей подлости обман, которым некогда завлекла она к себе сотни, тысячи семейств

¹²² Между прочим, А. М. Эмухвари был членом «Сухумского общества сельского хозяйства» с 1894 г. (См.: Отчет о деятельности СОСХ за 1914 г. Сухум, 1915, с. 102).

абхазцев, которых на место обещанных «млека и меда» ждала одна голодная смерть.

По своему неразумению абхазцы поддались тогда привлекательному описанию турками страны Турецкой, и они тысячами потянулись туда, бросив на произвол судьбы все свое состояние, свою родину, на которой жили тысячами лет. Но чуть коснулись земли турецкой, как смерть стала витать над ними, скашивая ряды абхазцев, с одной стороны, набросились на них всевозможные болезни, до того неизвестные им в их родной стране, зимний холод и голод дополняли бедствия. Только немногие успели убежать от неминуемой смерти и вернуться обратно, оплакивая погибших, негодуя и проклиная расстроивших и разоривших их родное гнездо... Он (абхаз. — Г. Д.) познал, что счастье только в его родной стране...».

Как видно, работы А. М. Эмухвари представляют большой интерес и для понимания направления общественной мысли Абхазии конца XIX—начала XX века.

В 1876 году в пятом классе Тифлисской духовной семинарии учился Андрей Георгиевич Курцикидзе из с. Адзюбжа. Однако он решил посвятить себя делу народного просвещения, с целью чего просил о допуске его к слушанию частным образом в Тифлисском учительском институте «метода и приема преподавания уроков в сельских школах»¹²³. А желал он стать сельским учителем, чтобы быть «полезным для соотечественников»¹²⁴. Одновременно Курцикидзе обращается к начальнику Пицундского округа с сообщением о своем намерении «выйти... на поприще общественной деятельности» и с предложением направить его в Ачандарскую школу, «так как, — писал он, — я на то чувствую в себе достаточные силы», знания и способности «свободно объясняться на абхазском языке»¹²⁵.

Деятельность первых учителей нередко была подвижнической — жить и работать им приходилось в невероятно трудных условиях. В отчете «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» за 1870 год по этому поводу говорится: «Только положение учителей в Абхазии и Самурзакани возбуждает серьезное опасение за их здоровье; одного учителя, уже расстроившего здоровье, нужно было перевести в лучший климат»¹²⁶.

В. И. Ленин особое внимание обращал на исключительно бесправное и нищенское положение народных учителей в царской России. «Россия бедна, — писал В. И. Ленин, — когда

¹²³ ЦГИАГ, ф. 433, оп. 1, д. 90, лл. 1—об., 5.

¹²⁴ Там же, л. 3.

¹²⁵ Там же, лл. 2—об.

¹²⁶ ООВПХК за 1870 г., с. 42.

речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в неотапленных и почти нежилых избах»¹²⁷. Одна из статей В. И. Ленина, написанная в 1913 году в связи с Всероссийским съездом по народному образованию, носит название «Нищета народных учителей»¹²⁸. По выражению «Искры», народные учителя являлись «интеллигентными пролетариями». мелкобуржуазная интеллигенция в целом находилась в бесправном положении и беспощадно эксплуатировалась капиталистами и царизмом. Эту интеллигенцию В. И. Ленин называл демократической, радикальной интеллигенцией¹²⁹.

Но беспредельная преданность делу просвещения народа, в том числе со стороны людей, социальное положение которых обещало им несравненно более обеспеченную и спокойную жизнь¹³⁰, делала вопрос перспективным и развивающимся. Тем более, что сами жители Абхазии к школе относились «с жадным сочувствием»¹³¹.

В 1876 году в Сухуме, в здании Горской школы, состоялся первый съезд учителей Абхазии, который свидетельствовал о некотором успехе в подготовке педагогических кадров¹³². Подбодренный этим фактом, Г. Б. Гогоберидзе писал в специальной заметке: «Вряд ли другой уголок, не только Закавказского края, но и обширного нашего отечества — России, может сравниться с Сухумским отделом по солидной подготовленности наличного состава преподавателей сельских школ, призванных двигать вперед бедный этот край... Будущая Абхазия — в руках этих школ, которые, судя по настоящей деятельности, можно надеяться, с честью выполнят эту великую задачу»¹³³.

Съезд учителей Абхазии, который следует рассматривать и как одну из форм профессионального объединения учителей, предполагалось созывать каждый год. Однако события русско-турецкой войны 1877—1878 годов в крае сорвали это

¹²⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, с. 129.

¹²⁸ Там же, т. 24, с. 195—197.

¹²⁹ А. В. Ушаков. Революционное движение демократической интеллигенции в России, 1895—1904. М., 1976, с. 6, 17.

¹³⁰ Надо помнить, что в то время профессия учителя считалась малопрестижной. Особенно малозавидной была судьба учителя «народной» (начальной) и церковноприходской школ. Даже на учителя гимназии чаще всего смотрели как на простого чиновника. Но люди категории Г. Ф. Шерашидзе или А. М. Эмухвари принципиально иначе смотрели на назначение учителя. Такое понимание роли учителя было глубоко раскрыто великим русским педагогом К. Д. Ушинским, который пробудил самосознание учителей, показал величие их скромной деятельности, их неограниченную пользу обществу, их значение в формировании духовного облика человека.

¹³¹ ООВПХК за 1870 г., с. 65.

¹³² Там же за 1876 г., с. 19.

¹³³ «Кавказ», 25.IV.1876, № 47.

дело, как и многие другие культурные начинания¹³⁴. С «мобилизацией в армию и наступлением смутного времени школы были закрыты и дети, распущенные на рождественские праздники 1876/77 года, более не собирались: затем наступившая война и всеобщий разгром не пощадили и школьных зданий, которые все разрушены, за исключением пяти самурзаканских, куда не достиг неприятель»¹³⁵.

Кроме того, перестало существовать функционировавшее в Сухуме «сOLIDное общество из врачей, которые все свободное время отдавали на оздоровление города и на собиране материалов для статистических сведений», а печатные их труды и в последующие времена «чигаются с большим интересом». Среди этих врачей «особенно выделяются» Заржецкий, А. Ф. Ковальский, М. Н. Некрасов, Умисса, И. Г. Тихомиров и Шашков¹³⁶. Заглохла всякая работа в этом отношении и в Очемчирах, где в 1875 году на средства местного населения была организована первая гражданская больница в Абхазии. Инициаторами этого дела здесь были окружные врачи З. С. Сериков и С. А. Миладовский, а в состав Общественного комитета по руководству больницей входили Баджу Эмухвари, Сасрыква Ашчабадзе, Квадж Маргания и другие¹³⁷.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов вообще отбросила назад все развитие Абхазии. Край был совершенно разорен и разграблен, а основная масса населения угнана в Турцию (махаджирство)¹³⁸.

Во время борьбы с турецкими оккупационными силами многие представители абхазской интеллигенции проявили высокий патриотизм. Это относится прежде всего к деятелям народного просвещения. Алексей Эмухвари, Григорий Эмухвари, Григорий Шервашидзе, Виссарион Инал-ипа и другие абхазские учителя сразу же вступили в ряды русского так называемого Нигурского отряда, ведшего кровопролитные бои с турецкими войсками. Все названные учителя заслужили боевые награды — знаки военного ордена св. Георгия¹³⁹ и меда-

¹³⁴ А в 80-х годах, в период «контрреформ», в России была запрещена организация учительских съездов, столь необходимых для обсуждения вопросов учебной и воспитательной работы и других мероприятий.

¹³⁵ ЦГИАГ, ф. 545, д. 1674, лл. 359—359об.

¹³⁶ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, с. 60.

Например, перу М. Н. Некрасова принадлежит ряд научных статей по вопросам лечения туберкулезных больных в условиях Сухума, А. О. Заржецкий в 70-х годах опубликовал обширную статью об этиологии холеры, И. Г. Тихомиров — «Холерная эпидемия в Сухуме в 1870 году» (Ш. Д. Гогохия. Здравоохранение в Абхазии. Сухуми, 1966, с. 8).

¹³⁷ Ш. Гогохия. Первая гражданская больница в Абхазии. — «Советская Абхазия», 19.XI.1975.

¹³⁸ Подробнее об этом: Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1976.

¹³⁹ ООВПХК за 1877 г., с. 34.

ли «За войну 1877—1878 гг.»¹⁴⁰. А. М. Эмухвари, кроме того, был награжден золотыми часами «за то, что он, рискуя потерять жизнь, побывал, для разведки, в занятом турками Сухуме»¹⁴¹. На военную службу поступили также многие взрослые учащиеся. Так, например, 10 учеников Бедийской школы, где в это время учительствовал Г. Ф. Шервашидзе, служили в милицейской части¹⁴².

Это были яркие представители демократической части абхазской интеллигенции, противостоящие ее реакционным элементам. К последним принадлежал, например, гагрский князь корнет Толупар Анчабадзе (Ачба), который отличился еще в подавлении Венгерской революции 1848—1849 годов в составе интервенционных войск царской России и даже выражал «удивление», «допущенным» командованием этих войск «ошибкам и нерешительности»¹⁴³. А во время Абхазского (Лыхненского) восстания 1866 года Т. Анчабадзе, будучи одним из переводчиков, сыграл провокационную роль. Чтобы возбудить людей, он намеренно искажал слова русских чиновников и т. д. За активное участие в подавлении этого восстания Т. Анчабадзе был произведен в прапорщики¹⁴⁴, а его подробное показание было приобщено к следственному делу¹⁴⁵.

Предательскую роль сыграли и некоторые другие военные из абхазских князей и дворян как во время указанного восстания, так в событиях 1877 года и махаджирском движении тех периодов.

Таким образом, вопреки всем указанным неблагоприятным обстоятельствам, благодаря плодотворному влиянию рус-

¹⁴⁰ «Памятная книга Кавказского учебного округа». Тифлис, 1879, с. 335.

¹⁴¹ ООВПХК за 1877 г., с. 34.

¹⁴² Там же.

В рядах русских войск сражался и ряд представителей абхазской военной интеллигенции. Кроме уже названных, это были полковник Михаил (Алмахсит) Маршания (ум. 1877), поручик Бату Эмухвари, прапорщики Иван Шервашидзе, Куджмахан Маргания и др. Почти все они были награждены соответствующим образом. Особо отметим Самсона Левановича и Дмитрия Константиновича Шервашидзе. Первый из них, о котором несколько говорилось выше, умер в 1881 году от раны, полученной как раз во время последней русско-турецкой войны. Д. К. Шервашидзе (1859—1886) был награжден медалью, в 1877 году зачислен рядовым в 145-й пехотный Новочеркасский полк, а в 1878 году переведен в 44-ю пехотную запасную бригаду. В 1880 году Д. К. Шервашидзе был командирован в Киевское пехотно-юнкерское училище «для прохождения курса наук». В том же году произведен в унтер-офицеры и переведен в Тифлисское юнкерское училище. Однако в 1881 году Д. К. Шервашидзе заболел и был уволен со службы, после чего жил в Киеве (ЦГАА, ф. 60, д. 46а, лл. 2—5; д. 78, л. 1об; д. 127, дд. 4—5).

¹⁴³ К. Д. М а ч а в а р и а н и. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу, с. 291.

¹⁴⁴ ГАКК, Приказы по Кавказскому военному округу за 1866 год, инв. № 1629.

¹⁴⁵ См.: ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 233об.—234, 242об.—242 и сл.

ской культуры во взаимодействии с местными культурными традициями происходит процесс становления и развития абхазской интеллигенции.

Несмотря на то, что результаты военных событий в Абхазии носили трагический характер, в 70—80-х годах этот процесс по своему содержанию отмечается вступлением в новый этап, характеризующийся все большим включением лучших представителей абхазской интеллигенции в революционную борьбу и движение общественной мысли страны. Явление это, естественно, органически было связано с социально-экономическим развитием края.

Некоторых абхазских интеллигентов увлекло народничество, зародившееся в Грузии в 70-х годах. Однако, как известно, революционные народники, стоявшие на неправильном пути и оторванные от народа, потерпели поражение. Тяжелую участь отважных грузинских народников («халхосноба») разделили и их абхазские братья — Александр Маргания, Елизавета (Лиза) и Мария (Мариам) Шервашидзе. А. Маргания был одним из «главных деятелей» революционного кружка, основанного в Кутаисе в 1875 году видными представителями грузинской народнической интеллигенции Исидором Кикодзе и Михаилом Кипиани. Это была одна из наиболее сильных народнических организаций в Грузии¹⁴⁶.

Елизавета и Мария Шервашидзе, дочери Александра Шервашидзе (Чачба), родного брата последнего абхазского владетеля¹⁴⁷, в то время жили, вместе с матерью Ниной и братом Давидом, в картлийском селе Ховле, куда были переселены по распоряжению властей после восстания 1866 года¹⁴⁸. Елизавета становится женой 25-летнего Михаила Кипиани, причем их венчание состоялось в кутаисской тюрьме, куда был заключен Михаил в 1876 году, когда произошел почти повсеместный разгром народнических организаций в Грузии. Затем М. Кипиани был сослан в Оренбург. Елизавета, ее сестра и брат в 1877 и 1878 годах много хлопотали за М. Кипиани, но безрезультатно¹⁴⁹. Тогда Елизавета последовала в Сибирь.

В 1881 году супруги Кипиани вернулись из ссылки и поселились в Гори, где снова включаются в революционную деятельность. В частности, Елизавета проходит как активный член Конспиративного комитета — руководящего ядра горийских народников. К числу видных революционеров современники относили и Марию Шервашидзе.

¹⁴⁶ «История классовой борьбы в Закавказье» (сб. статей), кн. I. Тифлис, 1930, приложение 11, № 1, с. 32.

¹⁴⁷ Между прочим, с одной из них, «прехорошенькой абхазкой в красивом национальном костюме». С. Рыжков в 1860 году встречался в Сухуме. Как отмечал он, «абхазская красавица» получила образование в Кутаисе («Отечественные записки», 1960, т. 130, № 6, с. 40—41).

¹⁴⁸ Они жили также в Тифлисе и Кутаисе.

¹⁴⁹ См.: ЦГАИГ, ф. 7, оп. 3, л. 2505, лл. 58—104.

В марте 1883 года М. Кипиани снова был арестован и отправлен в Петербург, где в течение значительного времени находился в одиночном заключении. Елизавета Шервашидзе едет в столицу, чтобы хлопотать об освобождении мужа. Она, в частности, обращается к родному дяде своему, отставному майору К. Г. Шервашидзе, чтобы он просил начальника жандармского управления генерал-майора Середу выдать ей мужа на поруки. В письме к нему Елизавета писала: «Муж мой Михаил Кипиани был арестован по доносу одного русского офицера... обвиняется в том, что будто бы был знаком с какими-то социалистами русскими... Муж мой, с тех пор как я вышла за него замуж, только и был занят день и ночь своей семьей и кормил свое семейство своими собственными трудами, зарабатывая в должности учителя в Гори... Если не освободят его скоро, то я должна буду со своими детьми умереть с голоду, так как у моих родных ничего нет, а он кормил своим трудом»¹⁵⁰.

Однако все старания Елизаветы не увенчались успехом, тем более, что в это время К. Г. Шервашидзе серьезно болел, а через некоторое время его не стало. М. Кипиани был сослан в Семипалатинск. Туда была отправлена и Мария Александровна Шервашидзе, также осужденная за активную революционную деятельность. Елизавета же каким-то образом избежала заключения, но, по примеру жен декабристов, снова последовала, с детьми и престарелой матерью, за мужем в ссылку. В 1887 году М. Кипиани освободили. Он приехал на родину, собрал деньги на приезд остальных членов семьи, но вскоре получил извещение о смерти своего друга и жены. В одном из своих писем Кипиани писал, что его несчастью «поистине нет предела... Что моя жизнь? Однако ничего не поделаешь, нужно себя обманывать мыслью, что я необходим для детей». Но вскоре и детей (Шало, Вахтаг и Саломе), ради которых Михаил еще хотел жить, не стало¹⁵¹.

Заканчивая рассказ о трагической истории сестер Шервашидзе, хочется еще раз обратиться к письму Елизаветы от 11 июля 1883 года на имя К. Г. Шервашидзе, который в это время жил под Москвой, но уже с точки зрения характеристики его стиля. Стиль письма нельзя не признать превосходным. Вот еще один его фрагмент: «Первым делом позвольте обнять Вас и расцеловать крепко и выразить всю ту чувствительность, которую могла бы испытать при встрече с Вами, дорогой Дядинка. Мысль моя была самой приехать к Вам и наглядеться на Вас, так как уже давно, давно я Вас не ви-

¹⁵⁰ ЦГАА, ф. 60, д. 105, лл. 1—2.

¹⁵¹ ი. ა. შერვაშიძის, უბოლო ვაჟის მამის მიმართული წერილები — «Сообщения» АН Грузинской ССР, т. XXXII, № 3, 1963, с. 729—735; его же. Михаил Кипиани и Елизавета Шервашидзе. — «Советская Абхазия», 18.II.1964.

дела, по дела, вызвавшие меня приехать в Петербург, не дают возможность отлучиться, а главное — удерживают маленькие деточки, здоровье которых расстроено после долгой дороги»¹⁵².

Примерно к этому периоду относится и расцвет творчества Георгия Михайловича Шервашидзе (1846—1918) — одного из самых замечательных представителей не только абхазской, но в известной степени и грузинской интеллигенции XIX столетия. Г. М. Шервашидзе (Чачба) — старший сын и наследник последнего владетеля Абхазии — родился 17 сентября 1846 года в с. Лыхны, резиденции абхазских владетельных князей¹⁵³. Уже в домашней обстановке он получает блестящее, по тому времени и в условиях Абхазии, воспитание и образование. Воспитательницей одаренного и прилежного мальчика была Кесария Шервашидзе, о замечательных качествах которой говорилось выше. На формирование Георгия Шервашидзе глубокое влияние оказала и его мать Александра Георгиевна. Обучала она его грузинскому языку и литературе. Одновременно Георгия обучали и русской грамоте¹⁵⁴. Когда «красивому и умному ребенку» исполнилось 10 лет, отец отправил его в семью кутаисского генерал-губернатора А. И. Гагарина. «Не мог отказаться от наблюдения за уроками, которые давали мальчику учителя», и состоявший тогда при Гагарине по особым поручениям К. А. Бороздин¹⁵⁵. Затем Г. М. Шервашидзе продолжает свое образование в Тифлисе и Петербурге. В стихотворении «Петербург 1909 г.» он писал:

Прекрасным нимфам Петро-Града
В былые годы я писал:
Ты — моя жизнь, моя отрада...
Вот в этом духе продолжал¹⁵⁶.

В официальном отзыве начальника главного штаба Кавказской армии от 22 сентября 1862 года о Г. М. Шервашидзе находим такие строки: «Одарен хорошими способностями ума и в особенности похвальными свойствами сердца. Чуждый всем местным предрассудкам и пристрастиям, он созна-

¹⁵² ЦГАА, ф. 60, д. 105, л. 1.

¹⁵³ Учитывая «постоянную преданность и усердие к правительству» владетеля Абхазии М. Г. Шервашидзе и полагая, что это «будет иметь благоприятное влияние в крае» Г. М. Шервашидзе 1 января 1867 года был зачислен прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк (ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 2, 1846 г., д. 387, лл. 2, 5; ЦГАА, ф. 60, д. 80, л. 1).

¹⁵⁴ Подробнее биографические данные Г. М. Шервашидзе см.: *ვ. ჯაბაძის, დოქტორი შერვაშიძე — ვ. შერვაშიძე, დიპლომატი, 1946.*

¹⁵⁵ К. А. Бороздин. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб., 1885, с. 250—251.

¹⁵⁶ Цит. по: *ვ. შერვაშიძე, უკ. სოც., ს. 226.*

ет, что счастье его родины может совершиться только в полном ее слиянии с Россиею»¹⁵⁷.

В 1863 году Г. М. Шервашидзе назначают адъютантом главнокомандующего Кавказской армией, а 19 апреля 1864 года ему присваивают звание подпоручика¹⁵⁸.

Однако вскоре в жизни Г. М. Шервашидзе наступают весьма неблагоприятные времена. В 1864 году происходит упразднение Абхазского княжества и выдворение его владельца, отца Георгия, из края. В 1866 году вспыхнуло всеабхазское народное восстание. Хотя «по всем имеющимся данным нельзя заключить, чтобы кн. Георгий Шервашидзе и другие члены владетельского дома умышленно и злонамеренно содействовали возмущению», но поскольку «имя их и присутствие имели влияние на это событие», наместнику царя на Кавказе «угодно было решить удаление всех членов бывшего владетельского дома навсегда из Абхазии»¹⁵⁹.

Г. М. Шервашидзе как «интеллектуальный участник» восстания 13 сентября 1866 года был отчислен от должности адъютанта, зачислен по армейской пехоте и временно удален в Кутаис. Затем наместник Кавказа «изволил признать необходимым воспретить» ему «пребывание в пределах Кавказа, назначить... местом жительства Оренбургский край»¹⁶⁰. И 26 апреля 1867 года Г. М. Шервашидзе был «прикомандирован» к Оренбургскому казачьему войску, т. е. сослан в Оренбург, откуда 8 июня 1871 года, в чине штабс-капитана, направляется в распоряжение командующего войсками Одесского военного округа.

Г. М. Шервашидзе, по расследованию, официально был признан невиновным, хотя ему и запретили постоянно проживать в Абхазии. 17 июня 1875 года он снова назначается адъютантом главнокомандующего Кавказской армией¹⁶¹. Затем Шервашидзе временно проживает в Петербурге, где останавливается у Д. Г. Амчабадзе. В письме к Д. Б. Грузинскому от 10 марта 1878 года он писал: «...Дела мои так запутались в деньгах, что возвратиться на место службы невозможно теперь»¹⁶².

Но вскоре Г. М. Шервашидзе сближается с будущим императором Александром III. В апреле 1879 года он становится флигель-адъютантом Александра II; в январе 1880 года зачисляется в свиту царя; в июле 1883 года увольняется в от-

¹⁵⁷ ЦГАА, ф. 60, л. 5, л. 9об.

¹⁵⁸ Там же, л. 1. Указ об отставке Г. М. Шервашидзе (6.II.1889 г.); С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, М., 1960, с. 68.

¹⁵⁹ «Документы по истории Грузии», серия II, т. I, ч. I, с. 675. Докладная записка кутаевского генерал-губернатора от 10 октября 1866 г. наместнику Кавказа.

¹⁶⁰ ЦГИАГ, ф. 545, л. 247, л. 11.

¹⁶¹ Указ об отставке Г. М. Шервашидзе.

ставку «до выздоровления», а в августе 1887 года назначается полковником с оставлением в звании флигель-адъютанта¹⁶². Однако все это не соблазняет Г. М. Шервашидзе, он предпочитает уединиться в захолустном Кутаисе.

В 1888 году Г. М. Шервашидзе снова был выслан из пределов Кавказа на время пребывания здесь Александра III. В ответ, в знак протеста, он, гордый человек, официально отказывается от звания флигель-адъютанта. Г. М. Шервашидзе навсегда увольняется со службы, «в связи с болезнью», но с мундиром¹⁶³. В письме от имя императора Александра III от 1891 года Г. М. Шервашидзе писал: «Дозвольте же мне, Государь, всеподданнейше просить, как милости, повелеть изначить строгое расследование и законный суд над всей моей жизнью и если, кроме умышленных наветов, окажется, что я когда-либо в чем-либо изменил долгу присяги и чести, величе казнить меня»¹⁶⁴.

А до этого своему брату, Михаилу (Арзакану) Михайловичу¹⁶⁵, он писал: «...Ежели это идет свыше, то мне надо это знать, чтобы, во 1-х, добиться, за что такая немилость, после которой едва ли мне можно оставаться не только на Кавказе, но даже вовсе в России... У меня до сих пор не было повода затевать историю большую; я думаю, что мы можем стать выше наемных журнальных и газетных писак, но теперь уже молчать и не надо и не желаю; да простят, если смажутся нечистотами некоторые высокопоставленные лица!... Я прошу не поминать, а правосудия; чтобы мне было известно, в чем меня обвиняют... Больше писать не могу, оччень взволнован»¹⁶⁷.

В результате своего обращения к Александру III, Г. М. Шервашидзе от командующего императорской главной канцелярией генерал-адъютанта Рихтера получил ответ с выражением «высочайшей воли», что «к прошлому возвращаться незачем», но что в будущем он может «доказать своей службой полезность Отечеству»¹⁶⁸.

В 1904 году Г. М. Шервашидзе был избран (230 голосами, против 27) на должность предводителя дворянства Кутаисской

¹⁶² ЦГАА, ф. 60, д. 84, л. 1об.

¹⁶³ Там же, д. 80, л. 1об.

¹⁶⁴ Там же, л. 2об.

Г. М. Шервашидзе имел орден св. Станислава 3 степени, серебряную медаль и крест за службу на Кавказе.

¹⁶⁵ ЦГАА, ф. 60, д. 82, лл. 1—1об.

Одновременно, 5 июня 1891 года, «под гнетом неразъяснения источника столь незаслуженной кары и оскорбления в продолжения трех лет» (ЦГАА, ф. 60, д. 139, лл. 1об.—2), жена Г. М. Шервашидзе, Елена Эрастовна (урожден. Андреевская), обращается к императрице Марии Федоровне с аналогичной просьбой (Там же, д. 81, л. 1—2).

¹⁶⁶ М. М. Шервашидзе ушел в отставку в чине ротмистра.

¹⁶⁷ ЦГАА, ф. 60, д. 87, лл. 1—3.

¹⁶⁸ Там же, д. 143, л. 1об. Письмо Г. М. Шервашидзе от 16 февраля 1806 года И. И. Воронцову-Дашкову.

губернии. Однако министр внутренних дел В. К. Плеве «не соблаговолил» представить его кандидатуру на «высочайшее благоусмотрение»¹⁶⁹.

Лишь в 1905 году, когда вся Российская империя содрогалась от революционных потрясений, почти шестидесятилетний Г. М. Шервашидзе получает право жить в границах своей многострадальной родины, чем он и воспользовался немедленно. Жил поэт почти постоянно в Сухуме¹⁷⁰.

Г. М. Шервашидзе, стремясь смягчить «совершенно исключительное и тягостное положение, в которое» он «был поставлен в жизни», 16 февраля 1906 года обращается к наместнику Кавказа И. И. Воронцову-Дашкову. Он писал: «В продолжение 40 лет я предан гонению со стороны некоторых сильных властей на Кавказе, причина которого до сих пор для меня непонятна; тогда как в течение этого же времени все каторжносыльные и государственные преступники были помилованы по высочайшим манифестам, а гнет надо мной, пикем не разъясненный, остался неизменным... В настоящее же время, когда вся Россия лихорадочно работает, я, не находясь ни при какой служебной должности и не желая принадлежать ни к каким политическим фракциям, имея на то свой собственный взгляд, оказываюсь как бы выброшенным за борт ни к чему не нужным человеком. Преклоняюсь перед велением судьбы и, нося 60 лет на своих плечах, я, конечно, ни на что более не претендую; но все-таки нравственные и материальные угнетения, через которые неизменно я прошел, дают мне как будто право спокойно провести остаток моих преклонных лет»¹⁷¹.

Г. М. Шервашидзе волнуется и печальный конец жизни своего отца. В 1910 году он пишет пространное письмо министру иностранных дел С. Д. Сазонову, в котором, в частности, говорится: «Лишь благодаря появлению в печати «Исторической записки об управлении Кавказом» в 1907 году полковника Эсадзе прольется некоторый свет на событие, омрачившее конец жизни моего отца и тяжело отразившееся нравственно и материально на судьбе его детей... Имущество же, выразившееся по официальной описи в 283 тысячах десятин, было взято в казенное управление. Суровая мера, примененная к моему отцу, была вызвана обстоятельством, описанным в «Исторической записке» С. С. Эсадзе. Далее приводится большая цитата из первого тома этого сочинения (с. 235—238), где речь идет и о депеше русского посла в Турции графа Н. П. Игнатьева по поводу версии об обращении владельца князя Абхазии М. Г. Шервашидзе к турецкому пра-

¹⁶⁹ ЦГАА, ф. 60, л. 143, л. 106.

¹⁷⁰ Дом, в котором провел Г. М. Шервашидзе остаток своей жизни, сохранился до наших дней (типик А. Ласуриа, 12).

¹⁷¹ ЦГАА, ф. 60, л. 143, лл. 1—2.

вительству о принятии его и присылке за ним парохода в Сухум, а также о мерах, принятых царскими властями по отношению к нему в связи с этим^{171*}.

Между тем с ведома российского посла в Турции Чарыкова в мае 1910 года до Г. М. Шервашидзе дошла справка от директора турецких архивов Садер-Эден-бея, которая находилась «в явном противоречии» с названным выше официальным материалом. В справке говорилось, что владетель Абхазии будто бы в 1864 году эмигрировал в Трапезунд и оттуда вошел в сношение с турецким правительством относительно выселения абхазов в Турцию, а последнее не приняло этого предложения и просило владетеля удалиться из страны. Со слов того же Садер-Эден-бея, в турецком архиве имеется довольно большая папка к этому делу, и министр внутренних дел Турции Рафаан-паша «дал совет в интересах заинтересованных членов семьи не требовать потребностей дела». И вот Г. М. Шервашидзе задался целью выяснить «истинное положение вещей... дойти до причины рокового недоразумения, создавшегося в 1864 году, вследствие полученных графом Игнатьевым сведений от турецкого министерства иностранных дел». За содействием он и обратился к С. Д. Сазонову, поскольку сомневался в том, чтобы турецкий суд предоставил ему возможность «доискаться до источника обвинений», возведенных на его отца¹⁷². К сожалению, неизвестно, чем все это кончилось. По всей вероятности, ничем.

В некрологе Г. М. Шервашидзе читаем: «Георгий Михайлович по своей выдающейся способности и природным дарам мог сделать блестящую карьеру, если бы захотел принорочиться к придворным порядкам и преобладаниям; но он, как рыцарь, всегда с негодованием и презрением отвергал все те компромиссы, ценою которых доставались почести и привилегии от бывшего самодержавного двора Романовых. В то время, как наследников других владетелей за преданность престолу, покорность и принижение перед царским правительством награждали и именьями, и чинами, и орденами, Георгия Михайловича, как неблагонадежного, революционера всегда держали в опале, лишили его всего наследственного имущества, которое частями раздавали тем чиновникам, которые преследовали и его, и абхазский народ»¹⁷³.

Г. М. Шервашидзе с самого начала своей деятельности находился в кругу той передовой части грузинской интеллигенции, которую возглавлял Илья Чавчавадзе. Его связывала личная дружба с И. Чавчавадзе, А. Церетели, С. Месхи и другими. В 80-х годах, в мрачный период реакции, Шервашидзе

^{171*} Подробнее об этом см.: Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, с. 140—144, 251—252.

¹⁷² ЦГАА, ф. 60, д. 86, лл. 1—4.

¹⁷³ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 42, л. 2.

принимал участие в либеральном движении грузинского дворянства¹⁷⁴. Он был сторонником идеи национального возрождения на почве примирения сословий. Г. М. Шервашидзе, как и многие другие абхазские интеллигенты, был последовательным противником стремления царизма ослабить многовековую дружбу и тесные исторические связи между братскими грузинским и абхазским народами.

Мировоззрение Г. М. Шервашидзе формировалось прежде всего под влиянием грузинской литературы, общественной и философской мысли второй половины XIX века. Он «всем своим существом был связан с грузинским культурным миром... а грузинский язык был для него не только орудием культуры, но и предметом особенной любви. Вместе с тем эта культурная ориентация отнюдь не означала отрыва от родного очага: Георгий Шервашидзе горячо любил свою родину (Абхазию) со всей присущей ей спецификой... Известны его выступления по вопросам истории Абхазии в местной и иностранной прессе. Георгий был прекрасным знатоком не только прошлого и настоящего Абхазии, но и самого абхазского языка»¹⁷⁵.

С Акакием Церетели, ставшим его другом на всю жизнь, Г. М. Шервашидзе сблизился еще в юношеские годы. Они часто встречались в Тифлисе, Кутаисе, Петербурге. В столице друзья совместно выступали на литературно-музыкальных вечерах, в которых принимали участие писатели Я. П. Полонский, Д. С. Мережковский и другие. Знакомство Георгия Шервашидзе с идейным вождем грузинских шестидесятников Ильей Чавчавадзе состоялось в пору его пребывания в Петербурге, которое затем все более и более укреплялось и превращалось в настоящую дружбу¹⁷⁶.

Г. М. Шервашидзе довольно рано проявляет свои дарования на литературном поприще. Его наследие в этой области содержит замечательные образцы поэзии, драматургии, критики и публицистики. В частности, пьесы Г. М. Шервашидзе занимают важное место в истории грузинской драматургии. Его комедия «Уходящие тени» впервые была поставлена на тифлисской сцене в 1881 году и издана в Кутаисе в 1882 году. Другая его драматическая картина — «Дым без огня» — ставилась К. Месхи в Кутаисском театре в 1883 году, а затем — в Тифлисе. В Кутаисском же театре впервые была поставлена трагедия «Георгий III» — самое значительное драматическое произведение Г. М. Шервашидзе. Эту пьесу (ме-

¹⁷⁴ Ю. Качарава, А. Киквидзе, П. Ратиани, А. Сургуладзе. История Грузии. Учебное пособие. II, Тбилиси, 1973, с. 125.

¹⁷⁵ ი. ჯაბაძის, ჯორჯო შერვაშიძის, ვ. 18-19, 21-22.

¹⁷⁶ X. С. Бгажба. Этюды и исследования. Сухуми, 1974, с. 27—28.

лодрама о неудачной любви) газета «Дрозба» (17 ноября 1907 года) расценивала как «весьма талантливую». В ней, между прочим, выведены Шота Руставели, царица Тамара, Давид Сослан и другие. Ее постановщиком и режиссером в 1908 году был Ш. Н. Даднани. Кстати, Г. М. Шервашидзе «в совершенстве знал поэму Руставели, цитировал наизусть целые ее главы»¹⁷⁷.

Г. М. Шервашидзе успешно занимался также переводами. Он любил поэзию А. С. Пушкина, о чем свидетельствует, например, сделанный им перевод стихотворения великого поэта «Цветок» на грузинский язык. Увлекаясь творчеством Виктора Гюго, Шервашидзе осуществлял переводы из произведений знаменитого французского поэта-романтика. Он активно сотрудничал в «Дрозба», «Иверия» и других органах. Достаточно отметить, что на страницах чавчавадзевской газеты «Иверия» им в 1893 и 1894 годах было опубликовано 15 рецензий на спектакли грузинских театров¹⁷⁸. Художественно-публицистическое творчество и общественная деятельность Г. М. Шервашидзе проникнуты идеей дружбы и братства народов.

Писал Г. М. Шервашидзе свои произведения преимущественно на грузинском языке. Его перу принадлежит ряд стихотворений и статей, написанных и на русском языке. На родном же языке, которым он владел превосходно, от него ничего не сохранилось. Мы, однако, не думаем, что их вообще не было. К сожалению, архив владетельского дома и его богатая библиотека почти целиком погибли во время разрушения Лыхнейского дворца в 1866 году и уничтожения очемчирской резиденции, а опромный личный архив Г. М. Шервашидзе в Сухуме, по свидетельству современников (Шабат Эмухвари и др.), был сожжен в 1918 году людьми из окружения писателя в связи с его смертью. Кроме того, железный сундучок («самыми важными» документами бывших владельцев князей Абхазии был сожжен меньшевистским карательным отрядом в селе Джгерда (в доме Таташа Маршания) летом того же года. Конечно, было много причин того, что Г. М. Шервашидзе вообще не использовал в своем творчестве родной язык, не участвовал в создании абхазской письменности и литературы¹⁷⁹.

Но при всем этом Г. М. Шервашидзе, как уже отмечалось,

¹⁷⁷ С. Джанашиа. Давид Чхотуа и его очерки о поэме Руставели. — «Сборник Руставели. К 750-летию «Вепхисткаосани». Тбилиси, 1938, с. 201.

¹⁷⁸ А. ლეჟავის შრომები, ვაჭრის მარტოხილი (დოკუმენტური მასალები). — «საბჭოთაო თეატრი», 1975, № 31-32, გვ. 249, 266-284.

¹⁷⁹ См., например: В. Б. Агба. Абхазская поэзия и устное народное творчество. Тбилиси, 1970, с. 33.

был патриотом своей многострадальной родины. Горячую любовь к ней он особенно ярко выразил в знаменитом стихотворении «Абхазская песня «Вирада»¹⁸⁰. «Только на почве глубокого чувства и понимания своеобразия родной среды мог зародиться такой шедевр», — подчеркивал академик С. Н. Джанашиа по поводу этого произведения¹⁸¹. При этом, однако, должно быть еще раз подчеркнуто, что ему был чужд узкий, ограниченный какими бы то ни было рамками национализм¹⁸².

Представителем того же общественно-культурного круга и близким человеком Г. М. Шервашидзе был Давид (Манучар) Зурабович Чхотуа (Чхотуа) (1849—1929). Его отец, генерал-майор Зураб Манучарович Чхотуа (умер в 1892 году), оставил «в народе незабвенную добрую память по себе» прежде всего тем, что «выпросил у начальства... школу для села Саберию»¹⁸³, а затем, будучи попечителем этой школы, «принимал в делах ее самое деятельное участие»¹⁸⁴. Кроме того, З. М. Чхотуа «проводил дороги в разных местах Самурзакани»¹⁸⁵. А жена, Нина Матосевна, ставшая после его смерти попечительницей названной школы, также «часто посещает школу и оказывает ей нравственную и моральную помощь»¹⁸⁶.

Получив домашнее начальное образование, Д. З. Чхотуа затем окончил Кутанскую гимназию, а в 1871 году поступил в Новороссийский университет, откуда вскоре перевелся в Петербургский университет. Учился он на физико-математическом факультете по отделению естественных наук, по специальности геология и минералогия, а с 1875 года — на юридическом. Однако в том же году Чхотуа «по случаю разных непредвиденных домашних обстоятельств» вынужден был оставить учебу. Вообще он из университета исключался неоднократно, «находясь в стесненном положении и не имея возможности» внести плату за слушание лекций¹⁸⁷. В том же 1875 году Д. З. Чхотуа согласился с предложением Г. М. Шервашидзе, являвшимся его молочным братом, взять на себя

180 Вот отрывок из этого сочинения (подстрочный перевод):

Всевышний! Не кори меня, если
Иногда запою с грустью,
Чтобы не отбиться от своего рода,
Отцовскую песню урада...

181 ზ. ჯანაშია, ვიორგი შერვაშიძე, გვ. 22.

182 ი. ჭურღულაია, ნარკვევები ქართულ-აფხაზური კულტურულ-ლიტერატურული ურთიერთობის ისტორიიდან, წიგნი I, სიხუმი, 1974, გვ. 280.

183 Г. Пахалая. III Сабериинский приход. — СЗМ, 15.XI.1912 г., № 22, с. 342.

184 ООВПХК за 1892 г., с. 195.

185 Г. Пахалая. Указ. статья.

186 Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 17, лл. 31—31 об.

187 См.: ГИАЛО, д. 238 (Д. З. Чхотуа) или ИР, ф. 14, оп. 3, д. 17251.

управление шервашидзеvских имений в Восточной Грузии и с этой целью поселился в Тифлисе в доме Шервашидзе¹⁸⁸.

Значительную часть своего времени Д. З. Чхотуа проводил в родном селе Саберио. Он и его брат Николай, со средним образованием, «в продолжение доброго начинания покойного отца, много отдавали себя заботам и благе» односельчан¹⁸⁹. Николай впоследствии играл довольно активную роль в общественной жизни Самурзаканского участка (например, в открытии здесь приемного покоя)¹⁹⁰, а также в деятельности «Сухумского общества сельского хозяйства», будучи его членом со дня основания¹⁹¹.

Однако в жизни молодого Д. З. Чхотуа в 1876 году случилось самое непредвиденное. Ложно обвиненный в убийстве¹⁹², он был приговорен к лишению всех прав, каторжным работам на 20 лет и пожизненной ссылке¹⁹³, откуда вернулся на родину лишь примерно в 1906 году, совершенно больным и немощным стариком¹⁹⁴.

Д. З. Чхотуа был одаренным публицистом и критиком. Его творчество формировалось под влиянием демократичес-

¹⁸⁸ Дом этот представлял собой каменное двухэтажное здание и стоял на крутом берегу р. Курь.

¹⁸⁹ Г. Пахалая. Указ. статья.

¹⁹⁰ См.: «Черноморский вестник», II.V.1903, № 105.

¹⁹¹ ЧСХ, 1908, № 4, с. 175; 1911, № 1—2, с. 39.

У Д. З. Чхотуа был еще один брат — Семен (Михаил), который все время находился на военной службе (Тифлис, Кутаис) и достиг чина полковника. Умер С. З. Чхотуа в 1900 году. Его сын, Георгий, окончив Тифлисский кадетский корпус, также стал офицером. Он до 1921 года служил в Петрограде; в феврале того же года прибыл в Тифлис в составе XI Красной Армии, а вскоре был назначен командиром Отдельной Абхазской бригады. Г. С. Чхотуа был женат на приемной дочери русского художника Н. А. Ярошенко, а вторым браком — на дочери юриста Г. Т. Черкезия. Умер он в 1946 году (ЦГАА, ф. 833, л. 29, л. 59).

¹⁹² См.: В. Д. Спасович. Дело Давида и Николая Чхотуа и др. (Тифлисское дело). — «Судебные речи известных русских юристов». М., 1957, с. 586—652; «Убийство девицы Нины Эрастовны Андреевской 22-го июля 1876 года в Тифлисе (Стенографический отчет судебных заседаний Тифлисского окружного суда 1—5 марта 1878 года)». Тифлис, 1878.

¹⁹³ По апелляционной жалобе и протесту прокурора дело пересматривалось Тифлисской судебной палатой в ноябре 1878 года. В качестве одного из защитников в апелляционной инстанции выступал знаменитый русский юрист, проф. В. Д. Спасович, а другим защитником являлся Н. Орбелиани. Хотя и была доказана невинность Д. З. Чхотуа, но палата утвердила приговор окружного суда («Судебные речи...», с. 589). Таким образом, дело, по «глубочайшему убеждению» Спасовича, «кончилось печальной ошибкой» (В. Д. Спасович. Соч., т. VI, СПб., 1894, с. 1). С. Месхи также отзывался о Чхотуа как о «честнейшем» человеке («Судебные речи...», с. 630). Между прочим, Сергей Месхи и известный грузинский ученый Петре Умикашвили (Умиков) присутствовали на заседании Тифлисского окружного суда 27 февраля 1878 года («Убийство девицы...», с. 1). На суде Д. З. Чхотуа заявил: «Нет, не признаю себя виновным — да и в чем мне признаваться? Я не признаю даже самого факта преступления» (Там же, с. 29).

ких традиций передовой грузинской и русской публицистики. Он активно сотрудничал в прогрессивной грузинской прессе («Дрозба», «Сасопло газеты», «Кребули» и др.). Особо следует отметить его роль в возглавляемой Ильей Чавчавадзе газете «Иверия», вокруг которого группировались прогрессивные деятели. Из публицистических статей Д. З. Чхотуа обращают на себя внимание «Два обычая в Абхазии», «Влияние иностранного языка на развитие мышления народа», «Ян Гус», «История земли или геология» и другие¹⁹⁵. Первая из них, опубликованная в номере «Дрозба» от 4 августа 1872 года, и в настоящее время представляет большую ценность как материал о воспитании и гостеприимстве у абхазов в XIX столетии.

Д. З. Чхотуа занимался также научным изучением грузинского языка. Этой проблеме посвящена, например, его статья «Вниманию любителей грузинского языка»¹⁹⁶. Кстати, эта работа, начатая им еще до ареста в Тифлисе, была продолжена в ссылке. В 1883 году Чхотуа в письме на имя И. Алхазншвили сообщал: «Занятия мои в этом отношении значительно продвинулись вперед и до сих пор мне удалось установить несколько очень важных фактов, даже законов развития названных языков (грузинского и мегрельского. — Г. Д.), при помощи коих, как надеюсь, мне удастся приподнять завесу, скрывающую тайну архитектуры грузинского языка»¹⁹⁷. В сибирской ссылке Чхотуа писал и другие свои произведения. «Я жив физически и живу умственно», — заявлял он в том же письме¹⁹⁸.

Самой значительной из работ Д. З. Чхотуа, несомненно, является труд «Герои поэмы Руставели, их мировоззрение»¹⁹⁹, большая часть которого, к сожалению, утрачена. В этом, безусловно, оригинальном труде выдвигаются положения, с которыми, по словам академика С. Н. Джанашиа, «современная руствелология серьезно должна посчитаться»²⁰⁰.

Д. Чхотуа был в близких отношениях с И. Чавчавадзе, А. Церетели, Я. Гогешавили, С. Месхи, Н. Николадзе. Есть сведения что «абхазский князь Чхотуа» материально помогал

194 Скончался Д. З. Чхотуа в Грузии, в деревне Кулискири.

195 О. Г. Чургулия. Грузино-абхазские литературно-культурные взаимосвязи в XIX веке. Автореферат докторской диссертации, с. 37.

196 См.: «დროშბა», 1913, № 8.

197 Цит. по: ი. ჭუბუღიძე, დავით ჩხიტი, სოხუმი, 1969, გვ. 64.

198 Там же, с. 65.

199 Сохранившаяся часть указанного сочинения Д. З. Чхотуа опубликована академиком С. Н. Джанашиа в «Сборнике Руставели. К 750-летию «Вепхისტკასანი». Тбилиси, 1838, с. 171—198.

200 С. Джанашиа. Давид Чхотуа и его очерки о поэме Руставели. — См.: указ. сб., с. 202. См. также: გ. იმედაშვილი, რუსთველოლოგია. თბილისი, 1941, გვ. 158.

дружку известного грузинского народника Эгнате Иоселиани в организации библиотеки (1866 год)²⁰¹. Известно также, что Д. З. Чхотуа горячо защищал интересы национальной школы.

И после возвращения из ссылки, несмотря на свое тяжелое физическое состояние, Д. З. Чхотуа продолжал вести активную общественную работу. Например, вскоре после Февральской революции 1917 года он на съезде сельских учителей в местечке Зугдиди выступил с лекцией о гениальной поэме Руставели²⁰².

Таким образом, Д. З. Чхотуа, как и Г. Д. Шервашидзе, внес определенный вклад в развитие абхазской и грузинской культуры и общественной мысли XIX столетия.

Говоря о Г. М. Шервашидзе и Д. З. Чхотуа, нельзя не упомянуть и Петра Константиновича Анчабадзе, известного культуртрегера. В своем родном самурзаканском селе Отобана он создал своеобразный литературный салон, который «выполнял в деревне, да и не только в деревне, роль культурного центра»²⁰³.

В 1931 году сухумским педагогом Х. В. Зантарая была найдена принадлежавшая в свое время П. К. Анчабадзе рукопись Г. М. Шервашидзе, которая затем была широко использована академиком С. Н. Джанашиа при подготовке книги Г. М. Шервашидзе «Лирика. Эпос. Драма». Эта рукопись («Анчабадзевская»)²⁰⁴ сохранила нам многие произведения грузинской литературы конца XIX — начала XX века. Это, кроме Г. Шервашидзе (15 произведений), — И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Гуниа, М. Гурнели и другие (около 40 авторов).

П. Анчабадзе был знаком с И. Чавчавадзе и А. Церетели. Что касается Г. Шервашидзе, то его связывала с П. Анчабадзе и личная дружба. Есть сведения о том, что Г. Шервашидзе не раз гостил у П. Анчабадзе в селе Отобана и читал у него свои произведения. Кроме того, П. Анчабадзе был в близких отношениях с Ш. Дадзиани, М. Анчабадзе, П. Чарая, А. Чочуа и другими.

Названный материал «примечателен и тем, что показывает, сколь интересны культурно-поэтические традиции существовали в начале нашего века в селе Отобана. Анчабадзевский сборник — плод подражания модным литературным салонам, существовавшим в начале нашего века...»²⁰⁵.

Теперь несколько слов о жизни и деятельности самого П. К. Анчабадзе (1869—1928). Учился он сперва в Кутаисской

²⁰¹ С. Джанашиа. Указ. соч., с. 203.

²⁰² Там же, с. 202.

²⁰³ В. Алпенидзе. Гроздь раздумий, Тбилиси, 1975, с. 300.

²⁰⁴ В настоящее время она хранится в личном архиве академика С. Н. Джанашиа.

²⁰⁵ В. Алпенидзе. Указ. соч., с. 300.

гимназии, где «приобщается к передовым идеям». Однако возможности гимназии его не удовлетворяют, он уходит из последнего класса и поступает в Краснодарское сельскохозяйственное училище. Возвратившись после учебы в родное село Отобаиа, П. К. Анчабадзе занялся сельским хозяйством — с применением «передовой техники» и внедрением целого ряда новых культур. Кроме того, он открыл столярную, кузнечную и сапожную мастерские, в которых обучалась сельская молодежь. Анчабадзе также оказывал крестьянам практическую помощь в рациональном ведении хозяйства, распространяя среди них свой опыт и знания. Безземельным же крестьянам он нередко раздавал свои собственные земли. Анчабадзе являлся членом «Сухумского общества сельского хозяйства». Значительна была его роль и в деле просвещения и культуры.

По инициативе П. К. Анчабадзе в 1898 году в селе Отобаиа была открыта двухклассная школа, а в 1912 году с помощью известного абхазского педагога и общественного деятеля А. М. Чочуа построено специальное учебное здание. Он ходил по крестьянским дворам и уговаривал родителей отдать своих детей в школу. П. К. Анчабадзе обладал богатой библиотекой, в которой были собраны произведения классиков русской и грузинской литератур. Среди них были книги с автографами И. Чавчавадзе и А. Церетели. Как истинный атеист, Анчабадзе открыто выступал против религиозных верований и вредных обычаев²⁰⁶.

Перейдем теперь к рассмотрению деятельности Георгия Дмитриевича Шервашидзе (1847—1918). Еще при жизни отца он был отдан на попечение и воспитание супруге генерала Н. П. Колюбакина — Александре Александровне Колюбакиной (урожденная Крижановская), известной как детская писательница²⁰⁷. С 1851 года супруги Колюбакины, в связи с назначением Николая Петровича начальником 3-го отделения Черноморской береговой линии, жили в Сухуме, в доме которых Дмитрий Шервашидзе был «как свой». И для Колюбакиной жизнь в Сухуме «памятна и дорога... на всю... жизнь», поскольку здесь она «нашла себе сына» — Георгия Шервашидзе, у которого умерла мать, когда ему было всего два года. А. А. Колюбакина «горячо принялась за исполнение материнских обязанностей, считая их священным долгом», своих детей у нее не было²⁰⁸.

²⁰⁶ В. Ш а б т а б а л а, ხანძრობის ადრიატიკა, — „საბჭოთა ჯგუფი“, 9.1.1970.

²⁰⁷ «Русский архив», 1904, вып. 4, с. 140; „საბჭოთა მომბე. Исторический вестник“, 1953, VII, с. 238.

²⁰⁸ ЦГАА, ф. 60, д. 58, лл. 17, 20 об., 21 об. А. А. Колюбакина. Воспоминания из жизни Кавказской.

Как видно, русская писательница А. А. Колюбакина очень любила Абхазию, которую называет «прелестным уголком мира». И впоследствии она часто бывала здесь, особенно в Келасури, в имении кн. Шервашидзе (ЦГАА, ф. 60, д. 58, л. 19).

Здесь следует сказать, что Н. П. Коллюбакин в раннюю пору своей службы на Кавказе, где находился с 1834 года, вращался в среде сосланных на Кавказ декабристов и был другом прославленного писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского. Его перу принадлежит несколько статей по вопросам истории и этнографии Кавказа²⁰⁹.

В 1858 году Г. Д. Шервашидзе, благодаря стараниям Коллюбакиных, был определен в пансионат в Петербурге²¹⁰. Как раз в этом году его отец, Д. Х. Шервашидзе, внезапно умер, не достигнув и сорока лет. Таким образом, малолетний Георгий «безраздельно» остался за Коллюбакиными и вся будущность его «легла уже на них»²¹¹. Через некоторое время А. А. Коллюбакина вместе с Георгием едет за границу с целью завершения его воспитания²¹². Затем Г. Д. Шервашидзе успешно заканчивает юридический факультет Московского университета, где он учился в 1865—1869 годах, получая 2500 руб. пенсии от правительства²¹³.

После восстания 1866 года Г. Д. Шервашидзе хотя и не было формально запрещено проживать в Абхазии, но было признано его «удаление отсюда весьма полезным для спокойствия края»²¹⁴. После учебы он обосновался в Тифлисе. Здесь в 1874 году видим его в чине титулярного советника и в должности чиновника особых поручений при начальнике Главного управления Кавказского наместничества²¹⁵. Г. Д. Шервашидзе был участником русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1883 году он становится Тифлисским вице-губернатором, а в 1889 году — губернатором, и на этой должности находился до 1897 года, имея звание камергера и чин действительного статского советника. С ноября 1899 года Г. Д. Шервашидзе состоял при императрице Марии Федоровне с переводом из чина егермейстера в чин обер-гофмейстера. В 1905—1913 годах он заведовал канцеляриями императрицы²¹⁶.

²⁰⁹ См.: М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — КЭС, I, М., 1955, с. 329—330. В частности, Н. П. Коллюбакин является автором статьи «Об Абхазии», опубликованной в газете «Кавказ» 26 сентября 1853 года (№ 71).

²¹⁰ ЦГАА, ф. 60, д. 58, л. 36.

²¹¹ Там же, л. 36 об.

²¹² «Документы по истории Грузии», серия II, ч. I, т. I, с. 645.

²¹³ Там же, с. 677.

²¹⁴ Там же, с. 673.

²¹⁵ «Дневник Д. А. Милюткина. 1873—1875», т. I, М., 1947, с. 167, 253.

²¹⁶ Во время приезда Александра III в Новый Афон в 1888 году императрица Мария Федоровна обратила внимание на Г. Д. Шервашидзе; это привело последнего ко двору, а затем и во вступление вmorganaticкий брак с вдовствующей императрицей. О влиянии Г. Д. Шервашидзе при дворе хорошо свидетельствует известный государственный деятель царской России конца XIX — начала XX века граф С. Ю. Витте. Он называет его своим «большим приятелем» и пишет о случаях, когда тот оказывал ему услуги посредничеством в переговорах с императрицей (См.: С. Ю. Витте. Указ. соч., т. 2, с. 287, 292).

Наде сказать, что при царском дворе в то время была вообще целая группа из княжеских фамилий Грузии. Состояли здесь и некоторые особы женского пола из этого же круга²¹⁷. Среди них была и княжна Мария (Мери) Прокофьевна Шервашидзе, которая являлась фрейлиной императрицы Александры Федоровны. В 1914 году вместе с Марией Шервашидзе виден ее отец, отставной генерал П. Л. Шервашидзе, мать Нину Георгиевну, сестер Тамару и Анну Шервашидзе²¹⁸.

Г. Д. Шервашидзе принимал участие и в проведении некоторых общественно полезных мероприятий. Он был действительным членом «Кавказского общества сельского хозяйства»²¹⁹, председателем Тифлисского губернского по крестьянским делам присутствия, вице-президентом Тифлисского губернского попечительского о тюрьмах комитета, а также председателем попечительского совета общего для 1-й и 2-й Тифлиских женских гимназий²²⁰, в каком деле принимал особенно «близкое участие»²²¹. А его жена, Мария Александровна (урожденная Николаи, внучка Александра Чавчавадзе, племянница Нины Грибоедовой), значилась попечительницей 3-й тифлиской женской гимназии, вице-председателем Тифлисского женского благотворительного общества св. Нины и т. д.²²².

Г. Д. Шервашидзе, занимая столь высокое положение, в какой-то мере стремился покровительствовать писателям и общественным деятелям, а с некоторыми из них он находился в дружеских отношениях. Это относится прежде всего к И. Чавчавадзе, подвергнувшемуся, как известно, тайным преследованиям властей. Более того, Шервашидзе сотрудничал с И. Чавчавадзе и Н. Николадзе, о чем свидетельствует, в частности, их переписка²²³. При этом речь идет и о связях творческого плана. Перу Г. Д. Шервашидзе принадлежит несколько стихотворений, посвященных Илье Чавчавадзе. В одном из них он писал (27 октября 1906 года):

Прими, писатель именитый,
Надежда иверской земли,

217 М. Горгиядзе. Грузины в Петербурге. Тбилиси, 1976, с. 232.

218 См.: «С.-Петербургский великосветский ежегодник на 1914 год». СПб., 1914, с. 582.

219 КК на 1877 г., с. 140.

220 См., например: КК на 1894 г., с. 87—89, 285.

221 ЦУКУО за 1889 г., с. 55.

222 КК на 1897 г., с. 333—345. Между прочим, в свое время в состав правления этого Общества входила Н. А. Грибоедова-Чавчавадзе (КК на 1863 г., с. 558).

223 См.: თ. ჰერვაშვიდი, ნაწილობრივად, I, გვ. 236-249.

Привет, вложим стихом подбитый,
И чувства прежние мои²²⁴.

С точки зрения характеристики творческих способностей и воззрений Г. Д. Шервашидзе также представляет интерес написанный им еще в годы студенчества (II курс, 1866 год) реферат «Макиавелли. Его жизнь и сочинения»²²⁵. Речь идет о Никколо Макиавелли (1469—1527) — итальянском политическом мыслителе, писателе и историке, одном из идеологов итальянской буржуазии периода зарождения капиталистических отношений. Как известно, Маркс относил Макиавелли к числу тех политических мыслителей, которые «стали рассматривать государство²²⁶ человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»²²⁷.

²²⁴ Цит. по: с. 333333333333, стр. 240.

Об интересе Г. Д. Шервашидзе и членов семьи вообще к поэзии свидетельствуют также его библиотека и сохранившееся в личном архиве князя дело со стихами разных авторов: Ф. И. Тютчев «Его светлости князю А. А. Суворову»; «Ничто не ново под луною» (1866 г.); «Хлестаков»; К. «Катков с Катковым о Каткове»; П. Горемыка-Зуботычин «Тифлисская колыбельная песнь (биография)» и другие. В последнем стихотворении имеются такие куплеты:

Спи, наш губернатор важный,
Баюшки баю,
Глупо смотрит месяц красный
На постель твою.
Сочиняй ты людям сказки
Честность про свою,
Жмурь, мой хитрый котик, глазки,
Баюшки баю!

По губерни раздается
Всем отрядный клич:
Вору здесь не оставаться
Явных тьма улик!

Но пока еще умножишь
Ты казну свою...
Спи ж покуда красть ты можешь,
Баюшки баю!

А в стихотворении «Хлестаков» читаем:

Нет, Хлестаков еще не умер!
Вам стоит заглянуть в любой
«Московских ведомостей» номер,
И он очутится живой.

О Гоголь, Гоголь, где ты? Снова
Примись за мастерскую кисть,
И обновляя Хлестакова,
Скажи: да будет смех и бысть.

²²⁵ ЦГАА, ф. 60, л. 10.

²²⁶ Лучшей формой государства Макиавелли считал республику.

²²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, с. III.

Оценка личности Макиавелли и анализ его сочинений, сделанные Г. Д. Шервашидзе, для своего времени можно признать достижением. Шервашидзе характеризует Макиавелли как «величайшего политического писателя эпохи возрождения». Автор прежде всего дает справку о жизни Макиавелли и состоянии тогдашней Италии, а затем довольно подробно излагает его учение. Указав, что «творения Макиавелли разнообразны» («он писал историю, комедии и даже о военном искусстве»), Г. Д. Шервашидзе анализирует, главным образом, его политические сочинения.

В заключении реферата читаем: «Он (Макиавелли. — Г. Д.) является нам в одно и то же время политическим мыслителем и государственным деятелем, человеком, который с помощью собственной опытности, в соединении с данными историческими, старается понять и объяснить то, что истинно выгодно для государей и народов, и логически выводит из них начало деспотизма и начало свободы»²²⁸.

Известна также роль Г. Д. Шервашидзе в открытии народных школ и распространении культуры среди населения. Например, в мае 1891 года он посетил Джавскую двухклассную школу (Южная Осетия) и «остался очень доволен как познаниями учеников, так и общим состоянием школы»²²⁹, а в 1902 году побывал в нескольких сельских школах Абхазии²³⁰. Интересно в этой связи отметить, что в 1897 году была сделана попытка учредить по одной стипендии его имени в Тифлиской и Кутаисской гимназиях²³¹. А по инициативе его жены, М. А. Шервашидзе, в 1893 году в Сухуме были поставлены два спектакля («Чашка чаю» и «Чудак» А. Цагарели), один из которых — в пользу грузинской женской профессиональной школы в Тифлисе. В пьесе «Чудак» в роли Елизаветы выступала Алекси-Месхишвили, которой был преподнесен ценный подарок с надписью от местного грузинского общества²³². Представляет интерес и тот факт, что впоследствии, при основании Тбилисского университета, Г. Д. Шервашидзе всю свою уникальную петроградскую библиотеку безвозмездно передал этому будущему центру грузинской наци-

228 ЦГАА, ф. 60, д. 10, лл. 117об.—118.

229 ООВПХК за 1891 г., с. 150.

230 ЦУКУО за 1902 г., с. 33.

231 „ცხობის ფურცლი“, 1897, № 340.

232 «Новое обозрение». Тифлис, 13.II.1893, № 3140.

ональной культуры и науки²³³. Вероятно, тифлисская его библиотека была не менее богатой²³⁴.

Г. Д. Шервашидзе принадлежит докладная записка²³⁵, датированная 2 января 1885 года²³⁶, являющаяся важным источником для выяснения характера той борьбы, которая велась в то время вокруг вопроса о путях ликвидации временнообязанных отношений в Грузии. В записке констатируется, что значительная часть сельских тружеников, находясь в тяжелом экономическом положении, вынуждена будет продать полученные после реформы земли и перейти в ряды пролетариата. Но Шервашидзе не считал возможным признать временнообязанных крестьян земельными собственниками. Он предлагал, чтобы правительство купило еще невыкупленные наделные земли и раздало их в постоянное пользование крестьянам, объявив их казенными. Ясно, что осуществление такого предложения привело бы только к сохранению феодальной зависимости крестьян в виде «государственного феодализма», а отнюдь не к их подлинному освобождению²³⁷.

Сохранился еще один документ, свидетельствующий о попытках Г. Д. Шервашидзе «улучшить благосостояние и увеличить платежеспособность крестьянского населения», в результате чего «государственная казна... выигрывает много». В этом, собственно, и заключается смысл «реформаторской»

²³³ Библиотеку Г. Д. Шервашидзе, как и библиотеки известных грузинских ученых И. А. Джавахишвили и И. А. Кипшидзе, принял Ш. И. Нуцубидзе, который в бурном 1917 году был направлен прогрессивной грузинской интеллигенцией в Петроград по делам будущего Тбилисского университета. Однако в пути вагон, в котором находились книги, сгорел и погиб весь ценный груз (ს. ზურაბიძე, ნაგავიდაცხად... კვ. 248-249).

²³⁴ Достаточно сослаться на один счет, выданный Г. Д. Шервашидзе 9 февраля 1899 года княжским магазином К. Н. Бегичева в Тифлисе, чтобы в этом убедиться. В нем значится 93 книги на русском и иностранных языках (на 119 руб. 30 коп.). Это в основном научная литература, в которой преобладает кавказоведческая, в частности, по абхазоведению — 11 названий, в том числе «Абхазская азбука» К. Мачавариани и Д. Гулла. Среди других авторов видим Н. Дубровина, П. Уварову, Е. Хмар-Дабанова (псевдоним автора повести «Проделки на Кавказе» Е. П. Лацинской-Шелашняковой), Н. Альбова, Л. Люлье, Н. Карлгофа, Г. Клапбота, Э. Спенсера, Дм. Баградзе, Е. Такайшвили и других. О богатстве библиотеки и вообще значении книги в семье Г. Д. Шервашидзе свидетельствует и личная переписка между членами этой семьи и их родственниками. Так, племянница жены князя, Анетта, благодарит тетю за издание «Земля и люди» Э. Реклю и ряд исторических сочинений, которые она читала «с большим удовольствием» (ЦГАА, ф. 60, д. 52).

²³⁵ Подпись под документом «К. Шервашидзе» была расшифрована как «Константин Шервашидзе», а не «князь Шервашидзе» (Г. Д. Шервашидзе). Эта досадная ошибка повторена в книге И. Антелава и В. Гучуа «საქართველოს ისტორიის ენციკლოპედიის მუშაკების ავტობიოგრაფიები» (Тбилиси, 1967, с. 203). Константин Шервашидзе, как было сказано выше, умер за два года до составления рассматриваемой записки, т. е. в 1883 году.

²³⁶ См.: ИР, ф. Е. Г. Вейденбаум, д. 1501/512, лл. 6—7.

²³⁷ ს. ზურაბიძე, კ. ვურჯა. Указ. соч., с. 203—204.

затем губернатора, а то, говоря словами того же документа, «в последнее время экономическое положение главной массы плательщиков казенных податей и сборов — крестьянство — значительно подорвалось и ухудшилось». Правда, автор документа, А. Ф. Кипшидзе, уверяет, что будто бы «прийти на помощь материально ослабшему крестьянству» было вообще «главной задачей» Г. Д. Шервашидзе «во время управления им Тифлисской губернии». Составленный и осуществленный им конкретный проект рассматриваемый меры сводился к тому, чтобы «дать прочную организацию существующей в народной массе идее взаимопомощи самообложения», использовать эту традиционную для края «идею». По инициативе Шервашидзе «сельские общества Тифлисской губернии по приговорам своим приступили к составлению сельскохозяйственных капиталов путем обложения себя известным количеством зерна — составление капиталов шло весьма успешно и прогрессируя из года в год, к 1 января 1898 года их образовалось 1 126 321 р.»²³⁸.

В заслугу Г. Д. Шервашидзе как тифлискому губернатору нужно поставить еще одно действительно важное дело — организацию борьбы против возникшей летом 1892 года в районах Восточной Грузии эпидемии чумы, от которой, естественно, больше всех могли пострадать народные массы. Он добился успеха, главным образом, в результате вовлечения в эту борьбу лучших представителей передовой грузинской интеллигенции во главе с И. Чавчавадзе²³⁹. На объяснительном письме великого писателя о принятых им мерах Г. Д. Шервашидзе написал: «Сердечно обрадован столь умелым выполнением князем Ильею Григорьевичем возложенных мною на него обязанностей по борьбе с эпидемиею и за настоящий отчет, достойный почетного автора. Полагал бы весьма полезным напечатание в газете «Кавказ» извлечения из него»²⁴⁰. Газета «Иверия», в свою очередь, высоко оценила энергичную деятельность Г. Д. Шервашидзе по быстрой ликвидации возникшей опасности²⁴¹.

Кроме того, Г. Д. Шервашидзе, будучи тифлиским губернатором, принял особое участие в организации помощи армянам-переселенцам, спасавшимся от истребления турецкими властями и голода в конце XIX века²⁴².

Г. Д. Шервашидзе приходилось заниматься и вопросом о

²³⁸ ИР. ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека (словарь) кавказских деятелей — Шервашидзе Г. Д.

²³⁹ ი. ჭავჭავაძის წიგნების კრებული, I, გვ. 246-247.

²⁴⁰ Там же, с. 247.

²⁴¹ См.: № 157 за 1892 год.

²⁴² См.: «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1898, с. 19—20.

духоборах²⁴³. В его изображении последние предстают не столько как сектанты, сторонники «непротивления злу», сколько как представители бедноты, сильные духом классовой ненависти к эксплуататорам, их титулованным покровителям и защитникам²⁴⁴. Особенный интерес представляет одно высказывание Шервашидзе в 1895 году, важное с точки зрения выношения роли, которая отводилась духоборам в колонизаторских планах царизма. Он писал: «Они... заставили все окрестное население уважать себя и на далекой окраине, казалось, высоко подняли русское знамя. Раскинувшиеся в трех губерниях, среди нищенского населения, цветущие села являли из себя отрядный вид оазисов²⁴⁵, а с политической стороны представлялись этапными пунктами русского дела и влияния в крае»²⁴⁶.

Для характеристики Г. Д. Шервашидзе как интеллигента представляет интерес также семейный архив келасурских князей Шервашидзе, одна часть которого в настоящее время находится в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (ф. 1719), а другая — в Центральном государственном архиве Абхазской АССР (ф. 60). В первом хранятся, например, такие материалы, как Отчет проф. К. О. Милашовича о поездке к кавказским пещерам в 1877 году по поручению Комитета по устройству антропологической выставки в г. Москве (типографский экземпляр); Доклад члена колледжи «Кавказского общества сельского хозяйства» А. Элизова о результатах исследования виноградников в Сухуме, 1880 (печатный экземпляр); типографский экземпляр издания «Общество естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», 1890—1891; Дневник Антропологического отдела под ред. А. Н. Харузина, вып. 5; Доклад тифлисского губернатора [Г. Д.] Шервашидзе глав-

²⁴³ С 40-х годов XIX века в значительной мере за счет духоборов и других сектантов происходила колонизация закавказских губерний. Духоборы, в частности, были поселены в пограничном с Турцией Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии. Однако их экономическое влияние простиралось далеко за пределы их поселений в названном уезде, а потом — в Борчалинском и Елизаветопольском уездах Тифлисской губернии.

²⁴⁴ А. И. Клибанов. История религиозного сектантства в России. М., 1965, с. 109.

²⁴⁵ Действительно, к 80-м годам XIX века духоборы, поселенные в Грузии, создали хозяйства, «превосходившие местные по продуктивности, насыщенности техникой и производительности труда, и оказали прогрессивное влияние на все экономическое развитие края» (А. И. Клибанов. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973, с. 110). «Опыт богатых духоборов отвечал стремлениям власти создать в деревне как свою опорную силу капиталистические фермерские хозяйства... Духоборская община в миниатюре — это то же буржуазное общество» (З. И. Порякишвили. Духоборы в Грузии. Тбилиси, 1970, с. 36, 64).

²⁴⁶ См.: А. К. Бороздин. Русское религиозное разномыслие. СПб., 1907, с. 175.

нокомандующему гражданской частью на Кавказе о развитии сельскохозяйственной промышленности в Тифлисской губернии.. (типиграфский экземпляр); Материалы для антропологии Кавказа об удниках Пухинского уезда по изучению А. А. Арутюнова в 1896 году (типиграфский экземпляр издания «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», 1905). В Абхазском архиве имеются рукописи: П. Ф. Хлопов «Замечание по крестьянскому вопросу» (29.III.1864), «Записка об общественном мнении в России», И. Г. Коринец «Типы подоходного обложения на Западе (английский, прусский и проектируемый французский) и новейший русский проект Министерства финансов» (Москва, 17.X.1913), Записка Г. М. Коллюбакина о преобразовании пастушеских племен в земледельческие («Мнение Г. М. Коллюбакина»), Письмо испанского ученого Хосе де Кампоса из Мадрида (1909 год) о высылке Г. Д. Шервашидзе книги собственного сочинения и об оказании последнему ему материальной помощи и другие.

Большого внимания заслуживают и письма сына Г. Д. Шервашидзе Дмитрия²⁴⁷ к матери (М. А. Шервашидзе-Николаи) — весьма любопытный эпистолярный дневник. Правда, содержащиеся в них данные относятся к более позднему периоду²⁴⁸, но некоторые наиболее важные из них, как

²⁴⁷ Д. Г. Шервашидзе (1880—1937) окончил Петербургский университет и с 1901 года начал работать в г. Вильно в качестве чиновника губернского управления. С 1914 года он исполнял должность ставропольского вице-губернатора, был в придворном звании камер-юнкера и чине надворного советника (КК на 1915 г., с. 454; на 1917 г., с. 699). В 1916 году Д. Г. Шервашидзе — вице-губернатор в Витебске.

²⁴⁸ Эта переписка была систематической и продолжалась с 1897 по 1918 год. Она, в частности, дает представление о культурном уровне, общем кругозоре и мировоззрении Д. Г. Шервашидзе. Например, в письме от 29 августа 1898 года, в котором он делится с матерью впечатлениями о проведенном вечере в доме генерала П. А. Крыжановского, Д. Г. Шервашидзе отмечал, что его поразила начитанность дочерей хозяина, с которыми он «очень долго» беседовал о книгах и писателях. Они «досконально знают, — писал он, — выдающиеся сочинения Тургенева, Гончарова, Толстого и т. д., знают массу стихов наизусть из великих наших и иностранных поэтов, внимательно следят за новой литературой... Мне было очень приятно поделиться своими впечатлениями... и даже вступил с ними в спор о некоторых сочинениях Пушкина и Лермонтова» (ЦГАГ, ф. 1719, д. 59, л. № 6, ал. 100б.—11). Сообщая о своих посещениях достопримечательностей столицы, Дмитрий писал, что, например, Эрмитаж «осмотрел» обстоятельно с каталогом в руках» (Там же, л. 21). В личной переписке Д. Г. Шервашидзе, кроме того, содержатся интересные сведения о придворной жизни и лицах, приближенных к императорскому двору. Имеются также данные о студенческом движении, происходившем в 1899 году в Петербурге и о закрытии университета в связи с этим, а также о революционных событиях 1905—1907 годов. В письмах Д. Г. Шервашидзе находим сведения и о днях Февральской и Октябрьской революций, о положении Временного правительства, царской семьи и приближенных к ней лиц, в том числе членов дома Шервашидзе (келасурских). В них, естественно, отражена личная жизнь последних.

и сведения о самом авторе, мы сочли целесообразным и привести здесь в список, чтобы сохранить целостность описания. Умер Г. Д. Шервашидзе 26 марта 1918 года в Крыму, в Ялте, похоронен в склепе Айторской крепости²⁴⁹.

Весьма примечательна личность Давида Григорьевича Анчабадзе (Ачба)²⁵⁰. В 1871 году он окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата права. Несколькими лет Анчабадзе был помощником виднейшего представителя профессиональной русской юридической интеллигенции, знаменитого адвоката, профессора Петербургского университета В. Д. Спасовича. С 1877 года он — присяжный поверенный округа Санкт-Петербургской судебной палаты. Молодой юрист получает большую практическую и хорошую теоретическую подготовку. Одно время он жил в Кутаисе, где был близок к Георгию Шервашидзе (являлся его поверенным)²⁵¹. На процессе Давида Чхотуа и других Анчабадзе выступал в качестве свидетеля защиты²⁵². Д. Г. Анчабадзе, как и его старшие товарищи Г. М. Шервашидзе и Д. З. Чхотуа, примыкал к передовой интеллигенции Грузии того времени. Интересные материалы об адвокате Анчабадзе содержатся в «Дрозба». Но, пожалуй, самым замечательным является то, что Д. Г. Анчабадзе некоторое время, по приглашению Ильи Чавчавадзе, активно сотрудничал в «Иверии», находился на переднем крае борцов за появление и укрепление этого органа, сыгравшего, как известно, крупнейшую роль в истории национально-освободительного движения в Грузии²⁵³. В 1887 году Д. Г. Анчабадзе был отведен земельный участок в Абхазии²⁵⁴. Однако в следующем году его уже

²⁴⁹ Версия о том, что Г. Д. Шервашидзе во время революции вместе с бывшей императрицей Марией Федоровной эмигрировал в Данию (см.: В. Пачулиа. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969, с. 180), является ошибочной. Что касается его сына, Д. Г. Шервашидзе, то в октябре 1918 года он также был выслан из Петрограда, а затем ему было запрещено проживать в пределах Советской Республики (ШИАГ, ф. 1719, Предисловие к фонду (сост. Н. С. Даниюкова), с. 2; оп. 1, д. 93; л. 3, лл. 6—7). Д. Г. Шервашидзе уехал в Абхазию, где в то время существовала буржуазно-меньшевистская диктатура. В первые годы Советской власти в Абхазии Шервашидзе был выслан в Иркутск, где он в течение многих лет работал юристом. В настоящее время там живут потомки Д. Г. Шервашидзе. Например, его внук, Юрий Леванович, окончил исторический факультет Иркутского государственного университета; его перу, в частности, принадлежит книжка «Революционная Куба» (Иркутск, 1961).

²⁵⁰ Д. Г. Анчабадзе родился в с. Дарчели Самурзаканского участка; окончил гимназию, как полагают, — Кутаисскую.

²⁵¹ ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Анчабадзе Д. Г.

²⁵² См.: «Судебные речи известных юристов». М., 1957, с. 630, 632; «Убийство девицы Н. Э. Андреевской (отчет судебного процесса)».

²⁵³ О. Чурбула. Аџсуа парау — илурист. — «Алашара», 1971, № 8, с. 94 — 96; его же. ბაგადაბაძე, 1, გვ. 232 и др.

²⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1263, ж. 3, 1887 г., фев. 10, ж. ст. 95.

не стало²⁵⁵. Ранняя смерть помешала Д. Г. Аччабадзе полностью раскрыть свои блестящие способности.

В 1888 году газета «Иверия» (№ 46) сообщала, что «один образованный молодой абхаз задумал создать абхазскую письменность и даже составил уже абхазскую абевергу». Трудно пока сказать точно, кто был этот молодой энтузиаст. Может быть, А. М. Эмухвари или Ф. Х. Эшба?

Во всяком случае, в 80-х годах начинается деятельность Фомы (Омара) Христофоровича Эшба (1856—1928). Это был один из самых выдающихся представителей старшего поколения абхазских просветителей. Учился он сначала в родном селе Бедиа, затем, с 1874 года, в Сухумской горской школе, которую окончил с отличием первого ученика, после чего был направлен на казенный счет в Закавказскую учительскую семинарию в Гори. После ее окончания Ф. Х. Эшба начинает работать, с 1 июля 1880 года, учителем в Новоафонской школе. В Отчете «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» за 1880 год отмечалось, что эта школа усилием настоятеля монастыря и учителя Ф. Х. Эшба «все более и более улучшается в учебном и воспитательном отношении»²⁵⁶. Затем Эшба работал в ряде других школ Абхазии — Лыхны, Бедиа и т. д.²⁵⁷, а в Очемчирах в 1891 году являлся заведующим двухклассным начальным училищем²⁵⁸; с его именем связано строительство нового учебного здания для этой школы. Учителем Ф. Х. Эшба в 1893 году в селе Цаленджиха Зутдидского уезда²⁵⁹.

В 1900 году К. Д. Мачавариани писал о Ф. Х. Эшба: «В настоящее время в Лыхнах имеется образцовая школа Министерства народного просвещения, которой заведует неутомимый и опытный учитель абхазец Фома Эшибай. Пользуясь общей симпатией своих учащихся, Эшибай действительно является полезным деятелем на ниве народного образования. Главное его достоинство — это отсутствие в нем всяких «лукавых мудрствований» и всякого вмешательства в общественные дрязги. Его вполне удовлетворяет сфера педагогической деятельности и не стремится он ни к какой популярности путем разных ухищрений»²⁶⁰. Работа Ф. Х. Эшба в Лыхнах была отмечена также постройкой школьного здания и открытием школы для девочек. Из Лыхны Эшба переводят в Бедиа, где в поселке Копыти он открывает и налаживает школу в бесплатно предоставленном доме Ч. Шервашидзе.

²⁵⁵ Похоронен Д. Г. Аччабадзе в родном селе Дарчели.

²⁵⁶ ООВПХК за 1880 г., с. 85.

²⁵⁷ См.: КК на 1884 г. и др.

²⁵⁸ ЦУКУО за 1891 г., с. 507—508.

²⁵⁹ Там же за 1894 г., приложение 3-е, с. 370.

²⁶⁰ К. Мачавариани. Очерки Абхазии. — «Черноморский вестник», 22.1.1900, № 17.

Еще некоторое время Ф. Х. Эшба работает в Бедиа. Здесь ему способствовали такие лица, как Александра Шервашидзе, которая отличалась особенно тем, что вела среди крестьян культурную работу, убеждая их в необходимости постройки нормального школьного здания. Для этой цели она пожертвовала земельный участок и оказала денежную помощь. О благородном поступке «замечательного, примерного человека» заговорила грузинская газета «Цнобис пурцели» (1898, № 592).

Когда в 1905 году в Бедиа сгорело школьное здание, Ф. Х. Эшба снова возрождает двухклассную школу в доме Николая Шервашидзе, а при ней открывает пансион на 10 учеников из отдаленных мест. В дальнейшем Эшба работал в Сухуме (горская школа), снова в Бедиа, в Очемчирах. Среди его «новых начинаний» нельзя не отметить особо закладку школьных садов (Лыхны, Очемчиры) и обучение детей родному абхазскому языку, «крикуя гневом царского начальства»²⁶¹.

Необыкновенная популярность Ф. Х. Эшба — «неутомимого труженика, отзывчивого на запросы жизни, живого и смелого духом»²⁶² — объяснялась его глубоким пониманием своей ответственности перед народом, интересам которого он был предан беззаветно. Испытав благотворное влияние русской и грузинской культур, он с самого начала выступил как подлинный просветитель своего народа. Его педагогические и общественные взгляды формировались под влиянием В. Г. Белинского, К. Д. Ушинского и Я. С. Гогобашвили²⁶³.

Естественно, деятельность Ф. Х. Эшба не могла ограничиться только рамками учительской практики. Он живо отзывался на все общественные события, проявляя самую активную инициативность. Эшба является автором историко-этнографического очерка «Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы» (1891)²⁶⁴, посвященного описанию домашней промышленности и ремесла в Абхазии и не потерявшего своей научной ценности и в настоящее время²⁶⁵. В нем, в частности, содержится местный материал, подкрепляющий знаменитое ленинское положение о том, что на Кавказе, в том числе в Грузии, «шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских

²⁶¹ ЦГАА, ф. 8. ЛС, л. 290, л. 102. К юбилею (46) Ф. Х. Эшба.

²⁶² Там же: (И. А.) Аджинджал. Славный юбилей. — «Трудовая Абхазия», 20.VI.1926, № 138.

²⁶³ М. А. Каландия. Ф. Х. Эшба — Агьсуа школ абду. Акуа, 1964.

²⁶⁴ Был опубликован в СМОМПК, 1891, вып. XI.

²⁶⁵ Между прочим, за эту работу в 1891 же году попечитель Кавказского учебного округа вынес Ф. Х. Эшба благодарность (ЦУКУА за 1891 г., с. 507—508).

фабрикатов»²⁶⁶. В Абхазии, писал Ф. Х. Эшба, «тканье бязи в настоящее время падает заметно, что объясняется тем, что привозной товар, как-то ентец, бязь, миткаль и др., превосходит местную бязь по качеству и к тому же приобретают дешевле ее»²⁶⁷. В другом месте: «Гончарное производство падает, и число рук, занимающихся им, с каждым годом уменьшается. Падение промысла объясняется привозом в край различного рода более удобной посуды из стекла, фарфора и др.»²⁶⁸.

Ф. Х. Эшба является также соавтором «Абхазской азбуки» 1906 года (вышла в Тифлисе без указания авторов) и составителем первого задачника на абхазском языке «Ахасабшеку Апысны ашколкуа рзы. Сборник арифметических задач для абхазских начальных училищ» (Тифлис, 1907). В азбуке Фоме Христофоровичу принадлежит второй раздел — «Статьи для чтения и письменных работ» (на абхазском и русском языках, с. 26—58), а первый раздел является повторением букваря 1892 года К. Д. Мачавариани и Д. И. Гулиа. На это обстоятельство указывает Д. И. Гулиа в своем «Абхазском календаре» («Апысуа календар». Агуа, 1920), а также в газете «Апысны цапш» (№ 23, 1926)²⁶⁹.

Надо сказать, что указанный текстовой материал («статьи») Ф. Х. Эшба — это не только переводы из стабильных русских учебников. Он в ряде случаев является оригинальным. Таковы, например, «Родина» («Я абхазец и родился в селении Лыхны. Лыхны моя родина...»), «Абхазия» («Абхазы живут на берегу Черного моря... Абхазия один из лучших уголков в мире, недаром и абхазцы называют свою страну Апыны, что значит место души, рай...») и другие. Особый интерес в том числе и научный, представляют приводимые им данные в примечании — старинные абхазские названия месяцев, которые «у абхазцев выведены из жизни и означают или время сельскохозяйственных занятий, или время того или другого праздника или обычая» (с. 49). Что касается задачника Ф. Х. Эшба, то он в течение ряда лет обслуживал абхазских школьников, а многие содержащиеся в нем математические термины вошли в абхазский лексикон²⁷⁰.

Ф. Х. Эшба, кроме того, принимал деятельное участие в работе Комиссии по переводу на абхазский язык религиозной

²⁶⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, с. 594.

²⁶⁷ Ф. Эшба. Указ, соч., с. 269.

²⁶⁸ Там же, с. 263.

²⁶⁹ На отмеченные факты впервые обратил внимание Х. С. Бражба в статье «Редактор первой абхазской газеты», опубликованной в № 7 журн. «Алашара» за 1974 год.

²⁷⁰ Это: счет (аьхьагара), сложение (аццара, аилагара), вычисление (ацхра), умножение (азьхара), деление (ашара), дроби (асса), вычитание (ацхра) и другие.

литературы. Между прочим, он является автором популярной абхазской песни «Шьарда аамта» («Долгие лета»). Ф. Х. Эшба вышестовал многих учителей, которым щедро передавал свои глубокие знания и богатый опыт. Среди его питомцев был и Д. И. Гулиа.

В связи с сорокашестилетием педагогической деятельности Ф. Х. Эшба руководители Наркомпроса Абхазии С. Я. Чанба и А. М. Чочуа 20 июня 1926 года писали: «И если нелегко только прожить 46 лет, то как же трудно их прослужить, и тем более прослужить народным учителем, работа которого протекает по тяжелому, тернистому пути. Необыкновенная любовь к школе и к детям всем существом приковала Вас к этой тяжелой педагогической работе. Все долгие годы Вашей работы протекали в сельских школах. Подготовка и опыт давали Вам возможность устроиться на более обеспеченную службу в городе, но зная отсталость и нужды деревни, Вы предпочли деревню городу и все долгие годы работы отдали на служение крестьянской массе. В абхазской деревне Вы оставили неизгладимый культурный след о себе. Абхазия в рядах своих общественных деятелей насчитывает десятки и даже сотни Ваших бывших питомцев. Будучи по натуре скромным человеком, Вы, как учитель, всегда были творцом и художником своего дела, воодушевляли и учеников, и учителей-сослуживцев. Эти чрезвычайно высокие качества учителя и человека невольно возбуждали к Вам всеобщую любовь и уважение»²⁷¹.

Ближайшим другом и коллегой Ф. Х. Эшба являлся Виктор (Тархуна) Дмитриевич (Халылович) Гарцкия. Они вместе окончили Горняцкую учительскую семинарию, где, кстати, встречались с великим грузинским педагогом Я. С. Гогешавили, который дал им добрый совет — вернуться в родной край и посвятить себя делу просвещения народа. К абхазским юношам с большим уважением относился и директор семинарии, известный русский педагог Д. Д. Семенов²⁷².

Гарцкия родился и похоронен в с. Моква Кодорского участка. Работал в разное время учителем в с. Гуп и м. Очемциры, смотрителем-директором Сухумской горской школы. Одно время он служил письменным переводчиком в сухумском окружном управлении²⁷³, а затем — в кутаисском окружном суде²⁷⁴. В. Д. Гарцкия находился в близких отношениях с писателем Г. М. Шервашидзе и часто посещал его. В 90-х годах он подвергался арестам и в общей сложности в течение 7—8 лет находился за пределами Абхазии. Преследовали Гарцкия «из-

²⁷¹ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 290, л. 103.

²⁷² М. А. Каландиа. Указ. соч., с. 15.

²⁷³ КК на 1894 г., с. 114.

²⁷⁴ Там же на 1896 г., с. 227.

за какой-то рукописи», составленной им. После В. Д. Гарцкия осталась «огромная связка» (рукописей), судьба которой неизвестна²⁷⁵.

Перу В. Д. Гарцкия принадлежит этнографическо-фольклористическая работа большой ценности — «Из абхазских народных преданий и поверий: 1. Озеро Папанцкур. 2. Абрскил (Абхазский Прометей). 3. Ач-кы тызго», опубликованная в 1892 году²⁷⁶. Этот труд был результатом личного обследования автором действительно уникальной пещеры. «Мы, — пишет В. Д. Гарцкия, — двигались вперед в продолжение 4½ часов. Страшное утомление, голод и холод, а главное недостаток свеч заставили нас вернуться. В том месте, откуда мы вернулись, мы воткнули в трещину скалы взятую с собой палку с надписью. Спутники мои были очень опечалены, что им не удалось видеть в пещере созданного народной фантазией героя-узника». Работой В. Д. Гарцкия уже в дореволюционное время пользовался ряд авторов²⁷⁷.

Отметим также, что в 1888 году в Бедийской школе учителем работал Александр Эмухвари²⁷⁸.

В 1887 году Ставропольскую духовную семинарию окончил Иосиф Васильевич Лакербая (Лакрба). Сначала он работал учителем в Сухумской горокой школе, а с 1891 года — заведующим школой и законоучителем, до 1914 года, в селе Лыхны, где «не без успеха ведет занятия с учениками-абхазами, с которыми на первых порах приходится объясняться исключительно на родном языке»²⁷⁹.

Далее — о Дмитрие Тлапсовиче Маргания, известном деятеле абхазской культуры. Родился он в 1866 году в селе Бедиа, учился с 1879 по 1881 год в Сухумской горской школе, а с 1882 по 1885 год — в Кутаисской учительской семинарии. С сентября 1885 по сентябрь 1890 года Д. Т. Маргания работал учителем сначала в Сухумской горской школе, а затем — в Абашской и Хоршинской сельских школах, относясь к своим обязанностям «с одинаковым усердием и добросовестностью»²⁸⁰. По характеристике К. Д. Мачавариани, это был «неутомимый и полезный деятель на учительском поприще»²⁸¹. Он свободно владел родным абхазским, грузинским, мегрельским и русским языками, был «лучшим переводчиком церков-

²⁷⁵ Архив АИЯЛИ, ф. I, д. 175/103, л. 36.

²⁷⁶ См.: СМОМПК, 1892, т. XIII, отд. II, с. 32—33.

²⁷⁷ См., например, статью К. Д. Мачавариани «Город Сухум и Абхазия в настоящем и прошлом». — «Естествознание и география», 1914, № 1, с. 63—65.

²⁷⁸ ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 233, л. 1.

²⁷⁹ ООВПХК за 1891 г., с. 115; КК на 1888 г., отд. III, с. 163.

²⁸⁰ ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 484, лл. 1—2; ООВПХК за 1897 г., приложения, с. 33.

²⁸¹ К. Мачавариани. Очерки Абхазии. — «Черноморский вестник», 12. II. 1900, № 34.

но-славянских книг на абхазский язык»²⁸². С 1891 года Д. Т. Маргания переходит на священническую службу, ведя одновременно и преподавательскую работу, впоследствии становится протоиереем Кодорского участка.

О полезной общественной деятельности Д. Т. Маргания писала газета «Иверия». Так, например, в № 218 за 1898 год была опубликована статья Н. С. Джанашиа (Хамуд-бея), в которой отмечалось, что Маргания принадлежит к той группе абхазской молодежи, которая искренне радуется за дальнейшее развитие традиционных грузино-абхазских отношений.

Закавказскую учительскую семинарию окончил и Виссарион Эмухвари, который с 1891 года работал в Саберийской одноклассной школе²⁸³, затем — в Абадатовском училище²⁸⁴, а с 1898 года — в Окумской двухклассной школе²⁸⁵, в которой в качестве старшего учителя видим его и в 1899 году²⁸⁶.

Среди абхазских учителей, начавших деятельность в 80—90-х годах, особое место принадлежит Константину Васильевичу Маршания (1874—1941) — народному учителю в полном смысле слова. Целью всей его долгой жизни было просвещение родного народа. Родился К. В. Маршания 19 февраля 1874 года в с. Гуп Кодорского участка. Его дед, Учанан Маршания, пользовался почетом во всей Абхазии. В 1870 году в беседе с епископом Имеретии Гавриилом столетний старец изрек: «Времена изменились, и по-старому жить было бы безумием»²⁸⁷. Отец К. В. Маршания, Мсоуст (Василий) Маршания, как отмечается в одном официальном материале за 1890 год, был «ревностным попечителем» Гупской школы, «по инициативе которого она выстроена... и который много содействовал ее благоустройству»²⁸⁸.

В возрасте шести лет К. Маршания отдают в Сухумскую горскую школу. Через некоторое время он лишается родителей, и только благодаря постоянной поддержке священника гупского прихода Николая Саджая ему удалось завершить учебу. Занимался он легко и охотно. Закончив школу, К. В. Маршания устраивается писарем в нотариальную контору в местечке Очемчиры. Добрые люди решили помочь способному молодому человеку в продолжении образования, и вскоре он становится учащимся Кутаисской учительской семинарии (м. Хони)²⁸⁹.

Неподалеку от местечка Хони (ныне г. Цулукидзе) жил помещик гуманного образа мыслей Григорий Константино-

²⁸² Его же. Описательный путеводитель..., с. 121.

²⁸³ ООВПХК за 1891 г., с. 262; за 1892 г., с. 195.

²⁸⁴ ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 1810, л. 17.

²⁸⁵ ООВПХК за 1897 г., с. 234—235; приложения, с. 94.

²⁸⁶ ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 764, лл. 15—16.

²⁸⁷ ООВПХК за 1870 г., с. 9.

²⁸⁸ Там же за 1890 г., с. 257.

²⁸⁹ ЦГАА, ф. 833, д. 35, л. 12.

вич Цулукидзе. Его дом часто посещали передовые люди того времени. Здесь бывали руководители «Меоре даси» Г. Церетели, Д. Микеладзе, Д. Цулукидзе²⁹⁰. Это был дом отца будущего выдающегося революционера-ленинца Александра (Саша) Цулукидзе. Мы не знаем, что впервые привело абхазского юношу в семью Цулукидзе, но он стал здесь частым гостем. В общении с передовыми людьми формировалось его мировоззрение, и вскоре он приобщается к подпольной политической работе, а затем и сам выступает в роли агитатора.

Однажды пруппа возбужденных семинаристов, в том числе Константина Маршания, ворвалась в кабинет директора с антимонархическими возгласами, сорвала царский портрет со стены, а затем вышла на улицу. Полиции только к вечеру удалось разогнать демонстрантов. Но нашелся предатель, который указал на зачинщика «беспорядка» — К. Маршания. Лишь благодаря вмешательству того же влиятельного Григория Цулукидзе юноша остался в семинарии²⁹¹.

К. В. Маршания окончил семинарию успешно. Однако, оказавшись под полицейским надзором, «смутьян» теперь не мог и помышлять об университетском образовании. В сентябре 1893 года в захолустном селе Коки Зугдидского уезда началась его трудовая жизнь. Он заводит широкие знакомства с местными жителями. Затем К. В. Маршания работает в различных школах Абхазии: Михайловском сельском училище (1894), Сухумской горской школе (1898), Очемчирском двухклассном училище (1898). После двухлетнего перерыва (1904—1906 годы) он становится смотрителем-директором Тамышского двухклассного училища. Благодаря стараниям его и брата, Дмитрия Маршания, в 1908 году возобновила свою работу Гупская школа²⁹², в которой он также в течение нескольких лет был смотрителем²⁹³. По инициативе К. В. Маршания открывались и расширялись школы и в некоторых других селах Абжуйской Абхазии. Ближайшими друзьями и коллегами К. В. Маршания были Ф. Х. Эшба, В. Х. Гарцкия и П. Г. Чарая. Учителя-энтузиасты, опираясь на прогрессивные методы обучения, стремились дать своим учащимся глубокие знания, вызвать у них интерес к изучаемым предметам.

Среди педагогической интеллигенции появляются и выходцы из крестьян. Одним из первых этих деятелей был Давид Григорьевич Аджамов (Баградуни) из села Лыхны Гудаутского участка. Отец Давида умер, когда ему был всего один год. До десятилетнего возраста он находился на попечении матери, затем его отдали в Сухумскую горскую школу,

²⁹⁰ Л. Эбанондзе. Александр Цулукидзе. Тбилиси, 1965, с. 6.

²⁹¹ ЦГАА, ф. 833, д. 35, лл. 12—13.

²⁹² В с. Гуп школа впервые была открыта в 1875 году.

²⁹³ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 171, лл. 3—4, 24, 27, 29—33.

а через три года — в Ставропольскую гимназию²⁹⁴. 25 апреля 1880 года Д. Г. Аджамов назначают учителем-надзирателем Сухумской горской школы, где с 5 сентября того же года смотрителем-директором становится К. Д. Мачавариани²⁹⁵. В 1892 году Аджамов одновременно преподавал арифметику в Сухумской женской гимназии²⁹⁶.

В приложении к VI выпуску «Сборника описаний местностей и племен Кавказа» за 1888 год была напечатана абхазская сказка «Два вора». Она была записана учеником Сухумской горской школы Николаем Джанашиа в с. Адзюбжа, а Д. Г. Аджамов сделал тщательную проверку ее текста по бзыбскому диалекту, в транскрипции П. К. Услара. В XIV выпуске того же сборника за 1892 год была опубликована «О четырех братьях сказка», записанная К. Д. Мачавариани со слов ученика названной школы Дмитрия Гулна. В примечании к ней говорится: «Учитель той же горской школы г. Аджамов, природный абхазец, проверил эту сказку по бзыбскому наречию. Печатается по редакции г. Аджамова».

В 1883 году Д. Г. Аджамов — в родном селе Лыхны²⁹⁷. В том же году он становится учителем Озургетского городского училища. В начале 1894 года Аджамов становится директором-смотрителем Сухумской горской школы, сменив на этом посту Ф. Т. Богданова²⁹⁸, и одновременно председателем педагогического совета Сухумской женской гимназии²⁹⁹. На этих должностях он находился до конца 90-х годов. На протяжении многих лет ему довелось работать с такими замечательными педагогами и краеведами, как К. Д. Мачавариани, А. И. Джугели и другими.

Вот как характеризовал Д. Г. Аджамова известный исследователь Абхазии Г. А. Рыбинский³⁰⁰: «Окончивший Ставропольскую гимназию коллежский ассесор Д. Г. Аджамов —

²⁹⁴ ЦГИАГ, ф. 231, д. 73, лл. 11, 14.

В этой гимназии и впоследствии обучались многие абхазские юноши. Так, например, в 1890—1891 годах ее воспитанником был Василий Шамба из села Абгархук (ЦГАА, ф. I, оп. 1, д. 732).

²⁹⁵ ЦГИАГ, ф. 433, оп. 1, д. 201, лл. 13, 26.

²⁹⁶ КК на 1883, отд. II, с. 100.

²⁹⁷ ЦГИАГ, ф. 231, д. 73, л. 11.

²⁹⁸ О нем: ЦУКУО за 1899 г., № 11, с. 995—100.

²⁹⁹ КК на 1893 г., с. 262, 310.

³⁰⁰ Г. А. Рыбинский в 80—90-х годах состоял корреспондентом газет «Новое обозрение» и «Кавказ» по Абхазии и Ирану (КЭС, III, с. 202). Он является автором весьма интересной книги «Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении». (Тифлис, 1894). Как сообщает автор (И. Н.) книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (М., 1898, с. 8): «Г. А. Рыбинский в течение двух лет изучал Сухумский округ, проникнул в это время в самые глухие, малодоступные уголки Абхазии, ознакомился насколько мог даже с абхазским языком и своим непритворным расположением к абхазскому населению заслужил его полное доверие». Он был почетным членом Сухумского общества сельского хозяйства (см., например, Отчет СОСХ за 1914 г. Сухум, 1915, с. 85).

абхазец по происхождению, около двух десятков лет прослуживший своему народу в скромной роли учителя Сухумской школы. Среди абхазцев и пришлого населения Сухумского округа г. Аджамов заслужил полное уважение и безупречную репутацию. Назначение г. Аджамова на должность смотрителя Сухумской школы мы искренне приветствуем потому, что г. Аджамов пользуется полным доверием всего населения абхазцев, благонадежен и сумел вызвать любовь и уважение со стороны своих товарищей. Он был переведен из Сухума и теперь состоит учителем в Озургетском городском училище. Чем скорее будет сосредоточены в Абхазии, в качестве учителей, лучшие силы из абхазцев, тем скорее будет упрочено влияние школ на этот народ, продолжающий жить своими патриархальными нравами»³⁰¹.

Впоследствии Мих. И. Тарнава писал о педагогической деятельности Д. Г. Аджамова: «Для набора учеников в свою школу бывший смотритель Сухумской горской школы, покойный Аджамов (абхазец) разъезжал по Абхазии и забирал мальчиков. Родители их поднимали крик и вопль, как будто их детей веля на убой; но покойный своим убедительным и ласковым словом унимал их, увещевал и дарил им для собственного их удовольствия по 5—6 руб.»³⁰².

К поколению Д. Г. Аджамова относится и замечательный педагог Мелитон Меркурьевич Бжания (1864—1933). Родился он в семье бедного абхазского крестьянина в с. Илори. Рано лишившись родителей, детство он провел у своего дяди, который, заметив в мальчике способности и стремление учиться, отдал его в Очемчирскую школу. Затем Мелитону Бжания удалось поступить в Сухумскую горскую школу, которую окончил успешно в 1883 году. В том же году он поступил в Кутаисскую учительскую семинарию. Не окончив полный курс этого учебного заведения по домашним обстоятельствам, М. М. Бжания в 1886 году начинает работать учителем в селе Лесичине Зугдидского уезда³⁰³.

В это время здесь находился молодой революционер Миха Цхакая, исключенный из Тифлисской духовной семинарии за чтение нелегальной литературы, антирелигиозную пропаганду и распространение социалистических идей³⁰⁴. По сообщению Мелитона Меркурьевича Бжания, Цхакая в селе Лесичине организовал «из друзей и близких благонадежных лиц антиправительственный кружок»; составил антиправительственную прокламацию и с помощью членов этого кружка распростра-

³⁰¹ Г. А. Рыбинский. Абхазские письма. XXI. По школьному делу. — «Кавказ», 9.III. 1894, № 65.

³⁰² Мих. Ив. Тарнава. Культурный перелом в абхазской жизни. — «Сухумский вестник», 22.IX.1916, № 208.

³⁰³ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 36, л. 177об.

³⁰⁴ С. Беридзе. Миха Цхакая (Биографический очерк). Тбилиси, 1965, с. 8.

нил се по всей Мегрелии; развернутая им одновременно анти-религиозная пропаганда имела также «большой успех»³⁰⁵. «Лично я, — писал М. М. Бжания, — как местный учитель, с т. Миха Цхакая жил дружно, отношение наше друг к другу было весьма доброжелательное и во всех его в вышесказанных работах принимал постоянное и активное участие...»³⁰⁶. Это подтверждал и сам Миха Цхакая впоследствии, будучи председателем Центрального Исполнительного Комитета Грузии. В 1928 году он в телеграмме на имя председателя Исполнительного комитета Кодорского уезда Д. Л. Габуния и М. М. Бжания писал: «К сожалению, только что прочел, вернувшись в Тифлис, просьбу-заявление старого друга-товарища Мелитона Бжания. Спешу ответить коротко и деловито и пусть этот ответ будет нужным товарищу Мелитону документом. Подтверждаю и удостоверяю, что в 1886—88 годах я хорошо и близко знал товарища Мелитона, и он был активным участником одного из нескольких тогдашних моих нелегальных политически-революционных кружков. Они в деревнях состояли из передовых бедняцких крестьян, батраков и частью сельских учителей»³⁰⁷.

М. М. Бжания в селе Лесичине Зугдидского уезда работал до 1890 года, затем был переведен в Абхазию, в Драндскую одноклассную церковноприходскую школу, где находился до 12 августа 1897 года. С этого времени и до 15 августа 1902 года М. М. Бжания являлся старшим учителем Гудаутской второклассной учительской школы, а затем, до 14 января 1904 года, — Гудаутской церковноприходской школы³⁰⁸. В отчете «Сухумского епархиального братства» за 1899 год была отмечена его хорошая работа³⁰⁹. В 1904 году М. М. Бжания снова работает в Драндской школе, а с 1908 года и до конца своей жизни — в Илорской школе, сначала в качестве старшего учителя, затем — заведующего. Преподавал он геометрию, черчение, пенне, землемерие, столярное и токарное ремесла, переплетничество, огородничество, садоводство и шелководство³¹⁰. Подытоживая долгую плодотворную работу Мелитона Меркурьевича Бжания, Народный комиссариат просвещения Абхазии в 1928 году отмечал, что он «относится к числу редких по своей многосторонней деятельности работников народного образования... Занимая 42 года должность учителя начальных школ и обучив за это время прямо не одну сотню

³⁰⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 157, оп. 2, д. 4, л. 7об.

³⁰⁶ Там же, л. 8.

³⁰⁷ Там же, л. 9.

³⁰⁸ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 36, л. 177об.

³⁰⁹ А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии, с. 281.

³¹⁰ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 36, лл. 176, 177об.; «Советская Абхазия», 15.XI.1928.

детей крестьян, Бжания всегда был с крестьянами, помогал им и словом и делом, сам был образцом для окружающих, принимал самое активное участие во всей жизни не только того селения, в котором он был учителем, но и в жизни всего Кодорского уезда.. Отсюда становится понятным тот авторитет, которым он пользуется среди крестьянских масс...³¹¹.

В 1882 году начал учительствовать Герасим Ахметович Эшба (Эшибая). В частности, он работал в Хетском двухклассном нормальном училище до 1 сентября 1892 года; к своим обязанностям относился «с должным усердием, достигал в деле обучения детей порядочных результатов»³¹².

Сын лыхненского крестьянина Дмитрий Хасая, окончив Тифлисскую школу садоводства, с 16 декабря 1893 года был учителем в родном селе. Однако работал он недолго — 16 ноября 1894 года его уволили со службы. Было ему тогда 23 года³¹³. Кстати, в 1892 году названную школу садоводства окончили трое юношей из того же села Лыхны³¹⁴.

После русско-турецкой войны 1877—1878 годов в этом селе, где в 1897 году было около 780 дворов, школа начала работать, причем первой во всей Северо-Западной Абхазии в послевоенное время, лишь с 6 сентября 1891 года. «Абхазцы, — писал А. Д. Мачавариани, — давно не помнят такого искреннего, чисто семейного торжества, какое было 6-го сентября...» Между прочим, речь инспектора школ «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» была переведена «с замечательной верностью лучшим здесь переводчиком, абхазским священником Петром Пилия»³¹⁵.

В 1900 году в с. Лыхны было построено новое здание школы. На торжественном открытии, состоявшемся 13 февраля, присутствовало «все лыхненское общество» и представители соседних сел. Молебствие совершил молодой священник, пел ученический хор, который некоторые песни исполнил на абхазском языке³¹⁶. Еще раньше, в 1897 году, в селе была открыта министерская школа, преподавателем которой был назначен абхаз, «прекрасно владеющий родным своим языком»³¹⁷. В следующем, 1898 году, здесь открылось и женское училище³¹⁸. Все эти три учебные заведения были расположены на

311 ЦГАА, ф. 8. ЛС, д. 36, л. 189.

312 Там же, д. 290, л. 86.

313 ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 723, лл. 3—3 об.; ООВПХК за 1893 г., с. 287; приложение, с. 88; за 1894 и 1895 гг., приложение, с. 108.

314 «Новое обозрение», 9.1.1893, № 3108.

315 А. Мачавариани. [Письмо из Лыхны]. — «Кавказ», 15.X.1891, № 297.

316 ЦУКУО, 1900, № 4, с. 275—276.

Каменное здание школы в с. Лыхны было построено в 1914 г. (ЦГАА, ф. 27, д. 69, лл. 160—161).

317 «Новое обозрение», 21.X.1897, № 4743.

318 Там же, 1.X.1898, № 5063.

исторической Лыхненской площади, недалеко от древнего христианского храма³¹⁹.

В 1894 году начинается деятельность Николая Васильевича (Харитоновича) Ладария (1866—1924). В детстве, в 1877 году, он вместе с семьей, изгнанной турецкими оккупантами из села Абгархук Гудаутского участка, испытал трагедию махаджирства. Старший его брат, Алексей, питомец Сухумской горской школы, сражался в рядах русской армии, за что получил Георгиевский крест и медаль «За храбрость», а также был представлен в офицеры³²⁰. После возвращения из Турнии Николай в 1879 году учился в Сухумской горской школе на казенный счет и окончил ее в 1882 году «со способностями отличными, прилежанием отличным и поведением отличным»³²¹. В 1890 году Ладария также успешно окончил Туапсинскую Варваринскую сельскохозяйственную школу. Он встречается с Л. Н. Толстым, который дал ему мудрый отеческий совет посвятить себя благородному делу народного просвещения³²². И вот в 1894—1895 годах Николай Васильевич работает учителем в Сухумской горской школе, а в 1895—1898 годах — в Очамчирском двухклассном училище, с 15 сентября 1878 года — снова в Сухумской горской школе. Работала педагогом и его жена, А. И. Денисова.

В 1900 году Н. В. Ладария перешел на церковную службу³²³, продолжая одновременно работать и в школах. Например, в 1901 и 1902 годах одновременно он был заведующим церковноприходских школ в селах Дуриш и Бармыш, а затем состоял наблюдателем церковноприходских школ всего Гудаутского участка³²⁴.

Перу Н. В. Ладария принадлежит работа, очень ценная для изучения истории махаджирской (переселенческой) волны 1877 года. Это — воспоминания братьев Алексея и Николая Ладария, опубликованные последним в 46 томе «Исторического журнала» за 1891 год под названием «На заре моей жизни». В том же 1891 году в тифлисской газете «Новое обозрение» от 1 октября был напечатан весьма лестный отзыв на эту работу Н. В. Ладария. В нем отмечалось: «Рассказ ведется просто и бесхитро, но самая эта безыскусственность производит порою сильное впечатление... например, картина

³¹⁹ Надо сказать, что тяга населения Лыхны к школе была сильной. Епархиальный наблюдатель церковных школ Абхази С. А. Алферов в мае 1906 года отмечал, что «лыхненцы посылают своих детей в школу охотно, в большем количестве, нежели вмещает школа» (Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 17, л. 52).

³²⁰ «Исторический вестник», 1891, т. 46, с. 109—118; «Черноморский вестник», 12.11.1900, № 34.

³²¹ ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 2233, л. 3.

³²² Там же, л. 7.

³²³ Там же, лл. 9—13.

³²⁴ Там же, ф. 833, д. 36, л. 1; ООВПХК за 1902—1905 гг., с. 92.

переселения абхазцев в Турцию». И действительно. Вот одна из таких «потрясающих картин»: «Все страдали от желудочных болей, и всего более дети: они плакали, кричали, просили пить, а матери были не в силах утолить их жажду. Вода была кругом, дети видели ее и от этого еще больше кричали. Болезни делались смертельными, преимущественно гибли дети. Над умирающими плакали не одни родители, но и все женщины и родственники; матери кричали, рвали на себе волосы... Трупы малолеток бросали в море, невзирая на отчаянное сопротивление матерей...» Н. В. Ладария получил и письменные отзывы на свою статью. Между прочим, в одном из них, написанном Иваном Конаковым из Москвы, сообщались следующие факты: «Здесь в России страшный голод, и голодающих 25 миллионов человек. В этом году был неурожай в 12-ти главных губерниях»³²⁵. Н. В. Ладария является автором и переводчиком ряда других работ, но уже преимущественно религиозного характера. Он написал, например, брошюрку «Моя беседа с магометанином (Талагвом Садзба)» (Сухум, 1913).

Н. В. Ладария в начале XX века играл активную роль в проведении так называемых сельскохозяйственных чтений в районах Абхазии. Его сын Константин после окончания Сухумского реального училища учился в Варшавском политехническом институте. Этот «опособный, со светлыми взглядами на будущие студент» умер в 1916 году, когда ему ле исполнилось еще и 20 лет³²⁶.

В 1898 году Закавказскую учительскую семинарию в Гори оканчивает Николай Соломонович Патеипа (1877—1941). До этого он учился в Новоафонской церковноприходской школе. Н. С. Патеипа — сын лыхненского крестьянина, убитого в 1877 году турецкими оккупантами за агитацию против переселения абхазов в Османскую империю. Николай Соломонович начал работать в 1898 году в селе Мгудзырхва Гудаутского участка, а через три года был назначен смотрителем-директором и учителем Лыхненского двухклассного училища. Н. С. Патеипа не ограничивался педагогической деятельностью, а вел еще активную просветительскую работу среди широких масс. Он пропагандировал новые для абхазской деревни рентабельные сельскохозяйственные культуры, современные орудия земледелия и т. д., а также вел борьбу с религиозными суевериями.

Н. С. Патеипа уже в годы учебы в семинарии, а учился он всегда превосходно, обладая прекрасными способностями, знакомится с идеями Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, К. Д. Ушинского, Я. С. Гогебашвили. Он глубоко изучал творчество Л. Н. Толстого и других классиков русской лите-

³²⁵ ЦГАА. ф. 833, д. 36, л. 2.

³²⁶ «Сухумский вестник», 29.XII.1916. Некролог. Памяти К. Н. Ладария.

ратуры. В дальнейшей своей деятельности Н. С. Патеипа характеризуется как один из видных представителей прогрессивной абхазской интеллигенции, педагог-методист, детский писатель, этнограф-краевед и общественный деятель, хотя в одно время он и увлекался было миссионерством³²⁷. В советские годы Николай Соломонович — активный участник хозяйственного и культурного строительства в Абхазской АССР³²⁸.

Первой абхазской учительницей, видимо, была Вера Хирипеевна Инал-ипа (Иналишвили), работавшая в родном селе Речхи Самурзаканского участка. Об этой народной учительнице говорится в одном документе 1903 года³²⁹.

Почти одновременно с ней, т. е. в самом конце XIX века, начали работать Анна Хасая-Векуа (1881—1918) и Аграфена Лакербай. А. Г. Хасая в 1896 году окончила Сухумскую женскую прогимназию, где занималась у педагога Д. Г. Аджамова. При этом учебном заведении А. Г. Хасая проходит и подготовку к преподавательской деятельности. Затем она 18 лет прослужила в начальных школах — в селах Джирхва, Лыхны и других. Она бесплатно обучала многих крестьянских девочек рукоделию, преподавала абхазский язык, причем тоже бесплатно. В 1914 году А. Г. Хасая окончила курсы рукоделия в Пятигорске, а затем работала в женском училище в селе Михайловском (до 1917 года) и в Гудаутском женском училище. А. Г. Хасая-Векуа за сравнительно недолгий период своей деятельности воспитала немало людей, ставших затем известными работниками. Ее коллегами и друзьями были Е. И. Лакербай³³⁰ и А. С. Патеипа-Гублия (с именем последней было связано открытие в с. Лыхны женского училища). Происходила А. Г. Хасая-Векуа из с. Лыхны, где и похоронена. Мужем ее был грузинский педагог Н. Г. Векуа³³¹.

В Гудаутах учительствовала также Аграфена Лакербай. Она окончила курс 7-классного женского учебного заведения св. Нины, прослушала 8-й дополнительный класс с двухгодичным курсом и получила звание учительницы. А. Лакербай слыла «честной дружицей»³³². В 1905 году начала учительствовать в Кесария Ивановна Какалия, а в 1917 году видим ее в

³²⁷ В марте 1912 года Н. С. Патеипа был уволен от должности смотрителя Лыхненского двухклассного училища и определен священником и законоучителем в село Тамыш.

³²⁸ ЦГАА, ф. 27, д. 21, лл. 47, 51, 55; Г. В. Смирн. Предисловие к книге: Н. С. Патеипа. Избранное. Сухуми, 1978, с. 3—4.

³²⁹ См.: ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 2876.

³³⁰ Е. И. Лакербай окончила Сухумскую женскую прогимназию в 1906 году работала в Дурипшской церковноприходской школе (Архив Абхосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 13, л. 73 об.).

³³¹ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 47, лл. 8—34; Т. Е. Концьяриа-Отырба. Рафъхызатан аьсуа плашь пхъызба. — «Алашара», 1968, № 1, ад. 93—95 „Труды“ АИЯ.ИИ, 1958. ХХІХ, с. 4

³³² «Черноморский вестник», 25.X.1901, № 237. Кавказский берег.

селе Моква. Работала она в различных церковных школах; ее стараниями, в частности, была открыта в 1907 году Моквская³³³.

Наконец, из среды абхазского народа выходит человек, ставший основоположником абхазской художественной литературы и создателем абхазского литературного языка, чье имя встречается в любой области абхазской культуры в качестве ее активного деятеля, а во многих случаях и зачинателя. Это — Дмитрий Иосифович Гулиа (1874—1960).

Это было время, когда укрепление экономических и культурных связей с Россией создавало лучшие возможности для развития культуры, просвещения и общественной мысли в Абхазии, несмотря на реакционную политику царизма и в этой области. Гулиа с самого начала ориентировался на подлинную культуру великого русского народа. Это стремление он выразил уже в одном из своих ранних стихотворений — «Москва». Посетив древнюю русскую столицу в 1907 году, Дмитрий Иосифович восклицал:

Славу стены твои, и мосты,
И крещения дорог на заставах.
Богатырскую поступью ты
Шла из глуби времен величавых.
Я слышу — на времени зов
Отзовется Царь-колокол звоном...
Ты, Москва, словно мать городов!
Я пришел к тебе с низким поклоном...³³⁴.

Биография Д. И. Гулиа — яркое отражение жизни его многострадального народа. В детстве, в 1877 году, он вместе с семьей испытал трагедию махаджирства — насильственное переселение в султанскую Турцию, событие, которое затем находит правдивое отражение в его творчестве. Блестяще окончив в 1889 году Сухумскую горскую школу, куда в свое время он поступил с величайшим трудом, Гулиа переступает порог Закавказской учительской семинарии в Гори. Но здесь ему недолго пришлось учиться из-за болезни, а затем и смерти родителей — на его руках остались малолетние брат и сестра. Учился тогда здесь земляк и друг Гулиа Николай Джанашиа³³⁵. Из этого короткого периода жизни Гулиа глубоко

³³³ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 140, л. 72.

³³⁴ Д. Гулиа. Стихи и поэмы. Л., 1976, с. 67.

³³⁵ Закавказскую учительскую семинарию, открытую в Гори в 1876 году, к 1889 году окончили три абхаза (ЦУКУО за 1889 г., с. 77). О том, что и в дальнейшем абхазские юноши учились в этом учебном заведении, свидетельствует сообщение, что в 1897 году наставник семинарии А. Итальянский редактировал сказки и легенды, для опубликования в СМОМПК, переведенные учениками с разных языков, в том числе абхазского (ЦУКУО за 1897 г., прилож. 3-е, с. 13).

запомнил преподавателя семинарии известного грузинского писателя Нико Ломоури и встречи с самим Акакием Церетели. В возрасте 17 лет Д. И. Гулиа экстерном сдает экзамен на звание учителя народных школ. Начинается его долголетняя педагогическая деятельность. Он становится на путь культуры, накопления знаний. Его цель — просвещение родного народа. Гулиа ведет борьбу за права трудового крестьянства.

В то время Д. И. Гулиа много «разъезжал на коне, одевался в черкеску и был вооружен, что называется, до зубов — кинжал, шашка, револьвер и большое число зарядов по карманам»³³⁶. Работал же он в начальных школах в селах Екатерининское (с 1 декабря 1890 года), Кутол (с марта 1901 года), Киндги (с 1 сентября 1905 года) и Тамыш (с 1 сентября 1908 года), затем — в городе Сухуме (с 1 сентября 1912 года в женской гимназии, а через некоторое время — и в горской школе; в 1913 году преподавал также в реальном училище; с 1 июня 1915 года — в учительской семинарии)³³⁷. В горской школе Гулиа временами заменял смотрителя-директора, как это было, например, в июне 1914 года³³⁸.

В 17 лет Д. И. Гулиа в соавторстве с грузинским краеведом и педагогом К. Д. Мачавариани становится составителем «Абхазской азбуки»³³⁹, вышедшей в Тифлисе в 1892 году. Авторы учебника, как и многие передовые представители местной интеллигенции, руководствовались той идеей, что создание и распространение абхазской письменности — важнейшее средство развития национальной культуры абхазского народа.

При помощи этого учебника Д. И. Гулиа и написал свои художественные произведения начального периода (первые его стихи, увидевшие свет, датированы 1906 годом). По этой же книге молодой учитель обучал детей в глухих абхазских деревнях, восхищая современников своим оптимизмом и благородством.

Абхазская азбука 1892 года, вторая по счету, с точки зрения методических требований была более усовершенствованным учебником³⁴⁰ и получила в новых условиях довольно широкое распространение. Трудно переоценить ее значение в ис-

³³⁶ Д. И. Гулиа. Автобиография. — Д. И. Гулиа. Стихи и поэмы, с. 52.

³³⁷ ЦГАА, ф. 20, л. 58, л. 1 об.—2, 19, 45, 60 об.

³³⁸ Там же, ф. 27, л. 135, л. 32 об.; КК на 1915 г., с. 293; на 1917 г., с. 347, 374.

³³⁹ Ее полное название — «Аџсуа нбан. Аныџараџа жџа-џакуанк, аџура бџыц. Абхазская азбука. Молитвы, X заповедей и присяжный лист.

³⁴⁰ Д. И. Гулиа отмечал, что, например, «алфавит был... заимствован из буквара Бартоломея, со значительным сокращением числа букв (до 47. — Г. Д.) и переделкой некоторых букв в другую форму» (Д. Гулиа. История Абхазии, т. 1, с. 21).

тории развития просвещения и всей культурной жизни абхазского народа.

Авторы учебника во вводной части отмечали, что «первая попытка изобразить условными знаками звуки абхазского языка сделана П. К. Усларом в 1892 г.», и рекомендовали всем абхазским учителям переизданный в 1887 году труд знаменитого кавказоведа-лингвиста «Абхазский язык». Они также отмечали, что первый абхазский букварь вышел в 1865 году. Мачавариани и Гулиа писали, что их цель — «заинтересовать детей-абхазцев их грамотой и облегчить им изучение русского языка. Они ознакомятся с начертанием русских букв при звуковом разборе знаками слов своего родного языка и прежде чем усвоят достаточный лексический материал на уроках русского языка, они уже будут знать большую часть русской азбуки и с тем большим интересом и без особой затраты времени приступят к чтению и письму русскому». По мере знакомства ученика с буквами, в учебнике даются для письма и чтения сначала отдельные слова, затем фразы, потом «употребительнейшие» пословицы и поговорки и, наконец, целые рассказы.

Должна быть особо отмечена роль К. Д. Мачавариани в формировании молодого Гулиа, который в горской школе был его учителем, а также смотрителем-директором. В его доме, где часто бывал Гулиа, можно было встретить многих грузинских и русских прогрессивно настроенных интеллигентов, живших в Сухуме и приезжавших из разных городов страны. Среди них был и брат наставника — А. Д. Мачавариани, который, окончив Лозаннский университет, блестяще защитил докторскую диссертацию, а результаты своих научных изысканий опубликовал в Швейцарии на французском языке³⁴¹. Впоследствии А. Д. Мачавариани играл активную роль в общественной и культурной жизни края³⁴²; всегда считал святой обязанностью для себя и всех просветителей в Абхазии «открывать побольше практически полезных учебных заведений и выводить темный люд на путь света и знаний»³⁴³.

Уже в эти годы Д. И. Гулиа находится под глубоким впечатлением бессмертных творений классиков русской и грузинской литературы, оказавших огромное влияние на все его духовное развитие. Гений Руставели и Пушкина с самых

³⁴¹ В. Пачулиа. Здесь помнят Дмитрия Гулиа. Сухуми, 1974, с. 23.

³⁴² А. Д. Мачавариани, в частности, довольно часто выступал на страницах прессы. Интересны, например, его статьи «Несколько слов о «курортной» кухне в г. Сухуме» («Сухумский листок», 1 декабря 1913 г.), «Черноморская железная дорога» (там же, 5 и 26 января 1914 г.), «Сервизе Венецианские источники в Сухуме» (там же, 9, 23 и 26 февраля 1914 г.), а также доклад «О курортных сооружениях в г. Сухуме» (там же, 27.VI.1913) и др.

³⁴³ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 143.

юных лет пленил Гулиа, а великий пример революционно-демократического направления грузинских поэтов И. Чавчавадзе и А. Церетели звал его к активной общественной и творческой деятельности. Кстати, он превосходно знал грузинскую литературу. Гулиа, как и многие другие представители абхазской интеллигенция, уже в детстве выучил грузинский язык, а затем и грузинскую письменность³⁴⁴.

По советам К. Д. Мачавариани и Д. Г. Аджамова, Д. И. Гулиа много ездил по абхазским селам для сбора фольклорного материала, изучения памятников материальной культуры, природы. В 1898—1899 годах, например, он посещает поселок Джгердской общины Чагям, на левом берегу р. Кодор, с целью описания Кячского храма и фиксации памятников абхазского языка. Гулиа довольно подробно описал указанный средневековый памятник архитектуры, считавшийся с незапамятных времен одним из главных святилищ Абхазии³⁴⁵, записал сведения и легенды о нем. Он сделал также зарисовки видов природы вокруг памятника³⁴⁶, а природа здесь — необыкновенная. Кстати, для формирования личности Гулиа природное окружение, прекрасный ландшафт края имели огромное значение. Речь идет об активном общении с природой, питающем чувства и мысль, развивающем способность наблюдения над окружающим. Любовь к родной природе у Гулиа рано становится частью более глубокого и осознанного чувства — любви к родине.

Социальные идеалы Д. И. Гулиа, как и любого просветителя, исторически ограничены. Характеризуя свое мировоззрение начального этапа деятельности, Д. И. Гулиа писал: «Я не придерживался какой-нибудь определенной политической программы, но всем существом своим ненавидел князей и дворян, буквально гравивших народ...»³⁴⁷.

Абхазские учительские кадры — это в основном сельское учительство, учителя народной школы, низший по квалификации и социальному составу слой педагогической интеллигенции. По социальному составу, материальному и правовому положению, а также по характеру своей работы многие народные учителя были весьма близки к крестьянским массам. Поэтому, с одной стороны, они в известной мере были проникнуты крестьянской психологией, а с другой — могли оказывать на массы воздействие. В биографиях многих из них (описанных выше и других) перед нами встают неудо-

³⁴⁴ Д. Гулиа. Автобиография; Х. С. Бгажба, К. С. Зелинский. Дмитрий Гулиа. Сухуми, 1965; Г. Гублиа. Дмитри Гулиа. Акуа, 1970.

³⁴⁵ См.: И. Адзняяба. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, с. 90—93.

³⁴⁶ Д. Гулиа. Ишымтакуа, IV. Акуа, 1962, ад. 120.

³⁴⁷ Д. Гулиа. Автобиография, с. 52.

мые труженики, ведущие большую общественную работу. Бескорыстная основа их профессиональной деятельности как служения народу постоянно привлекала к ним передовую молодежь.

Что касается общего состояния школьного дела в Абхазии, то, пережив тяжелый период реакции (80-е годы), охватившей все области общественной жизни страны, особенно сферу просвещения, оно постепенно развивалось³⁴⁸. Под влиянием объективных социально-экономических процессов довольно заметно ширится сеть школ. В 1901 году количество всех учебных заведений в Абхазии достигает 100, а учащихся — 3951. Эти факты не могли не способствовать существенным образом созданию культурных кадров местного населения. Даже Новоафонская школа, которая призвана была готовить миссионеров, выполняла не только прямую функцию. Так, в 1887 и 1888 годах все окончившие эту школу поступили учиться в Варваринскую сельскохозяйственную школу (Туапсе). Сухумский епископ в своем отчете за 1889 год жаловался, что многие из окончивших Новоафонскую школу поступили именно в светские учебные заведения³⁴⁹.

Несколько слов об этой церковноприходской школе, которая имела «назначение для обучения абхазцев в духе православной веры», ее ученики должны были «оказывать христиански-просветительное влияние на своих единоплеменников»³⁵⁰. Была она открыта в октябре 1876 года на 20 мальчиков из числа «беднейших абхазцев». Воспитанники жили на полном монастырском содержании. Для помещения школы был выстроен двухэтажный каменный дом. Курс обучения продолжался 4 года, а с 1898/99 учебного года — 5 лет. В первом полугодии по поступлении учащихся обучение велось на абхазском языке, а со второго полугодия — на русском. Причем изучение русского языка велось по учебнику Я. С. Гебашвили «Русское слово» «при помощи родного языка», т. е. абхазского. Священная история и молитвы изучались на русском и абхазском языках. Во время молитв воспитанники читали и пели хором по-церковнославянски и абхазски. Учебными пособиями по изучению родного языка были «Абхазский букварь» 1865 года и «Краткая священная история» перевода 1866 года, а с 1892 года и «Абхазская азбука» К. Д. Мачавариани и Д. И. Гулиа. Школа располагала «хо-

³⁴⁸ Как известно, под влиянием общественно-экономического подъема, рабочего и революционно-демократического движения в стране реакция отступила, и тяжелая атмосфера, царившая над просвещением в предыдущий период, в 90-х годах несколько разрядилась.

³⁴⁹ ЦГАА, ф. 1, д. 267 и 633. А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии, с. 306.

³⁵⁰ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 13. Журналы Сухумского епархиального училищного совета за 1905 год.

рошо обставленной школьной библиотекой»³⁵¹. Кстати, как отмечалось в докладе попечителя Кавказского учебного округа от 1886 года, и в других школах Абхазии «ученики-абхазцы и мингрельцы знают молитвы не только по-славянски, но и на своих родных языках, и вообще преподавание ведется на началах обособленности абхазского элемента»³⁵².

К маю 1898 года Новоафонскую школу за время ее существования окончили 64 ученика. Наиболее способные из них поступали в разные учебные заведения: четверо окончили учительские семинарии, один — военное училище, один обучался в Новороссийске на механическом литейном заводе, а двое — в Екатеринодарском духовном училище³⁵³.

Хорошо было поставлено обучение детей русскому языку в Моквской школе, где учителем работал П. Г. Чарая, который давно «зарекомендовал себя опытным и добросовестным тружеником». В 1891 году, например, «по русскому языку, после предварительного ознакомления с классом, его принадлежностями, их назначением, главнейшими частями человеческого тела и их русскими и абхазскими названиями, учащиеся изучали звуки и буквы русского языка, перешли к составлению из букв слов и двухсложных предложений с переводом на абхазский язык, занимались также и подготовительными упражнениями к началу письма»³⁵⁴. А. М. Эмухвари, говоря об учащихся лыхненских школ, подчеркивал, что они «говорят прекрасно по-русски»³⁵⁵.

Как бы подытоживая деятельность представителей абхазской интеллигенции в области народного просвещения за XIX век, К. Д. Мачавариани писал: «Надо сказать, что многие абхазцы, получившие образование, оказались прекрасными деятелями на низе народного образования... Дайте больше школ абхазцам, только правильно организованных школ, и увидите, что абхазцы и молодое их поколение не заслуживают того порицания, которым наделяют их некоторые философы, не зная их совсем»³⁵⁶.

А вот еще свидетельство одного корреспондента о тяге абхазов к свету знаний, способностях и успехах их детей: «В Бамборской, в весьма мизерно обставленной, без скамей и пр., школе из 25 обучающихся детей половина абхазцев, по

351 И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канавитский монастырь, с. 289—303; ООВПХК за 1891 г., с. 171—172.

352 Цит. по: Б. Г. Тарба. Русский язык в развитии культуры и просвещения абхазов, Сухуми, 1976, с. 17 [ЦГИАГ, ф. 733, оп. 171, д. 2346, л. 24].

353 И. Н. Абхазия..., с. 290.

354 ООВПХК за 1891 г., с. 176—177.

355 Апсуа. Сел. Лыхны. — «Черноморский вестник», 1.1.1904, № 1.

356 К. Мачавариани. Очерки Абхазии. — «Черноморский вестник», 12.11.1900, № 34.

словом учителя, весьма способных и быстро осваивающихся с языком и частью с обычаями русских»³⁵⁷. Это подчеркивал и А. М. Эмухвари, который писал: «Абхазцы имеют большое стремление к учению; так они, несмотря на разбросанность поселений на большом расстоянии, очень аккуратно посещают школу»³⁵⁸. Следовательно, как констатировал С. К. Маргания, прошло то «патриархальное время, когда, например, в Самурзакано, где была лишь одна школа, жители, не имея никакого понятия о пользе науки и боясь, что если дети их научатся говорить по-русски, то их будут забирать в солдаты, не отдавали своих детей в школу»³⁵⁹.

Но это далеко еще не означало, что школьное образование в Абхазии стало уже сколько-нибудь массовым. Было еще много населенных пунктов, где не было вообще никаких очагов просвещения. Объясняя основную причину этого факта, один официального характера материал указывал на «бедность населения, малочисленность и растянутасть некоторых селений, доходящую до 10 и даже до 25 верст»³⁶⁰. Разумеется, основная причина этого факта лежала в более глубоких социально-политических явлениях.

Именно по всем этим причинам и существовавшие школы в своей массе находились в самом печальном состоянии. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные сообщения самих работников народного просвещения. Так, учитель Джгердской церковноприходской школы Исидор Цхакая³⁶¹ в рапорте от 26 октября 1894 года на имя Сухумского епархиального училищного совета писал о том, что в школе нет учебных столов, стола и стула для учителя, классной доски и шкафа для хранения учебных предметов, а в шести окнах школьного здания отсутствуют стекла, пол требует ремонта³⁶².

Как видно из всего сказанного выше, в Абхазии до начала XX века общественно-культурное движение носило, главным образом, школьно-просветительский характер. Но имена абхазских интеллигентов мало-помалу появляются и в некоторых других областях культурной жизни. Если в данный период, скажем, в литературе это прежде всего Георгий Михайлович Шервашидзе, то в искусстве — его двоюрод-

³⁵⁷ «Кавказ», 17.IX.1898, № 244.

³⁵⁸ Апсуа. Сел. Лыхны. — «Черноморский вестник», 1.I.1904, № 1.

³⁵⁹ С. Маргания. Сел. Гали. — «Закавказье», Тифлис, 30.V.1913, № 120.

³⁶⁰ «Отчет Совета Сухумского епархиального церковного братства... Александра Невского с 27 декабря 1891 года по 1 января 1893 года». М., 1893, с. 5.

³⁶¹ Кстати, И. Цхакая в с. Джгерда был переведен в 1894 году из Репской церковноприходской школы ввиду того, что он «природно владеет абхазским языком» (ЦГАА, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 18).

³⁶² Там же, л. 16.

ный брат Александр Константинович Шервашидзе (1867—1968), о котором до сравнительно недавнего времени говорили как о «забытом мастере», хотя имя его может стоять в ряду самых замечательных художников России.

Родился А. К. Шервашидзе (Чачба) 12 декабря 1867 года в семье известного нам уже деятеля Константина Георгиевича Шервашидзе. После неудачной попытки поступить в Пажеский корпус, куда ему, сыну опального князя, был закрыт доступ, Александр Шервашидзе некоторое время учился в реальном училище И. М. Хайновского в Москве, а затем поступил в Нижегородский кадетский корпус. Здесь он одновременно начал заниматься музыкой. Однако в 1885 году Александр оставляет военную школу. Обеспокоенный этим, его опекун Д. Б. Грузинский в конце декабря того же года писал: «По отношению к князю Александру Шервашидзе мое желание сводится к тому, чтобы он не остался неучем, а вступил бы в свет и на жизненный путь вполне образованным человеком. Таково было желание и его отца»³⁶³.

А. К. Шервашидзе определяют в Киевское реальное училище, которое он заканчивает в 1889 году, и через два года поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Надо сказать, что А. К. Шервашидзе, его братья и сестра оказались «в крайней нужде» и «в безвыходном положении» после смерти отца, который каждому из своих детей ежемесячно уделял из своей пенсии «известную часть на прожиток»³⁶⁴.

Уже в 1892 году на XV выставке произведений учащихся названного выше училища экспонируется ряд картин А. К. Шервашидзе. После окончания училища А. К. Шервашидзе в 1895 году отправляется в Париж, где поступает в академию профессора Фернана Кормона. Возвращается он в Россию в 1899 году вместе с И. Э. Грабарем и В. А. Серовым. Творчество Шервашидзе формировалось прежде всего под влиянием передовой русской культуры³⁶⁵. А. К. Шервашидзе, как увидим ниже, внес весомый вклад в развитие русского театрального декоративного искусства.

Среди абхазской военной интеллигенции особое место занимает генерал-майор Малахий (Караман) Кваджевич Маргания (Маан). Он родился 29 декабря 1859 года в с. Гулава Самурзаканской Абхазии, в семье помещика, отличавшегося жестоким нравом. Молодой Малахий вынужден был рано уйти

³⁶³ ЦГАА, ф. 60, д. 138, л. 6.

³⁶⁴ Там же, д. 100, л. 8. Письмо Д. Б. Грузинского от марта 1884 года директору канцелярии Министерства финансов.

³⁶⁵ О. Пиралишвили. О художнике Ал. Шервашидзе. — «Литературная газета», I, VIII, 1958; Б. М. Аджинджал. Художник Чачба (Шервашидзе). — «Материалы по археологии и искусству Абхазии». Сухуми, 1974, с. 84.

из отчего дома. Не без мытарств ему удалось поступить в Закавказскую учительскую семинарию в Гори. Однако, не окончив ее, он в 1879 году переводится в военное училище. Затем начинается его долголетняя армейская служба. Служил М. Маргания главным образом в Туркмении и некоторое время — на Кавказе. Первый период деятельности М. К. Маргания совпал со временем присоединения туркменских земель к России. В современных документах он характеризуется как опытный переводчик и храбрый офицер³⁶⁶. В частности, в 1881 году урядник Маргания в Ахал-Текинском уезде возглавлял местную стражу из фереджиев в борьбе с аламанством, сопровождавшимся прабегами и уводом людей для продажи в рабство, — с явлением, которое долго оставалось бедствием Туркмении на новой русско-персидской границе³⁶⁷.

Подробности служебной и боевой биографии генерала М. К. Маргания содержатся в его «Послужном списке» за 1914 год³⁶⁸. Он занимал такие должности, как заведующий Ашхабадской (1887 год) и Мервокой (1890) сотнями, Туркменской конной милицией, командующий Туркменским конно-иррегулярным дивизионом (1899), и. д. российского пограничного с Персией комиссара (1900), командир 1-го Верхнеудинского казачьего полка (1908), командир Дагестанского конного полка (1910), начальник всех частей военного отряда в Терской области (1910), командир 2-й бригады 2-й Кавказской казачьей дивизии (1913) и др. Неоднократно ездил М. К. Маргания в Персию по важным делам. Командировался он также в Баку (1888), Москву (1899) и т. д.

За безупречную военную и дипломатическую службу генерал М. К. Маргания имел следующие награды: знак отличия военного ордена 3-й степени, золотую и серебряную медали с надписью «За храбрость», персидский орден Льва и Солнца 2-й и 3-й степени, бухарский орден Восходящей звезды 1-й степени, ордена Владимира 3-й и 4-й степени и др.³⁶⁹.

М. К. Маргания был человеком большой культуры. Как видно, он владел, кроме родного абхазского, русским, турецким, туркменским и персидским языками. Малахий Кваджиевич проявлял интерес и к научным занятиям. Об этом свидетельствует прежде всего его участие в составлении «Руководства для обучения туркмен русскому языку».

³⁶⁶ См. сб. документов «Присоединение Туркмении к России» (Ашхабад, 1965). Рапорт зав. поселением Ахал-Текинского оазиса от 14 апреля 1881 г. командующему войсками Закаспийского края и рапорт начальника Закаспийской области от 29 мая 1884 года командующему войсками Кавказского военного округа.

³⁶⁷ М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. М., 1960, с. 71—73.

³⁶⁸ См.: ЦГВИА СССР, ф. 409, д. 73.

³⁶⁹ Там же, лл. 1—10.

В сочинении известного советского востоковеда-тюрколога, академика А. Н. Самойловича «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта» (рукопись, СПб., 1903)³⁷⁰ говорится: «Руководство для обучения туркмен русскому языку составили сотник Драновский, поручик Маргания, подпоручик Плиев³⁷¹ (Ашхабад, 1893)... В нем помещено несколько туркменских пословиц и песен — «единственно, из-за чего стоит заглянуть в него исследователю туркменского диалекта»³⁷².

По поводу этого учебника командир Туркменского дивизиона в рапорте на имя командира Закаспийской конно-казачьей бригады писал: «При сем представляю на благоусмотрение Вашего Превосходительства руководство для обучения туркмен милиционеров русскому языку, составленное поручиком Маргания и сотником Драновским под мою непосредственную редакцией. Учебник этот, как видно из постановления, кроме руководства для обучения русской грамоте, есть в то же время и сборник сведений, необходимых при обучении и воспитании милиционеров. При составлении означенного учебника главным образом обращено внимание на то, чтобы отнюдь не придерживаться книжного языка и грамматических оборотов, столь непонятных для простого народа, а также избегать по возможности персидские, арабские и азербайджанские слова, которыми обыкновенно бывают наполнены другие учебники и руководства, через что затемняется прямой смысл живого языка. Принимавший участие в составлении учебника поручик Маргания, лучший знаток текинского наречия, пригласил сведущих туземцев для проверки правильности произношений и переводов слов и фраз. Можно надеяться, что означенный двухлетний труд послужит большим подспорьем для обучения туркмен русской грамоте...»³⁷³. Надо сказать, что рассматриваемый учебник еще в ту пору был подвергнут и некоторой критике.³⁷⁴

В 1895 году в Ашхабаде была напечатана книга с отметкой «секретно» и под названием:

«В. И. Игнатъев. Краткий очерк племен, населяющих Афганистан.

М. К. Маргания. От берегов р. Мургаба до берегов р. Аму-Дарья».

Часть работы, принадлежащая перу М. К. Маргания, дана под заглавием «По афганской границе. От берегов р. Мур-

³⁷⁰ См.: ОР ГПБ. ф. 671, ед. кр. 129, тетрадь № 5, с. 130—146.

³⁷¹ Пашо-Плиев — чеченец, юнкер (1883 г.).

³⁷² Цит. по: П. Азимов, Б. Чарьяров. А. Н. Самойлович и туркменское языкознание. — «Советская тюркология». Баку, 1973, № 5, с. 72.

³⁷³ ЦГАА Туркменской ССР, ф. И—1, ол. 2, д. 7129, лл. 1—1об.

³⁷⁴ См. там же. лл. 3—4.

габа до берегов р. Аму-Дарьи. Рекогносцировка и расспросные сведения Туркменского конно-иррегулярного дивизиона штаб-капитана милиции М. К. Марганя». Название сочинения Марганя достаточно ясно раскрывает его содержание и ценность. В начале работы читаем: «27 августа 1890 года я получил предписание заведывающего Туркменскою конною милицией снять Кала-и-Гомборский наблюдательный пост и отправиться в объезд границы нашей с Афганистаном, для изучения ее. По снятии названного поста, я прибыл из урочища Кала-и-Гомбор в урочище Тахта-Базар и сделал необходимые приготовления к выступлению в путь, при этом главное внимание обращено было мною на подъемные средства для воды, как на весьма существенную потребность в степи, так как, по собранным мною на месте сведениям, путь мой лежал по безводной пустыне в несколько переходов. Для поднятия воды, фуража и прочих предметов, необходимых в дороге, я нанял в Тахта-Базаре пять верблюдов при двух верблюдовожатых; подготовившись таким образом в путь, я выступил из Тахта-Базара... 1-го сентября 1890 года... в сопровождении пяти всадников Туркменской конной милиции». В работе выделены: «**Описание дороги на Маймане из Тахта-Базара до Караулхана и далее; расспросные сведения о дороге на Маймане вдоль Чаршамбе, правого притока Мургаба**»; «**Расспросные сведения о третьей дороге, ведущей от берегов Мургаба в Маймане**».

Находясь на военной службе в сложной обстановке, М. К. Марганя не порывал связей с родными местами и близкими людьми — у него было несколько братьев и сестер (отец умер в 1905 году). В селе Гудава, куда он временами приезжал, с помощью своего брата Алексея построил кирпичный дом, предполагая, очевидно, после отставки обосноваться в нем. В. Н. Лабахуа, служивший с 1915 года в с. Гудава писарем, видел в семье А. К. Марганя книги, принадлежащие генералу. Об этом свидетельствует и племянник последнего, полковник в отставке В. А. Марганя. Умер М. К. Марганя в 1918 году вдали от родины. Попытка полковника Нахарбея Маршаня в 1920 году привезти в Абхазию останки и личные вещи генерала кончилась неудачно.³⁷⁵

С конца XIX века намечается зарождение абхазской буржуазной интеллигенции, к которой В. И. Ленин относил адвокатов, журналистов, профессоров и других. Она многими

³⁷⁵ ЦГАА, ф. 833, д. 29, лл. 53—58.

Между прочим, Н. Н. Маршаня — родом из с. Джгерда, имел хорошее образование, участник первой мировой войны, а перед этим — командир одной из воинских частей, дислоцированных в Сухуме, кавалер Георгиевского креста. Умер в 1921 году в г. Пскове.

ниями была связана с крупной буржуазией и отражала ее интересы.

Одним из самых первых представителей этой категории абхазской интеллигенции был Георгий Тыгвович (Тимофеевич) Черкезия (ок. 1850—1936). Он происходил из крестьянской семьи села Бедиа. Черкезия получил юридическое образование в России и в 80-х годах начал свою практическую деятельность. Так, в «Кавказском календаре» на 1888 год он значился помощником мирового суда Сухумского судебного мирового отдела, а на 1896 год — переводчиком и секретарем. В 1907 году видим его работающим в той же должности в Сухумском окружном мировом отделе в чине титулярного советника.³⁷⁶ Одновременно Г. Т. Черкезия состоял гласным Сухумской городской управы.³⁷⁷ Затем он переезжает в Очамчыры, где в 1911 году работает в чине коллежского асессора судебным приставом мирового отдела.³⁷⁸ Г. Т. Черкезия работал по специальности до конца своей жизни; пользовался большим авторитетом и уважением.

Следующим видным юристом из абхазов был Григорий Матвеевич Зухбай (1879—1952). Он родился в селе Гумуриши Самурзаканского участка, в крестьянской семье. Учился сперва в Сухумской горской школе, а позже — в Ставропольской классической гимназии. Г. М. Зухбай проявил большие способности и по рекомендации попечителя Сухумского учебного округа в 1898 году был направлен в Московский университет, где поступил на юридический факультет. Однако в начале 1900 года за участие в студенческом движении он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, а затем этапирован на Кавказ. Через год Г. М. Зухбай был восстановлен в университете, по окончании же его в 1903 году оставлен на кафедре римского права.³⁷⁹ Не имея никакой материальной поддержки, он вынужден был давать частные уроки. В конце концов молодой юрист переходит к практической деятельности и в дальнейшем проявляет незаурядные способности на этом поприще.³⁸⁰

³⁷⁶ КК на 1908 г., с. 219.

³⁷⁷ Там же на 1905 г., с. 254.

³⁷⁸ Там же на 1912 г., с. 440.

³⁷⁹ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 75; Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 417, лл. 1, 5; В. Мелазе. Иналукааша ацсуа юрист. — «Ацсны Калыш», 10. XI. 1971.

³⁸⁰ С 1903 по 1904 год Г. М. Зухбай — кандидат на судебную должность при Московском окружном суде, с 1904 по 1909 год — помощник присяжного поверенного при совете присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. С августа 1909 года он работал присяжным поверенным при Тифлисской судебной палате. С 1911 года Г. М. Зухбай был гласным Сухумской городской думы (см.: КК на 1913 г., с. 194).

Абхазия испокон веков славилась своими уникальными лесами. Может быть, это и побудило юношу из Самурзаканской Абхазии Алексея Васильевича Гамисония посвятить себя лесному делу. Родился он в 1871 году в селе Чхортоли, в бедной крестьянской семье. После учебы в Окумской и Новоафонской школах Алексей Гамисония поступает в Ахалцихское лесное училище, которое окончил в 1894 году. Затем, как показавший отличные успехи в учебе, он был направлен в Кубано-Черноморское управление земледелия и государственных имуществ, а через полгода, по ходатайству черкесского населения, назначен заведующим горскими лесами Псекупского округа. В этой должности молодой Гамисония провел лесоустройство в 32 отдельных юртовых лесонасаждениях с составлением планов лесного хозяйства.³⁸¹ Затем, в 1906—1911 годах, Алексей Васильевич учился в Петербургском лесном институте, после успешного окончания которого получает звание ученого-лесоведа и начинает свою активную практическую деятельность.³⁸² Он был

где он защищает интересы трудового населения. Его волновал, в частности, школьный вопрос. Он указывал, например, на ненормальное положение в городском высшем начальном училище, где ученики «как селедки в бочке» («Сухумский вестник», 17. VI, 1915, № 96). Г. М. Зухбай был членом ряда общественных организаций («Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа», «Сухумское общество борьбы с туберкулезом» и др.). В биографии Г. М. Зухбай этого периода особенно примечателен один факт, который связан с именем профессионального революционера-ленинца М. И. Васильева-Южина. В 1910 году последний обогнался в Сухуме (это был второй его приезд). Жил он в местечке Скурча, расположенном недалеко от города (дом П. А. Добрынина — садовый кооператив «Язон», где скрывались и другие подпольные деятели (См.: Г. А. Дзидзария, В. И. Ленин и Абхазия, Сухуми, 1977, с. 36—39). Наряду с революционной работой здесь Южин готовился к сдаче экзаменов на юридический факультет Юрьевского университета. В этом деле ему помогал известный сухумский юрист Б. А. Захаров, а через него — и Г. М. Зухбай. Захаров связал его и с другими представителями местной интеллигенции (В. П. Пачулия, В. Сухумской ссылке. — «Советская Абхазия», 19. XI, 1976; его же. Ацъсазара фъи азыкуцъах.—«Ацъсны Капшы», 28.XII, 1976). Интересно отметить, что сам Б. А. Захаров в свое время проходил по делу «о сухумской республике и народном суде» 1905 года и был приговорен «к крепости на один год» («Черноморское побережье», 7.V.1908, № 225).

³⁸¹ Архив Абгосмузея, ф. 7, оп. 1, д. 27, лл. 49—50, Автобиография А. В. Гамисония; З. Цвардава. Лесничий Алексей Васильевич. — «Советская Абхазия», 4.II.1970.

³⁸² В 1912 году А. В. Гамисония был зачислен в Приамурскую лесоэксплуатационную партию. В 1913 году был направлен в Туркестанский край для изучения можжевельника (арча). После завершения этой работы Гамисония едет в Петроград для представления соответствующего отчета. С конца 1915 года он — в Екатеринодаре. На основании его исследования и выводов о главных лесных породах Прикубанья местный лесничий Д. К. Домашевский составляет очерк, который был опубликован на страницах московской лесопромышленной газеты. В 1916 году А. В. Гамисония был назначен лесничим Кургосийского степного культурного лесничества, где работал до марта 1921 года. т. с. установ-

«весьма чутким и отзывчивым человеком».³⁸³

Первым из абхазов инженером путей сообщения стал Ражден Иванович Какуба (1873—1941). Родился он в селе Гумуриши, в семье бедного многодетного крестьянина. Недюжинные способности позволили ему окончить с отличием сначала Сухумскую горскую школу, затем Ставропольскую гимназию и поступить в 1894 году в Петербургский институт инженеров путей сообщения. После блестящего окончания названного высшего учебного заведения он был оставлен в нем ассистентом. Однако вскоре Какуба (Какубава) пригласили в Абхазию, где ощущалась острая нужда в инженерно-технических работниках. Это было уже в начале XX века. Инженер Р. И. Какуба немало сделал в родном крае в области проведения шоссейных дорог, строительства мостов, а впоследствии и железнодорожных линий: он принимал активное участие также в общественной жизни Абхазии.³⁸⁴

Особую заботу царское правительство проявляло о подготовке местных кадров бюрократии и духовенства, которые, как и офицерство, были в России «традиционной» опорой государственной власти и надстройки.

В результате, как видели, к концу XIX столетия было уже немало чиновников из абхазов. Некоторые из них, как Г. Д. Шервашидзе, яркий представитель дворянско-помещичьей интеллигенции, достигают весьма высокого положения даже в масштабе империи. В Абхазии они служили, в основном, в окружном и местных управлениях.³⁸⁵ Особую категорию среди абхазской чиновничьей интеллигенции составляли переводчики. Об одном из них, Соломоне Соломоновиче Лакербай (Лакрба), архимандрит Леонид

ления Советской власти в Абхазии. Благодаря энергичной деятельности абхазского ученого лесовода, это лесничество впоследствии становится постоянной базой научных исследований и постановок опытов с вовлечением в научную работу лучших советских специалистов (Там же).

³⁸³ А. Вильюков. Старейший лесовод Абхазии. — «Советская Абхазия». 17. X. 1936.

³⁸⁴ ЦГАА, ф. 833, д. 27, лл. 1—5; ф. 1, д. 2880.

³⁸⁵ Например, прапорщик милиции Иван Григорьевич Шервашидзе со второй половины 70-х годов являлся чиновником (с начала 80-х годов — особых поручений) управления Сухумским отделом (КК на 1877 г., отд. III, с. 149; на 1883 г., отд. II, с. 69); майор милиции Туфан-бек Шервашидзе — начальником Нижнеаджарского участка (КК на 1883 г., с. 69; на 1884 г., с. 35). Кстати, это был тот Т. Шервашидзе, который во время массового переселенческого (махаджирского) движения 70—80-х годов в Абхазии и Аджарии всячески стремился сорвать этот коварный план султанской Турции и ее партнеров. Он приветствовал русских и призывал народ остаться на месте. Именно благодаря такой патристической деятельности подобных людей часть населения Абхазии и Аджарии спаслась тогда от угона в Османскую империю (Ш. В. Мегрелидзе. Грузия и русско-турецкая война 1877—1878 гг. Батуми, 1955, с. 102).

(Л. А. Каверин) в 1885 году писал, что он знает «удовлетворительно русский язык, которому научился во время своей продолжительной службы... при начальнике Сухумского округа». Вместе с тем он — «хорошо знакомый с обычаями, нравами и преданиями своих единоземцев»³⁸⁶. Еще в 60—70-х годах XIX века опытными переводчиками считались Ермолов, Антон Инал-ипа, прапорщик милиции П. Г. Дзапш-ипа, Дугу Эшба, губернские секретари В. К. Бида-Чхамалия³⁸⁷ и И. А. Эмухвари, а юнкер милиции Константин Маргания в начале 80-х годов служил переводчиком при батумском военном губернаторе³⁸⁸. В это время выступают также Д. Л. Хварцкия и А. Г. Курджидзе³⁸⁹. В конце указанного десятилетия Г. Х. Званбая (Званба) видим словесным переводчиком в канцелярии кутаисского губернатора³⁹⁰.

В 80-х годах начинается деятельность К. В. Ладария, а в 90-х годах — В. Д. Гарцкия³⁹¹, из которых последний, известный педагог и общественный деятель, как уже отмечалось, затем работал переводчиком в кутаисском окружном суде.³⁹² Ладария в 1901 году служил в звании подпоручика в милиции, а впоследствии, разновременно, — начальником Самурзаканского и Гумистинского участков; умер он в 1913 году.³⁹³ Это был человек образованный, демократического образа мысли. Например, он был в близких отношениях с передовой, революционно настроенной семьей Вороновых (Щебельда). Между прочим, К. В. Ладария оставил завешание — похоронить его без соблюдения каких бы то ни было традиционных поминальных обрядов.³⁹⁴ Его жена, Анастасия Ивановна, — народная учительница. В этой семье в 1900 году родился славный сын абхазского народа В. К. Ладария.

³⁸⁶ А. Л. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885, с. 108.

К сказанному автор (И. Н.) с аналогичным указанным названием книги (М., 1898, с. 105) добавляет, что С. С. Лакербая — землевладелец, «бывший офицер Абхазской милиции»; его усадьба (новая) расположена в долине р. Белой (Хыста), как видно, в селе Звандриш, где он за службу получил 200 дес. земли от правительства.

³⁸⁷ В. К. Чхамалия в начале XX века в Сухуме становится счетным работником в системе Министерства финансов (КК на 1905 г., с. 15).

³⁸⁸ См.: КК на 1873—1879, 1882—1883 гг.

³⁸⁹ Там же на 1883 г., с. 70.

³⁹⁰ Там же на 1888 г., с. 78; на 1896 г., с. 328.

³⁹¹ См. там же на 1894—1896 гг.

³⁹² Там же на 1896 г., с. 227.

Из последующих абхазских переводчиков можно назвать юнкера милиции М. Т. Хасая (КК на 1913 г., с. 194) и Соломона Чрыгба — Сухумского окружного управления; прапорщика милиции Георгия (Хаджарата) Батыршаховича Званбая (Званба) — канцелярии батумского военного губернатора (КК на 1917 г., с. 181).

³⁹³ Там же на 1901 г., с. 162; «Сухумский листок», 19.V.1913, № 246.

³⁹⁴ СЗМ, 1913, № 14, с. 223—224.

Уже в 50—60-х годах, как образно писал Н. А. Лакоба, нескольким абхазцам «вырастили бороды... и назвали их священниками»³⁹⁵. Первым из них, видимо, был Исаия Хухиевич Аргуи (Аргуния) (ок. 1840—1891). Обучался он в Мартвильском грузинском соборе; затем работал: с 1858 года — псаломщиком (с. Эшкыт), с 1870 года — дьяком (с. Анува), а с 1871 года — священником (с. Эшера, Ткварчели), причем «устные наставления говорил на абхазском языке»³⁹⁶.

Другим из первых абхазских священников был Гавриил Романов, служивший в Эшкытском приходе с 1869 года³⁹⁷. Например, 5 апреля 1879 года он произносит «проповедь на абхазском языке»³⁹⁸. Или же возьмем Петра Астамуровича Пилия, происходившего из крестьянской семьи села Драйды. Он получил воспитание «как духовное, так и светское», владел абхазским, русским, грузинским и мегрельским языками; обучался в Цаншском монастыре. Начал работать Пилия с 1869 года в качестве псаломщика (Эшера, Лыхны), а с 1880 года — священника (Блабурхва, Гуп).³⁹⁹ Как отмечается в одном документе, он «читать, петь и устав на грузинском языке знает очень хорошо, катехизис порядочно, часто говорит устные наставления на родном, абхазском, языке».⁴⁰⁰ Но в 1888 году П. А. Пилия был лишен сана и исключен из духовного звания в связи с его женитьбой «по абхазскому обычаю».⁴⁰¹

В начале 90-х годов вопрос о богослужении на абхазском языке, а также о переводе на этот язык основных церковных книг ставится официально, причем и представителями абхазской интеллигенции. Так, житель села Лыхны Николай (Шабат) Мусович Гублия (1873—1937) 16 декабря 1891 года обратился с прошением к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, в котором, «по чувству глубокого страдания к своему народу, сидящему во тьме и сени смертной», выражал убеждение, что «только одно средство может вывести этот народ из его несчастного положения» — перевод на абхазский язык всего священного писания и богослужение на нем. Ему также казалось, что не будет затруднения в переводе церковных книг, поскольку уже имелось «много природных абхазцев, прекрасно знающих русский язык».⁴⁰²

³⁹⁵ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии. — Сб. «К истории революционного движения в Абхазии». Сухум, 1922, с. 4.

³⁹⁶ ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 671, лл. 206—3.

³⁹⁷ ООВПХК за 1889 г., прилож., с. 38—39.

³⁹⁸ Там же за 1879 г., с. 11.

³⁹⁹ ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 185, лл. 11, 81об.—82.

⁴⁰⁰ Там же, л. 82.

⁴⁰¹ Там же, лл. 82—82об.

⁴⁰² Там же, д. 1904, лл. 2—3об.

И другие образованные абхазы, возлагая определенные надежды на перевод церковных книг на абхазский язык и на ведение богослужения на родном языке, «с помощью этих средств... надеялись способствовать дальнейшему развитию абхазской письменности»⁴⁰³. Пожелания, выраженные в прошении Н. М. Губляя, совпадали с политикой официальной церкви, в том числе «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Поэтому они получили благосклонное отношение со стороны Синода и Сухумской епархии.⁴⁰⁴ Сухумский епископ Агафодр связывал перевод и распространение среди абхазского населения богослужебных книг с вопросом обучения детей абхазов грамоте на их родном языке, ставя при этом ряд практических задач. Он, в частности, считал, что перевод должен быть осуществлен так, чтобы его понимали все абхазы. «Букварь и история Бартоломея, — писал Агафодр, — составлены по бзыбскому наречию, а в Абхазии, как говорят знатоки, есть другое, лучшее, наречие» (по своей звуковой простоте)⁴⁰⁵.

В результате в 1892 году при Сухумской архиерейской кафедре была создана комиссия (комитет) «для перевода богослужебных книг и книг религиозно-нравственного содержания на абхазский язык»⁴⁰⁶. В ответ на запрос Сухумского епископа о составе комиссии смотритель Сухумской горской школы К. Д. Мачавариани 5 марта 1892 года составил следующий список лиц с данными о них:

«1) Земледелец г. Сухума Леван Отарович Малани⁴⁰⁷ — природный абхазец, получил образование в императорском Никитском саду — владеет свободно русским языком.

2) Учитель Сухумской горской школы Давид Григорьевич Аджамов — тоже абхазец, окончил полный курс учения в Ставропольской гимназии.

3) Письменный переводчик управления начальника Су-

⁴⁰³ Х. С. Блажба. Этюды и исследования. Сухуми, 1974, с. 182.

⁴⁰⁴ В 1851 году была образована Абхазская епархия, которая в 1869 году указом Синода временно подчинена Имеретинской епархии, а в 1885 году учреждена самостоятельная Сухумская епархия. В 1889 году при Сухумской архиерейской кафедре под председательством Д. А. Мачавариани был организован Сухумский епархиальный училищный совет, которому в 1890 году были переданы все школы Сухумской епархии. В состав последней входила не только нынешняя Абхазия, но и прибрежная часть Черноморской губернии, включая г. Новороссийск (А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии, с. 124—125).

⁴⁰⁵ Агафодр отмечал также, что названные книги «не всем абхазцам доступны, а главное — страдают отсутствием ударений» (ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 1004, л. 9).

⁴⁰⁶ Там же, л. 13.

⁴⁰⁷ Л. О. Малани, например, в 1895 году был почетным смотрителем-директором Сухумской женской прогимназии (КК на 1896 г., с. 328), а в 1904 году — членом «Сухумского общества сельского хозяйства» (Годовой отчет СОСХ за 1904 г., Новороссийск, 1904, с. 30).

хумского округа Виктор Дмитриевич Гарцкия — природный абхазец, окончил полный курс учения в Хонской учительской гимназии.

4) Словесный переводчик следователя Сухумского мирового отдела Дмитрий Уругович Гулия — природный абхазец, из 1-го класса Закавказской учительской семинарии — свободно владеет 4-мя языками: абхазским, мингрельским, грузинским и русским.

5) Словесный переводчик управления начальника Сухумского округа Константин Васильевич Ладария — природный абхазец, окончил курс учения в Сухумской горской школе, свободно владеет русским, абхазским и мингрельским языками».

Мачавариани называл также в качестве возможных кандидатур генерал-лейтенанта Г. А. Шервашидзе и Н. М. Гублия, «который хорошо владеет русским языком и природный абхазец, учился в низших классах гимназии»⁴⁰⁸. А Сухумский епископ Агафодр предложил кандидатуру самого К. Д. Мачавариани⁴⁰⁹, как, очевидно, владевшего и абхазским языком.

В конечном итоге названная комиссия была создана в составе Г. А. Шервашидзе, К. Д. Мачавариани, Д. Г. Аджамова, Д. И. Гулия, В. Д. Гарцкия, К. В. Ладария, Л. О. Маланца и Н. М. Гублия⁴¹⁰. Однако комиссия лишь во второй половине 1906 года приступила к своей работе, поскольку она не располагала никакими средствами⁴¹¹. Ясно, что все это со стороны властей делалось с целью идеологического воздействия на абхазское население. Несмотря на это, задуманное мероприятие в ряде случаев приобретало иной характер. В этом отношении примеры И. Гегна, В. Гарцкия, Д. Гулия и других достаточно убедительны. Кроме того, работа названной комиссии, как увидим ниже, способствовала книгопечатанию на абхазском языке. Не приходится отрицать и то, что в условиях Абхазии распространение христианства способствовало развитию школьного дела и грамотности в крае, как это было в, скажем, в Осетии.

Следует также иметь в виду, что сельские священники и причетники близко стояли к народу. Вследствие недостаточности чисто церковных доходов, они сами наравне с крестьянами занимались хозяйством (обрабатывали землю и т. д.). Например, бармышский священник Н. В. Ладария в 1900 году писал в своем прошении: «Мое жалование не хватает на прожитие и я впал в безвыходную нужду»⁴¹². Среди сельских

⁴⁰⁸ ЦГАА, ф. 1, оп. 1, л. 1004, лл. 6, 8.

⁴⁰⁹ Там же, лл. 7, 15.

⁴¹⁰ Там же, л. 15.

⁴¹¹ Х. Бгажба. Этюды, с. 184—185.

⁴¹² ЦГАА, ф. 1, оп. 3, д. 15, л. 119.

священников встречались и такие, которые, вопреки своим обязанностям, не призывали крестьян к покорности, а поддерживали их справедливый протест против существующих антинародных порядков.

Далее необходимо остановиться на тех общих переменах, которые происходили в культурной жизни Абхазии в конце XIX столетия, поскольку они имели огромное влияние на процесс формирования абхазской интеллигенции. Причем сдвиги в культурной жизни края, как и в социально-экономической, ознаменовавшиеся новым периодом в демократизации культуры, были неразрывно связаны с той же прогрессивной ролью русского народа по отношению к народам Кавказа вообще.

И прежде всего следует сказать о городе Сухуме, где была сосредоточена основная масса интеллигенции края. Будучи административным и культурным центром и находясь в районе крестьянского и пролетарской колонизации, торгового земледелия и в пункте прохождения магистральных морской и сухопутной дорог, а также в силу его курортного значения. Сухум получает дальнейшее развитие. Здесь больше, чем в каком-либо другом месте Абхазии, проявляются буржуазные тенденции, связанные с ростом товарно-денежных отношений и вовлечением всего края в сферу единого рынка страны. Особенно наблюдается усиление торговой роли Сухума. Этому способствовало и то обстоятельство, что еще в 1880 году была построена железная пристань для приема мелких судов. Сдвиги в экономическом развитии и заметном изменении внешнего облика Сухума находили отражение в росте его населения, в переменах социальной структуры этих горожан⁴¹³, в развитии общественной мысли, отражавшей прогресс социально-экономической жизни края в целом. Сухум являлся основным показателем развития культуры и просвещения в Абхазии. Здесь, как увидим ниже, возникает целый ряд общественных, культурно-просветительных и научных организа-

⁴¹³ В корреспонденции «Черноморского вестника» от 27 марта 1897 года читаем: «За последние годы у нас заметно стремление к постройкам. Кто видел Сухум 5—6 лет тому назад, тот теперь легко приметит, что с тех пор наш живописный городок пополнился порядочным количеством солидных построек... Это обстоятельство привлекает в Сухум на заработки рабочий люд. Немалое количество их служит чернорабочими на окрестных дачах или лесопромышленных предприятиях». Архитектура Сухума носит европейский облик с некоторой примесью местных элементов. Складываются центры и некоторых других населенных пунктов городского типа. Возникает комплекс сооружений Новоофонского монастыря, в начале XX века строится первоклассный курорт в Гаграх, возводятся здания санатория в Гульрише, дачи и богатые усадьбы.

дий. Между Сухумом и Петербургом устанавливается телеграфная связь⁴¹⁴.

Сухум с конца XIX века начал широко привлекать русских, грузинских и зарубежных писателей, художников, ученых. Этому во многом способствовало заключение XII Международного съезда врачей (1898 год) в Москве, который признал Сухум лучшим местом отдыха и лечения для «слабогрудых». Сухумом интересовались и давали о нем самые лестные отзывы такие авторитеты, как А. А. Остроумов, С. П. Боткин, А. М. Бутлеров, Н. П. Гундобин, Ф. И. Пастернацкий и другие. Профессор Гундобин, в частности, предсказывал Сухуму «блестящую будущность как климатической станции и как курорту»⁴¹⁵. А о красоте города А. П. Чехов писал в 1888 году: «...Прекраснейший городок с тропической жарой, весь тонущий в густой нерусской зелени...»⁴¹⁶.

Из области культурного развития Сухума нас в первую очередь будет интересовать театр, начало истории которого здесь относится еще к 60-м годам. В номере газеты «Кавказ» от 14 мая 1864 года сообщалось о спектаклях любителей (три представления) «в пользу бедных». Идея этого благотворительного дела принадлежала С. П. Шафрановой. «Кроме бедных, — рассуждал автор корреспонденции, — театральный сбор помог бы основанию абхазских школ, городской читальни...» В корреспонденции газеты «Кавказ» от 16 декабря 1868 года сообщалось уже о «наскоро устроенном театре» в Сухуме, который «был отделан удобно и с приятными декорациями». В номере той же газеты от 1 января 1869 года сообщалось о спектакле в фонд открывающейся здесь женской школы; пьесы (две) любителями «выполнены были прекрасно»⁴¹⁷. В отчете начальника Сухумского отдела, составленном в первой половине 1871 года, говорится об устройстве в Сухуме «для помощи бедным» добровольной подписки и любительских спектаклей⁴¹⁸. В начале 1874 года любительским же кружком в Сухуме была поставлена комедия Н. В. Гоголя «Женитьба»⁴¹⁹. «Театр» помещался в «большом деревянном здании», его сцена была «расширена.., зал увеличен»⁴²⁰. В 1876 году газеты часто писали о сухумских спектаклях в пользу балканских славян⁴²¹. В декабре 1880 года в Сухуме

⁴¹⁴ В 1870—1876 годах была проведена линия англо-индийского телеграфа, которая пересекала территорию Абхазии.

⁴¹⁵ Цит. по: К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель... с. 13—14.

⁴¹⁶ А. П. Чехов. ПСС в 30-ти томах, т. 2. М., 1975, с. 310.

⁴¹⁷ «Кавказ», 1.1.1869, № 1.

⁴¹⁸ ЦГИАГ, ф. 545, л. 574, лт. 4—10.

⁴¹⁹ «Кавказ», 8.11.1874, № 17.

⁴²⁰ Там же, 4.1.1874, № 2.

⁴²¹ См. там же, 10 и 17.1X и 13.X.1876; «Тифлиссский вестник», 24.1X.1876.

состоялся спектакль, который «удовлетворил самых строгих критиков»⁴²². В 80-х же годах появляются первые грузинские группы любителей сцены в Сухуме, Гаграх, Гудаутах, Очемчирах и Окуме. Театральные представления давались на русском и грузинском языках. 17 января 1885 года газета «Дрозба» сообщала о двух театральных вечерах, организованных силами любителей сцены в Очемчирах, а 21 апреля 1889 года «Иверия» писала о постановке в Сухуме одноактного водевиля Д. Ацкурели «Двое голодных». В 1889 году была поставлена пьеса И. Чавчавадзе «Мать и сын»⁴²³, а в 1893 году — спектакли «Чашка чаю» (на русском языке) и «Чудак» (на грузинском) А. Цагарели⁴²⁴. В дальнейшем, в 1895—1900 годах, грузинский драматический коллектив показывает спектакли «Арсен» (А. Казбеги), «Ханума» (А. Цагарели) и другие⁴²⁵. «Приятной неожиданностью для скучающих гудаутцев» был любительский спектакль, устроенный 10 октября 1899 года местной молодежью. Спектакль принес и «общественную пользу», так как сбор с него был предназначен на устройство здания для общественной читальни, существовавшей в Гудаутах уже лет пять, а иметь такое здание было «давнишней мечтой гудаутцев»⁴²⁶. В газете «Кавказ» 5 мая 1884 года сообщалось о литературно-музыкальном вечере в Сухуме, а 17 августа 1899 года — об учреждении здесь музыкально-драматического кружка.

Прогрессивное направление деятельности любителей сцены в Абхазии сближало их с видными представителями грузинского театрального искусства. В этом отношении большое значение имели неоднократные гастроли в Сухуме грузинских профессиональных театров. Так, еще в 1886 году здесь выступали тифлиссские артисты во главе с выдающимся мастером сцены и режиссером Ладом Алекси-Месхишвили (В. С. Алексеев-Месхиев). В 1892 году последним были поставлены также пьесы В. Габуния «Брат и сестра» и Г. Сундукяна «Пэпо». Известный грузинский писатель и драматург Ш. Дадiani был режиссером и участником русско-грузинского вечера, проведенного 28 марта 1899 года. Активную роль в развитии театрального искусства в Сухуме и в крае в целом играли Агатия, Гаяна, Терезия и Александра Шервашидзе, Тедо Сахо-

⁴²² «Кавказ», 24.I.1881, № 19.

⁴²³ ზ. ჯგერელი, სეზონის თეატრი. სეზონი, 1951, გვ. 16-18.

⁴²⁴ «Новое обозрение», 1.II.1893.

⁴²⁵ ზ. ჯგერელი, უკავ. სოც., ს. 22 и сл.

Спектакли любителей грузинского театра состоялись, например, в Гудаутах («Новое обозрение», 18.II.1895) и Сухуме (там же, 18.II.1896), а 22 марта 1898 года в Сухуме по инициативе А. В. Церетели был поставлен русско-грузинский спектакль «на усиление средств» «Общества по распространению грамотности среди грузин» (водевиль В. Габуния и др). («Кавказ», 16.IV.1898, № 98).

⁴²⁶ «Черноморский вестник», 15.X.1899, № 230.

киа и другие⁴²⁷. Значение всего этого в повышении культурного уровня народа трудно переоценить, если к тому же иметь в виду, что грузинская драматургия последних десятилетий XIX века выражала национально-освободительные идеи, отличала пережитки крепостного строя, существовавшие административные порядки, показывала нарастание капиталистических отношений.

Проводились и другие культурно-просветительские мероприятия. Из газеты «Кавказ» от 21 июля 1874 года узнаем о деятельности любительского музыкального кружка в Сухуме, которому любознательной публикой оказывалось «и сочувствие, и поддержка». До событий русско-турецкой войны 1877—1878 годов в Сухуме функционировал еще сводный «хор музыки», составленный из черноморских линейных батальонов. На время войны он, естественно, прекратил свое существование, но в начале 80-х годов здесь снова был сформирован, при Михайловском крепостном батальоне, «нештатный хор музыки», который затем был доведен до 30 человек⁴²⁸. 24 сентября 1896 года в городе Сухуме «Товариществом гурийских музыкантов» под управлением дирижера И. Думбадзе был дан концерт, на котором присутствовал «почти весь Сухум, и довольно просторный зрительный зал еле вместил всех желавших послушать музыкантов-гурийцев»⁴²⁹. В 1899 году общественность г. Сухума добилась решения на открытие «Сухумского музыкально-драматического кружка», а в 1900 году было официально решено организовать на частные средства историко-археологический музей⁴³⁰ (вопрос этот был поднят еще в 1893 году⁴³¹). В 1892 году была создана Сухумская епархиальная церковно-археологическая комиссия⁴³². В 1895 году в Сухуме открылись типо-

⁴²⁷ См.: А. Дубовое, Указ соч., с. 23—32; «Кавказ», № 3330, 1, 33—35.

⁴²⁸ Т. Т. Стефанов, Указ соч., с. 395.

⁴²⁹ «Кавказ», 10.X.1896, № 267.

⁴³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1900 г., д. 145, лл. 1, II; «Кавказ», 17.VIII.1899, № 214.

⁴³¹ См.: ЦГИАГ, ф. 1114, д. 34, лл. 1—2.

⁴³² В Уставе комиссии говорилось: «Комиссия имеет целью всестороннее изучение прошедшей жизни местной церкви, начиная от первого появления христианства в пределах Сухумской епархии и до близкого нам времени... Комиссия отыскивает и приводит в известность собранные уже сведения и материалы археологические, исторические, а отчасти и этнографические, хранящиеся в местных учреждениях и у частных лиц... Комиссия сама производит ученые исследования для собрания новых сведений или для проверки и пополнения тех, которые уже имеются. При этом капитальными источниками могут служить местные архивы. Комиссия собирает сведения о всех древних церквах и о церковных памятниках, а также о церквах, отличающихся особенною архитектурою, и описывает с них виды. Комиссия учреждает при себе хранилище материалов и ученых пособий... Комиссия печатает протоколы своих заседаний и свои труды, исследования и материалы...» («Устав Сухумской епархиальной церковно-археологической комиссии», Сухум, 1912, с. 1, 6—7).

графия и книжный магазин, а через год, по инициативе местной интеллигенции, в здании типографии начала работать библиотека. Такая библиотека была открыта и в с. Окум, а в Гудаутах — читальня⁴³³. В фонд этой читальни и общественной библиотеки в 1896—1899 годах в Гудаутах были проведены любительские спектакли⁴³⁴.

В 1894 году была основана «Сухумская садовая и сельскохозяйственная организация», в ведение которой перешел и Сухумский ботанический сад. Министерством земледелия и государственных имуществ в Сухуме была устроена опытная станция «для высших культур» и опытное поле, преимущественно для злаковых. С 1895 года на станции в целях содействия развитию культуры табака проводились «кое-какие опыты». В 1898 году создается «Сухумское общество сельского хозяйства и садоводства», которое с 1902 года начало издавать ежемесячный журнал «Черноморское сельское хозяйство» с приложением листка «Черноморский сельнин». В 1899 году в Сухуме состоялась выставка садоводства, плодородства, табаководства и виноделия, устроенная Кавказским отделом «Русского общества садоводства»⁴³⁵. В 90-х годах принимаются некоторые меры и по организации медицинской помощи населению. Была создана окружная санитарно-исполнительная комиссия. С конца 90-х годов общественность Сухума, по инициативе профессора А. А. Остроумова, стала требовать открытия в городе больницы, в результате чего в 1902 году начала работать больница на 30 коек. Ей было присвоено имя Остроумова, который, согласно уставу, считался ее «пожизненным попечителем»⁴³⁶.

Названные и другие научные, культурно-просветительские и благотворительные общества, возникновение которых было результатом совместной деятельности представителей демократической местной русской и национальной интеллигенции, сыграли большую роль в деле распространения знаний и культуры. В этот же период началось более обстоятельное изучение истории, археологии, этнографии, культуры, природных богатств Абхазии. Часть этого разнохарактерного материала, как и ранее, издавалась отдельными книгами и брошюрами, часть же печаталась на страницах различных журналов и газет («Отечественные записки», «Сборник сведений

⁴³³ См.: Г. А. Дзидзария. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение, с. 265.

⁴³⁴ «Черноморский вестник», 27.VII.1865, № 165; 15.X.1899, № 230.

⁴³⁵ КСХ, 1899, № 46—305, с. 904.

Между прочим, вопрос о распространении сельскохозяйственных знаний в дореволюционной Абхазии представляет определенный научный и практический интерес. Однако, к сожалению, он еще специально не изучался, хотя и затрагивался в ряде работ.

⁴³⁶ Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 264—265.

о кавказских горах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказский календарь», «Кавказский сборник», «Известия Кавказского отделения Русского географического общества», «Живая старина», «Русский вестник», «Кавказ», «Тифлисские ведомости», «Обозрение», «Новое обозрение», «Черноморский вестник» и другие). А. Н. Дьячков-Тарасов, автор ряда очерков и статей, посвященных Абхазии, отмечая факт обогащения научного представления об этом крае, писал: «Много сделано русскими для Абхазии за столетие, и сделавшие — живые и мертвые — деятели в Абхазии, конечно, ждут, что современные русские и природные абхазцы дальше продвинули вперед культуру доброго простодушного народа и его прекрасной природы»⁴³⁷.

В 70—90-х годах Абхазию посещают такие деятели русской культуры и науки, как И. Е. Репин, В. В. Верещагин, М. В. Нестеров, Н. А. Ярошенко, В. М. Васнецов, Л. Ф. Логорно, И. М. Прянишников, А. М. Бутлеров, А. И. Воейков, Н. М. Альбов, С. П. Боткин, Н. П. Гундобин, М. К. Сидоров, А. А. Остроумов, К. А. Сатулиян, А. П. Чехов, А. М. Горький, Г. Я. Седов и другие. С некоторыми из них, несомненно, встречались представители абхазской интеллигенции, и значение этого факта трудно, конечно, переоценить. Под впечатлением своего пребывания на абхазской земле А. П. Чехов написал повесть «Дуэль», а А. М. Горький — рассказы «Рождение человека» и «Калинин». В обоих рассказах изумителен образ природы Абхазии, описание красот осени, дыхания моря, величавых гор. Замечательная природа края благотворно влияла на творческое воображение многих русских писателей⁴³⁸. А. П. Чехов, признаваясь в этом, 25 июня 1888 года писал: «Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно... и поэтично... Если бы я пожил в Абхазии хотя бы месяц, то, думаю, написал бы полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов»⁴³⁹.

⁴³⁷ Н. А. Дьячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетии. — ЗКОРГО, 1909—1910 гг., т. XX, № 1, с. 195.

⁴³⁸ Писатель В. А. Соллогуб, посетивший Абхазию еще в 1853 году, писал: «О, если когда-нибудь в другой раз судьба приведет меня в этот чудесный край, которого я видел только берег... Тогда я вам представлю не беглый путевой очерк, целую картину страны, которой нет подобной в Европе и о которой живописный Пьемонт может дать только слабое понятие (В. А. Соллогуб. Сочинения, т. V. СПб., 1855, с. 340).

⁴³⁹ А. П. Чехов. ПСС, т. 2. М., 1975, с. 302.

Непринужденно и красочно рассказывал А. П. Чехов о своих впечатлениях и в других письмах (см. там же, с. 303, 308, 310—311). С момента первого пребывания в Абхазии писатель на всю жизнь пленился экзоти-

Автор известного произведения «Прометеево потомство. Роман из истории последних дней независимости Абхазии» Д. Л. Мордовцев в 1898 году в своем письме в Абхазию, строки которого «дышат любовью к слабым и горестным и полны тем человеколюбием, которым проникнуты все произведения этого художника слова», писал: «Едва ли найдется кто-нибудь, чью душу и воображение не волновали бы исторические судьбы Кавказа. Сколько изумительного героизма проявили его сыны и какие превратности судьбы выпали на их долю! Он «пламенел любовью и удивлением к этим доблестным сынам — «потомкам Прометея». Мордовцеву «светит отрадная надежда на незыблемую прочность... святого, искреннего братства» между русским и кавказским народами, «великодушного отношения более сильных к менее сильным и в особенности к тем из этих доблестных «потомков Прометея», которые неза заслуженно страдают и даже, к великой скорби всякого благородного сердца, отчасти вымирают»⁴⁴⁰.

В 1888 году Абхазию посещает известный русский археолог П. С. Уварова, которая в своих исследованиях приводит интересный материал по вопросам археологии и искусства края⁴⁴¹. А В. И. Сизов в том же году в Сухуме производит первые археологические раскопки на территории Абхазии, в

кой флоры Абхазии. И когда он начал посадки в своем саду в Ялте, то заинтересовался каталогом абхазских садоводств. Антон Павлович переписывался с 40 садоводами мира, в том числе и садоводством «Синоп» (сообщение старшего научного сотрудника Дома-музея А. П. Чехова в Ялте В. Ф. Пермяковой), основанном еще в 1879 году, которое оказало большое влияние на декоративное садоводство в Абхазии. В письмах писателя появляются данные, связывавшие его с Абхазией в Ялте: «Из Сухума прислали лимон в 2 аршина, апельсин, 2 олеандра, драцены и прочие, и проч.» (24 ноября 1899 года). «Выписал из Сухума много разных лукович и многолетних цветов» (30 января 1903 года). «Получил из Сухума растения, завтра буду сажать» (19 февраля 1903 года) (См.: А. П. Чехов. ПСС в 20-ти томах, т. 18. М., 1951, с. 265; т. 20, с. 31, 33, 50).

⁴⁴⁰ «Кавказ», 25.II.1898, № 52. Завет русского писателя.

Перу Д. Л. Мордовцева принадлежит также рассказ «Кавказская пленница», в котором показаны картины массовой торговли рабами в странах бассейнов Черного и Средиземного морей, в том числе и Колхиде, в античную эпоху.

⁴⁴¹ См.: П. С. Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шапшетия, Покховский участок, ч. II. М., 1891, с. 154; ее же. Христианские памятники Кавказа. — МАК, вып. IV. М., 1894.

Между прочим, в с. Ачандара П. С. Уварова гостила у молодого князя Мурзакана Анчабадзе (Ачба), который «хорошо говорит по-русски, подвергался опале и изгнанию за свои похождения, но бежал оттуда». Однако самым интересным была ее встреча здесь с популярным народным певцом Жана Ачба, братом названного князя. «Слепец... пропел несколько героических поэм под звук местного, трехструнного инструмента; ему вторили все присутствующие... раздалась песня о прежних боях, прежней славе, прежних набегах» (Там же, с. 154—156).

результате которых он собрал богатый материал⁴⁴². Замечательный русский кавказовед Е. Г. Вейденбаум в 1875—1877 и 1888 годах посещает Сухум и Абхазию; сохранились его дневники и записки⁴⁴³. А В. И. Чернявский, с 70-х годов постоянно проживая в Сухуме, являлся первым исследователем архитектурных и археологических памятников Абхазии, ее флоры и фауны.

Знаменитый русский художник И. Е. Репин настолько был влюблен в Абхазию, что 9 июня 1889 года из Екатеринодара писал В. В. Стасову: «Сухум мне так понравился, что я даже хотел купить там кусок земли с разрушенными стенами, в последнюю войну, дома...»⁴⁴⁴. А художник В. В. Верещагин приобрел небольшую дачу в Сухумском районе, чудесная природа которого из всех мест Кавказа наиболее пленила его. На многих хранящихся ныне в Третьяковской галерее рисунках живописца стоит надпись «Сухум». Верещагину не чужды были интересы благоустройства и развития Сухума, о чем свидетельствует, например, его письмо о постройке Сухумской пристани⁴⁴⁵.

Многие представители передовой русской общественности, служившие на Кавказе, были на стороне местных деятелей, выступавших против социальной и национальной несправедливости. Среди них — Николай Ильич Воронов (1838—1888), имение («Ясочка») которого, основанное в 1874 году, было расположено в Цебельде. Это был сподвижник А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и Н. Г. Чернышевского. Будучи же членом Распределительного комитета «Кавказского отделения Русского географического общества» и редактором «Известий» этого Общества, а также одним из организаторов специальных фундаментальных изданий «Сборник сведений о кавказских горцах» и «Сборник статистических сведений о Кавказе», редактором и издателем газеты «Кавказ», Н. И. Воронов много сделал для изучения экономики, истории, этнографии, языка и культуры народов Кавказского края⁴⁴⁶. Его сыну Ю. Н. Воронову (1874—1931) принадлежит особое место в развитии отечественной биологической науки; в частности, значительны его заслуги в изучении флоры Абхазии⁴⁴⁷. Еще в конце XIX века он принимал активное учас-

⁴⁴² В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. — МАК, вып. II. М., 1889, с. 14—16.

⁴⁴³ ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, д. 79/66, 83/28, 86/26. О нем: КЭС, II, с. 269.

⁴⁴⁴ И. Е. Репин. Письма. II. М.-Л., 1949, с. 134.

⁴⁴⁵ См.: «Новости и биржевая газета». СПб., 2(14).X.1899.

⁴⁴⁶ И. Лейберов. Цебельдинская находка. М., 1976, с. 52 и сл.

⁴⁴⁷ См.: А. Колаковский. Жизнь, отданная науке. — «Советская Абхазия», 14.VI.1974.

тие в создании «Сухумского общества сельского хозяйства», выступал за демократические принципы его деятельности. Ю. Н. Воронов известен и как революционер. Участниками революционного движения являлись также его сестры. В Цебельдннской усадьбе Вороновых, которая и поныне существует, можно было найти и политическую литературу, личные вещи А. И. Герцена и т. д. Среди друзей и гостей Вороновых здесь были профессор А. С. Трачевский, историк-археолог Д. З. Бакрадзе, ботаник Н. М. Альбов и другие. Семья Вороновых была в близких отношениях также с представителями местной интеллигенции. Такие отношения сложились и с писателем И. Чавчавадзе.

Экономическим развитием Абхазии интересовался и бывал в ней В. К. Радзевич-Белевич. Это был один из сосланных в Закавказье русских марксистов, которые в 90-х и начале 900-х годов вели здесь революционную работу. В опубликованных им в журнале «Весь Кавказ» (1903, № 1) статьях «Рыбный промысел на Закавказском побережье Черного моря», «Бой дельфинов в пределах Сухумского округа» и «Описание устричного промысла на Закавказском побережье Черного моря» содержатся весьма интересные данные о рыболовстве, дельфиньем и устричном промыслах в Абхазии.

А вот что писал Д. И. Гулиа в своих воспоминаниях о другом представителе передовой русской общественности в Абхазии — В. Резникове: «В городе Очамчире в 90-х годах прошлого столетия работал следователем некто Резников⁴⁴⁸. Это был петербуржец, человек большой культуры. Ненависть к князьям и дворянам сблизила нас... Любому крестьянину, приходившему с просьбой, он оказывал внимание и помощь...⁴⁴⁹. Я навсегда запомнил этого честного, мужественного русского человека⁴⁵⁰. Это был действительно замечательный человек. В одном документе, докладе члена III Государственной думы и отставного генерал-майора П. Л. Шервашидзе от 13 октября 1908 года на имя заместителя Кавказа, читаем: «Бывший следователь Резников — один из ярких революционеров; сын его, единомышленник отца, за антиправительственную пропаганду содержался в Кутаисской тюрьме...

⁴⁴⁸ Д. И. Гулиа работал у него в качестве переводчика. В. Резников в начале 1905 года служил судебным следователем Гудаутского участка (Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, л. 13, л. 9).

⁴⁴⁹ В. Резникова волновало, в частности, улучшение медицинского обслуживания населения. Он выступал и в прессе против недобросовестных врачей и содействовал честным и перспективным медицинским работникам. Так, Резников писал о «молодом и деятельном» Г. Денисове, «успешно зарекомендовавшем себя» и «возбудившем большое сочувствие публики и неудовольствия со стороны врачей и аптекеров-дельцов» («Черноморский вестник», 7.IV.1899, № 78).

⁴⁵⁰ Цит. по: Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 26—27.

Лопатин — близкий сотрудник его; Бортенев, которого ныне в округе уже нет, — ярые революционеры, стремившиеся поднять население на беспорядки»⁴⁵¹.

Должна быть еще раз отмечена и роль передовых русских учителей. Эти истинные поборники просвещения, беззаветно преданные лучшим прогрессивным традициям русской педагогики, несмотря на полицейскую опеку и контроль администрации, самоотверженно трудились в различных уголках Абхазии, не считаясь с материальными лишениями и отсутствием элементарных условий для творческой деятельности.

В сложных процессах, происходивших в культурной жизни абхазского народа, особую роль играли передовые деятели грузинской культуры. Это было время, когда на историческую арену вышло новое поколение передовой интеллигенции закавказских народов в лице ее лучших представителей — И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, М. Налбандяна, Раффи, Г. Сундукяна, Г. Зардаби и др. Это был период зарождения и первых шагов новых общественных течений в Закавказье, связанных с коренными изменениями, происходившими в социально-экономической жизни края, как и всей Российской империи.

Уже из сказанного видно, насколько тесны были связи представителей абхазской интеллигенции с грузинской культурой, выдающимися писателями и общественными деятелями, национально-освободительным движением в Грузии. Речь идет прежде всего о таких личностях, как И. Чавчавадзе, А. Церетели, Я. Гогобашвили, Г. Церетели, Д. Кипиани, С. Месхи и других. Речь идет и о тех грузинских деятелях, которые, живя в Абхазии, внесли большой вклад в развитие культуры и просвещения абхазского народа (П. Чарая, Н. Джанашиа, К. Мачавариани, Т. Сахокиа и другие)⁴⁵². Кстати, они являлись активными членами «Общества по распространению грамотности среди грузин», которое вело плодотворную работу и в Абхазии. Некоторые из них поддерживали тесные связи с прогрессивными русскими общественными деятелями, сотрудничали в русской прессе. Так, Тедо Сахокиа перевел на грузинский язык названный выше исторический роман из абхазской жизни Д. Л. Мордовцева — «Прометеево потомство». Перевод печатался в журнале «Моамбе» в 1897—1898 годах. Сохранилось письмо автора романа к Сахокиа от 2 апреля 1898 года, которое, как и авторское пре-

⁴⁵¹ ЦГИАГ. ф. 13, оп. 26, д. 6, л. 114 об.

⁴⁵² Подробнее об этом: З. Анчабадзе, Г. Дзидзария. Дружба извечная, нерушимая. Сухуми, 1972.

принимала участие в борьбе за его национальное и социальное освобождение, служила делу просвещения и прогресса. Это было то общее, что объединяло эту группу абхазской интеллигенции, далеко неоднородную по своему социальному составу и мировоззрению. Должно быть поставлено в заслугу многим из первых абхазских просветителей и то, что они в своем стремлении открыть для родного народа путь к знанию вели идейную борьбу с защитниками старины, косности, отживающих форм социальной жизни и устаревших воззрений.

И еще об одном обстоятельстве. Значительная часть абхазских дворян, как это имело место и в России, и в Грузии, по существу, не принадлежала к классу помещиков, поскольку не владела землей, а до отмены крепостного права — и крестьянами. Из таких беспоместных и личных дворян, как видели, в значительной мере и выделялась трудовая интеллигенция. Эта среда, различная по своей социальной сущности, оказывала большое влияние на развитие национальной культуры.

Культурная жизнь Абхазии не ограничивалась, разумеется, деятельностью одной лишь интеллигенции. Духовная жизнь и помыслы, мировоззрение народных масс, не имевших по существу вплоть до начала XX века своей художественной литературы, отражались в тех культурных ценностях, которые являлись непосредственным результатом коллективной сознательной деятельности самих трудящихся.

Большое место в жизни абхазского народа по-прежнему занимало устное художественное творчество. Богатый абхазский фольклор представлен эпическими сказаниями, мифологическими рассказами и преданиями, бытовыми и историко-героическими песнями, пословицами и т. д. Среди абхазских эпических памятников, например, выделяются сказания о нартах, Абрскиле (абхазском Прометее — Амиране) и историко-героические песни⁴⁵⁷.

Большой популярностью в Абхазии пользовались народные певцы и сказители. Одним из ярких представителей песенной поэзии был ачандарский народный поэт-сатирик слепой певец Жана Ачба (1846—1916)⁴⁵⁸, который под аккомпанемент алхярцы исполнял большей частью собственные произведения, отличавшиеся злободневной социальной тематикой.

Вообще в абхазских бытовых и лирических песнях той эпохи все чаще звучат мотивы социального протеста, что было отражением тех заметных сдвигов, которые происходили

⁴⁵⁷ Подробнее об этом: С. Л. Зухба. Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1970.

⁴⁵⁸ О нем: М. Лакербай. Очерки истории абхазского театрального искусства. Сухуми, 1962, с. 19—24.

в то время в миропонимании народных масс. Конечно, иные образцы того или иного жанра народного творчества отражали отсталую крестьянскую психологию. Но речь идет об усилении социальных мотивов этого творчества и возрастании его прогрессивных тенденций. Одним словом, устное народное творчество отражало сложные процессы общественной психологии трудящихся масс. Оно оказало влияние на весь процесс развития абхазской культуры, в том числе и общественной мысли.

Основой абхазской музыки являются народные песни. Они отличаются богатством жанров, конкретностью образов и непосредственной связью с событиями общественной жизни. Разнообразны абхазские музыкальные инструменты. Широкое распространение в народе имело танцевальное искусство (сольное и групповое), а также спортивные игры (военные, с мячом и пр.), различные виды конных состязаний и т. д. О больших творческих возможностях народа говорят и многочисленные произведения народного прикладного искусства, в частности, ткачества с орнаментальными и сюжетными композициями, нередко восходящими к глубокой древности.

Во второй половине XIX столетия, в условиях развития капитализма и как следствие этого процесса, происходит консолидация азербайджанского, армянского, грузинского народов в буржуазные нации⁴⁵⁹. Те же причины, но в конкретной обстановке Абхазии проявившие себя пока в форме тенденции, хотя и довольно ощутительно, обусловили постепенное складывание абхазской буржуазной народности — в условиях общности языка, территории, социально-экономической жизни⁴⁶⁰. Эти процессы усиливаются в начале XX века, особенно перед началом первой мировой войны, когда наиболее ясно очерчиваются социальные группы, характерные для классовой структуры буржуазного общества. Заметно консолидируются и культурно-общественные силы абхазского народа, который еще в дореформенный период в целом находился на уровне феодально-патриархального сознания и быта (их пережитки сохраняются и позднее). Решаются многие важные проблемы национальной консолидации, намеченные предыдущим временем.

Однако массовая эмиграция (махаджирство), повлекшая за собой большое сокращение, а также «разрыв» абхазского народа и, следовательно, нанесящая огромный ущерб его этническому развитию, оказывала неблагоприятное влияние на

⁴⁵⁹ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии». Тбилиси, 1971. с. 21; «Очерки истории коммунистических организаций Закавказья». Тбилиси, 1967. с. 21.

⁴⁶⁰ Подробнее об этом: З. В. Анчабадзе. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

весь последующий процесс исторического развития абхазов. Кроме того, образование абхазской буржуазной народности, являвшееся одним из существенных проявлений процесса перехода от феодализма к капитализму, происходило в условиях господства царизма, который препятствовал экономическому, политическому и культурному развитию абхазского народа. Самодержавно-помещичий характер российской государственности делал невыносимым положение трудящихся края, которые страдали как от развивающегося капитализма и многочисленных крепостнических пережитков, так и от гнета колониального режима и национального бесправия. В Абхазии это зло усугублялось исключительно тяжелыми последствиями военных событий на ее территории. Не было ни одной хозяйственной отрасли, которая после русско-турецкой войны 1877—1878 годов не находилась бы в глубоком упадке. И «забота» об обучении абхазов грамоте, открытие в крае школ, подготовка первых деятелей просвещения и культуры, о чем говорилось выше, нередко диктовались целями отнюдь не демократического характера.

Трудящиеся Абхазии по-прежнему прозябали в темноте и невежестве. Достаточно сказать, что по всероссийской переписи 1897 года грамотных в Абхазии было всего лишь 9,8 процента. Как известно, национальная политика царизма 80—90-х годов характеризовалась резким усилением угнетения народов. С другой стороны, нарастание в стране революционной ситуации переместило в области внутренней политики центр тяжести правительственной деятельности в сторону борьбы с революционным движением. В этих условиях абхазы не только не могли сформироваться в буржуазную нацию, но даже подвергались угрозе вымирания.

Многие описанные выше явления в жизни Абхазии последнего периода XIX века закономерно сопровождались ростом классового самосознания трудящихся. И самым замечательным здесь было зарождение движения рабочих, кадры которых по переписи 1897 года составляли (вместе с батраками и др.) свыше 12 тыс. человек⁴⁶¹ и формировались в силу отмеченных выше процессов социально-экономического развития⁴⁶². Следует подчеркнуть, что рабочее движение в Абхазии с самого начала имело интернациональный характер и было связано с борьбой рабочих Грузии и русских приморских городов. Таким образом, стремление царизма увековечить отсталость и темноту трудящихся края, попытка изоли-

⁴⁶¹ См.: Г. П. Лежав а. Из истории рабочего класса Абхазии. Тбилиси, 1978, с. 25.

⁴⁶² Не представляется возможным точно определить общее количество рабочих Абхазии конца XIX века ввиду их большой текучести (особенно портовых и коммунальных), а также отсутствия учета сельскохозяйственных (в том числе занятых в крупных имениях на побережье) рабочих.

ровать его от революционной борьбы вообще и, в частности, от общероссийского революционного движения не могли задержат ход исторического развития. В 1893 году на мелких лесопильных заводах Самурзаканской Абхазии произошло «брожение рабочих», событие, которое связывали с именем С. Норакидзе, убеждавшим людей «сделать то же, что уже делают рабочие в Потн и Батуме»⁴⁶³. Среди рабочих Абхазии в 80—90-х годах революционные идеи пролаганировал Миха Цхакая⁴⁶⁴.

Основной причиной классовой борьбы абхазского крестьянства в конце XIX века был земельный голод, на который оно было обречено реформой. Крестьяне созывали общинные сходы и обращались в правительственные органы с требованием разрешить им бесплатно пользоваться общинными угодьями и выделить землю в необходимом количестве. Учащаются захват помещичьих земель, самовольное расторжение кабальных арендных договоров, отказ от арендной платы и всевозможных денежных платежей (земские и мирские повинности). В таких случаях власти прибегали к экзекуциям⁴⁶⁵. В 1887 году крестьянин села Отхара Хонт Айба убил дворянина Блаб и ушел в абреки⁴⁶⁶. В начале 1893 года был убит лыхненский крестьянин Чичу Лакоба (отец Н. А. Лакоба), который «всю свою жизнь... провел в кровавой или, вернее, кровной борьбе с князьями и дворянами Абхазии»⁴⁶⁷. В 80—90-х годах крестьян Абхазии десятками отправляли в Сибирь «на вечное поселение» за «беспорядки» и «дурное поведение»⁴⁶⁸. Так, в июле 1898 года в Абхазии было отобрано оружие, а несколько «ненадежных людей выслано административным порядком»⁴⁶⁹. Этот «контингент» начинает постепенно расти и за счет рабочих.

Нарастание освободительной борьбы в Абхазии против царского самодержавия и местных имущих классов, связь этой борьбы с общероссийским демократическим и революционным движением обуславливало и развитие прогрессивно-демократической мысли.

⁴⁶³ ПИИАГ, ф. 37, л. 2367, лл. 209—223.

⁴⁶⁴ См.: Г. А. Дзидзария. В. И. Ленин и Абхазия. Сухуми, 1977, с. 27—28.

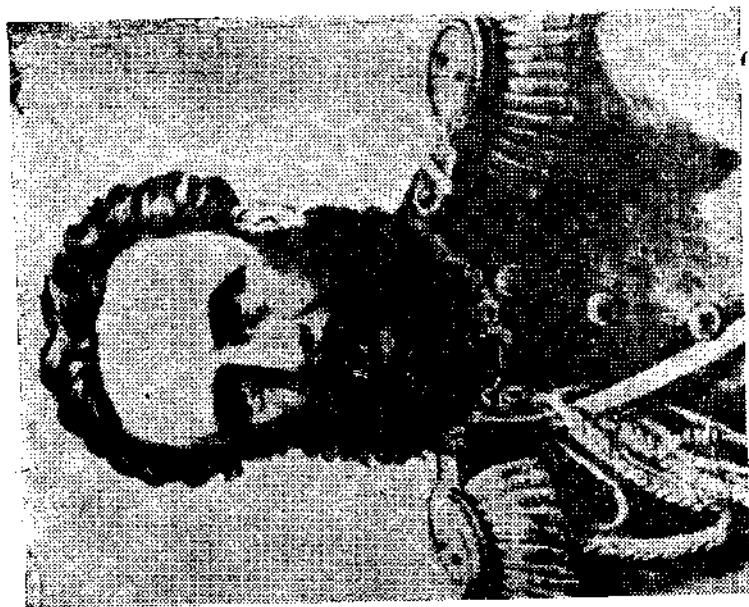
⁴⁶⁵ В. Д. Авидзба. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии, с. 19.

⁴⁶⁶ «Новое обозрение», 2.IV.1894, № 3525. О нем также см.: Р. Чанба. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тбилиси, 1977, с. 122.

⁴⁶⁷ ГА Грузфильнала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 34, оп. 5, л. 246, лл. 36—43. Краткая автобиография Н. А. Лакоба. 1922 г.

⁴⁶⁸ Л. М. Дзидзигури. Крестьянская реформа в Абхазии. Автореферат кандидатской диссертации, Сухуми, 1953, с. 25.

⁴⁶⁹ П. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Каванитский монастырь, с. 298.

П. К. Услар

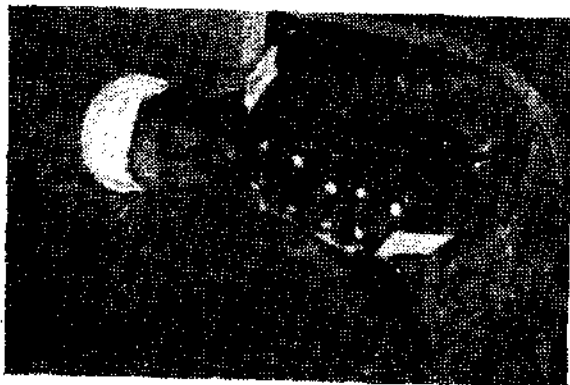
Слева направо: Г. Курчишвдзе, И. Гегна и С. Эшба

А. М. Эмхувари
(Эмхээ)

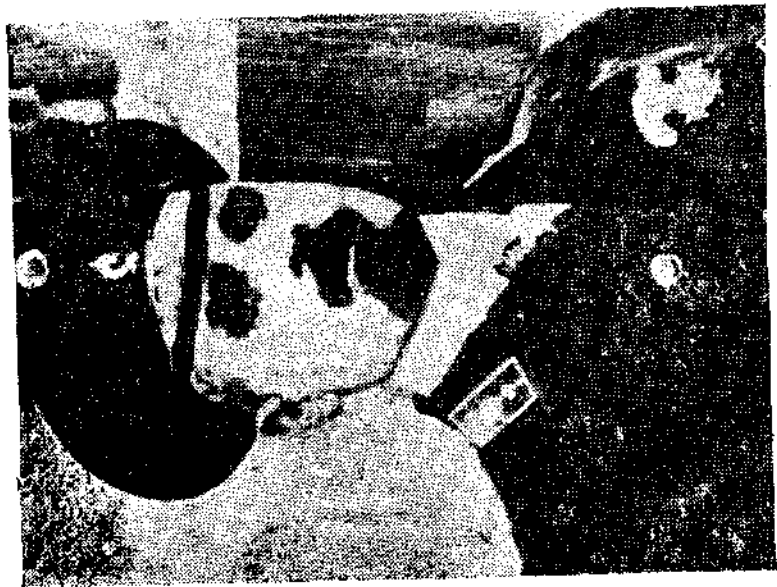
Д. Э. Чогуя

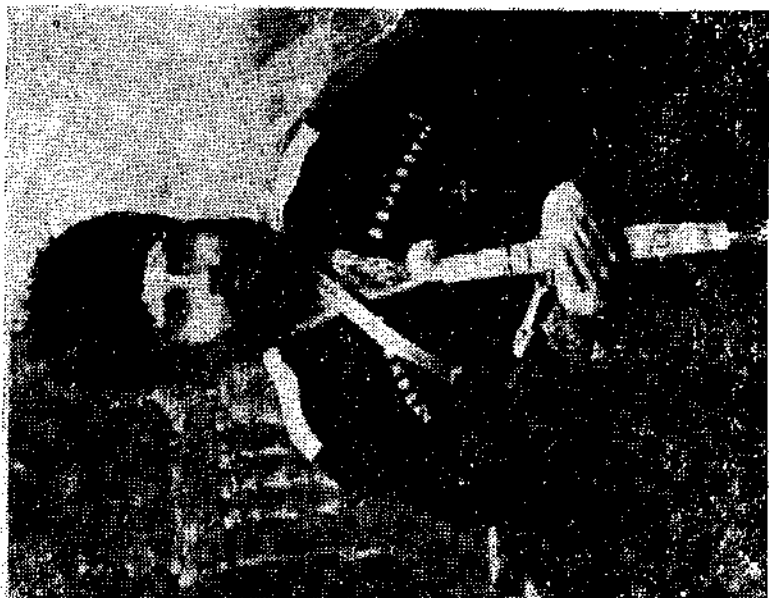
Г. М. Цервашидзе
(Чачба)

В. Д. Гарцилин

Ф. Х. Шибба

М. К. Марганя
(Мазан)

К. Д. Мачавариани

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБХАЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ БУРЖУАЗНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ РЕВОЛЮЦИЯМИ В РОССИИ

Наступил XX век — время глубоких перемен. Первые двадцать лет нового столетия занимают особое место в истории России вообще и в истории русской культуры, в частности. Стремительные темпы, характерные для экономической и общественной жизни страны в этот период, способствовали тому, что были достигнуты успехи в распространении просвещения и знаний, произошли положительные сдвиги в развитии общей культуры народа. В России, где капитализм вступил в высшую и последнюю стадию своего развития — империализм, оронь освободительного движения, достигшего своего высшего, пролетарского, этапа, разгорелся с невиданной силой и превратился в революционный пожар, уничтоживший самодержавие и капитализм, потрясший основы мировой империалистической системы и возвестивший начало эры социализма.¹

В жизни Абхазии самым значительным явлением в начале этой эпохи было создание в 1903 году социал-демократической организации под названием «Сухумской группы Батумского комитета РСДРП». Непосредственное участие в ее оформлении принял выдающийся грузинский революционер-ленинец Александр (Саша) Цулукидзе, который дважды приезжал в Сухум для лечения — в 1902 и 1903 годах. Он связал местных социал-демократов с Батумским комитетом. Цулукидзе сыграл большую роль в распространении революционной мысли в Абхазии.² Примечательно, что в это время в Батуме работали и абхазские революционеры Нико Кове и Басят Агрба — активные участники Батумской демонстрации, а первый из них (кстати, человек с некоторым образо-

¹ «Краткий очерк истории русской культуры». Л., 1967, с. 464, 472.

² «Революция 1905—1907 годов в национальных районах России». М., 1949, с. 498; Л. Э. Эбанойдзе. Александр Цулукидзе. Тбилиси, 1965, с. 48; Архив АИЯЛИ, ф. 1, л. 80, л. 131.

ваннен) являлся и членом Батумской организации РСДРП. Известна также роль Хашима Смырба — абхазского махаджира, в избушке которого в с. Махмудие (около Батума) И. В. Сталиным в 1902 году была организована подпольная типография.³ Вспоминая об этом периоде, старый Басят говорил: «Батумский ветерок пробудил нас, крестьян, и в Абхазии»⁴. С проникновением марксизма в историю Абхазии начинается новый этап в политической и духовной жизни.

В 1903 году в Сухуме имел место еще один факт, сыгравший существенную роль в сплочении местной интеллигенции и росте ее самосознания. В мае в Абхазию приехал Илья Чавчавадзе, который, как известно, давно проявлял живой интерес к этому краю, к его народу, к вопросам социально-экономического положения и культуры. Большое внимание уделял он, в частности, распространению просвещения в Абхазии, используя при этом, с одной стороны, прессу, а с другой — «Общество по распространению грамотности среди грузин». Чавчавадзе был хорошо осведомлен о положении дел в Абхазии по личным связям со многими ее деятелями и по тем обширным материалам о крае, которые систематически печатались на страницах тифлиских и других газет и журналов. Он присутствовал на открытии школы-интерната в Гаграх.⁵ Пребывание великого грузинского писателя в этом местечке оставило глубокое впечатление на все его население.

Возвращаясь из Гагр, в сопровождении А. Орбелиани и Д. Чолокашвили, И. Чавчавадзе 22 мая остановился в г. Сухуме. Представители местной абхазской и грузинской интеллигенции во главе с М. Н. Анчабадзе устроили ему теплую встречу. На торжественном обеде 24 мая в саду Александра Шервашидзе⁶, он выступил с речью, изложение которой было опубликовано в «Иверии» и «Цнобис пурцели». И. Чавчавадзе искренне поблагодарил сухумское общество за сердечный прием и пожелал ему больших успехов. По воспоминаниям известного общественного деятеля Тедо Сахokia, великий грузинский писатель с большим почтением и любовью приветствовал «созданную кистью художника» Абхазию и населяющий ее «прекрасный народ»⁷. Поэт призвал присут-

³ [Н. А. Л а к о б а]. Сталин и Хашим. Сухуми, 1934.

⁴ «Советская Абхазия», 9.III.1936.

⁵ Примечательно, что летом 1903 года в Гаграх побывал и Максим Горький. В это время великий писатель вместе с женой Е. М. Пешковой, К. П. Пятницким и А. А. Тихомировым путешествовал по Кавказу. В Абхазии, например, Горький плавал на пароходе «Батум» от Гагр до Сухума, переночевав в пути в Новом Афоне (См.: Е. Польская. Максим Горький на Черноморском побережье.—«Советская Абхазия», 7.VIII.1963).

⁶ Ныне улица И. Чавчавадзе, 10.

⁷ См.: В. ც ა ო შ ვ ი ლ ო. ილია შერვაშიძე. — «საბჭოთა ჟურნალი», 4.X.1957.

ствовавших к распространению просвещения среди родного народа, а также к бережному отношению к обгащенной кровью предков земле абхазской⁸. После банкета И. Чавчавадзе сфотографировался с представителями местной общественности. На этой встрече присутствовала также тифлисская драматическая группа, гастролировавшая в это время в Сухуме в составе: Васо Абашидзе, Нато Габуниа-Цагарели и др.

Эта встреча с Ильей Чавчавадзе была как бы и прощальной. Через несколько лет его не стало. С острой болью в сердце восприняло население Абхазии трагическую гибель поэта. Надпись на венке от сухумцев гласила: «В сердце каждого грузина ты памятник воздвиг нерукотворный».⁹ Участница встречи с И. Чавчавадзе в Сухуме Терезия Эмухвари свидетельствовала о том, как все жители Абхазии «сильно переживали коварное убийство этого великолепного человека».¹⁰

А за семь лет до этого абхазская общественность остро реагировала на смерть Георгия Церетели. Т. Сахокиа в «С.-Петербургских ведомостях» 1 июня 1900 года писал, что «сухумское общество также решило присоединиться к общегрузинской печали». По инициативе почитателей таланта писателя 19 февраля население города было приглашено в соборную церковь для присутствия на панихиде. Однако местная полиция «взглянула на отслужение панихиды покойному Церетели совсем иными глазами... Произведено было дознание, доискались до автора этой «демонстрации»... Обо всем донесено было по начальству». «Глубоко опечалены» были в Абхазии также смертью писателя Эгнате Ниношвили в 1894 году^{10*}.

В стране началась революция. События этого периода в Абхазии характеризовались большой активностью и многогранностью. Широко участвовали в них и представители местной демократической интеллигенции. Известный ученый В. В. Маркович писал, что в 1905 году в Сухуме «редко кто из интеллигенции не выступал на митингах».¹¹

Серго Орджоникидзе, который в это время вел в Абхазии кипучую революционную деятельность, придавал этому явлению исключительное значение. Он часто бывал в абхазских интеллигентных семьях, чтобы использовать их влияние в революционной борьбе, в установлении связей с нужными людьми. Есть сведения, что Г. К. Орджоникидзе дружил с Васи-

⁸ См.: «Джурнал», 4.VI.1903, № 118.

⁹ «Закавказье», 11(24).IX.1907.

¹⁰ Цит. по: «...», 1, 33, 53.

^{10*} См.: «...», 8 и 18.VI.1894, №№ 119 и 128.

¹¹ ЦГАА, ф. 9, д. 99, л. 8.

днем Хасая (1877—1938), который являлся его коллегой по Гудаутской лечебнице и однокашником по Тифлисской фельдшерской школе. Он «пользовался большой популярностью среди сельских жителей Абхазии. К нему приезжали из далеких горных сел» больные.¹² Большим влиянием пользоваясь и его отец, лыхненский крестьянин Титу Хасая, в доме которого Серго часто бывал. Кстати, Т. К. Хасая с 1894 по 1915 год являлся попечителем Лыхненской школы.¹³ Все это имело важное значение в общении Г. К. Орджоникидзе с местным абхазским населением.

Как рассказывала намного позже заслуженный библиотекарь Грузинской ССР М. С. Марпаниа, Серго в 1905 году неоднократно бывал в их семье в Гудаутах. Она была еще подростком и не понимала, что визиты фельдшера Орджоникидзе и его подпольная революционная работа тесно связаны между собой. Она не подозревала тогда, что не только медицинские рецепты и медикаменты, но и подпольную литературу и оружие оставлял Серго в их доме для хранения.¹⁴

Г. К. Орджоникидзе в 1905 году в Гудаутах, при сельской больнице, создал небольшую марксистскую библиотеку. Часть брошюр из этой библиотеки, в том числе несколько произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, сохранилась до настоящего времени и экспонируется в Абхазском государственном музее. Здесь имелись также большевистские газеты.¹⁵

¹² Там же, ф. 833, д. 26, л. 1. Е. Г. Хасая-Лебедева. Титу Хасая и его потомство.

¹³ Корреспондент газеты «Сухумский вестник» (I.XI.1916) в сообщении в связи с открытием высшей начальной школы в селе Лыхны передавал: «Я ждал, что после священника заговорят... дворяне, но они упорно молчали. Тогда начал говорить Титу Хасая. И какой жизнью, бодростью повеяло от слов этого необразованного, но умного и доброго старика, постоянного труженика на общественной ниве. Он сказал, что видит гордость своего народа и залог великого будущего его в молодежи». А вот как характеризовал З. Н. Бения Титу Хасая, в некрологе: «Неумолимая смерть вырвала, в его лице, из среды старых сторонников просвещения одного из лучших борцов за уничтожение безграмотности среди крестьян уезда и за уничтожение личного врага крестьянства. Титу Хасая, помимо того, что дал посильное образование поголовно всем своим детям (а их было у него восемь. — Г. Д.), помог также детям крестьян получать образование, прося и уговаривая несостоятельных родителей отпускать детей в школу... Титу Хасая вел борьбу против темноты и невежества, он вечно всюду хлопотал за процветание школ в деревнях. Покойный Титу Хасая был лучший оратор в уезде. Он всегда удачно охватывал в своих речах важнейшие моменты в жизни деревни, знал ее нужды и чаяния... Благодаря ратовавшему вечно о культуре Титу Хасая, многие из крестьянских ребят приобщили себя к грамоте и с успехом работают сейчас по строительству рабоче-крестьянской власти» («Трудовая Абхазия», 6.V.1926, № 99).

¹⁴ В. Долинов. Наш Серго. — «Советская Абхазия», 26.X.1966.

¹⁵ См.: Г. А. Дзидзария. Наш Серго. Сухуми, 1976, с. 9, 76—77.

Особенно интересны посещения Г. К. Орджоникидзе сулругов Елизаветы и Николая (Шабата) Губляя в Гудаутах. Не случайно впоследствии старые революционеры, боевые товарищи Орджоникидзе, называли Шабата Губляя членом своего «ружка»¹⁶. В доме Губляя Серго встречался и с известным нам уже народным поэтом Жана Ачба, творчество которого было обращено к широким народным массам и насыщено социальным содержанием.¹⁷ Здесь важно было и то, что Е. Д. Губляя-Лакербая являлась народной учительницей и пользовалась большим уважением среди своих коллег и населения.

Надо сказать, что в революционное движение в Абхазии были широко втянуты как учительство, так и учащаяся молодежь. Еще в начале 1905 года в реальном и городском училищах Сухума, в результате агитации социал-демократов, возникают ученические организации. В учебных заведениях организуются забастовки и политические демонстрации.¹⁸ Одно из таких выступлений в марте 1905 года повлекло за собой исключение из Сухумского городского училища 18 человек, в том числе Ивана Вардания, Ипполита Эмухвари и Льва Тиракьяна.¹⁹

В этих событиях участвовал и ученик Сухумской горской школы Ефрем Эшба, друживший с Ипполитом Эмухвари,²⁰ а его одноклассниками были Нестор Эмухвари, Алексей Агрба и Виссарион Маршания.²¹ Во всяком случае, события Первой русской революции в Сухуме во многом определили дальнейшую судьбу 12-летнего Е. Эшба, ставшего крупным революционным деятелем.

В Сухуме 7, 8 и 9 ноября 1905 года ученики реального и городского училищ снова провели митинги и демонстрации. Были привлечены также учащиеся горской школы, женской прогимназии, церковноприходской школы и приезжие. Эти волнения были отзвуком зверской расправы над учащимися 1-й Тифлисской гимназии, отказавшимися присоединиться к «патриотической» демонстрации по поводу манифеста 17 октября 1905 года. Сухумские учащиеся-демонстранты прошли по городу с пением революционных песен и траурными флагами. «Толпой руководила мать одного из местных агитаторов П. Кухалейшвили».²² Были и учителя, которые сочувст-

¹⁶ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 85, л. 2.

¹⁷ М. А. Лакербай. Очерки из истории абхазского театрального искусства. Сухуми, 1962, с. 23—24.

¹⁸ См., например: «Новое обозрение», Тифлис, 2.IV.1905, № 62.

¹⁹ ЦГАА, ф. 19, д. 21, лл. 103об—107об; ф. 840, оп. 2, л. 39, л. 2; «Кавказ», 10. III. 1905, № 65.

²⁰ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 186/114а, л. 27.

²¹ ЦГАА, ф. 27, л. 12, л. 28.

²² «Революция 1905—1907 гг. в Грузии». Сб. документов. Тбилиси, 1956, с. 436, 438—439, 526.

вовали или в какой-то степени участвовали в этих революционных событиях, например, А. М. Чочуа и другие²³.

Новороссийская газета «Новый черноморский голос» 27 мая 1907 года писала о забастовке учащихся Гудаутской второклассной учительской школы. Вообще в этом учебном заведении было «неспокойно» с самого начала революции. Его учащиеся принимали активное участие во всех политических манифестациях и митингах, устроенных в Гудаутах в 1905 году во главе с Серго Орджоникидзе. Учащиеся, выстроившись в колонну, под водительством старшеклассника Василия Агрба, пришли на городской митинг с перевернутым царским портретом. Они объявили забастовку и у себя в школе, где заперли учителей, отличавшихся своей реакционностью, а заведующего-священника блокировали в его квартире. Многие ученики были вооружены револьверами и шашками. Кроме того, группа старшеклассников (Василий Агрба, Мартын Тарнава, Алексей Чукбар, Максим Гобечия) пытались поднять на восстание крестьян соседнего села Лыхны. После поражения революции многие ученики, как наиболее активные участники событий, были исключены из школы без права поступления в другие учебные заведения.²⁴ А вот что писал учитель Гудаутской одноклассной школы А. Иванович 2 апреля 1905 года: «Последние школьные беспорядки деморализующим образом действовали и на моих учеников. При таком тревожном и напряженном положении, школьные занятия невозможно вести правильно и спокойно».²⁵

В 1905 году в Сухуме была сделана попытка создания учительской организации. С этой целью в осеннее время в здании городского училища было созвано собрание (конференция) учителей Абхазии. Делегаты имели суждение не только о повышении своего «скудного заработка», но и о «немедленной национализации» школ и изъятии из учебной программы закона божия. Вообще многие учителя давно вынашивали «идею реформ школьной схоластики». Для установления связи с возникшей в Кутаисе учительской организацией собрание решило делегировать туда своих представителей²⁶. Организатором этого собрания демократического учительства Абхазии, по сообщению его участника А. Г. Векуа, был Серго Орджоникидзе, который вообще «большое внимание обращал на политическое воспитание учителей».

²³ См.: А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 50, 53.

²⁴ Март Тарнава. 1905 год в Гудаутах. — «Трудовая Абхазия», 19.XII.1925; Е. Т. Хагба. Я слушал Серго Орджоникидзе. — «Бзыбь», 7.VII.1966.

²⁵ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 13, лл. 31—31 об. Журналы Сухумского епархиального училищного совета за 1905 год.

²⁶ ЦГАА, ф. Совпрофа Абхазии, д. 4, л. 51.

А в своем выступлении здесь Серго «разоблачил всю гни-лость и косность тогдашнего правительства»²⁷.

В Кодорском участке видным революционером был учи-тель Дмитрий Лукьянович Габуния (1883—1941), сын бедного абхазского крестьянина села Адзюбжа. После окончания Гудаутской двухклассной учительской школы, он ряд лет находился на преподавательской работе, отдавая все силы и знания делу просвещения родного народа. Д. Л. Габуния смело выступал против старой системы обу-чения в школах, ратовал за бесплатное обучение детей не-мущих классов, за строительство школьных зданий и улуч-шение материального положения учителей. В этих начинани-ях молодой учитель получал негласную поддержку инспек-тора народных училищ Кутаисской губернии А. Измайлова. Ему сподобовались также авторитетные односельчане Екул Делба, Кан Цагурия, Алексей Джанашия и др. Но пред-ставители духовенства вели против Габуния настоящую травлю, он неоднократно подвергался репрессиям, лишался преподавательских прав и т. д.

В 1905 году Д. Л. Габуния сразу примкнул к революцион-ному движению. При содействии известных большевиков Л. И. Готошия и С. И. Кухалейшвили в селе Адзюбжа он создал пропагандистскую группу (Федор Джанашия, Кягва Дарсалия и др.), которая проводила работу среди трудового крестьянства и была связана с социал-демократической ор-ганизацией рабочих Кодорского лесопильного завода. За ак-тивную революционную деятельность члены пропагандистской группы были арестованы. В период реакции и в годы револю-ционного подъема Д. Л. Габуния продолжал вести активную работу, а в 1913 году он вступил в Коммунистическую пар-тию²⁸.

В Самурзаканском участке, где царская администрация была фактически устранена от власти, руководящую роль играл Платон Бахович Эмухвари, бывший до этого учителем Окумской школы.²⁹ В частности, он командовал боевой дру-жиной — «красной сотней». В официальных документах тех лет П. Б. Эмухвари также именуется «главным агитатором» и т. д.³⁰ В боевой схватке в районе села Окум он по-лучил пять ранений. В протоколе допроса по обвинению П. Б. Эмухвари читаем: «Не вижу нужды отрицать, что я приверженец социал-демократического учения... Подвергал осуждению действия многих личностей из самурзаканцев, ко-торые, живя в довольстве, не только не заботились о нуж-

²⁷ Там же, ф. 833, л. 29, л. 51.

²⁸ ЛА АО КП Грузия, ф. 1, оп. 2, л. 68, лл. 251—252.

²⁹ Архив АИЯЛИ, ф. 1, л. 161, л. 5. Воспоминания В. Г. Кавжарадзе.

³⁰ См. там же, лл. 14—152. Документы ЦГИАГ.

дающей массе, но сплошь и рядом, пользуясь ее невежеством, угнетали ее; подчас порицал я и местное административное начальство»³¹. Сам П. Б. Эмухвари, «будучи помещиком, еще до 1905 года отдал все свое имение на нужды революционных организаций».³² По приговору особого присутствия Тифлисской судебной палаты от 28 апреля 1908 года было определено: «Подсудимого Платона Эмухвари, 38 лет..., по лишении прав состояния, сослать в каторгу...»³³ — на 4 года.³⁴ Вместе с ним были сосланы в Сибирь учитель В. Г. Кавжарадзе и крестьянин Е. Т. Гулуа. В начале февраля 1915 года П. Б. Эмухвари, в связи с войной, вновь был выслан из пределов Кавказа.³⁵ Только после Февральской революции 1917 года он вернулся на родину, тяжело больным и надломленным. В своем заявлении от 14 сентября 1920 года П. Б. Эмухвари писал: «За борьбу в интересах народа против царского режима мне пришлось провести в заключении несколько лет, вследствие чего было полное расстройство моего здоровья. За то же время исчезло и все мое имущественное достояние», в результате чего оказался «в бедственном материальном положении».³⁶

Боевой товарищ П. Б. Эмухвари Е. Т. Гулуа в двадцатую годовщину Первой русской революции писал: «Платон Эмухвари был выдающимся революционером... Все свои силы он отдавал революционной работе среди рабочих и крестьян, не жалея ни сил, ни здоровья».³⁷ А старый коммунист Д. Г. Торрия подчеркивал, что П. Б. Эмухвари «умер... большевиком при Советской власти».³⁸

В революционной борьбе трудящихся Абхазии принимали участие и другие сельские учителя. Некоторые из них прибегали к такой пассивной форме протеста, как прекращение занятий или закрытие школ, а иные просто удалялись в другие места. Так, в кварчельской школе с 1 сентября 1905 года занятия прекратились ввиду того, что учительница Е. Какалия «оставила школу», а родители отказались пускать детей.³⁹ Учитель Лыхненской церковноприходской школы Яблонский с семьей «прибежал» в Гудауты «вследст-

³¹ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 161, лл. 136—137. Документы ЦГИАГ.

³² Е. Гулуа. Самурзаканская республика (1905 год в Самурзаканском уезде). — «Трудовая Абхазия», 25.XII.1925 г., № 292.

³³ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 161, л. 29. Документы ЦГИАГ.

³⁴ «Черноморское побережье», 7.V.1908, № 225.

³⁵ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 31, лл. 6 об.—7.

³⁶ ЦГАА, ф. 339, л. 19, л. 209.

³⁷ Е. Гулуа. Указ. статья.

³⁸ Д. Торрия. 1905 год в Гальском уезде. — «Трудовая Абхазия», 23.XII.1925, № 292.

³⁹ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 13, л. 10 об. Журналы Сухумского епархиального училищного совета за 1905 год.

вне беспорядков» в этом селе.⁴⁰ «Натянутые отношения общества к школе» сложились в селах Поквеш и Акваскиа. И чтобы «успокоить членов общества и учащихся» учитель Поквешской школы П. Г. Чарая говорил им, что «с наступлением нового учебного года школьное дело будет устроено в смысле справедливых желаний общества»⁴¹. Оказавшийся же шпионом учитель Хорава был убит в Очемчирах.⁴² Вероятно, по этой же причине было совершено покушение и на учителя Гальской второклассной школы И. П. Яценко.⁴³

Известен интересный факт, связанный уже с именем народного учителя Д. И. Гулиа. Весной 1904 года в Кавказском землячестве в Петербурге, объединявшем революционно настроенных студентов-кавказцев различных высших учебных заведений столицы, родилась идея о подготовке и выпуске революционных листовок на грузинском, армянском и азербайджанском языках. В начале Первой русской революции приступили к осуществлению этого плана. Часть листовок печаталась в Петербурге, тексты других для печатания пересылались в Тифлис, Баку, Кутаис. Большевичка Л. Н. Воронова («Тамара»), долгое время жившая в Абхазии и хорошо знавшая местные условия, поставила вопрос о подготовке текстов революционных листовок также по абхазской проблематике, с последующей публикацией их на абхазском языке. В связи с этим Людмила Николаевна обратилась к своей матери А. К. Вороновой в Цебельду, где находилось имение Вороновых, известное под названием «Ясочка». В ответном письме от 1 мая 1905 года говорилось: «...Я рассчитываю познакомиться тебя в Сухуме с одним интеллигентным абхазцем (Дмитрием Гулиа), который мог бы быть тебе полезен для доставления материалов по истории Абхазии, легенд абхазских; он очень любознательный человек, много читает. Его материалом можно было бы воспользоваться, а, главное, он мог бы достать его подходящим путем, потому что сам — человек настолько развитой, что сообразил бы как, какой и каким путем можно добыть его...».⁴⁴

Письмо носит конспиративный характер, поэтому и содержит полускрытые намеки на то, что Д. И. Гулиа мог бы посылать в Петербург и данные о положении в абхазской деревне, о революционном движении среди населения края, репрессиях местных властей. Именно эти сведения и необходимы были для составления текстов нелегальных большевистских листовок. К сожалению, пока трудно сказать, удалось ли пе-

⁴⁰ Там же, л. 40.

⁴¹ Там же, л. 91об.

⁴² «Революция 1905—1907 гг. в Грузии», Сб. документов, с. 164, № 76.

⁴³ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, л. 13, л. 11. Журналы Сухумского епархиального училищного совета за 1905 год.

⁴⁴ Цит. по: И. П. Лейберов. Цебельдинская находка. Л., 1976, с. 193.

тербургским большевикам привлечь к составлению подпольных листовок на абхазском языке Д. И. Гулиа⁴⁵.

Семья Вороновых была в близких отношениях также со многими другими видными представителями местной интеллигенции — П. Ф. Лопатыным, В. В. Марковичем, В. Э. Окороковой, М. Л. Томара, а несколько позже и А. М. Чочуа. Такие отношения у них сложились, кроме того, с профессором А. А. Остроумовым и академиком Н. Я. Марром. Цебельдинская усадьба Вороновых вообще на протяжении всего своего существования продолжала оставаться притягательным местом для деятелей науки и культуры. Здесь побывали сотни ученых, художников, писателей, врачей, военных и др.⁴⁶

Интересно при этом, что хозяйка «Ясочки» А. К. Воронова-Прогоульбицкая (1848—1926) — внучка декабриста, дочь польского повстанца, жена вольнодумца и мать четырех детей, связавших свою судьбу с русской революцией, 4 ноября 1904 года на страницах газеты «Черноморское побережье» она опубликовала статью под названием «За что был сослан Н. Г. Чернышевский?». Открыто и смело выражала Воронова свое мнение о расправе царизма над великим русским демократом и его сторонниками. Она писала: «...Но наступит же час, придет время, когда... поймет страна, какой огромный урон понесла в своем развитии, сковывая уста тем, кто душу живую, сердце горячее, мысль вдумчивую и светлую нес на алтарь бесконечно любимой родине. Поймет страна и, горьким опытом наученная, будет бережно лелеять все, что в сердце ее появится сильного духом, могучего мыслью, ищущего правду. Поймет — и мученикам своим воздвигнет памятник, ими же будет гордиться народ».

Особо следует отметить, что в годы Первой русской революции и реакции цебельдинское имение Вороновых становится своеобразным почтовым ящиком и конспиративным домом отдыха революционеров. В библиотеке Вороновых до настоящего времени сохранилась подшивка номеров ленинской «Искры», а также «Капитал» К. Маркса (1898), прижизненные издания брошюр В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, В. Либкнехта, большевистские листовки, подпольные издания. За период с 1902 по 1921 год в «Ясочке» скрывались, лечились и отдыхали до 100 революционеров-большевиков, рабочих и студентов, в том числе М. И. Васильев-Южин, Е. Д. Стасова, П. А. Джапаридзе, Т. Р. Мясоедов, а впоследствии —

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ И. Лейберов. Еще одна страница истории. — «Советская Абхазия», 10.VI.1975.

Н. А. Лакоба, В. К. Ладария⁴⁷. Душой всего этого дела была Людмила Николаевна Воронова (1879—1967) — член лекин-ской партии с 1903 года, разъездной агент большевистского центра в 1903—1907 годах, педагог⁴⁸.

Заслуживает упоминания и фельдшер Никанор Алексеевич Гойден. Приехал он в Абхазию из Краснодара в 1900 году; жил в селе Адзюбжа и работал на Кодорском лесопильном заводе Максимова. Человек он был образованный и гуман-ный, сочувственно относился к революционному настроению рабочих завода. Пользовался большим уважением и среди крестьянского населения. К нему приходили из разных сел, и Гойден выезжал в отдаленные места для оказания медицин-ской помощи. Людей бедных обслуживал он совершенно бес-платно⁴⁹. Умер Н. А. Гойден в 1907 году и похоронили его с большими почестями в с. Адзюбжа⁵⁰.

В Абхазии в период революции 1905—1907 годов жили и другие интеллигенты, деятельность которых была хорошо известна как в народе, так и властям. Например, В. Рез-ников, о котором говорилось выше, слыл как «один из ярких революционеров» и, как сообщает отставной генерал-майор П. Л. Шервашидзе⁵¹, вместе со своими единомышлен-

⁴⁷ В. К. Ладария (1900—1937) — участник борьбы за Советскую власть, видный партийный и государственный деятель Советской Абхазии. Он являлся крестником брата А. К. Вороновой, полковника В. К. Прогуль-видкого, с помощью которого в 1911 году поступил в военное училище в Тифлисе. Неоднократно в летние каникулы Ладария бывал в «Ясочке», где находился в кругу петербургских большевиков: Л. Н. Вороновой, ее мужа Т. Р. Мясоедова и их друзей, читал революционную литературу и т. д. Одним словом, вороновская «Ясочка» стала его первым «революци-онным университетом» (И. П. Лейберов. Цебельнская находка с. 205).

⁴⁸ И. П. Лейберов. Цебельнская находка. — «Наука и жизнь», 1973, № 11, с. 27—30.

⁴⁹ Архив АИЯ.ИИ, ф. 2, л. 119, лл. 38, 40—41.

⁵⁰ На старшей дочери Н. А. Гойдена, Елене Никаноровне, впоследст-вии был женат С. Я. Чаоба. Окончив Адзюбжинскую школу, а затем и Сухумскую женскую гимназию, Е. Н. Гойден начала учительствовать в с. Адзюбжа; при этом она изучила абхазский язык в совершенстве.

⁵¹ Прокопий Леванович (Бегович) Шервашидзе, правник и владельца Абхазии Келешбаш Шервашидзе и брат полковника С. Л. Шервашидзе, в 1845 году был отдан в Кадетский корпус, где находился до 1855 года и был выпущен прапорщиком. В 1856 году он был ротмистром Кутаисско-го конно-иррегулярного полка (ЦИИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 96—100). В 1894—1895 годах П. Л. Шервашидзе — подполковник, зав. практическими занятиями Михайловской крепостной артиллерии в Батуме (КК на 1895 и 1896 гг., с. 378 и 398), а в 1896—1900 годах — полковник и командир 2-го крепостного батальона Михайловской крепостной артиллерии, член Ба-тумской городской думы (КК на 1896, 1898 и 1901 гг., с. 133, 446 и 496). Ему было отведено 2 000 дес. земли с 13 версты от Сухума и в селе Анухва (К. Д. Мачаваляни. Описательный путеводитель., с. 114). Дослужился он до чина генерал-майора. Уволился в 1900 году, прослу-жив более 40 лет (ЦГВИА, ф. 400, оп. 197, д. 260, лл. 7—8). П. Л. Шер-вашидзе как «беспартийный правый» депутат от Сухумского окру-га и Батумской области попал в I Государственную думу; забаллотирован-

никами стремился «поднять население на беспорядки». А заведующий Сухумской опытной станцией и председатель «Сухумского общества сельского хозяйства» В. В. Маркович в «Списке политически неблагонадежных» Кутаисской губернии (1906 год) проходил под номером 82. В его квартире устраивались «тайные заседания под видом собраний сельскохозяйственного общества, где обсуждались политические вопросы и откуда происходило руководство всеми революционными явлениями в Сухуме, как, например: митингами, политическими забастовками и проч.»⁵². В. В. Маркович у себя на станции, в условиях, «когда весь Кавказ был объят революцией», официально разрешил рабочим праздновать 1 Мая; выступал с критикой царского «Манифеста 17 октября» и требованием созыва Учредительного собрания⁵³. В указанном выше списке напротив фамилии Марковича говорится: «На пять лет в Тобольскую губ.», а несколько ниже: «Переселить в одну из захолустных местностей Закавказья»⁵⁴. В конце концов, как видно, ему «простили» тогда.

Вообще вокруг «Сухумского общества сельского хозяйства», которое в это время объединяло до 200 человек, группировалась местная дворянско-буржуазная интеллигенция. Используя революционные выступления народных масс, сухумские либералы надеялись мирным путем получить от самодержавия некоторые уступки. Основным их требованием было звание земства на Кавказе. Затем «оппозиционная» буржуазия позволяет себе выдвинуть требование некоторых государственных преобразований. С другой стороны, большинство этих либералов стремится к тесному сотрудничеству с царской администрацией⁵⁵.

Иной характер носили требования народа к властям, которые были приняты в Сухуме на одном из митингов в ноябре

ный во время выборов во II Государственную думу, он был опять избран («Революция 1905—1907 годов в национальных районах России», с. 514—515). Есть сведения, что П. Л. Шервашидзе был обладателем богатой библиотеки, судьба которой до сих пор вызывает интерес. Речь идет о вывезенной в свое время из Абхазии в Ростовский-на-Дону музей народов Северного Кавказа «большой и ценной библиотеке кн. Шервашидзе». В 1926 году нарком просвещения Абхазии А. М. Чочуа писал в Главное управление по делам музеев при Наркомпросе РСФСР о возвращении этой библиотеки в Абхазию и передаче ее библиотеке Абхазского научного общества (А. М. Чочуа. *Собрание сочинений*, т. 3, Сухуми, 1976, с. 287).

⁵² ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 96—100; ф. 13, оп. 26, д. 6, л. 114об.

⁵³ ЦГАА, ф. 9, д. 99, лл. 35б.—4. 8; Л. Пришкер. *Ученый патриот*. — «Советская Абхазия», 4.X.1973.

⁵⁴ ЦГИАГ, ф. 83, оп. 1, д. 383, л. 24.

⁵⁵ А. Н. Мелихов. *Абхазия в годы Первой русской революции*. — В сб.: «Из истории революционных событий в Абхазии в 1905—1907 гг.», Сухуми, 1955, с. 32—33.

1905 года⁵⁶. Хотя в целом эти требования, изложенные в 17 пунктах, имели мелкобуржуазное содержание, но были и пункты, которые выражали подлинные интересы и национальные чаяния абхазского народа. Так, во втором пункте говорилось: «Запретить административным чиновникам называть абхазское население (устно и письменно) оскорбительным и незаслуженным названием: «виновное население». В 17 пункте выдвигалось требование о предоставлении права коренному населению занимать должности во всех учреждениях Абхазии. А в четвертом пункте требовалось разрешение вернуться на родину абхамам, насильственно угнанным в султанскую Турцию во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, и возвращение им их земель⁵⁷.

Представляют интерес личности М. М. Ходжа-ипа и И. С. Мушба как с точки зрения участия представителей абхазской демократической интеллигенции в событиях революции 1905—1907 годов, так и с точки зрения зарождения абхазской технической интеллигенции.

М. М. Ходжа-ипа (1883—1964) родился в селе Лыхны Гудаутского участка, в бедной крестьянской семье. После нескольких лет учебы в родном селе и в Гудаутской второклассной школе, М. М. Ходжа-ипа в 1901 году уехал на Северный Кавказ и начал трудиться на Владикавказской железной дороге (депо Котельниковское и Кавказское). Сначала он работал слесарем, затем, в результате упорного труда по повышению своего общего и технического образования, он стал квалифицированным машинистом пассажирских и коммерческих поездов. В 1905 году М. М. Ходжа-ипа состоял в железнодорожной дружине, принимал активное участие в забастовках и долго числился у жандармерии как «политически неблагонадежный». В период гражданской войны в России Михаил Михайлович водил красные бронепоезда, сражался на Кубани и в Дагестане, был красным партизаном. Вернулся М. М. Ходжа-ипа в Абхазию в 1921 году, после установления Советской власти в крае⁵⁸.

И. С. Мушба (1879—1942) родился в селе Абгархук Гудаутского участка. Рано лишившись родителей, он воспитывался у своего дяди в селе Лыхны. Начальное образование получил в церковноприходской школе при Новоафонском монастыре, а затем окончил Гудаутскую второклассную учительскую школу. Вскоре Мушба выехал на Северный Кавказ, где одновременно работал конторщиком, слесарем, помощником машиниста на паровозах (депо Кавказское, Дербентское, Котельниковское). Здесь Иван Семенович принимал активное

⁵⁶ Они были опубликованы в газете грузинских социал-федералистов «*ბრძოლა თავისუფლებისათვის*», (19.XI.1905).

⁵⁷ См.: А. Н. Мелихов. Указ. соч., с. 61.

⁵⁸ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 274, лл. 1—2: „Альсы Капшы“, 25.VII.1964.

участие в революционных событиях 1905 года. Он участвовал, например, в забастовках железнодорожников, боролся в составе рабочей дружины против черносотенцев. В 1910 году И. С. Мушба вернулся на родину, где в 1914—1918 годах работал агроинспектором по Гудаутскому участку⁵⁹.

Одним из замечательных деятелей рассматриваемого периода был Григорий Мелитонович Эмухвари (1887—1908). Родился он в селе Окум Самурзаканского участка в патриархальной абхазской княжеской семье⁶⁰. Григорий учился сначала в 1-й Тифлисской гимназии, а затем окончил Ставропольскую гимназию и поступил в Петербургский университет. В столице молодой Эмухвари (Эмхаа) сразу включается в революционную жизнь. За участие в событиях революции 1905—1907 годов он был исключен из учебного заведения.

В 1908 году Григорий Эмухвари уезжает в Иран (Персию), который, как и другие страны Востока, в это время под влиянием Первой русской революции был охвачен революционно-освободительной борьбой. В Иран поехали тогда многие революционеры Закавказья, в том числе Грузии. Вообще закавказские большевики по указанию В. И. Ленина оказали значительную помощь революционерам этой страны⁶¹. Сыны народов Закавказья самоотверженно сражались в рядах иранских борцов. Известна роль Серго Орджоникидзе в Иранской революции 1905—1911 годов.

Г. М. Эмухвари в возрасте 21 года пал смертью храбрых в числе других отважных бойцов (Вл. Думбадзе, Сандро Вешакури...) в битве за Тавриз. Похоронили его с большими почестями, под звуки «Марсельезы» и возгласы революционных лозунгов. Сохранилась фотография, на которой запечатлен Г. М. Эмухвари в зроби. Над сраженным бойцом стоят, сурово склонив головы, народный вождь Иранской революции Саттар-хан и его боевые соратники. Это был тот Саттар-хан, за голову которого шах Ирана обещал 100 тысяч рублей⁶². В. И. Ленин назвал его «вождем революционного персидского войска»⁶³. На гибель Эмухвари отозвалась и иранская прогрессивная пресса.

⁵⁹ В годы гражданской войны М. С. Мушба состоял в революционной крестьянской дружинке «Кнарз». Одно время являлся председателем земельной управы Гудаутского уезда («Борцы за Советскую власть в Абхазии». Сухуми, 1965, с. 179; ЦГАА, ф. 65, д. 197, лл. 2—4).

⁶⁰ Об его отце, М. Б. (И.) Эмухвари, см. на с. 200.

⁶¹ Об этом см.: Г. С. Арутюнян. Иранская революция 1905—1907 гг. и большевики Закавказья. Ереван, 1956.

⁶² В. Триа. Кавказские социал-демократы в Персидской революции. Париж, 1910; Е. Бор-Раминский. К вопросу о роли большевиков Закавказья в Иранской революции 1905—1911 годов. — «Историк-марксист», 1940, № 1, с. 96; ა. კვლევები და კვლევები, თბ., 1975, გვ. 77-78; კვლევები და კვლევები ფიქციონი ვიბო, თბ., 1973, გვ. 416-420; ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 4425, л. 10.

⁶³ В. И. Ленин. События на Балканах и в Персии. — ПСС, т. 17, с. 227.

В этот период начинает свою революционную деятельность и Семен Михайлович Ашхацава (1886—1937). Родился он в селе Лыхны Гудаутского участка; он рано лишился отца, детство его прошло в условиях крайней нужды. В 13 лет Ашхацава поступает в Новоафонскую церковноприходскую школу, а затем — в Ардонскую духовную семинарию. «Первая волна революции захватила учащихся... семинарии». Семен был избран председателем ученического комитета, за что вместе с некоторыми другими учениками в 1905 году его исключили из учебного заведения и арестовали. Ашхацава подвергался арестам также в 1910 и 1911 годах. Затем, в 1914 и 1915 годах, он учился в Московском археологическом институте⁶⁴.

Другими средствами верно служил народному делу А. К. Шервашидзе. В 1904—1906 годах он находился в Париже, куда выехал с племянником, Георгием Владимировичем Шервашидзе⁶⁵. Будучи членом обществ «Русский артистический кружок» и «Монпарнас», А. К. Шервашидзе участвовал в выставках, выступал в петербургских журналах и газетах с обзорными и критическими статьями о художественной жизни столицы Франции, о выставках там русских художников, с исследованиями по французской живописи⁶⁶. Его взгляды о реализме были четки и ясны. В работе «Индивидуализм и традиция» художник выступает против тех, кто отрицал роль общества в развитии культуры и искусства⁶⁷. «Только то искусство живет, которое родилось от жизни». Таков был его девиз. В 1906 году А. К. Шервашидзе возвращается в Россию. Он становится художником-декоратором петербургских театров (1906—1918 гг.)⁶⁸. Начинается самый значительный период в его личной и творческой жизни. А. К. Шервашидзе находился в рядах тех художников, которые, не поддаваясь панике в годы реакции, творили великолепные произведения, служили передовой русской культуре⁶⁹. В 1907 году, в самый разгар реакции, когда значительная часть либеральной интеллигенции отходит от политической жизни,

⁶⁴ ЦГАА, ф. 11, д. 44, л. 178; ф. 85, д. 11, лл. 6—6об.

⁶⁵ В Париже А. К. Шервашидзе 29 мая 1905 года венчался с Екатериной Васильевной Падаяка, дочерью русского дворянина (ЦГАА, ф. 60, д. 113, лл. 1—4).

⁶⁶ А. К. Шервашидзе известен и как критик и историк изобразительного искусства. Его многочисленные статьи и исследования в этой области («Французская живопись на протяжении 100 лет», «Великий русский скульптор Антокольский», «Осенний салон» и др.) представляют большой интерес.

⁶⁷ См.: журн. «Золотое руно». М., 1906, № 6, с. 70.

⁶⁸ А. К. Шервашидзе много лет работал в Мариинском театре и постановщиком-художником «Старинного театра», в которых оформил спектакли «Фауст», «Гамлет», «Талисман», «Завтрак у предводителя» и др.

⁶⁹ Б. М. Аджинджал. Художник А. Ч. Чачба (Шервашидзе). — «Материалы по археологии и искусству Абхазии». Сухуми, 1974, с. 86.

А. К. Шервашидзе писал: «Только новые формы общественной жизни могут выявить новые формы искусства. Искусство будет достоянием улицы, толпы, «черни», первого встречного, перестанет быть забавой избалованных и изнеженных людей, для которых таланта нет, если за ним или перед ним не шествует мода»⁷⁰.

Это было смело. Так мог писать только истинный борец. В связи с выставкой произведений русских художников в Одессе в 1909 году Л. Камышников в столичном журнале «Аполлон» (№ 3, с. 19) писал: «Та реформа декоративного искусства, которую произвели работы трех лучших декораторов нашего времени К. Коровина, А. Головина и кн. Шервашидзе, вызывает вполне современную потребность в ознакомлении провинции с работами хотя бы одного из этих выдающихся деятелей современной сцены»⁷¹. А о декорациях и костюмах А. К. Шервашидзе к спектаклю Э. Хардта «Шут Тантрис», поставленному в Александринском театре 3 марта 1910 года известным режиссером В. Э. Мейерхольдом, в журнале «Театр и искусство» (1910, № 12, с. 256) отмечалось: «В общем получилось нечто цельное и интересное, главным образом благодаря художнику князю Шервашидзе... Волей-неволей художник в этой постановке выдвигается на первый план».

В 1912 году А. К. Шервашидзе, художник-декоратор театров Петербурга, был награжден медалью, учрежденной в память Отечественной войны 1812 года⁷². В 1913 году он был избран членом общества «Мир искусства» от Петербурга. В начале 1914 года Шервашидзе пожертвовал две свои картины Киевскому музею, за что Комитет музея на заседании 20 февраля выразил ему благодарность, а 24 февраля того же года Вятский художественный кружок благодарил его за эскиз декорации к опере «Миранда», два рисунка старых мастеров и девять гравюр, отданных им Вятскому художественно-историческому музею. 31 декабря 1914 года А. К. Шервашидзе была выражена «глубокая признательность» устроителями I-й выставки картин и рисунков художников в г. Пскове за участие в работе этой выставки⁷³.

В 1913 году А. К. Шервашидзе обращался к Николаю II с письмом и объяснительной запиской к нему, в которых просил о даровании ему и его брату Владимиру доли из земельного имущества отца. Имя это, писал он, «составляет часть

⁷⁰ Цит. по: О. Пиралишвили. С Родиной в сердце. — «Заря Востока», 10.V.1965.

⁷¹ Цит. по: Б. М. Аджинджал. Художник А. К. Чачба (Шервашидзе), с. 87.

⁷² ЦГАА, ф. 60, д. 115, л. 1.

⁷³ Там же, д. 114, лл. 1—6.

общего родового имения⁷⁴, и было отобрано в ведение казны в 1873 году. Оставшись малолетними после смерти отца, я и брат мой не имели заступников... и в то время как старшие годами близкие родственники наши получили наделы земель в Абхазии, ни отец наш, ни мы оных не получили. Стесненное материальное положение дает мне право просить... о... даровании нам устроить жизнь...»⁷⁵. В докладной записке содержатся такие конкретные факты: взамен утраченных денежных (а не земельных) выгод была пожалована «потомственная пенсия» членам семьи М. Г. Шервашидзе в общем размере 34 000 руб. сер. и сверх того двоюродному племяннику его Г. Д. Шервашидзе — 6 000 руб. сер. Площадь родового имения семьи М. Г. Шервашидзе составляла (не полностью) 283 806 дес. Все члены рода Шервашидзе, в том числе боковые линии, в разное время получили земельные наделы «монаршей милостью»: Георгий Дмитриевич — 6 000 дес., Григорий — 4 000, Прокопий и Самсон — 4 125, Георгий и Михаил (сыновья владетеля) — 17 000 дес. «лучшей земли». Кроме того, многие получили «усиленные пенсии» в виде аренд. Только Александр и Владимир не получили ни земли, ни «усиленной пенсии»⁷⁶, хотя их отцу, Константину Георгиевичу, соображаясь с его пенсией, составлявшей 1/6 часть «родовой пенсии», положено было из общего владения около 48 000 дес. земли⁷⁷.

Императорского «соизволения на удовлетворение изложенных ходатайств Ваших не последовало». Таков был ответ, полученный А. К. Шервашидзе 13 марта 1914 года от главноуправляющего канцелярией Николая II по принятию прошения⁷⁸.

А. К. Шервашидзе находился в большой дружбе с писателем Г. М. Шервашидзе, своим двоюродным братом. Они встречались в Петербурге и в родной Абхазии, систематически переписывались, находясь в разлуке.

Если А. К. Шервашидзе был борцом за народные интересы в области искусства, то его младший брат В. К. Чачба (Шервашидзе) (1879—1937) являлся солдатом революции в самом непосредственном смысле слова. Оба брата, как сы-

⁷⁴ После смерти Георгия (Сафарбея) Шервашидзе «родовое имение» владетельных князей составляло «нераздельную собственность» трех братьев — Михаила, Константина и Александра.

⁷⁵ ЦГАА, ф. 60, д. 116, л. 5.

⁷⁶ Как отмечалось выше, в вознаграждение за принятие «родового имения» Шервашидзе в казну Константину Георгиевичу была назначена «потомственная пенсия» в размере 5 000 руб. или 100 000 пенсионного капитала, которая духовным завещанием К. Г. Шервашидзе была разделена между Александром и Владимиром — по 1 250 руб. в год (ЦГАА, ф. 60, д. 112, л. 55).

⁷⁷ Там же, д. 116, лл. 6—6об.

⁷⁸ Там же, л. 1.

новья опального Константина Шервашидзе (Чачба), росли вдали от семьи, в большой нужде. Младшему было 10 лет, когда умер их отец.

Родился В. К. Чачба в с. Лыхны, воспитывался в семье священника А. П. Левитского в г. Ярославле. В 1884 году он стал своекоштным воспитанником 4-го Московского кадетского корпуса, а затем был определен в Ярославскую военную школу, в которой в 1890 году окончил «курсы наук». Затем, в 1890—1895 годах, он проходил военную службу в 59-м пехотном Любленском (Одесса), 137-м пехотном Нежинском (Ярославль), 2-м гренадерском Фанарасийском и 129-м пехотном Бессарабском полках. В 1896 году Чачба был командирован в Чугуевское пехотное юнкерское училище (юнкер), в 1898 году переведен в Ромненский резервный батальон, в 1899 году — в 3-й Брест-Литовский крепостной батальон, в апреле 1905 года — в Сибирский иркутский полк. В 1892 году он произведен в младшие унтер-офицеры, а в 1898 году — в подпоручики⁷⁹.

В эти же годы В. К. Чачба поступает на юридический факультет Киевского университета. Пользуясь богатой библиотеккой А. П. Левитского, он рано увлекся философией, историей и литературой. Однако в 1896 году В. К. Чачба был исключен из учебного заведения в связи со студенческими беспорядками, и только несколько позже, уже офицером, ему удалось окончить университет. В 1902 году «за оскорбление» командира дивизии, который бил палкой по лицу вестового, Чачба сидел 4 месяца в крепости.

Начинается русско-японская война. В. К. Чачба — на фронте, командовал ротой. «За отличие, оказанное против японцев», он в 1904 году награждается орденами св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость» и св. Станислава 3 степени. В 1905 году В. К. Чачба приказом главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, был произведен в поручики, а приказом по войскам 1-й Манчжурской армии награжден вторым орденом св. Станислава 3 степени «за отличия в делах против японцев».

В январе 1906 года В. К. Чачба был переведен в 3-й Брест-Литовский пехотный батальон. В апреле того же года назначается начальником учебной команды. В октябре 1906 года он увольняется в отпуск. Чачба приезжает в Абхазию, но ему не разрешили оставаться на родине. Владимир Константинович переезжает в Кутаис. Здесь он оказывает содействие революционной борьбе трудящихся. Так, им было осво-

⁷⁹ ЦГАА, ф. 60, д. 134, лл. 106.—2. Формулярный список о службе В. К. Шервашидзе, 1910 г.; д. 110, лл. 1—2. Письмо Левитского от 14 сентября 1891 г. Н. М. Васильевой; д. 112, л. 60.

бождено от казаков несколько студентов. Здесь Чачба женится на Т. И. Микеладзе и в декабре 1906 года подает в отставку в чине поручика. Затем, в поисках работы, он переезжает в Петербург. Но, не находя пристанища в столице, Чачба в сентябре 1907 года поселяется в Куприяновском уезде Харьковской губернии, где последовательно служил земским начальником третьего участка, членом землеустроительной комиссии и мировым судьей. В 1914 году В. К. Чачба снова был мобилизован в действующую армию и находился на фронте до конца 1917 года⁸⁰.

В начале XX века в Абхазии известной популярностью пользовался А. К. Инал-ипа. Человек образованный и либерально настроенный, он проявлял живой интерес к печальной судьбе абхазского крестьянства⁸¹. В период Первой русской революции А. К. Инал-ипа оказал большое содействие гагринским и гудаутским большевикам в их самоотверженной революционной борьбе. В декабре 1905 года в его имени, расположенном в 12 километрах от Гагр, в с. Алахадзы, на берегу моря, большевики выгрузили партию оружия, полученную из Швейцарии. В доме А. К. Инал-ипа Серго Орджоникидзе, встреченный дружески, находился четыре дня. Здесь неоднократно происходили нелегальные собрания революционеров. Инал-ипа был избран председателем Комитета по заведыванию нуждами местного населения, созданного в Гаграх в послеоктябрьское время. Однако вскоре он выходит из состава этого органа. А. К. Инал-ипа примыкал к социал-демократам меньшевистского направления⁸². Есть сведения, что А. К. Инал-ипа в 1907 году был отравлен меньшевиками в Самурзаканском участке. Басят Барщц, В. Папба и другие тайно привезли его тело в Алахадзы, где и предали земле⁸³. А. К. Инал-ипа был женат на петербургской актрисе А. И. Шуваловой, которая помогала ему во всех общественных делах⁸⁴.

Подобная эволюция произошла в политической жизни и другого абхазского интеллигента — учителя Василия (Сампа-

⁸⁰ ПА Грузфильмала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, л. 470, лл. 153—154; ЦГАА, ф. 60, д. 134, лл. 306.—406.; Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 417, лл. 1—2.

⁸¹ А. К. Инал-ипа, будучи членом «Сухумского общества сельского хозяйства», стремился помочь крестьянам в улучшении их хозяйства, а своим он создал лучшие условия, отдав им земли и т. д.

⁸² «Из истории революционных событий в Абхазии в 1905—1907 гг.» (сб. статей). Сухуми, 1955, с. 55, 72; Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 85, лл. 1—106.

⁸³ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 414, л. 38.

⁸⁴ Анна Ивановна Шувалова (Инал-ипа) умерла в 1940 году в с. Алахадзы.

ла) Гурджуа⁸⁵. Вначале он играл довольно активную роль в общественном движении, а одно время содействовал Серго Орджоникидзе и его единомышленникам в Гудаутах⁸⁶. Впоследствии В. Г. Гурджуа перешел на позиции меньшевизма и стал одним из его видных деятелей в Абхазии.

Из других представителей местной интеллигенции, примыкавших к меньшевикам, следует назвать Д. Захарова, Р. Кигурадзе и Д. Эмухвари. Они входили в число руководителей меньшевистской организации в Абхазии. Дмитрий (Арзакан) Эмухвари, сын самурзаканского князя (с. Репо-Шешелети), в официальной переписке (1906 год) характеризовался как человек с некоторым образованием⁸⁷ и «слышавший» об учении К. Маркса⁸⁸.

В дальнейшем ряды демократической интеллигенции Абхазии пополняются новыми замечательными кадрами, по преимуществу выходцами из трудового народа. Одним из них был Алексей Иванович Агрба (1862—1941) — первый ветеринарный врач из абхазов. Родился он 24 декабря 1862 года в семье бедного крестьянина с. Калдахвара Бзыбской Абхазии. Рано лишившись родителей, Алексей вынужден был работать по найму в помещичьих хозяйствах и на лесопильном заводе. Но желание учиться было настолько неодолимым, что в 21 год он сел за ученическую парту. С помощью переводчика при окружном управлении А. В. Ладария в 1883 году ему удалось поступить в Сухумскую горскую школу и окончить ее довольно успешно в 1886 году, а в 1889 году он стал выпускником Туапсинской Варваринской сельскохозяйственной школы. До 1892 года А. И. Агрба работал писарем в с. Мгудзырхва, а затем по ходатайству бывших своих педагогов Сухумской горской школы Д. Г. Аджамова и А. И. Джугели был определен в Тифлисскую духовную семинарию⁸⁹. Он являлся стипендиатом «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» (150 руб. в год)⁹⁰.

Здесь у него происходит встреча, которая круто меняет жизнь Алексея Ивановича. Известный эстонский языковед, профессор Юрьевского (Тартуского) университета Леонгард

⁸⁵ В. Г. Гурджуа, сын абхазского крестьянина из села Киндги Кодорского участка, окончил Кутаисскую сельскохозяйственную школу, а затем — юридический факультет Московского университета.

⁸⁶ См., например, «Революция 1905—1907 гг. в Грузии». Сб. документов, с. 522—523.

⁸⁷ Д. К. Эмухвари окончил Мингрельское духовное училище, затем — Кутаисскую духовную семинарию; был стипендиатом «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» (ООВПХК за 1894—1895 гг., с. 112, 119).

⁸⁸ См.: ЦГИАГ, ф. 83, оп. 1, д. 383, л. 9.

⁸⁹ ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 901; Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93 (А. И. Агрба), лл. 1—13, 48об., 50об., 72.

⁹⁰ ООВПХК за 1896 г., с. 202.

Карлович Мазинг, с которым судьба свела Агрба, с начала 90-х годов занимался изучением кавказских языков. Приехав за научную командировку на Кавказ в 1895—1896 годах, ученый побывал и в Абхазии, его очень заинтересовал абхазский язык⁹¹. В Тифлисе Мазинг в течение 6 месяцев, каждый день по несколько часов, занимался абхазским языком с семинаристом А. Агрба⁹². Профессор вернулся на родину с значительным материалом⁹³.

Заключив в 1898 году Тифлисскую духовную семинарию, А. И. Агрба едет в Казанскую духовную академию, на специальных курсах которой его готовят к миссионерской деятельности. Однако эта перспектива нисколько не прельщает его, и уже через год он подает заявление об увольнении. Алексей Иванович потянуло к профессору Мазингу, который настойчиво приглашал его в г. Юрьев для продолжения занятий по исследованию абхазского языка. Увлекая своего молодого коллегу на этот интересный путь, Мазинг внушал ему: «Кроме научного эгоизма, воплощенного в Вас, существует польза для науки и народа»⁹⁴. Получая материальную поддержку Мазинга, Агрба с сентября 1898 года учится в Юрьевском ветеринарном институте. Здесь он в общей сложности находится около 7 лет. Эти годы можно считать периодом плодотворного сотрудничества маститого эстонского ученого и восторженного студента в научном исследовании абхазского языка. Вообще же их совместная работа продолжалась, с некоторыми перерывами, около семи с половиной лет⁹⁵.

Каждое лето А. И. Агрба по заданию профессора Мазинга отправлялся в родную Абхазию для сбора и записей (на услауровском алфавите) лингвистического и фольклорного материалов⁹⁶. Таким образом он составил более 1000 текстов и передал их своему учителю⁹⁷. Надо сказать, что Агрба прекрасно знал быт своего народа, играл на национальных инструментах, исполнял народные песни и танцы⁹⁸.

Л. К. Мазинга особенно интересовал звуковой строй (фонетика) абхазского языка. Но при записях слов он столкнулся с большими трудностями. Принятые в то время в науке способы написания абхазских звуков не с полной точностью

⁹¹ С. Исаков. Эстонский ученый-исследователь абхазского языка.— «Советская Абхазия», 13.III.1968.

⁹² Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93, л. 14.

⁹³ С. Исаков. Указ. статья.

⁹⁴ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93, л. 50.

⁹⁵ Там же, лл. 4 об., 15, 56 об., 72 об.

⁹⁶ Между прочим, в один из таких приездов, в 1901 году, А. И. Агрба в Гудаутском участке организовал сбор пожертвований «в помощь для продолжения образования» его в институте (см. «Черноморский вестник», № 15, 18.I.1902).

⁹⁷ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93, лл. 14, об., 50—51.

⁹⁸ Там же, л. 108.

отражали их действительное звучание. И ученый разрабатывает свою систему их транскрипции, чтобы иметь возможность максимально точно фиксировать подлинное произношение звуков абхазского языка⁹⁹.

Как рассказывает А. И. Агрба, Мазинг прежде всего составил абхазский научный алфавит из 90 букв — на основе латинского и с привлечением буквенных начертаний из грузинского, английского, греческого и еврейского алфавитов. Он предупреждал, что его алфавит «нужен только кабинетным ученым-лингвистам», а «для школы можно сделать из него извлечение»¹⁰⁰. Агрба произносил отдельные слова или целые фразы, а профессор заносил их на бумагу. Разбирали каждое слово, каждый звук. Затем Мазинг «выводил фонетические правила и законы абхазского языка»¹⁰¹. Вскоре Мазинг сделал каучуковое небо, которое, обсыпав безвредным порошком, помещал в рот Алексея Ивановича и просил его произносить трудные звуки абхазского языка. Каждый раз он вынимал изо рта своего ученика искусственное небо и определял положение языка при произношении того или иного звука и фиксировал результаты своих наблюдений. Вспоминая дни экспериментального изучения фонетического строя абхазского языка с профессором Мазингом, Агрба писал: «Процедура эта была для меня мучительной»¹⁰².

Как свидетельствует А. И. Агрба, свою работу в области исследования абхазского языка Мазинг вел по заданию Венской академии наук¹⁰³. На это указывает и С. М. Ашхацава¹⁰⁴. Занятиями профессора интересовалась и Петербургская академия наук, которая обещала напечатать его труд по абхазскому языку за свой счет. К Мазингу приезжал его друг — выдающийся языковед академик И. А. Бодуэн де Куртене, который, как пишет Агрба, говорил, что работа эстонского ученого по абхазскому языку «драгоценна для науки» и может «имя абхазского народа увековечить»¹⁰⁵. Учитывая заслуги Агрба в этом деле, ему был обещан академический значок как корреспонденту или одновременное денежное вознаграждение как сотруднику профессора Мазинга по исследованию абхазского языка. Мазинг, кроме того, взял у Агрба его автобиографию и фотокарточку для приобщения к совместной их работе¹⁰⁶.

⁹⁹ С. Исаков. Указ. статья.

¹⁰⁰ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93, л. 15.

¹⁰¹ Там же, л. 14об.

¹⁰² Там же, л. 15.

¹⁰³ Там же, лл. 13об., 49об.

¹⁰⁴ С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925, с. 39—40, прим.

¹⁰⁵ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93, л. 15об.

¹⁰⁶ Там же, лл. 15об.—16.

К сожалению, Л. К. Мазинг не успел обработать свои материалы и опубликовать научное исследование — сказались перегруженность учебной работой, преклонный возраст¹⁰⁷.

В конце XIX и начале XX века научных записей абхазского языка было сделано мало, поэтому материалы профессора Мазинга представляют большой интерес для исследования абхазского языка и фольклора. Но, как установлено, эти материалы находятся в рукописном отделе библиотеки Хельсинкского университета (Финляндия) — в коллекциях бумаг профессора Густава Шмидта¹⁰⁸. Дело в том, что в то время изучением кавказских языков занимался и профессор Гельсингфорского (Хельсинкского) университета Шмидт, друг Мазинга. Последний перед смертью попросил свою дочь Венделу Мазинг — Куузик передать ему записи абхазских текстов и картотеку абхазского языка¹⁰⁹. Как сообщили нам из названной библиотеки в 1975 году, собрание Г. Шмидта содержит четыре ящика абхазских материалов — около 9 000 записей (часть написана на обеих сторонах). Они разделены на пять следующих групп: Е1. Материалы с источниками (около 3 500 записей); Е2. Материалы для словаря с ключевыми словами (большая часть готова к печати, около 3 000 записей); Е3. Материалы по этимологии; Е4. Заимствованные слова (около 2 500 записей); Е5. Материалы для истории звуков абхазского языка¹¹⁰.

Возможно, абхазские материалы Л. К. Мазинга находятся и в Вене. Во всяком случае, эстонский профессор говорил Алексею Ивановичу Агрба, что копия с их работы будет послана в Венскую академию наук, по инициативе которой, как отмечалось, и была начата эта работа¹¹¹.

В июне 1901 года А. И. Агрба для борьбы с чумой рогатого скота был командирован в Грузию, в Борчалинский уезд, где работал в течение семи месяцев¹¹². В 1902 году, когда Агрба сдавал экзамены на четвертом курсе, стало известно, что в связи со студенческими выступлениями в г. Юрьеве ветеринарный институт закрывается, а слушателей выпускного курса отправляют в «командировку». В результате этого Алексей Иванович оказался в Туркестане, где в Аули-

107 С. Исаков. Указ. статья.

108 Интересно отметить, что Густав Шмидт внимательно следил за литературой по абхазскому языку, издаваемой и в самой Абхазии. Когда в 1927 году в Сухуме вышла работа Д. И. Гулиа «Материалы по абхазской грамматике (Дополнения и разъяснения к книге П. К. Услара «Абхазский язык»)», Шмидт обратился к автору с пространным письмом, в котором интересовался отдельными вопросами предмета.

109 С. Исаков. Указ. статья.

110 ЦГАА, ф. 833, д. 32, л. 5.

111 Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93, лл. 27, 31.

112 Там же. лл. 72об., 133об.

атинском уезде Сырдарьинской области до апреля 1908 года работал пунктовым ветеринарным врачом.

Все эти годы А. И. Агрба не прерывал связи со своим эстонским учителем. В университете же его заменил Семен Михайлович Ашхацава, который успешно окончил это учебное заведение. С помощью профессора Мазинга Ашхацава составил алфавит, состоявший из 77 знаков и охватывавший все фонемы бзыбского диалекта абхазского языка. На этом алфавите в 1913—1914 годах по поручению Петербургской академии наук Бзыбским комитетом, созданным Ашхацава, было записано большое количество абхазских народных сказок и переслано академику Н. Я. Марру¹¹³.

В декабре 1907 года А. И. Агрба приезжает в г. Юрьез для сдачи выпускных экзаменов и получает диплом об окончании ветеринарного института¹¹⁴. Было ему уже 45 лет, т. е. столько, как замечал он с горечью, сколько необходимо для пенсии, и это потому, что жизнь для него «была всегда мачехой»¹¹⁵. В мае 1908 года Агрба получает направление в Карсскую область, где ему приходится работать в непривычных для него суровых климатических условиях. В августе 1911 года его назначают окружным ветеринарным врачом, а в июне 1913 года направляют пунктовым ветеринарным врачом в пограничный с Турцией Туаскерский участок.

Началась первая мировая война. Карсская область оказалась прифронтовой полосой. 10 декабря 1914 года, во время внезапного наступления турок, А. И. Агрба был контужен. Однако вскоре русские войска отбросили противника. Агрба, войдя в состав продовольственной комиссии по борьбе с голодом, очень многое сделал для оказания помощи населению¹¹⁶.

С 1900 года плодотворную педагогическую работу вел Степан Автандилович Бжания. Родился он в с. Илори в 1882 году, образование получил в Гудаутской учительской школе и церковноучительской семинарии Тамбовской губернии. Учи-

¹¹³ С. М. Ашхацава. Указ. соч., с. 40.

¹¹⁴ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93, лл. 16об.—17, 72об., 90об.

¹¹⁵ Там же, л. 16об.

¹¹⁶ Там же, лл. 16об.—17, 90об.—91об.

В дальнейшем судьба А. И. Агрба сложилась так. В конце ноября 1917 года он по заданию Закавказского ветеринарного совета приезжает в Абхазию для борьбы с эпизоотией крупного рогатого скота. Начал он работать в Гудаутском участке, считавшемся наиболее зараженным районом. Чума была ликвидирована к концу 1918 года, но затем вспыхнула эпидемия сибирской язвы, против которой также принимаются возможные меры. Агрба как уездный ветврач вел большую работу среди населения. Он часто выступал перед крестьянами. В то время в Абхазии не было организованного лечебного дела, и начало этой работы в Гудаутском районе связано с именем А. И. Агрба. Не случайно в январе 1933 года ЦИК Абхазской АССР вынес постановление о присвоении А. И. Агрба звания Героя Труда (Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 93).

тельствовал Бжания с 1901 по 1917 год в Гудавской, Шешелетской, Акваскинской, Окумской, Тамышской, Очемчирской и других школах Абхазии. Владел он несколькими местными языками¹¹⁷.

Летом 1903 года известный русский ученый, впоследствии академик, Н. С. Державин посетил Абхазию — «любопытный уголок восточного побережья Черного моря». Здесь, в м. Гудауты, «при широком содействии гостеприимной и любезной семьи» Мурзакана Лакрба он собрал «интересный этнографический материал». Ученый особо отмечал, что эта работа была произведена «при ближайшем участии... ныне покойного гимназиста Владимира Лакербая» (сына М. Лакрба), которого он называет своим учеником¹¹⁸. И сам М. Лакрба оказывал «деятельную помощь в развитии церковно-школьного дела» в Гудаутском участке¹¹⁹. В 1908 году, например, он был попечителем Гудаутской учительской школы¹²⁰.

Одним из наиболее ярких представителей абхазских просветителей, выступивших в первом десятилетии XX столетия, был Андрей Максимович Чочуа (1879—1965)¹²¹, человек, который «вышел из самой гущи свободолюбивого абхазского народа, пронесшего через бури исторических испытаний свою самобытность и культуру»¹²². Родился А. М. Чочуа 14 августа 1879 года в с. Адзюбжа Кодорского участка, в патриархальной крестьянской семье. Рано лишившись матери, Чочуа до 11 лет жил у братьев своего отца. Страстное желание учиться появилось у него рано, со дня случайной находки какой-то газеты на берегу Кодора, где производилась планировка будущего моста через эту бурную реку. Но в то время в Адзюбже не было школы. Любознательный мальчик обратился к местному малограмотному священнику с просьбой учить его грамоте, но тот не столько учил, сколько держал его на побегушках. Мало дала мальчику и Драндская монастырская школа. Спустя год он оставил ее и поступил на работу в Сухуме к одному чиновнику, который, по настоятельной просьбе мальчика, разрешил ему посещать школу. Через еще некоторое время Чочуа удалось поступить в интернат Сухумской горской школы. Здесь он проявил незаурядные способности,

¹¹⁷ ЦГАА, ф. 8, лс. д. 28, л. 23; д. 29, лл. 1—6.

¹¹⁸ Н. Державин. Абхазия в этнографическом отношении. — СМОМПК. 1907, вып. 37, с. 3—4.

¹¹⁹ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 17, л. 81об. Журналы Сухумского епархиального училищного совета за 1906 год.

¹²⁰ ЦГАА, ф. 53, д. 12, л. 166об.

¹²¹ О нем: А. М. Чочуа. Страницы жизни. — А. М. Чочуа. Собр. соч., т. 3, Сухуми, 1976; Г. Д. Дзидвария. А. М. Чочуа. — Там же, т. 1, Сухуми, 1969, с. 5—16.

¹²² С. Н. Джанашиа. 35 лет общественно-педагогической и литературной деятельности А. М. Чочуа. — «Заря Востока», 17.11.1940.

был одним из наиболее дисциплинированных и примерных учеников. Чочуа обладал богатой памятью, много читал, настойчиво овладевал знаниями и окончил школу в 1897 году с отличием.

Затем, в 1898 году, А. М. Чочуа поступает в Тифлисскую школу садоводства «Кавказского Общества сельского хозяйства», которую окончил блестяще в 1901 году со специальностью садовода-декоратора и виноградаря. В том же году он поступает в Тифлисский учительский институт, где с 1902 года совмещает учебу с частной педагогической практикой. И в этих учебных заведениях Чочуа шел в ряду лучших учеников. Отличаясь большим трудолюбием и хорошими способностями, он работал над собой, отдавая свободное время чтению произведений любимых писателей. И это при очень неблагоприятных условиях. В одном из своих заявлений тех лет А. М. Чочуа писал, что он не имеет «ровно никаких средств к существованию...», лишен «квартиры и стола...», а также и нужных учебных пособий, взять же на все это средства не у кого»¹²³. Но «жажда к учению» у студента Чочуа была настолько велика, что он блестяще завершает свое педагогическое образование в одном из лучших тогда учебных заведений Закавказья.

Как уже отмечалось, бурные события Первой русской революции широко охватили и учащуюся молодежь Тифлиса. Не миновали они и молодого Чочуа. Вот что пишет он по этому поводу: «Волнения рабочих передавались и студенчеству. Так, например, в первых числах февраля 1905 года студенты нашего института прекратили занятия. На общем митинге мы принесли решение приступить к занятиям лишь после изменения программы института и новых реформ. Не успели студенты разойтись, как в институт ворвались казаки, всех разогнали, а институт закрыли на неопределенное время. В институте существовали партийные группы — большевиков и меньшевиков... Члены этих групп входили в соответствующие комитеты городских организаций... В марте 1905 года в газете «Кавказ» было объявлено о возобновлении занятий в Тифлисском учительском институте»¹²⁴.

В сентябре того же года питомец Тифлисского учительского института А. М. Чочуа вступает на поприще активной педагогической и общественной деятельности. Он начал работать в Сухумском городском шестиклассном училище¹²⁵, открытом в 1900 году. Его приняли в качестве наставника V класса, где он преподавал математику, географию и естественную историю.

¹²³ ЦГИАГ, ф. 436, д. 1152, л. 6.

¹²⁴ А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 50—51.

¹²⁵ См.: КК на 1908 г., с. 280.

Для более полной характеристики начала общественной деятельности А. М. Чочуа следует еще раз обратиться к событиям 1905 года, но уже в условиях Абхазии. Расскажем о них его словами. «В конце октября 1905 года в Сухуме был проведен траурный митинг по случаю расстрела в Тифлисе казаками учащихся. Во двор кафедрального собора стекались рабочие мелких частных предприятий, служащие и учащиеся. В этот день и ученики городского училища с черными повязками на руках выстроились поклассно перед зданием училища и потребовали от своих учителей вместе с ними отправиться на митинг. Убедившись, что никто из моих коллег не желает примкнуть к ученикам, я возглавил их шествие. Администрация и преподаватели весьма неодобрительно отнеслись к моему поступку», и кое-кто «требует от старшеклассников остерегаться учителя Чочуа, как неблагонадежного, и всячески избегать его»¹²⁶. Один из организаторов революционного движения учащихся Сухума в 1905 году, большевик с 1908 года, Л. К. Тиракьян пишет: А. М. Чочуа «не был в те годы членом РСДРП, но во всем он своим отношением был с нами», т. е. с революционной молодежью¹²⁷.

В 1907 году А. М. Чочуа в составе делегации (А. И. Чукбар, Г. М. Зухбай и другие) от имени абхазского народа ездил в Тифлис для обращения с ходатайством к наместнику Кавказа П. И. Воронцову-Дашкову о снятии «виновности» с абхазского населения¹²⁸.

Как известно, революция 1905—1907 гг. вынудила царизм разрешить преподавание родного языка в школах национальных окраин. А. М. Чочуа начал работать по совместительству в Сухумском реальном училище, где преподавал абхазский язык и родниоведение¹²⁹. Ему пришлось срочно приступить к составлению учебников. В 1909 году вышли его абхазский букварь и пособие по родниоведению, которое С. Я. Чанба перевел на абхазский язык. До напечатания букваря ученики пользовались его рукописным вариантом. Сохранилось также рукописное пособие, которым Чочуа руководствовался при обучении абхазскому языку в 1909—1921 годах^{129*}.

Поскольку в то время не было еще абхазского шрифта, Кавказский учебный округ передал печатание букваря частной литографии «Струкен и К°». Книга расматривалась в учебном округе без участия автора, в результате чего значи-

¹²⁶ А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 53.

¹²⁷ Л. К. Тиракьян. О революционных событиях в Абхазии. — ЦГАА. ф. 840, оп. 2, д. 39, л. 2.

¹²⁸ А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 7.

¹²⁹ Преподавание абхазского языка в Сухумском реальном училище и Сухумской женской гимназии было введено в 1907 году (См.: ЦУКУО, 1907, № 10, с. 553; № 12, с. 755).

^{129*} См.: А. М. Чочуа. Собр. соч., т. I. Сухуми, 1968, с. 161—207.

тельное количество слов, предложений и статей, оказавшихся слишком «прогрессивными», были изменены. Получив авторские экземпляры учебника, А. М. Чочуа написал на него резко отрицательную рецензию, за что ему был объявлен выговор с предупреждением.

В Сухумском реальном училище абхазскому языку было отведено в неделю четыре часа. Желавших изучать его, кроме абхазов, оказалось много, и поэтому пришлось создать две группы. Занимались ученики «с большим интересом», а многие из них, в процессе работы, проявили хорошие задатки: в течение двух лет они сочинили более полутораста стихов и рассказов на абхазском языке. Интерес к абхазскому языку возрастал не только у учащихся, но и у преподавателей училища. В связи с этим А. М. Чочуа выступил перед ними с докладом «История абхазского алфавита и составление букваря»¹³⁰.

В предисловии к своему букварю А. М. Чочуа писал, что в дальнейшем он приложит «все старания, чтобы исправить букварь в той надежде, что общими усилиями подвинется вперед трудное и чрезвычайно важное для абхазского народа дело начального образования». В 1914 году «Абхазский букварь» А. М. Чочуа был вылучен вторым изданием в дополненном виде. Одновременно в качестве бесплатного приложения к букварю выходят его «Методические указания» с предваряющими их «Замечаниями для гг. учащихся» С. А. Алферова. С тех пор и до конца своей жизни автор систематически, к каждому выпуску, перерабатывал и совершенствовал свой букварь в соответствии с новыми требованиями.

В 1913 году А. М. Чочуа стал инспектором Сухумского городского училища, которое в 1914 году было переименовано в высшее начальное училище¹³¹. Андрей Максимович оставался его директором до установления Советской власти в Абхазии в 1921 году. Одновременно он заведовал двухгодичными учительскими курсами, открытыми при училище в 1912 году. На курсах обучалось 30 абхазских юношей и девушек. Первый выпуск состоялся в 1914 году. Курсы заметно пополнили контингент абхазских учителей¹³².

В 1916 году в селе Лыхны было открыто высшее начальное училище. А. М. Чочуа передал ему бесплатно из своего училища 16 парт. Он также принял участие в сходе в Гудаутах по поводу открытия Лыхненского училища — был переводчиком на абхазский язык блажелательной речи почетного народного училищ Абхазии Ф. Я. Аникина¹³³. «Предста-

¹³⁰ А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 54—55.

¹³¹ Его почетным смотрителем был В. Э. Эмухвари (ЖК на 1915 г., с. 335).

¹³² А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 63.

¹³³ ЦГАА, ф. 27, д. 143, лл. 25, 57.

вители от населения восторженно встретили известие об открытии нового просветительного учреждения»¹³⁴.

А. М. Чочуа много делал и для оказания материальной помощи учащимся из нуждавшихся семейств. Известно, что Андрей Максимович помог, например, Нестору Лакоба при поступлении в Тифлисскую духовную семинарию. С этой точки зрения представляет интерес также его заметка «Отчет спектакля, устроенного в пользу беднейших учеников Сухумского городского училища 4-го января 1914 года»¹³⁵.

В 1916 году А. М. Чочуа подлежал отстранению от работы за его убеждения и демократическую деятельность, в частности — за пополнение библиотеки Сухумского высшего начального училища «недозволенной литературой», в том числе книгой о Великой французской революции. Однако события Февральской революции отстранили царских чиновников.

Одновременно с А. М. Чочуа на поприще педагогической деятельности вступает Симон (Махаид) Петрович Басария (1884—1941). Родился он 8 декабря 1884 года в семье крестьянина с. Кутол Колдорского участка. Симону было десять лет, когда его определяли в Бедийскую церковноприходскую школу. Затем он учился в Сухумской горской школе, а после ее окончания в 1897 году как лучший ученик был направлен в Закавказскую учительскую семинарию в Гори. Басария выделялся своими способностями, исключительным трудолюбием и организованностью.

В 1902 году, после блестящего окончания семинарии, С. П. Басария был направлен в черкесское село Касиевское Кубанской области преподавателем русского языка и географии. В 1903 году он был переведен в Армавирское высшее начальное училище. В Армавири, значительном промышленном центре, большевики имели сильное влияние. Начальник Кубанского областного жандармского управления в своем рапорте от 12 октября 1905 года на имя наместника Кавказа сообщал, что учителями Армавира, где в это время работал Басария в качестве преподавателя, «из красных» был организован политический кружок, членами которого обсуждалась нелегальная литература и распространялись прокламации революционного содержания. Особенно травил революционно настроенных учителей своими доносами смотритель-директор училища Избаш, обвинявший некоторых из них в антигосударственной деятельности. Перечисляя известных ему членов политического кружка, он упоминает и С. П. Басарию¹³⁶. В сентябре 1905 года бастовали учителя и учащиеся

¹³⁴ «Сухумский вестник», 21.VIII.1916, № 184.

¹³⁵ См.: «Сухумский листок», 31.I.1914.

¹³⁶ «Учительство Северного Кавказа в 1905 году» (Сб.). Ростов-на-Дону, 1925, с. 25—26.

во всех армавирских учебных заведениях. Но вскоре и здесь революционные выступления трудящихся были жестоко подавлены. С. П. Басария писал, что он значился в списке преследуемых властями учителей; его допрашивали, и он объявлялся вместе с группой других педагогов в антиправительственной деятельности. С. П. Басария много читал, углубляя свои знания. Периодически проходил он высшие общеобразовательные курсы в Москве (1908—1909), а также посещал аналогичные курсы в Армавире, Анапе и других городах. Басария сдал специальный экзамен за курс педагогического института¹³⁷.

Симон Петрович очень внимательно следил за положением дел в родной Абхазии. Он получал всю печатную продукцию, выходящую в Сухуме, а также подробную информацию от своих друзей. Вот одно его письмо, от 20 января 1909 года, адресованное А. М. Чочуа: «Друг!... Давай начнем переписку. Ведь мы когда-то друг друга любили. Пиши обо всем. Я служу в самом бойком месте Кавказа. Армавир — курортный центр Северного Кавказа»¹³⁸.

В 1910 году «Московским обществом распространения технических знаний» С. П. Басария был направлен за границу для изучения постановки начального образования. Побывал он в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Италии, также путешествовал по Северной Африке и Турции. Басария основательно объездил и Российскую империю.

Вернувшись на Северный Кавказ, С. П. Басария продолжал работать в разных школах, в том числе национальных — абазинских, черкесских и других. Молодой талантливый педагог пользовался большим уважением среди трудового населения. Когда в 1916 году в с. Лыхны было открыто высшее начальное училище, инспектор народных училищ Абхазии Ф. Я. Аникин рекомендовал на должность его заведующего С. П. Басария как окончившего высшее начальное училище, опытного педагога и прекрасного знатока абхазского языка. Однако попечителем Кавказского учебного округа было признано, что такое назначение «состояться не может»¹³⁹.

Ране началась и активная научно-публицистическая деятельность С. П. Басария. Он стал корреспондентом Петербургской Академии наук и ряда кавказских журналов и газет, о чем будет сказано ниже.

¹³⁷ ЦГАА, ф. 833, д. 28, лл. 24—26. Автобиография С. П. Басария; Г. Дзидзария. С. П. Басария. — С. П. Басария. Избранные произведения. Сухуми, 1967, с. 5—6.

¹³⁸ ЦГАА, ф. 833, д. 28, л. 2.

¹³⁹ ЦГАА, ф. 27, д. 143, лл. 5, 8, 18.

Кстати, преподавателями были приглашены учитель Лыхненского второклассного училища К. Ф. Дзидзария (пенне) и священник К. И. Барцыц (абхазский язык).

В 1906 и 1908 годах начали свою педагогическую деятельность Илья Тимофеевич Колбая (1886—1952) и Георгий Аджеевич Алан (1887—1971). Первый родился в с. Чубурисхинджи Самурзаканского участка в бедной крестьянской семье. Окончив церковноучительскую школу, он с 1906 года работал в школах сел Саберно, Тагилони и Чубурисхинджи, а с первых же дней Советской власти в Абхазии (до 1925 года) — заведующим отделом народного образования Гальского уезда¹⁴⁰. Г. А. Алан родился тоже в бедной крестьянской семье, в с. Агубедия Кодорского участка. Он обучался в Моквской и Бедийской, а затем — в Гудаутской второклассной учительской школах. Начал Алан работать в 1908 году в Бедийской школе; вскоре его переводят в Дурипшскую школу, где благодаря его инициативе и стараниям было выстроено школьное здание с полным оборудованием. В 1911—1913 годах Г. А. Алан работал в Сапавардской школе (с. Бедиа), где также по его инициативе было выстроено школьное здание. Затем, в 1914—1923 годах, Георгий Аджеевич работал в Верхнебедийской, в Первосаберийской и Копытской (с. Бедиа) школах¹⁴¹.

Со второй половины первого десятилетия XX века, т. е. в годы реакции, в Абхазии активизируется работа по переводу на абхазский язык церковной литературы и внедрения ее в школах и среди населения. Уже в 1907 году Абхазская переводческая комиссия, учрежденная при Сухумском епархиальном училищном совете, приступает к переводу Евангелия и других религиозных книг, а также к составлению абхазских литургических песнопений. Комиссия в качестве постоянных переводчиков приглашает священника Н. В. Ладария и учителя Д. И. Гулиа. Кроме того, решено было вызвать в Сухум известных в Абхазии певцов абхазских народных песен, поручить регенту кафедрального собора записать наиболее соответствующие характеру церковной службы народные абхазские мотивы и переложить на эти мотивы литургические песнопения¹⁴².

По инициативе переводческой комиссии было проведено несколько «съездов» переводчиков. На первом из них комиссия распределила переводной материал «между всеми известными ей образованными абхазцами». С 27 декабря 1906 года по 6 января 1907 года при Сухумском епархиальном училищном совете проходил второй съезд, в работе которого при-

¹⁴⁰ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 97; «Советская Абхазия», 19.V.1953.

¹⁴¹ ЦГАА, ф. 830, д. 8; ф. 8, ЛС, д. 5; ф. 53, д. 12, лл. 111.

Многолетняя плодотворная педагогическая и общественная работа И. Т. Колбая и Г. А. Алана впоследствии была высоко оценена — они были награждены орденом Ленина и получили звание Заслуженного учителя школы Грузинской ССР.

¹⁴² Х. С. Бгажба. Этюды., с. 186.

нимала участие целая группа абхазских священников (Д. Маргания, Н. Ладария, А. Ажиба, И. Кучберия) и учителей (Ф. Эшба, Д. Гулиа, А. Чочуа, К. Маршания, Н. Патеипа и Ант. Чукбар). Его целью была тщательная проверка переводов книг св. писания и богослужебных на абхазский язык¹⁴³.

В 1908 году состоялся третий по счету «съезд интеллигентных абхазцев» для проверки, исправления и одобрения к публикации подготовленных абхазских текстов Четвероевангелия. В 1909 году, на очередном съезде абхазских священников, учителей и других, были выбраны переводчики (Д. Гулиа, Н. Ладария и Н. Патеипа и кандидат богословия Раез (норомонах Иоани) — консультант) в состав специальной комиссии. В том же году Синод на «правильную организацию абхазского переводческого дела» ассигновал 9 000 рублей (на три года)¹⁴⁴.

Абхазской переводческой комиссией за время своего существования были переведены с русского языка и опубликованы в Тифлисе: К. Д. Мачавариани. Молитвы. 10 заповедей и присяжный лист (1892)¹⁴⁵, «Требник» (1907), «Божественная литургия Иоанна Златоуста» (1907), «Служебник» (сборник богослужебных книг) (1908)¹⁴⁶, «Важнейшие праздники православной церкви» (1910, второе изд.)¹⁴⁷, «Нотный обиход абхазских литургических песнопений» (1912), «Святое Евангелие (Четырехглав)» (1912)¹⁴⁸. Были также переведены и получили печатное распространение послания религиозно-назидательного назначения к абхазскому народу сухумского епископа Дмитрия (1911), «Житие святого великомученика Георгия Победоносца» (1908), «Слово св. Тихона Задонского» (1911) и другие, которые рассылались по абхазским приходам и школам, а также прочитывались во время богослужения по большим и многолюдным праздникам.

Кроме того, с целью совершения литургии на абхазском языке, в 1910 году были организованы абхазский церковно-певческий хор и разъездной (передвижной) причт во главе с

143 «Голос Кавказа», Тифлис, 23.I.1907, № 221.

144 Х. С. Бгажба. Этюды..., с. 186.

145 Материалы этой брошюры вошли и в «Абхазскую азбуку» К. Мачавариани и Д. Гулиа (1892).

146 Перечисленные выше книги, как сказано в предисловиях к ним, были переведены в Сухуме К. Маршания, Н. Патеипа, А. Чукбар и Ф. Эшба под руководством С. Алферова и Г. Голубцова.

147 Перевод был сделан Д. И. Гулиа, учительствовавшим тогда в Киндском училище.

148 Перевод Евангелия, сделанный тщательно и с большой точностью, принадлежит Н. В. Ладария, Д. И. Гулиа, Н. С. Патеипа и Д. Т. Маргания.

Н. В. Ладария¹⁴⁹. Церковная администрация Абхазии принимает и ряд других мер, чтобы еще больше усилить свое влияние на все школы с контингентом из абхазских детей¹⁵⁰. Именно с этой целью, с целью «поднятия религиозности» абхазского населения делается попытка вести на абхазском языке богослужение¹⁵¹, в отдельных церковноприходских школах — все преподавание¹⁵², а в остальных — урок закона божия¹⁵³. С осуществлением этой программы была связана подготовка новых кадров абхазских священников, причем «индейных», способных привить своему народу «церковные навыки», заставить его «заглянуть внутри себя и увидеть всю ту глубину своего религиозного падения, в которой он находится». Так определялась задача абхазских священников Советом Сухумского епархиального церковного братства, который всячески стремился «помочь» «религиозному просвещению абхазцев» и принимал «все зависящие от него меры к тому, чтобы оживить церковную жизнь абхазцев». Кстати, «для религиозного про-

¹⁴⁹ В этот период много религиозной литературы издается и на русском языке. Например, в 1913 году в виде листка был издан ряд проповедей, произнесенных епископом Андреем в Сухумском кафедральном соборе, и закончено предпринятое в 1912 году при редакции «Сотрудника Закавказской миссии» издание «Жития святых грузинской церкви» — всего восемь (царицы Тамары, великомученика Раждена, преподобного Антония Марткопского и др.) (СЗМ, 1914, № 2, с. 20). Перевод был осуществлен К. Д. Мачаваряни («Отчет Совета Сухумского епархиального братства...», Сухум, 1912, с. 8).

¹⁵⁰ Х. С. Бгажба. Этоды., с. 187—189.

¹⁵¹ 6 и 13 ноября 1907 года в древних храмах в Лыхны и Моква поочередно было совершено богослужение на абхазском языке (семью абхазскими священниками во главе с благочинным Д. Т. Маргания). Этому был придан необычайно торжественный характер. Было многолюдно. Пение литургии было гармонизовано из абхазских народных песен и осуществлено под управлением регента сухумского архиерейского хора Базилевского. Перед литургией огласили указ Синода о разрешении выпустить в свет литургию на абхазском языке. Были произнесены речи (сухумский епископ Дмитрий, священники Д. Маргания, Н. Ладария). Из «почетных гостей» в Лыхны присутствовали А. П. Ольденбургский и член совета наместника Кавказа Е. Г. Вейденбаум. В Моква был Г. М. Шервашидзе и много других князей и дворян, съехавшихся со всех концов Абхазии. По старинному обычаю были устроены конные скачки, а затем — обед. Играл оркестр Сухумского полка («Голос Кавказа», 20.XII 1907, № 475). 27 октября 1913 года в Лыхненской церкви литургия на абхазском языке была проведена (Н. В. Ладария) в присутствии епископа Андрея (СЗМ, 15.XIII 1915, № 24, с. 381—382).

¹⁵² Например, в Лыхненской школе занятия велись с первогодниками на абхазском языке, а со второгодниками — на русском (ООВПХК за 1910—1911 гг., с. 61). В Новоафонской школе, как мы видели, еще в конце 90-х годов обучение воспитанников в первом полугодии велось на абхазском языке, а священная история и молитвы изучались на русском и абхазском языках.

¹⁵³ В Ачандарской, Квнтаульской, Поншевской и других. Кстати, в селе Ачандара с 1902 года учителем работал И. П. Чамагуа, который окончил Новоафонскую школу и Екатеринодарское духовное училище (ЦГАА, ф. 53, д. 12, л. 26 об.; ООВПХК за 1906—1907 гг., с. 67; Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 17, лл. 5, 20, 68).

свещения абхазцев и для борьбы с мусульманством» при епархии держали двух миссионеров из абхазских священников — Н. В. Ладария для Гудаутского участка и Н. С. Пайтепа для Кодорского. Кроме того, в состав членов братства к 1912 году было завербовано 13 абхазцев (А. И. Инал-ипа, И. Цишба, К. Шервашидзе, И. Кучберия, Д. Какалия и др.)¹⁵⁴

Наместник Кавказа, известный мракобес Г. С. Голицын, посетив село Лыхны в августе 1902 года, единственно, что мог посоветовать населению — «детей учить по возможности в духовных учебных заведениях, чтобы иметь своих священников»¹⁵⁵. В результате подобных стараний и появились такие деятели церкви, как Александр Ажиба, Георгий Туманов¹⁵⁶, Илларион Кучберия, Дмитрий Какалия, Иоанн Цишба¹⁵⁷, Савва Кация и Николай Базба¹⁵⁸. Правда, некоторые из них вели и полезную общественную деятельность.

¹⁵⁴ «Отчет Сухумского епархиального церковного братства... за 1911—1912 гг.». Сухум, 1912, с. 13, 16, 24—28.

¹⁵⁵ «Черноморский вестник». 1902, № 198.

¹⁵⁶ Георгий Давидович Туманов (Ахан-ипа) — сын абхазского крестьянина с. Отхара Гудаутского участка. После блестящего окончания Новоафонской школы он получил духовное образование. В 1905—1906 годах служил в Бармышском приходе. В августе 1905 года Туманов ставит вопрос о преобразовании Бармышской школы грамоты в одноклассную церковноприходскую, хотя и безуспешно (Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 13, л. 82 об.). С 1909 года он — в Гаграх у приица А. П. Ольденбургского, являлся настоятелем церкви св. Ипатия (ЦГАА, ф. 11, д. 45, л. 121; ф. 1, оп. 1, д. 3824; «Черноморский край», 10.VIII.1911, № 117). По характеристике отхарского педагога А. Г. Векуа, это — «человек редкой доброты, и человеколюбие его не имеет пределов». Например, в 1911 году Г. Д. Туманов пожертвовал 100 руб. (75 руб. для местных бедняков, 25 руб. — для голодавших русских крестьян). Он «избавил многих местных крестьян от угрожавшего голода за неимением вовсе запаса кукурузы». Летом 1912 года Туманов, «видя плачевное положение крестьян, купил на свой счет 500 пудов кукурузы и, доставив ее в Отхару, поручил местному старшине раздать беднейшим лицам». Кроме того, он «старался поддержать бедняков, воспитывает на свои средства некоторых сирот и детей бедняков». Так, например, в 1912 году в Сухумской женской гимназии на его средства обучалась сирота Гублия, в Гагринском реальном училище — Ажиба, в Ардонской семинарии — Барганджия («Закавказье», 11.VI.1912, № 154).

¹⁵⁷ И. Цишба в конце 1916 года видим в качестве заведующего и законодучителя церковноприходской школы в с. Отхара Гудаутского участка, когда его по болезни заменил М. С. Пилия (Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 35, л. 77 об.).

¹⁵⁸ Николай Базба — сын крестьянина с. Аацы, в 1897 году окончил Новоафонскую школу, затем — Екатеринодарское духовное училище, а в 1907 году — Ставропольскую духовную семинарию (ЦГАА, ф. 11, д. 44, л. 177; д. 61, л. 191; ф. 1, оп. 1, д. 4624). Между прочим, в этой семинарии, после окончания Новоафонской школы и пребывания некоторое время в Екатеринодарском духовном училище, учился и другой абхазский юноша — Василий Бания, который, однако, в 1907—1908 учебном году был исключен за «крайнее неблагоповедение» и «вредное влияние на товарищей» (ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 4602, л. 1; ф. 11, д. 85, л. 48). Затем В. Бания работал учителем (См. там же, ф. 8, ЛС, д. 36, л. 70).

С 1 января 1912 года в Сухуме начинает выходить миссионерский журнал «Сотрудник Закавказской миссии» — орган Совета Сухумского епархиального церковного братства. Определяя цель этого издания, его редактор, «сам» сухумский архипастырь — епископ Андрей писал, что она «состоит в том, чтобы через пастырей приходских собрать всех верующих мирян Сухумской епархии в единое стадо Христово»¹⁵⁹. Журнал в своих передовых статьях призывал: «Смирись, гордый человек!»¹⁶⁰. Он в определенном аспекте отражал ту идеологическую борьбу, которая происходила в крае. «Владыка» пытался учредить в приходах, особенно абхазских, «кружки ревнителей православия» с целью «возвышения церковно-нравственной жизни» в этих приходах. Но архипастырский призыв, с которым он обратился к священникам Гудаутского участка, «отклика не нашел»¹⁶¹.

Епископ Андрей всячески старался «стяжать любовь среди разноплеменной паствы». Он занимался, в частности, заигрыванием с частью абхазского населения. Именно с этой целью «владыка» в 1914 году, уже будучи уфимским епископом, сделал «дар любви» Лыхненскому храму — прислал икону Божьей Матери с абхазской надписью. Эта икона (как признано, довольно ценная живопись с изящной чеканкой и эмалью на золотом фоне) являлась копией иконы Серафимо-Понетаевского женского монастыря Нижегородской губернии. По этому случаю 23 ноября был устроен «крестный ход» — торжественное перенесение «абхазского образа царицы небесной» из местечка Гудауты в село Лыхны в сопровождении священника И. В. Лакербая с абхазским хором певчих. Цель всей этой церемонии — «для духовного торжества», вызвать «религиозное одушевление» у жителей края¹⁶².

Правда, известная часть абхазской трудовой интеллигенции поддерживала некоторые из названных мероприятий, имея целью способствовать развитию абхазской письменнос-

¹⁵⁹ СЗМ, 15.I.1912, № 2.

¹⁶⁰ Там же, 8.III.1912, № 7.

Надо сказать, что на страницах «Сотрудника Закавказской миссии» порой печатались и разнообразные материалы по вопросам истории, этнографии, археологии и т. д. Иным авторам под видом борьбы с мусульманством и языческими верованиями удавалось публиковать и другого характера ценные сведения. Кроме того, журнал способствовал созданию церковно-археологической комиссии, при которой предполагалось образование историко-археологической библиотеки, устройство музея, обследование и составление описания церковно-археологических памятников (СЗМ, 15.XII.1912, № 24, с. 380).

¹⁶¹ «Отчет Совета Сухумского епархиального церковного братства...». Сухум, 1912, с. 6—7.

¹⁶² СЗМ, 1914, с. 235—237, № 15.

ти, преследуя культурно-просветительские задачи¹⁶³. Именно из этих соображений исходили и отдельные представители грузинской культуры и общественные деятели. Так, один из руководителей гуманистически-демократического течения грузинского просветительства, основатель новой грузинской педагогики, публицист, детский писатель Якоб Гогобашвили ярко выразил свое сочувствие «созданию абхазской письменности и литературы» и даже просил дать ему возможность «принять участие в составлении национального руководства по абхазскому языку». «В этом же направлении, — писал он, — должны действовать сукхумские грузины и всячески помогать абхазцам в этом культурном начинании». Его «крайне удивляло», что некоторые корреспонденты¹⁶⁴ газет «к переводу богослужебных книг на абхазский язык и совершенствованию богослужения на этом языке... относятся недружелюбно». «Правда, — подчеркивал Я. С. Гогобашвили, — Абхазия в течение многих столетий составляла часть политического тела Грузии, богослужение там совершалось на грузинском языке и письменность там была грузинская, по желанию же абхазцев; но ведь несомненный факт, что абхазский язык — не наречие грузинского языка, а самостоятельный язык, хотя и родственный грузинскому языку. Как язык самостоятельный он имеет несомненное право на свое богослужение, на свою письменность, на свою народную литературу»¹⁶⁵.

В статье «Политиканство в Абхазии» Я. С. Гогобашвили еще раз ставил вопрос об оказании необходимой помощи абхазам в развитии их письменности и школы на их родном языке¹⁶⁶. В статье «Вопросы обучения родному языку» (1878) он также защищал право абхазов, как и других народов (грузин, армян и т. д.), учиться на родном языке¹⁶⁷.

К проблеме грузино-абхазских отношений просветитель-демократ Гогобашвили подходил с точки зрения своей известной концепции: взаимоотношения народов должны быть основаны на взаимном уважении национальных интересов. Он

¹⁶³ В этом отношении характерна статья Д. И. Гулиа «Что нужно Абхазии» (СЗМ, 1913, № 10, с. 154—155). В ней ставились и такие вопросы, как «улучшение путей сообщений», «поднятие школьного дела в Абхазии» и другие, необходимые «для поднятия народной энергии среди абхазцев и для их просвещения». Вообще же, например, перевод религиозной литературы, особенно Евангелия, в какой-то степени способствовал распространению элементарной грамотности и становлению абхазского литературного языка.

¹⁶⁴ Об одном из них см.: «Закавказье», 15(28). [1908, № 12. Еще о переводе богослужебных книг на абхазский язык.

¹⁶⁵ Я. Гогобашвили. Относительно Абхазии. — «Закавказье», 11(24). XI.1907, № 236.

¹⁶⁶ См.: «СЗМ», 1907, № 26.

¹⁶⁷ См.: «აქრობ გოგობაშვილი, თხულებანი, ტ. 1, თბილისი, 1952, გვ. 132-169.

подчеркивал, что абхазы по своему происхождению самостоятельный народ, и в то же время самый близкий к грузинам из всех других кавказских народов¹⁶⁸.

Я. С. Гогобашвили хорошо знал Абхазию, изучал ее проблемы и бывал в ней. Его книги «Бუნебис кари», «Русское слово», «Деда зна» и другие, наряду с учебниками К. Д. Ушинского «Родное слово» и «Детский мир», в течение многих лет были распространенными учебниками в Абхазии.

Грузинский просветитель-педагог, краевед и общественный деятель П. Г. Чарая писал в 1907 году о значении создания абхазской письменности в формировании национальной интеллигенции: «С основанием абхазской письменности, когда абхазский язык будет преподаваться в школах и богослужение совершаться на абхазском языке, места священников, учителей, писцов и т. д. в абхазских селениях будут занимать преимущественно природные абхазцы, и таким образом комплект интеллигентных сил в среде абхазцев будет все более и более улучшаться. Будут печатать полезные книги на абхазском языке и таковые — проникать в глухие деревни и распространять полезные знания». При этом Чарая подчеркивал, «что лучшая и благомысленная часть грузин сочувственно относится к зарождению абхазской письменности. В этом нет сомнения. Иначе и быть не может»¹⁶⁹.

Большой интерес представляют и высказывания известного грузинского ученого-филолога И. А. Кипшидзе. Например, в его письме из Петербурга от 21 марта 1917 года на имя Сергея Горгадзе говорится: «Абхазы уже имеют свою литературу, церковную и светскую, правда очень бедную, но все же заслуживающую большого внимания»¹⁷⁰.

Значительная часть абхазской трудовой интеллигенции, в противовес названным выше ее представителям, с неодобрением отнеслась к церковным делам, считая, что народу нужны иные книги и иные школы, связанные с жизнью и дающие реальные знания. Не случайно учителя Ф. Х. Эшба, Д. И. Гулиа, А. И. Чукбар и К. В. Маршания вскоре отошли от деятельности переводческой комиссии, а А. М. Чочуа, С. Я. Чанба, С. П. Басария и С. М. Ашхацава почти с самого начала отрицательно восприняли «культурно-просветительную» работу и миссионерскую деятельность Сухумской епархии. Показательно также, что в дальнейшем, в период борьбы за Советскую власть в Абхазии, переводческая комиссия фактически прекратила свою издательскую деятельность, заметно ослабела и ее устная пропаганда¹⁷¹.

¹⁶⁸ Его же. ბუნების კარი, — „თბილისის“ გ. I, გვ. 213.

¹⁶⁹ П. Г. Чарая. Абхазия. — «Закавказье», 11.XII.1907, № 260.

¹⁷⁰ См.: „თბილისის უნივერსიტეტი“, 24.IX.1965.

¹⁷¹ Х. С. Бгажба. Этюды., с. 190—191.

Кроме того, многие абхазские учителя вели активную антирелигиозную пропаганду среди населения. Не случайно журнал «Сотрудник Закавказской миссии» ополчился против «учителя, отрицающего бога»¹⁷². Один священник в заметке под характерным названием «Злое начало в деревне» заключал: «Учитель-атеист это есть одна из главных причин упадка веры в православном народе»¹⁷³. Вообще в это время, по признанию самого епископа сухумского Андрея, было много «полных безбожников», «враждебно относящихся ко святой церкви»¹⁷⁴. На страницах названного журнала некий «Неравнодушный» жаловался, что «сухумская интеллигенция в большинстве, за малыми исключениями, ведет жизнь совершенно не церковную; храм Божий или совсем не посещает, или посещает очень редко... Ничего утешительного нельзя сказать ни о простом русском рабочем люде»¹⁷⁵. А когда в октябре 1913 года через Сухум проезжал член Государственной думы, «по убеждению принадлежащий к социал-демократам», то к нему явилась депутация с жалобой на самого епископа, на его притеснения¹⁷⁶. И последний призывал собрать все силы, «чтобы бороться с надвигающею со всех сторон на св. церковь тучею врагов», так как «в борьбе с ними, в борьбе с теоретическим и практическим атеизмом... одни священнослужители совершенно бессильны»¹⁷⁷.

Это и понятно. К одной из характерных особенностей просветительства, как указывали классики марксизма-ленинизма, относилась его антирелигиозная направленность.

Одним из учебных заведений, откуда выходили «учителя-атеисты», была Гудаутская второклассная учительская школа, открытая еще в 1896 году¹⁷⁸. Выпускники этой школы, в которой обучались в основном абхазы, обычно шли в свои же села и начинали обучать русской грамоте с помощью своего родного языка. К 1913 году она выпустила 105 человек, и «куда бы они не поступали, всюду вносили свою долю света и добра в окружающий мир»¹⁷⁹. Среди них видим Максима Гобечия, Василия Агрба, Дмитрия Алаiania и других, ставших впоследствии прославленными революционерами.

¹⁷² СЗМ, 15.IV.1913, № 8.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же, 1.I.1914, № 1, с. 1—2.

¹⁷⁵ Там же, 1.V.1912, № 1, с. 168.

¹⁷⁶ Там же, 15.I.1914, № 2, с. 17—18.

¹⁷⁷ Там же, 1.I.1914, №1, с. 1—2.

¹⁷⁸ Была открыта в том году также Гальская второклассная учительская школа. Они существовали вплоть до Октябрьской революции. Их открытие было вызвано значительным ростом числа церковноприходских школ в Абхазии и имело своей задачей подготовку учителей школ грамоты. Впоследствии ставился вопрос о преобразовании Гудаутской второклассной школы в церковноучительскую, а Гальской — в общеобразовательную, но ходатайство это было отклонено.

¹⁷⁹ СЗМ, 15.X.1913, № 20.

Большую роль в деятельности Гудаутской школы сыграл видный абхазский просвещенец Антон Иванович Чукбар (1885—1938)¹⁸⁰. Выходец из простой крестьянской семьи¹⁸¹ села Калдахвара Гудаутского участка (родился 22 марта 1885 года),¹⁸² Чукбар после весьма успешного окончания Новоафонской церковноприходской школы¹⁸³ поступает в Казанскую учительскую семинарию. Как говорится в характеристике об окончании этого учебного заведения в 1903 году, А. И. Чукбар «учился успешно, поведения был отличного, к урокам готовился добросовестно. Кроме того, в свободное от занятий время Чукбар Антон читал книги из семинарской библиотеки: познакомился с классиками, а также обнаружил интерес к сочинениям исторического и географического характера, в пении и скрипичной игре показал весьма хорошие успехи. Практические и пробные уроки в начальной школе при семинарии вел довольно порядочно, о своих дежурствах при начальной школе подал обстоятельный дневник. Вообще Чукбар Антон юноша симпатичный, скромный, почтительный, ласковый с товарищами. Можно надеяться, что из Чукбара выработается хороший учитель в особенности для своего племени»¹⁸⁴.

По возвращении в Абхазию А. И. Чукбар начинает учительствовать в родном селе. В 1904 году его переводят в Новоафонскую церковноприходскую школу, а в 1907 году — в Гудаутскую второклассную, где он проработал до 1916 года¹⁸⁵. Чукбар много лет бесплатно преподавал абхазский язык, а в образцовой школе — Е. Д. Гублия, окончившая в свое время Сухумскую женскую прогимназию¹⁸⁶.

¹⁸⁰ Другим замечательным учителем, который много лет работал с успехом, был И. П. Шеничный, окончивший в свое время церковноучительскую школу (А. П. Дудко. Из истории педагогического образования в Абхазии. Сухуми, 1961, с. 25).

¹⁸¹ Отец его Тапагу (Иван) 29 лет служил старостой при Пицундском храме и обучал своего сына русской грамоте (Х. С. Бгажба. А. И. Чукбар. — А. И. Чукбар. Рассказы и статьи. Сухуми, 1975, с. 3).

¹⁸² ЦГАА, ф. 11, д. 85, л. 1 об.

¹⁸³ В свидетельстве «о нравственном усердии и успехе» А. И. Чукбара, выданном Новоафонской школой 24 июля 1899 году, читаем: «Предъявитель сего абхазец Антон Чукбар обучался в школе Ново-Афонского Симоно-Каманитского монастыря с 1-го сентября 1898 года по 1 июня 1899 года. Причем в течение всего курса отличался примерным усердием, отличным поведением и таковыми же успехами в науке. Природными способностями он обладает выдающимися» (ЦГАА, ф. 833, д. 28, л. 12).

¹⁸⁴ ЦГАА, ф. 833, л. 28, л. 11.

¹⁸⁵ Там же, л. 14; ф. 11, д. 85, л. 1 об.; Х. С. Бгажба. А. И. Чукбар, с. 4.

¹⁸⁶ См.: ЦГАА, ф. 53, д. 12, протокол № 8, л. 80.

Между прочим, в Гудаутах в это время была и частная гимназия, существовавшая исключительно на «небольшие средства» врача Н. В. Тропина. Хотя Тропин и вкладывал «последние свои гроши и личный большой труд», гимназия влачила жалкое существование» ввиду недоброжелатель-

О мировоззрении А. И. Чукбара тех лет хорошо свидетельствует автор (К. К.) статьи «Краткий очерк революционного движения в Абхазии», опубликованной в газете «Голос трудовой Абхазии» в день первой годовщины Советской власти в Абхазии — 4 марта 1922 года. Говоря, в частности, о большевистской «подпольной работе 1912—1913 гг.», он писал: «Гудаутская организация держалась на энергии гудаутского учителя, абхаза, фамилия которого, кажется, начиналась на Ч».

Еще будучи в Казанской учительской семинарии, А. И. Чукбар находился под воздействием прогрессивных идей русских революционных демократов, а также под влиянием педагогических взглядов великого русского педагога К. Д. Ушинского, особенно его учения о народности воспитания, роли родного языка в обучении и праве каждого народа обучаться на родном языке¹⁸⁷. А на практике Чукбар еще больше убеждается в том, что абхазских детей надо обучать на родном языке, что книги для чтения по русскому языку необходимо строить также на местном материале родного края, его природы, быта и нравов его народа¹⁸⁸.

Из этих идей исходил А. И. Чукбар, приступая к составлению учебников — одного на абхазском языке, другого на русском. Первый был создан вместе с Н. С. Патеипа и назывался «Аҭсуа шәкә аҭсуаа рышколкуа рзы. Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ»¹⁸⁹. Учебник издавался в Тифлисе в 1908 и 1911 годах. Его задачи, как писали в предисловии С. А. Алферов и А. И. Измайллов, сводились к тому, чтобы «упражнять детей в чтении на родном языке и сообщать полезные сведения населению». Основная цель учебника определяется следующим образом: «Абхазский народ в массе взрослого своего населения никакого иного языка, кроме родного абхазского, не знает, и потому только при посредстве этого языка можно содействовать распространению среди взрослых, которым уже поздно идти в школу учиться, полезных житейских сведений. Школьное обучение поэтому должно служить ближайшим средством для достижения такой цели».

Учебник состоит из трех частей. Первая и вторая части были взяты из книг Л. Н. Толстого «Новая азбука» и К. Э. Шельцеля «Книга для чтения» и являются их точным

ства местного управления, особенно «депутата» Олейникова. Причем последний характеризовался не только как «гаситель просвещения и курортов», но и как человек, занятый земельной спекуляцией (Ш. Кольников. Гудауты. — «Берег Кавказа». Талассе. 9.V.1912. № 52).

¹⁸⁷ А. П. Дудко. Из истории педагогического образования в Абхазии, с. 25—26.

¹⁸⁸ Там же, с. 26.

¹⁸⁹ В учебнике не значатся фамилии авторов, но по всему видно, как это полагает и Х. С. Бгажба, что ими являются именно А. И. Чукбар и Н. С. Патеипа.

переводом с изменением лишь собственных имен. Для третьей части составителями был написан ряд оригинальных статей, а сказки записаны со слов сказителей. В качестве переводчиков значатся в основном А. И. Чукбар и Н. С. Патеипа, авторами статей были они же и Д. И. Гулиа. В составлении книги участвовали также Д. Т. Маргания и Н. В. Ладария. Обращает на себя внимание и тот факт, что в учебнике содержатся известные стихи Д. И. Гулиа «Весна», «Какой милый человек» и «Двое еле шли, третий не догонял». Следовательно, стихи основоположника абхазской литературы впервые увидели свет не в 1912 году, когда вышел его сборник стихов, как это долго утверждалось, а гораздо раньше. Как видно из предисловия, учебник был составлен еще в 1907 году, а перечисленные стихи, как известно, датируются 1906 годом.

Представляет интерес также то, что в рассматриваемый учебник, кроме «Новой азбуки» Л. Н. Толстого, посредством указанных русских учебных пособий вошли произведения и других классиков русской литературы, как например, басни И. А. Крылова «Зеркало и обезьяна», «Волк и кот», «Свинья под дубом». Это — первый профессиональный перевод на абхазский язык стихов великого баснописца.

Что касается учебника на русском языке, называвшегося «Родная жизнь. Книга для чтения в старших отделениях начальных школ, в которых обучаются дети-абхазцы», то он был составлен вместе с С. А. Алферовым и вышел в Тифлисе в 1910 году. Книга служила основным пособием при обучении абхазских детей русскому языку в начальных школах в дореволюционное время. В предисловии к нему его редактор С. С. Ларионов подчеркивал, что учебник «представляет собой первую попытку дать детям материал из хорошо известной им жизни, из достаточно знакомой им сферы наблюдений, создающих основу их реального мировоззрения». И действительно, в этой книге, кроме ряда произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Жуковского, Никитина, Ушинского и др. (всего 23), почти весь остальной материал (84 статьи), значительная часть которого написана А. И. Чукбаром, составлен на местном материале. В ней даны картины природы Абхазии, описываются растительный и животный мир, занятия жителей, нравы и обычаи, дан ряд рассказов, сказок, пословиц и преданий из жизни и истории абхазского народа и т. д.

Особо следует отметить, что дидактические рассказы А. И. Чукбара на абхазском и русском языках, помещенные в этих учебниках, свидетельствуют об умении автора живо и доходчиво писать о злободневных вопросах жизни. Эти рассказы, не потерявшие и по сей день своего познавательного значения, вошли в сборник А. И. Чукбара «Рассказы и ста-

тъи», составленный Х. С. Бгажба и вышедший в Сухуми в 1975 году. Трудно, конечно, переоценить значение этого факта в истории абхазской литературы. Это относится также к рассказам и стихотворениям Н. С. Патеипа, помещенным в «Книге для чтения на абхазском языке для абхазских школ»¹⁹⁰.

Население хорошо понимало роль народного образования. Например, собрание представителей Кодорского участка в с. Моква в 1913 году заявило: «Мы хорошо сознаем пользу учения; мы знаем, что только образование может вывести нас из настоящего тупика». А для этого в селах нужны такие школы, «которые бы давали законченное, пригодное к жизни, образование; нужно, чтобы окончивший школу был выше по образованию, воспитанию и подготовке к жизни, чем совершенно необразованный абхазец», т. е. «желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с хорошо образованными учителями»¹⁹¹. Это отмечал и такой официальный орган, как «С.-Петербургские ведомости», который на своих страницах 17 ноября 1911 года писал: «Абхазцы, видимо, ценят просвещение и охотно посылают детей в школу иногда за несколько даже верст». Очевидно глубокое понимание абхазскими трудовыми массами роли школы в противовес тем целям, которые ставились перед ней царизмом¹⁹².

При этом идет борьба за расширение преподавания род-

¹⁹⁰ Они вошли в названную выше книгу Н. С. Патеипа «Избранное». К сожалению, составитель сборника не разграничил оригинальные произведения автора от переводных.

¹⁹¹ «Сухумский вестник», 1913, №№ 278 и 279.

¹⁹² Здесь следует отметить весьма положительную роль во всех этих делах и отдельных попечителей школ. Так, например, М. Б. (И.) Эмухвари (1861 года рождения, окончил четыре класса Ставропольской гимназии), попечитель Окумской двухклассной церковноприходской школы (с 1894 года), как говорится в одном официальном документе за 1907 год, проявлял «усердную заботливость» о названной школе и «в высшей степени внимательное отношение к успехам» других подобных ей учебных заведений Самурзаканского участка. Так, «из местных средств» он изыскал 232 рубля на ремонт Окумской школы, которая «благодаря его заботливости» была «приведена в надлежащий вид». Под влиянием Эмухвари «местное сельское общество проявило желание» огородить школьный двор, чтобы устроить сад. М. Б. Эмухвари являлся членом Кутаисского губернского комитета виноградарства и виноделия, Сухумского епархиального училищного совета и «Сухумского общества сельского хозяйства». М. Б. Эмухвари — отец названного выше революционера Григория Мелитоновича Эмухвари (ЦГАА, ф. 1 оп. 1, д. 4425, лл. 1, 9 об.; Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 17, лл. 8 об., 71; КК на 1915 г., с. 447; на 1917, с. 751; ЧСХ, 1911, №№ 1—2, с. 40). Попечители ачандарской церковноприходской школы Бата Аччабадзе и Чича Чичба в 1906 году были представлены к награде за «ревностное отношение к своим обязанностям, выразившейся в постоянной поддержке школы... материально и нравственно; так же они стараются располагать население к школе и привлекать к ней детей» (Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 17, л. 68).

ного языка, в частности, за платное его преподавание. Под напором требований о введении родного языка в школах, Сухумский епархиальный учительский совет еще в ноябре 1905 года распорядился о «введении во всех школах Самурзакани и некоторых — Гумистинского участка преподавания грузинского языка», в селах с абхазским населением — абхазского языка, а с греческим — греческого языка за счет часов церковнославянского языка¹⁹³. В отчете «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» за 1908—1909 годы констатировалось, что в школах Гудаутского и Кодорского участков, за исключением Моквской, «первоначальное обучение детей ведено было на их родном языке» (с. 62)¹⁹⁴.

С учетом всех этих потребностей и действовали лучшие преподаватели абхазской демократической интеллигенции, той интеллигенции, которая сложилась к этому времени в серьезную общественно-культурную силу. Она, в частности, школу рассматривала как оружие борьбы за развитие широкого национального просвещения, как средство приобщения к передовой русской культуре и развития своей национальной культуры.

Как уже отмечалось, именно в этот период, кроме уже названных учебных пособий, появляется такая учебная литература, как «Абхазская азбука» коллектива авторов (1906), «Сборник арифметических задач» Ф. Х. Эшба (1907)¹⁹⁵ и «Абхазская азбука» А. М. Чочуа (1909). Вместе с тем Абхазский переводческий комитет, не без настояния таких его членов, как Д. И. Гулиа, Ф. Х. Эшба и другие, включает в свою тематику и литературу практического характера, рассчитанную на оказание помощи крестьянам в более производительном ведении хозяйства. Так, появляется ряд популярных оригинальных и переводных брошюр: «О разведении и откорме уток. Искусственный вывод (инкубатор)» (Н. Патейпа, 1909),

¹⁹³ Цит. по: А. П. Дудко. Из истории педагогического образования в Абхазии, с. 41.

¹⁹⁴ Надо отметить, что введение родных языков в школы способствовало увеличению числа учащихся в них, большей заинтересованности населения в получении их детьми образования. Так, например, Ачандарская школа, «известная своей малочисленностью», после введения обучения на абхазском языке в первые же два года, говоря словами документа, «стала сразу в ряды многолюдных школ» (Там же, с. 42).

¹⁹⁵ Как отмечается в предисловии, первая мысль составить задачник для начальных классов на абхазском языке принадлежит М. Р. Завадскому, в тот период попечителю Кавказского учебного округа. Ф. Х. Эшба представил к напечатанию учебник еще в августе 1906 года. В его основу был положен известный задачник Лубенца (1901). Но автором были сделаны изменения «смысловых условий задач применительно к быту абхазской жизни», а также «вставлены кое-где и свои задачи». Учебник был пересмотрен и одобрен специальной комиссией, состоявшей из абхазских интеллигентов.

«Болезнь домашних птиц и их лечение» В. В. Сабиницкого (Д. Гулиа, 1910), «Чесотка.—Оспа.—Холера» (Д. Марганья, 1910), «Краткое руководство по шелководству» (Н. Патеяна, 1911)¹⁹⁶ и др.

Вся названная литература, вышедшая в начале XX века в Тифлисе на абхазском языке, за исключением учебника А. М. Чочуа и еще двух-трех брошюр, была напечатана под наблюдением и корректурой Д. И. Гулиа¹⁹⁷. Затем, в 1914 году, в Тифлисе же выходит второе дополненное издание «Абхазской азбуки» А. М. Чочуа, в которой, между прочим, широко использована диалектная лексика, хотя автор и ориентируется на абжуйский диалект. Одновременно, в качестве приложения, выходят «Методические указания к Абхазской азбуке» А. М. Чочуа, составленные С. А. Алферовым.

Все это было важным шагом и в создании абхазского литературного языка. Особое значение в этом процессе принадлежало сборникам Д. И. Гулиа «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки» (1907)¹⁹⁸ и стихов (1912 и 1913)¹⁹⁹, букварям и другим абхазским учебным пособиям, а впоследствии — газете «Апсны». Причем в силу ряда причин письменный язык, как уже отмечалось, постепенно ориентируется на абжуйский диалект.

Профессор А. Н. Генко писал: «Второй период в развитии

¹⁹⁶ Н. С. Патеяна дважды слушал шелководные курсы (ЧСХ за 1914 г., № 1, с. 41).

Перу Н. С. Патеяна принадлежит также статья на абхазском языке «Как пахать плугом», опубликованная в «Черноморском селянине» в качестве приложения (I.VIII.1911, № 3), а в ЧСХ (1914, №№ 7—9) — «По поводу случайного пункта» (на русском языке).

¹⁹⁷ В заявлении от 13 ноября 1917 года Д. И. Гулиа отмечал, что, если не иметь в виду названные книги, «все существующие на абхазском языке книги, не исключая богослужебные», или лично им составлены, переведены с русского или грузинского языков на абхазский, или совместно с другими; наконец, «корректором всех вышечисленных книг» являлся он (ЦГАА, ф. 20, л. 58, л. 45; см. также: Д. Гулиа. Афуа календар. Акуа, 1920, ат. 16).

¹⁹⁸ Текст имеет параллельный русский перевод (под редакцией С. А. Алферова). Он был перепечатан из XXXVIII выпуска СМОНПК (1908, отд. II, с. 1—34). С. А. Алферов в «Заметке», приложенной к книжке, писал: «Свой труд автор желал бы считать лишь первой попыткой в деле собирания произведений народной мудрости абхазцев и будет счастлива, если его пример побудит других его сородичей, среди которых с каждым годом растет число образованных людей...» (с. 35).

¹⁹⁹ Стихи, помещенные в первом поэтическом сборнике Д. И. Гулиа «Аджаинраалакуен аьзыртэакуеи», вышедшем в Тифлисе в 1912 году с помощью прогрессивной части грузинской интеллигенции, и помещенные 1906—1912 годами, как признано, являются шедеврами абхазской поэзии; они составили прочную основу для дальнейшего развития литературы в Абхазии. Вышедшая в 1913 году (тоже в Тифлисе) книга поэта — «Переписка юноши и девушки» (поэма), которой было положено начало абхазской любовной лирики, до сих пор остается крупнейшим явлением абхазской художественной литературы.

абхазского литературного языка относится к 1892—1920—1921 гг. и характеризуется введением в литературный обиход южного, кодорского, наречия (точнее — абжигского говора этого наречия, главным образом в работах Д. И. Гулиа). Большую часть литературной продукции этого периода составляли переводы с русского и отчасти грузинского языков»²⁰⁰. Однако в дореволюционные годы диалектная смешанность абхазского литературного языка в целом так и осталась неустраненной²⁰¹.

Тем не менее возникновение абхазской письменности и начавшееся формирование национального литературного языка подыняли относительную общность языка абхазской народности до уровня, характерного для языковой общности буржуазной народности²⁰².

Приведенные факты являются показателями того, насколько важна для формирования национальной культуры отзывчивость психики общественного человека на экономические, социальные и политические изменения в жизни народа, происходившие в условиях развития буржуазных отношений. Формирование национальной культуры было выражением роста национального самосознания. А социально-экономическое развитие было той силой, которая порой прямо, чаще косвенно и опосредствованно определяла изменения в культуре и влияла на формирование национального самосознания в различных слоях населения²⁰³.

В этом процессе все более заметной становится роль различных культурно-просветительных, благотворительных и научных обществ, которые создавались по примеру аналогичных организаций в центральных городах страны. Образование этих обществ было результатом совместной деятельности представителей демократической русской и местной интеллигенции.

В 1909 году было оформлено Сухумское отделение «Общества по распространению грамотности среди грузин», которое, помимо своей основной цели, стремилось содействовать идейно-политическому воспитанию трудового населения, подыять национальное самосознание, поддерживать демократические элементы. Бессменным председателем Сухумского отделения Общества являлась М. Н. Анчабадзе (урожденная Дадзиани), сыгравшая вообще «неоценимую роль в деле просвещения масс» и, кроме того, «в деле сближения двух брат-

²⁰⁰ А. Н. Генко. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков, с. 186.

²⁰¹ Х. С. Бгажба. Этюды... с. 96—97.

²⁰² Э. В. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. с. 98.

²⁰³ В. В. Лознянский. Очерки формирования русской национальной культуры, М., 1975. с. 8, 13.

ских народов — абхазского и грузинского — она не жалела своих знаний, сил и энергии»²⁰⁴.

В 1908 году в Сухуме произошло событие, которое явилось ярким показателем существования плодотворной почвы для ведения здесь культурно-просветительной работы. Речь идет о проведении 7 декабря литературно-вокально-инструментально-танцевального вечера, посвященного 50-летию литературной деятельности Акакия Церетели. В корреспонденции об этом вечере, опубликованной на страницах тифлисской газеты «Закавказское обозрение» 24 января 1909 года, говорилось: «Празднество вызвало большое сочувствие со стороны всех жителей города... Чистый доход в 600 р. переведен Обществу грамотности на усиление фонда имени Акакия... Вечер привлек массу публики, не было возможности разместить желающих... Грузинские вечера всегда привлекают интерес широкой массы населения...».

В телеграмме, составленной в связи с вечером А. Церетели, говорилось: «Мало светлых дней в нашей привыкшей к скорби, мучениям родине; всякое проявление жизненности, душевного подъема радует сердца всех сынов нашего отечества; во всех уголках проявляется вспышка приятной духовной энергии. Сухумские грузины... постоянно прислушивающиеся к биению общего сердца, особо устраивают общее торжество... по случаю пятидесятилетия литературной деятельности народного поэта Акакия... Пожелаем, чтобы вызванное юбиларом всенародное, накипевшее чувство воздания должного достойным представителям родины послужило поводом увековечения памяти его плодотворным, отвечающим духу времени делом»²⁰⁵.

²⁰⁴ А. Антелава. К юбилею Машо Анчабадзе. — «Трудовая Абхазия». 30.V.1926, № 120.

М. Н. Анчабадзе была сестрой известного грузинского драматурга Ш. Н. Дадияни и женой абхазского общественного деятеля Т. З. Анчабадзе (Ачба).

²⁰⁵ «Закавказское обозрение». Тифлис, 24.I.1909.

В честь любимого поэта Акакия Церетели вечера и другие мероприятия в Сухуме проводились довольно часто — см., например, «Тифлиссский листок», 28.I.1908; «Сухумский листок», 10.XI.1913; «Сухумский вестник», 29.I.1916. Между прочим, в последней газете 31 марта 1913 года было напечатано письмо А. Церетели, в котором говорилось: «Год тому назад пришлось мне побывать в Кахетии и ...посетить Цинандали, бывшее имение князя [Александра] Чавчавадзе... Одно обстоятельство поражает посетителя: бывшая домашняя церковь, в которой венчался Грибоедов с дочерью князя, вся в развалинах и в таком пренебрежении, что совестно даже сказать! [...]. Память Грибоедова, автора произведения «Горе от ума», настолько дорога для всякого интеллигентного грузина, что мы, грузины, готовы реставрировать ее, если только позволят нам».

Организаторами и душой вечера были: М. Н. Анчабадзе, Е. С. Шервашидзе (Соллогуб)²⁰⁶, Н. Туркия, Д. Геловани и другие.

Для решения задач Общества сухумское его отделение активно использовало театр. Уже с 1911 года оно берет на себя руководство местным любительским театром. Из Тифлиса приглашаются режиссеры, актеры, певцы, писатели. Сухумская любительская труппа постепенно становится полупрофессиональным театром. Два сезона, 1911—1912 годы, ею руководил Ш. Н. Дадиани. За время «серьезной и плодотворной артистической деятельности в г. Сухуме, даровитый режиссер и артист Ш. Дадиани успел приобрести в Сухуме прочные и заслуженные симпатии среди грузинского общества»²⁰⁷. Им было организовано 19 театральных вечеров и поставлено 28 пьес. Так, например, 7 апреля 1912 года в Сухуме, в театре «Наука и жизнь», принадлежавшем богачу и антрепренеру А. И. Самуриди, «Товариществом грузинских артистов» был проведен бенефис Дадиани, на котором были показаны пьеса И. Гедеванишвили «Предатель» и водевиль «Слабая струна» (перевод Д. Месхи). Спектакль дал «блестящий сбор, и артисты доставили истинное удовольствие зрителям своей реальной игрой»²⁰⁸.

Особенно важное значение имела целеустремленность репертуара, в котором отдавалось предпочтение произведениям патристического и остро социального характера. Это—«Мать и сын» И. Чавчавадзе, «Воскресенье» Л. Н. Толстого, «Арсен» А. Казбеги, «Брат и сестра» В. Гуния и др.²⁰⁹

Еще об одном интересном факте. В газете «Сухумский листок» от 23 сентября 1912 года сообщалось о том, что в театре «Наука и жизнь» «состоится в первый раз на местной сцене оперный спектакль на грузинском языке», который ставится силами тифлиской оперной труппы во главе с К. С. Цхоmelidirze, а показать обещали сцены из опер «Демон» и «Евгений Онегин» и дать концерт из произведений «молодых грузинских композиторов» Д. И. Аракишвили (Аракиев) и М. А. Балачивадзе²¹⁰.

²⁰⁶ Елена Самсоновна Шервашидзе (Соллогуб) была председателем «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся во всех учебных заведениях г. Сухума», членом «Сухумского общества борьбы с туберкулезом» и т. д. Муж ее — граф В. А. Соллогуб также являлся членом ряда общественных организаций Сухума, в том числе СОСХ. Это был отставной гвардейский офицер, камер-юнкер императорского двора; в 1909—1911 годах — сухумский городской голова (ЦГАА, ф. 4, оп. 1, д. 4345, л. 6; «Сухумский листок объявлений», 15.V.1911, № 58).

²⁰⁷ «Закавказье», 24.IV.1912, № 92. См. также: «Сухумские вести», 7.X.1911; «Сухумский листок», 5.IV.1912.

²⁰⁸ «Закавказье», 24.IV.1912, № 92.

²⁰⁹ Э. Г. Кадаж ая. Грузинский театр в Абхазии, с. 6—9.

²¹⁰ Отчет о вечере см.: «Сухумский листок», 27.IX.1912, № 186.

В феврале 1913 года в Сухуме, как и в Тифлисе, общественность торжественно отметила 30-летие сценической деятельности выдающегося грузинского актера и режиссера Ладо Алекси-Месхишвили. В день юбилея городская депутация преподнесла ему приветственный адрес, в котором говорилось: «Нам отрадно видеть Вас в Сухуме... Тридцать лет, протекавшие со времени начала Вашей блестящей карьеры, не отразились на Вашем редком таланте. Вы сумели сохранить... вместе с дивным даром артиста... чуткость сердца... чарующую простоту и искренность»²¹¹.

Местная пресса широко осветила юбилей замечательного деятеля театрального искусства²¹². В 1914 году сухумцы снова встречаются с Ладо Алекси-Месхишвили. В том году он с семьей в течение нескольких месяцев отдыхал здесь. За это время неутомимый артист устроил четыре спектакля, два из них — на грузинском языке и два — с благотворительной целью. Последний спектакль, данный на прощание, состоялся 12 мая в сухумском театре, принадлежавшем французскоподданному богачу И. И. Алоизи²¹³.

Сухумским отделением Общества был проведен и ряд других вечеров²¹⁴. Из них особенно интересным был концерт, состоявшийся 11 сентября 1914 года в театре Самуриди. На нем выступал приглашенный из Тифлиса известный грузинский оперный певец И. П. Сараджишвили (Сараджев). «Видимо, он был в настроении и пел превосходно, приводя публику в неподдельный восторг. В его исполнении сказывалась чуткость артиста, чувство эстетической меры и богатая школа... Каждое выступление симпатичного тенора публика встречала и провожала неистовыми аплодисментами и дождем цветов»²¹⁵. Украсил концерт своим выступлением и поэт Иосиф Гришашвили. В сообщении об этом концерте также говорится: «Читал свои произведения и И. Гришашвили — молодой грузинский поэт, приглашенный из Тифлиса вместе с г. Са-

²¹¹ ЦГАА, ф. 4, оп. 1, д. 1974, с. 5.

²¹² См., например, «Сухумский вестник». 1913 г., №№ 98—100, 102—104 и др. Был создан юбилейный комитет в составе: М. Н. Анчабадзе (председатель), М. Д. Шервашидзе, Н. А. Туркия, Сов. Кухалейшвили и др.

²¹³ «Сухумский листок», 21.V.1914. № 356. Театр Алоизи был открыт в 1912 году, а Самуриди — в 1913.

²¹⁴ См., например, М. Н. Анчабадзе. Отчет вечера... 14 января 1912 года в театре И. М. Алоизи («Сухумский листок», 9.II.1912); е е же. Отчет Абхазского вечера... 28 ноября 1915 (Там же. 20.XII.1915); е е же. Письмо в редакцию (Благодарность за пожертвование на устройство благотворительного базара в фонд Общества). (Там же, 5.XII.1912, № 40).

²¹⁵ И. П. Сараджишвили в Сухум приезжал неоднократно. 2 апреля 1913 года, например, здесь состоялся его бенефис и часть сбора пошла в пользу «Сухумского общества народных университетов» («Сухумский вестник», 2.IV.1913, № 132).

раджевым. Публика встретила талантливого юношу аплодисментами. Читал он свои стихи с жаром молодости»²¹⁶. Сбор от концерта поступил в пользу местной грузинской школы²¹⁷.

Особо следует сказать и о возникновении и деятельности абхазо-грузинского хора. В 1910 году М. Н. Анчабадзе и Н. С. Джанашиа в Сухум были приглашены выдающийся мастер грузинского вокально-хореографического искусства Дзуку Лолуа, который и раньше неоднократно выступал здесь со своим хором. Репертуар организованного Д. Лолуа первого абхазо-грузинского хора, кроме популярных абхазских и грузинских песен, состоял из образцов музыкального фольклора, которые Лолуа впервые собирал и записывал на фонографе. В 1913—1914 годах хор выступал в Сухуме, Кодорском и Гудаутском участках, а также в Сочи. Пресса того времени дала высокую оценку хору Лолуа. Хвалил его и поэт Иродион Евдшвили, который в 1914 году отдыхал в Сухуме. По просьбе поэта хор исполнил абхазские народные песни «Гудиса», «Озбек» и «Песню ранения», печальными мелодиями которых Евдшвили был глубоко взволнован²¹⁸.

Затем Лолуа обратился к выдающемуся грузинскому композитору З. П. Палиашвили с предложением «обратить серьезное внимание» на абхазские и мегрельские народные напевы, «очень интересные и в музыкальном, и в психологическом отношении»²¹⁹. Он считал необходимым под руководством опытного музыканта перевести на пластинки местные напевы, которые могли бы послужить серьезным материалом для грузинских композиторов. Палиашвили «очень понравилась мысль Лолуа, и он обещал предпринять в этом направлении серьезные шаги»²²⁰.

Между прочим, Дзуку Лолуа являлся членом сухумского просветительского общества «Диоскурйя». 9 февраля 1916 года в Тифлисе на заседании правления «Общества по распространению грамотности среди грузин» было рассмотрено его заявление об отпуске ему литературы для книжного магазина названного Общества, и выдано ее на 200 рублей²²¹.

Театральная и музыкальная жизнь в Сухуме вообще была

²¹⁶ «Закавказская речь», 23.IX.1911, № 213.

²¹⁷ «Сухумские вести», 10.IX.1911, № 51.

²¹⁸ М. Лакербай. Очерки из истории абхазского театрального искусства. Сухум, 1968, с. 38; Ш. Абутидзе. Талантливый коллектив. — «Советская Абхазия», 22.XI.1957; П. Туркия. И. Евдшвили в Сухуми. — Там же, 19.VIII.1969.

²¹⁹ Между прочим, «уже давно в среде местной интеллигенции пропагандировалась идея об организации в Сухуме общества по собиранию туземных песен в пределах Сухумского округа». Наиболее активными в этом деле были Р. И. Какуба, Н. С. Джанашиа и С. И. Кухалейшвили («Сухумский вестник», 24.VIII. 1913, № 245).

²²⁰ Там же, 19.II.1916, № 39.

²²¹ «Сухумский вестник», 19.II.1916, № 39.

настолько развита, что здесь с успехом действовали также русский, украинский и другие творческие коллективы²²². В Сухуме успешно работали и драматические кружки. В 1910 году, например, были показаны «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Анфиса» Л. Н. Андреева (с участием А. И. Инал-ипа)²²³, «Горе от ума» А. С. Грибоедова и «На дне» А. М. Горького²²⁴, а также проведен «семейный вечер», посвященный юбилею А. П. Чехова²²⁵. В 1911 и 1912 годах в Сухуме и Очамчырах местными грузинскими любителями было поставлено несколько спектаклей, в том числе «Барин и крепостной» («Рассказ нищего») И. Чавчавадзе, «Брат и сестра» В. Гуния и другие; некоторые из них — с участием Ш. Дадияни²²⁶. В 1912 году сухумцы имели возможность посмотреть в театре Самуриди «Наука и жизнь» классические оперы «Кармен», «Демон», «Фауст», «Пиковая дама», «Евгений Онегин» и «Ивай Сусанин»²²⁷ и несколько грузинских спектаклей. Кроме того, в Гудаутах были проведены любительские спектакли в пользу местной библиотеки-читальни²²⁸ и вечера на усиление средств «Общества распространения просвещения среди абхазцев»²²⁹.

²²² В 1912—1913 годах, например, интересно прошли оперные спектакли «Евгений Онегин» (отрывки) Чайковского, «Аида» Верди, «Тоска» Пуччини, «Севильский цирюльник» Россини, «Паяцы» Леонкавалло и др. (См.: «Сухумский листок», 25 и 29.XI.1912; 31.III, 4 и 7.IV.1913). В 1910—1913 годах в Сухум приезжала также популярная украинская труппа Б. Л. Оршанова, которая «все более и более завоевывает внимание и симпатии сухумцев» («Черноморская газета», Новоросийск, 22.VI.1912). Возражая «критикам», С. М. Ашхацава еще в 1910 году писал: «Лавры, пожинаемые подвизающейся в парке малороссийской труппой (она выступала в городском электро-парке И. Козловского), по-видимому, не дают покоя некоторым господам... Судя по сборам и по количеству посещаемой публики, нужно признать, что труппа вполне заслуженно пользуется у самой широкой публики полным успехом. Репертуар подобран весьма удачно. Ставятся с успехом такие идейные вещицы, как «За волю и правду», «Батраки» и др.» («Закавказье», 14.VII.1910). Большим успехом пользовались также пьесы Гоголя «Вий», Шевченко «Назар Стодоля», В. С. Калышевского «Воскресенье» и др. (См.: «Черноморская газета», 11.VII.1912; «Сухумский листок», 8.V, 7.VI и 28.VI.1912). Причем пьеса Шевченко в 1913 году была поставлена в память 50-летия со дня смерти великого украинского поэта. На юбилейном вечере, кроме того, были исполнены его произведения по «Кобзарю», а в заключение — завещание «Як умру, то поховайте» («Черноморская газета», 5.VIII. 1912). Успешны были в 1913 году и гастроли труппы М. К. Ярошенко (См.: «Сухумский листок», 15.VIII и 5.IX.1913).

²²³ «Сухумский вестник», 7.III.1910.

²²⁴ «Сухумский листок объявлений», 21.III и 19.VIII.1910.

²²⁵ Там же, 17.I.1910.

²²⁶ «Сухумский вестник», 1911 г., 21.II; 1912 г., 19 и 20.X, 6.XII; «Сухумские вести», 1912 г., 11 и 31.I, 4.II и 21.XII.

²²⁷ «Сухумский вестник», 20, 21, 24, 25 и 28.XII.1912.

В 1913 году — «Севильский цирюльник» Россини, «Кармен» Бизе, «Травиата» Верди и др. (Там же, 27—31 марта, 3.IV).

²²⁸ Там же, 2.VII.1911.

²²⁹ Там же, 6 и 10.I.1912.

В ноябре 1913 года в Сухуме в театре был проведен вечер памяти И. Чавчавадзе и показана пьеса «На законном основании»²³⁰.

В 1915 году организовался Сухумский артистический кружок, чем «получила удовлетворение одна из самых насущных потребностей сухумского общества»²³¹. В 1915—1916 годах местные любители драматического искусства в театре С. Иоселиани в Сухуме поставили мелодраму Т. Г. Шевченко «Назар Стодоля»²³² и целый ряд пьес, в том числе «Умирующие картинки», «Георгий III» и «Тамара» Г. М. Шервашидзе. Абхазский зритель увидел их впервые и принял с восторгом²³³. Следует особо отметить, что в эти годы группа любителей, состоявшая в основном из учащихся сухумских учебных заведений (Д. Хагба, А. Маршания, З. Ладария, Б. Ладария, А. Ниуа и другие), поставила пьесы «Сафар-бей» и «Омар-бей» (инсценировки С. М. Ашхацава по историческому роману Д. Л. Мордовцева «Прометеево потомство») ²³⁴. Кроме того, в театре Алоизи шел ряд пьес А. И. Сумбаташвили-Южина («Господа Арзакановы», «Цепи», «Соколы и вороны») и других известных авторов²³⁵.

Интересная работа продолжалась и на местах. Например, в Гаграх не без участия Сухумского отделения «Общества распространения грамотности среди грузин» в начале 1914 года был создан молодежный драматический кружок из любителей с приглашением профессионалов. 19 января в зале Временной гостиницы при режиссуре артиста Д. Кобахидзе состоялся первый спектакль. Была поставлена пьеса «Помещик и крепостной» («Рассказ нищего») И. Чавчавадзе. 2 марта в Новых Гаграх, в доме Шенгелая, был показан пятый акт из пьесы Иртели «Побежденные», а принимали участие артисты С. Долидзе и Д. Кобахидзе²³⁶.

²³⁰ Там же, 7.XI.1913.

²³¹ Там же, 1916, № 1.

²³² Там же, 17.II.1916.

²³³ М. Лакербай. Указ. соч., с. 40.

²³⁴ Там же, с. 43.

²³⁵ См.: «Сухумский вестник», 13.IX, 27.XI, 4.XII.1916.

²³⁶ «Гагринская газета», 1914, №№ 160, 168 и 169.

Кроме того, 4 июня 1914 года в зале Временной гостиницы «Товариществом петербургских артистов» была показана комедия А. П. Чехова «Вишневый сад», а 2 июля — пьеса «Три сестры». Это был знаменательный день — 80-летие со дня рождения А. П. Чехова. В зрительном зале был установлен большой портрет великого писателя, украшенный пальмовыми ветвями. Гагринцы с нетерпением ждали также Ф. И. Шаляпина, который, как полагали, должен был приехать в Гагры на продолжительный отдых («Гагринская газета», 1910, №№ 258, 271, 281 и 296). Надо сказать, что в предвоенные годы в Абхазии побывал ряд видных деятелей русской культуры. Например, Алексей Толстой во время своей поездки по Черноморскому побережью Кавказа в 1911 году посетил Новый Афон, Лыхны, Сухум, Цебельду. По материалам, собранным здесь, он написал

Инициативой Сухумского отделения «Общества по распространению грамотности среди грузин» было также основание в 1910 году в Сухуме начальной грузинской школы, первым заведующим которой был Н. С. Джанашиа²³⁷. Вообще члены Общества ратовали за развитие национальной школы, в том числе абхазской.

Под влиянием и по примеру названной организации в Сухуме в 1909 же году было создано «Общество распространения просвещения среди абхазцев»²³⁸. Причем ходатайство об этом возбуждалось инженером путей сообщения Р. И. Какуба. В 1910 году в Сухуме (типография А. Мгеладзе и П. Каландаришвили) отдельной брошюрой вышел устав Общества, в котором так определялась его цель (§ 1): «Общество имеет целью содействие просвещению абхазского народа. Обязанностью Общества считается содействие воспитанию и образованию абхазцев и распространение полезных знаний среди них. Средствами к достижению названной цели признается: материальная и нравственная помощь абхазцам, ищущим просвещения, устройство для них в Сухуме и при учебных заведениях округа пансионов и общих квартир, открытие школ разных типов и специальностей, содействие существующим школам, устройство библиотек, читален, выставок и музеев, организация медицинской и юридической помощи, чтений и бесед для народа, издание учебников, брошюр и листовок по всем вопросам народнохозяйственной жизни и т. д.»

Обществом было издано несколько абхазских книг, в том числе первые поэтические произведения Д. И. Гулиа («Стихотворения и частушки» и «Письмо юноши и девушки, еще несколько частушек и стихов»), а также «Краткий очерк истории абхазской церкви» Мих. И. Тарнава (Сухум, 1917).

Постановлением правления Общества от 4 января 1913 года было решено создать в с. Лыхны местную организацию под названием «Бзыбский комитет Общества распространения просвещения среди абхазцев». В состав комитета были из-

рассказ «Эшер», а также повесть «Неверный шаг», основное действие которой происходит в Новофонском монастыре. Писатель встречался и с представителями абхазской интеллигенции. В Сухуме, например, он познакомился с Тарасом Анчабадзе и его сыном Вазаном, студентом Петербургской военно-медицинской академии (В. Г. Ячлия. Алексей Толстой — Аҭсны. — „Аҭсны катшь“, 21.IV.1978). В Сухуме в 1912—1913 годах некоторое время жил (лечился) также известный эстонский писатель и мыслитель А. Х. Таммсааре. В его письмах из Сухума много интересного о культурной жизни города, а также «южные растения» («это великолепие») произвели на него огромное впечатление (Л. Сиймискер. Антон Таммсааре. Жизнь и творчество. Таллин, 1977, с. 67).

²³⁷ На содержание этой школы Общество ежегодно отпускало свыше 4 тыс. рублей («Сухумский вестник», 17.IV.1915, № 96).

²³⁸ Регистрация его устава была разрешена постановлением Кутаисского губернского по делам об обществах присутствия от 23 ноября 1909 года.

браны: С. М. Ашхацава (председатель), А. И. Чукбар, К. И. Барцыц, Е. А. Лакербая, К. У. Григолия, Д. К. Солохин²³⁹. 25 августа 1913 года в Лыхны состоялось торжественное открытие Бзыбского комитета. Церковники и просветители, естественно, по-разному определяли задачу Общества. Но даже представитель первых, П. Т. Образцов, кстати, автор статьи «Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина)»²⁴⁰, призывал комитет шаг за шагом терпеливо «изучать духовный капитал, который сквозь длинный ряд веков нес и сохранил абхазский народ»²⁴¹.

Бзыбский комитет решил развернуть работу по записи абхазских текстов. С этой целью С. М. Ашхацава, как мы видели, еще в 1906 году, будучи студентом Юрьевского (Тартуского) университета, с помощью профессора Л. К. Мазинга составил специальный алфавит, состоявший из 77 знаков²⁴². В течение 1913—1916 годов в Бзыбской Абхазии было собрано значительное количество фольклорного материала. В этой работе активное участие приняли народные учителя: Д. И. Алагия, К. К. Барганджия, К. И. Барцыц, К. Ф. Дзидзария, Д. С. Дзкуия, Д. К. Кобахия, М. Ф. Кварчелия, Мих. И. Тарнава, Е. М. Лякоба, Д. И. Лякоба, М. П. Марганья (Сабашвили), Н. С. Патеипа, П. С. Шакрыл, М. С. Пилия, С. Б. Симония (Чамагуа) и другие. Были привлечены также учащиеся сухумских горской школы и учительской семинарии²⁴³. Текстовые записи Бзыбского комитета имеют важную научную ценность как одни из первых документальных образцов точной фиксации живой абхазской диалектной речи²⁴⁴.

Большой интерес к этим материалам проявлял академик Н. Я. Марр. Говоря о своей второй поездке в Абхазию зимой 1913—1914 года²⁴⁵, он писал в 1916 году: «Я останавлива-

²³⁹ «Сухумский вестник», 11.I.1913, № 67.

²⁴⁰ О нем: ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 188, лл. 19—49.

²⁴¹ См.: СЗМ, 1914, № 1, с. 13—16; № 5, с. 78.

²⁴² С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. с. 39—40, прим.

²⁴³ См.: [С. Зыхуба]. Аьсуа фольклор аматериалкуа (академик Н. И. Марр нархнэ акнытэ). Акуа, 1967, азгутакуа.

²⁴⁴ Х. С. Бгажба. Этюды..., с. 144.

²⁴⁵ Первый раз Н. Я. Марр приезжал в Абхазию в самом конце 1912 года, чтобы, как он говорил, «ускорить наблюдения над абхазской речью на месте». Побывал он тогда в городе Сухуме и селах Адзюбжа и Джгерда. В Сухуме ученый провел вечер «среди местной абхазской интеллигенции», которая была «горячо заинтересована изучением родной речи». Марр решил изучить абхазский язык «в родной его среде и атмосфере» — в горном селе Джгерда (Абжуйская Абхазия). Работал он с помощью членов Переводческого комитета Д. И. Гуля, Н. С. Патеипа и С. С. Кашия, а также Н. С. Джанашиа, П. Г. Чарая, И. И. Гуля и др. (Н. Я. Марр. Из лингвистической поездки в Абхазию. — Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938, с. 53—56).

юсь на работах Бзыбского комитета Общества распространения просвещения среди абхазов. Эта работа, между прочим, и вынудила меня совершить поездку в столь неудобное для мирных занятий время. Еще зимой в 1913 г., когда я занимался в Гудауте, абхазская местная молодежь, входившая в состав Бзыбского комитета, выразила желание сотрудничать со мной посылно. Я предложил собирать памятники абхазской устной литературы, в первую голову сказки, и дал некоторые указания»²⁴⁶. Выступая в Сухуме уже во время своей третьей поездки в Абхазию²⁴⁷ в январе 1916 года с лекцией «Кавказоведение и абхазский язык»²⁴⁸, Н. Я. Марр указывал, что «специалисты при изучении языка и фольклора бесчисленных народов нуждаются в содействии местных интеллигентных сил». Он выразил благодарность Бзыбскому комитету «за его работу по собиранию сказок: до настоящего времени записано около 74 сказок на абхазском языке. Но пока еще почти ничего не сделано в области исследования самурзаканского и абжуйского наречий»²⁴⁹.

Между академиком Н. Я. Марром и членами Бзыбского комитета, особенно его председателем С. М. Ашхацава, устанавливаются тесный контакт и дружеские отношения. В 1916 году Ашхацава в Петрограде пересмотрел свой алфавит

Докладывая о своей поездке в Абхазию зимой 1912—1913 годов, Н. Я. Марр особо отмечает: «Услуга, оказанная мне М. И. Гулна, неоценима»; он был одним из «осведомленных источников», автором записи «образчиков абхазской народной словесности» (там же) — имеются в виду «Абхазские сказки», опубликованные Гулна в 1909 году в 40-м выпуске СМОМПК, а затем выпущенные отдельным оттиском. Иван (Миша) Иосифович Гулна (1888—1955) после окончания Сухумской горской школы, в 1906 году прошел курсы при Сухумском городском училище на получение звания учителя начальных школ (ЦУКУО, 1906, № 1, с. 224). В 1907 году он был назначен учителем в с. Джгерда, где вскоре стал заведующим училища, а в 1911—1914 годах работал учителем в Тамышском второклассном училище (ЦГАА, ф. 27, д. 58, л. 2, 114; д. 73, лл. 79—83 об.).

Между прочим, за год до первой поездки Н. Я. Марра в Абхазию, в 1911 году, здесь побывал известный немецкий кавказовед, языковед и этнограф А. Дирр, также с целью «на месте познакомиться с бытом и языком абхазцев». Житель села Багмаран (близ Сухума) З. С. Шакирбай сообщил ученому «интересные подробности» о нравах и обычаях абхазских охотников, а старший его сын, Гриша, ввел Дирра «в тайны абхазского произношения и сообщил немало слов». В результате этой научной экспедиции в 1915 году в СМОМПК (вып. 44, отд. IV, с. 1—23) были опубликованы следующие работы А. Дирра: «Божество охоты и охотничий язык у абхазов», «Список имен, фамилий, названий народов и имен животных у абхазцев, мингрельцев и дагестанцев», «Материалы к изучению языка и быта абхазцев» и «Абхазские слова».

²⁴⁶ Н. Я. Марр. Абхазоведение и абхазский язык. — Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов, с. 131.

²⁴⁷ Зима 1915—1916 года.

²⁴⁸ О лекции Н. Я. Марра на эту тему сообщалось еще в 1913 году. (См.: «Сухумский вестник» от 13 января).

²⁴⁹ Там же, 13. I. 1916. См. также 20. I. 1916.

1906 года в соответствии с указаниями Н. Я. Марра и «дал более последовательную систему и начертание». В 1917 году, по просьбе Ашхацава, была отлита в словолитне Академии наук одна касса этого алфавита²⁵⁰. Бзыбский комитет послал собранные им более 100 сказок Н. Я. Марру в Петроград. Марр работал над этими текстами в течение 1915—1916 годов, готовя их к печати.

Сбор фольклорного материала по Абжуйской Абхазии был поручен Д. И. Гулиа, который записал и передал Н. Я. Марру свыше 50 текстов различных жанров абхазского фольклора. К записи материалов была привлечена группа людей, в том числе учащихся. Это — Григорий (Шабат) Эмухвари, М. А. Лакербай, И. С. Адзинба, М. С. Амичба, Д. У. Хашба, Т. С. Чочуа и другие. Всего же (по Бзыбской и Абжуйской Абхазии) упоминаются 26 собирателей-энтузиастов²⁵¹.

Все материалы по абхазскому народному творчеству, находившиеся в распоряжении академика Н. Я. Марра²⁵², были использованы им для анализа абхазского языка²⁵³. Эти материалы, в том числе бзыбские текстовые записи, были опубликованы в 1967 году (Сухуми) в сборнике «Материалы абхазского фольклора (Из архива академика Н. Я. Марра)» (на абхаз. яз.), подготовленном С. Л. Зухба. В архивном фонде Н. Я. Марра имеется также написанный его рукой «Указатель абхазских имен и фамилий», насчитывающий более 2 000 слов.

Необходимо отметить роль Н. С. Джанашиа, неутомимо работавшего в области изучения этнографии и устного творчества абхазского народа²⁵⁴, в направлении расширения про-

²⁵⁰ С. М. Ашхацава. Указ. соч. с. 40.

²⁵¹ С. Л. Зухба. Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1970, с. 20.

²⁵² В настоящее время они хранятся в фонде Н. Я. Марра Ленинградского отделения Академии наук СССР.

²⁵³ А. Хашба. Предисловие к книге «Абхазские сказки». Сухум, 1935, с. IV—V.

²⁵⁴ Труды Н. С. Джанашиа — замечательного грузинского педагога, краеведа и общественного деятеля — в области абхазской этнографии с 1897 г. печатались в «Моамбе», «Иверии» и «Акакис крбули». На Н. С. Джанашиа, как видно, большое влияние оказал известный грузинский ученый М. Г. Джанашиви, перу которого принадлежит обстоятельный этнографический очерк «Абхазия и абхазцы» (См.: ЗКОРГО, 1894, кн. XVI). Он писал Н. С. Джанашиа: «Будет очень полезно, если Вы приступите и пр силе возможности опишете быт абхазов; соберите их легенды, разного рода сказания о происхождении человека и земли, неба, солнца, луны и других планет. Также будет большой заслугой, если представите старинные надписи, или ознакомите страну с религиозными верованиями и повериями абхазов» (Цит. по: Х. С. Бгажба. Н. С. Джанашиа — краевед Абхазии. — «Труды» АИЯЛИ, XXV, 1954, с. 20). Впоследствии эти статьи были переведены автором на русский язык и академиком Н. Я. Марром опубликованы в журнале «Христианский Восток» под названиями: «Религиозные верования абхазов» (1915, т. IV, в. I) и «Абхазский культ и быт» (1917, т. V, в. III). В 1960 году в Сухуми вышла кни-

граммы Общества по сбору полевого абхазоведческого материала. Академик Н. Я. Марр во время своей указанной выше лекции выразил благодарность лично Н. С. Джанашиа, назвав его своим «сотрудником²⁵⁵ и выдающимся знатоком этнографии Абхазии»²⁵⁶. Н. С. Джанашиа в заявлении, направленном в «Общество распространения просвещения среди абхазцев», писал в том же 1916 году: «Наш священный долг взяться за соби́рание материалов по истории, этнографии и лексикографии Абхазии и спасти все, чего еще не успела коснуться всемогущая разрушительная сила времени»²⁵⁷. На заседании правления Общества от 9 октября 1916 года по этому поводу было вынесено следующее постановление: «Заслушав заявление члена Общества Джанашиа о желательности выделения особой комиссии по истории, этнографии и лексикографии Абхазии, которая бы занялась соби́ранием как памятников устной народной литературы, так и истории и этнографии, с привлечением в эту работу, вместе с Бзыбским комитетом, и всех народных учителей и интеллигентных абхазцев, правление постановило возложить труд по вышесказанному предмету на кандидата правления Джанашиа и членов правления А. Чочуа и Д. Гулиа»²⁵⁸.

Большого внимания заслуживает и деятельность П. Г. Чарая, последователя К. Д. Ушинского и Я. С. Горебашвили, замечательного краеведа, посвятившего всю жизнь делу народного просвещения в абхазской деревне. Его статьи и заметки, начиная с 80-х годов, печатались на страницах «Иверии», «Моамбе» и других грузинских органов. Следует выделить работу Чарая «Об Абхазии и абхазах», посвященную изучению этнографии абхазского народа (См.: «Иверия», 1888, №№ 165,

га Н. С. Джанашиа под названием «Статьи по этнографии Абхазии» (сост. Х. Бгажба). В работах Н. С. Джанашиа содержатся также важные сведения по абхазскому языку и фольклору, социальным отношениям и топонимике Абхазии.

²⁵⁵ Действительно, Н. С. Джанашиа много содействовал Н. Я. Марру в его работе над вопросами абхазоведения, о чем свидетельствует и их оживленная переписка. В одном из своих писем Джанашиа сообщал академику: «А. Чочуа и Д. Гулиа я прочел Ваше письмо: они оба охотно будут работать. Д. Гулиа написал Вам уже письмо и сейчас также просит через меня Вас выслать ему программу работы или указания. Он это лето (1916 г.) всецело хочет посвятить этому делу. Мы (я, Д. Гулиа и А. Чочуа) ждем Вашего абхазского словаря, чтобы приступить к соби́ранию в него невошедших слов» (Цит. по: Х. С. Бгажба. Этюды..., с. 53).

²⁵⁶ «Сухумский вестник», 13.1.1916, № 9. См. также: Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов, с. 131.

²⁵⁷ Цит. по: Х. С. Бгажба. Этюды..., с. 42—43.

Статья Н. С. Джанашиа «Давайте работать!», опубликованная на страницах «Сухумского вестника» от 20 и 21 июня 1915 года, по своему характеру также была призывом к этнографическому изучению Абхазии. В ней содержатся и некоторые этно-топонимические наблюдения.

²⁵⁸ Цит. по: Х. С. Бгажба. Указ. соч., с. 43.

167, 169, 173, 175, 176, 180 и 183). Самым же значительным трудом «самородного лингвиста» (Н. Я. Марр) П. Г. Чарая является исследование «Об отношении абхазского языка к яфетическим», касавшееся отношения абхазского к картвельским языкам. Оно было опубликовано в 1912 году в Петербурге под редакцией и с предисловием Н. Я. Марра. «Книгу эту надо считать большим шагом вперед в деле изучения абхазского языка»²⁵⁹. В частности, она была одним из толчков, побудивших академика Н. Я. Марра заняться исследованием абхазского языка²⁶⁰.

П. Г. Чарая особо отмечал богатые традиции дружбы и взаимного сотрудничества грузинского и абхазского народов на протяжении многих веков. Свои взгляды по этой проблеме он специально изложил в статье «Землевание в Абхазии», опубликованной в № 11 газеты «Квали» за 1897 год. Чарая вместе с тем пропагандировал значение русской культуры, русского языка и литературы. Он был приверженцем национально-освободительного движения в Грузии, с лидерами которого — И. Чавчавадзе и А. Церетели — его связывали долгие литературно-творческие интересы.

Абхазская интеллигенция уже в тот период отдала должное П. Г. Чарая, так много сделавшему для развития культуры родного края²⁶¹. Об этом свидетельствует, например, статья Д. И. Гулна, опубликованная в газете «Апсны» в номере 38 за 1919 год в связи со смертью Чарая. Он разоблачал бездушных чиновников, которые не дорожили умом, знаниями и трудом П. Г. Чарая, достигшего «высших успехов самообразования». Упрекал Гулна и представителей местной интеллигенции за то, что не научились еще «как следует ценить людей умственного труда».

Весьма плодотворными грузинскими краеведами в Абхазии были также Константин Мачавариани²⁶², Тедо Сахокли²⁶³,

²⁵⁹ Д. Гулна. История Абхазии, т. I, Сухум, 1925, с. 22.

²⁶⁰ А. К. Хашба. Академик Н. Я. Марр о языке и истории абхазов. Сухум, 1936, с. 10.

²⁶¹ Подробнее см.: Х. С. Бгажба. Новонайденные материалы о П. Чарая. — Х. С. Бгажба. Этюды..., с. 216—220.

²⁶² Перу К. Д. Мачавариани, «одного из честнейших бытописателей абхазов» (С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1923, с. 54), принадлежат многочисленные работы, главным образом, по этнографии абхазского народа, которые почти систематически печатались с конца 70-х годов (в местных и центральных органах). В 1913 году в Сухуме вышел его обобщающий труд «Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу», в котором содержится обстоятельный историко-этнографический материал.

²⁶³ [Ф. Т.] Сахокли в 1895 и 1903—1904 годах печатался в журнале «Моамбе» и газете «Шнобис пурцели». Его статьи и заметки впоследствии были изданы (на грузинском языке) под общим названием «Путешествие по Абхазии и Самурсавани» (Тбилиси, 1950). В них содержатся ценные сведения по различным вопросам краеведения и общественной жизни Аб-

Антимоз Джугели²⁶⁴ и другие.

«Общество распространения просвещения среди абхазцев» и его Бзыбский комитет (отделение) проводили и другие культурные мероприятия, в частности по пропаганде театрального искусства. Так, 7 января 1912 года в Сухуме, в театре Самуриди, состоялся «Абхазский вечер» («Ситцевый вечер»)²⁶⁵. В связи с этим газета «Сухумские вести» 10 января 1912 года писала: «Абхазцы находятся в исключительном положении. Их учащиеся, как в средних, так и высших, особенно в последних, учебных заведениях, испытывают острую нужду в средствах. Многие из них вынуждены бросать на полпути свое образование. Народившееся молодое общество все силы прилагает к тому, чтобы помочь им, но без сочувствия всего общества, одинаково, казалось бы, долженствующего отнестись к развитию каждой народности в смысле образования, трудно удовлетворить жажду абхазцев в знании. Вечер... прошел оживленно и весело».

28 октября 1915 года в сухумском театре Алоизи шли пьеса «Из абхазской жизни»²⁶⁶ и инсценировка «Абхазская свадьба». Исполнителями были почти одни абхазцы. Более же всего понравилась публике инсценированная свадьба, особенно — танец: «Это было соединение дикого первобытного стихийного танца с тонким искусством хореографии, что и показал талантливый танцор кн. Татархан Анчабадзе». На вечере присутствовало «много абхазцев, и не только местных,

хазин. Сахокиа, как отмечалось, занимался переводом известного романа Д. Л. Мордовцева «Прометеево потомство» (См.: т. XXXII собрания сочинений Д. Л. Мордовцева — СПб., 1902). Сохранилось письмо автора произведения к Сахокиа от 2 апреля 1898 года, проникнутое большой сердечностью к абхазам — «этому историческому царю» (См.: И. Еникелопов. Прометеево потомство. «Заря Востока», З.VII.1964).

²⁶⁴ А. И. Джугели (1846—1925) — грузинский педагог, общественный и культурный деятель, автор ряда учебников и художественных произведений. Активно сотрудничая в различных журналах и газетах («Дрозба», «Иверия», «Шрома», «Пастырь» и др.), он опубликовал ряд ценных статей, посвященных истории, этнографии и народному творчеству абхазов, а также описанию сельскохозяйственных отраслей, местностей края и т. д. (См., например, ЦУКУО за 1886 год, прилож. I, с. 10). Эта работа Джугели, носившая довольно систематический характер и продолжавшаяся на протяжении многих лет, имела важное значение, в частности, в деле ознакомления грузинского читателя с жизнью и духовным миром абхазского народа. В последний период жизни А. И. Джугели особенно активно выступал на страницах сухумских газет, и чаще всего — на злободневные темы. Например, его статья «Пробуждение» («Сухумский вестник», 8 и 11 февраля 1917 года) содержит призыв к учреждению Общества по оказанию помощи студентам-абхазам и оказанию помощи «Абхазскому обществу просвещения».

²⁶⁵ См.: «Сухумские вести», 6.I.1912, № 146.

²⁶⁶ Очевидно, речь идет об инсценировке С. М. Ашхацава по роману Д. Л. Мордовцева «Прометеево потомство». Эта пьеса именно под указанным названием 21 июня 1915 года была поставлена (в пользу «Бзыбского комитета») в м. Гудаута («Сухумский вестник», 19.VI.1915, № 98).

близких Сухуму, но и приехавших из далекой Самурзакани»²⁶⁷. 13 ноября 1916 года Бзыбский комитет провел вечер «чашка чаю»²⁶⁸.

Эти спектакли и вечера носили эпизодический характер; постоянного театрального коллектива или любительского абхазского кружка еще не было; основной формой искусства у абхазов оставалось народное творчество, самым популярным видом которого были песни и танцы. «Но потребность в театральных представлениях у абхазской интеллигенции росла с каждым днем»²⁶⁹.

Уже в 1913 году в одной из сухумских газет отмечалось: «Деятельность местных грузинского и абхазского просветительных обществ носила прежний весьма симпатичный характер»²⁷⁰.

Здесь же следует сказать об «Обществе содействия молодым абхазцам, обучающимся в высших учебных заведениях», возникшем в конце 1916 года, хотя и не успевшем развернуть свою работу. Инициатором его создания был старый грузинский педагог и общественный деятель Сухума А. И. Джугели. «Сердечное участие» в этом деле принял также инженер Р. И. Какуба, а свое время «испытывший всю тягость бедности». Говоря о причинах, побудивших его к созданию этой организации, Джугели писал: «В последнее время, когда все народы сознают пользу образования, и абхазцы стали посылать своих детей в высшие учебные заведения. Но эти господа материально были настолько несостоятельны, что их сыновья переносили страшные бедствия: они или умирали или оставались искалеченными на всю жизнь. Будучи свидетелем всего этого, в особенности смерти студента горного института Шакирбая, я задумал учредить Общество...»²⁷¹.

А. И. Джугели и Р. И. Какуба²⁷² составили устав названного Общества, а затем и «маленький круг доброжелателей абхазского народа» в лице М. Н. Анчабадзе и других. Правление Общества «по мере возможности стало оказывать помощь разным лицам», обучавшимся в различных учебных заведениях. Кроме того, оно добилось, чтобы город отвел земельный участок для строительства «большого общежития» для аб-

²⁶⁷ «Сухумский вестник», I.XII.1915. Об этом «абхазском вечере» см. также: «Сухумский листок», 4.XII.1915.

²⁶⁸ «Сухумский вестник», 13.XII.1916.

²⁶⁹ М. Лакербай. Указ. соч., с. 43.

²⁷⁰ С. Ландев. Местная жизнь в 1912 году. — «Сухумский вестник», I.XI.1913.

²⁷¹ А. И. Джугели. Пробуждение. — «Сухумский вестник», 8.II.1917, № 31.

²⁷² Р. И. Какуба играл активную роль и в «Сухумском обществе борьбы с туберкулезом», будучи его действительным членом (См.: Отчет Общества за 1919 год. Сухум, 1911, с. 20).

хазских детей, обучавшихся в сухумских учебных заведениях²⁷³.

Большую научную и практическую работу продолжало вести «Сухумское общество сельского хозяйства», действовавшее совместно с местной опытной станцией. Его печатный орган «Черноморское сельское хозяйство» (ранее журнал «Вестник Сухумского общества сельского хозяйства», первый номер которого вышел в январе 1904 года)²⁷⁴, ежегодные отчеты, бюллетени и другие материалы достаточно хорошо отражают многогранную работу этой самой крупной и самой деятельной организации в Абхазии в то время. Свою работу Общество сосредотачивало главным образом «на распространении доступными ему способами сельскохозяйственных знаний в среде местного населения, как коренного, так и пришлого, а также и непосредственной подаче им агрономической помощи»²⁷⁵. Общество имело следующие комиссии: экономическую, лесосадовую, курортную, по пчеловодству, птицеводству и др.

Особо следует отметить создание при Сухумской садовой сельскохозяйственной опытной станции, образованной на средства любителей еще в 1894 году, Музея естественной истории в 1907 году с отделениями: ботаническим, энтомологическим, минералогическим и археологическим, а также издания с сентября 1911 года «Известий Сухумской садовой и сельскохозяйственной станции». Важным мероприятием была и организация постоянных показательных участков²⁷⁶, питомников и складов сельскохозяйственных орудий на местах с целью «проведения в среду абхазского населения более рациональных способов использования земельных угодий»²⁷⁷.

Заслуживает внимания, с точки зрения развития интеллигенции, проведение для учителей школ с 1909 года народных чтений по сельскому хозяйству и с 1910 года — сельскохозяйственных курсов. Предметами чтений были, «применительно

²⁷³ А.н. Джугели. Указ. статья.

Между прочим, в этом деле, а также в проведении культурных мероприятий среди населения известную материальную поддержку (пожертвования) оказывал Тимофей Иванович Ануа. Это был один из самых крупных представителей абхазской буржуазии (торговец табаками), купец первой гильдии, гласный Сухумской городской думы (КК на 1915 г., с. 210), человек с некоторым образованием, широкими связями, много путешествовавший и за границей.

²⁷⁴ Количество его подписчиков, например, в 1912 году доходило до 265 чел. Редактировал журнал В. В. Маркович.

²⁷⁵ «Отчет о деятельности Сухумского общества сельского хозяйства за 1912 г.» Ростов-на-Дону, 1913, с. 3.

²⁷⁶ Участки были созданы в селах Лыхны (3 дес.) и Илори (1/8 дес.), в конце 1911 года, а склад орудий — в Сухуме с отделениями в Гудаутах и Лыхны.

²⁷⁷ «С.-Петербургские ведомости», 17.XI.1911, № 257.

к нуждам местной сельскохозяйственной жизни», вопросы виноградарства и виноделия, шелководства, пчеловодства и культуры кукурузы. В программу курсов были внесены следующие отделы сельскохозяйственных знаний: растениеводство, плодоводство, огородничество, южные культуры (чай, бамбуки) и другие. Чтения и занятия проводились силами народных учителей и специалистов Сухумской сельскохозяйственной опытной станции²⁷⁸.

Работа, например, учительских курсов 1915 года прекрасно описана С. Я. Чанба в статье «Кое-что о курсах»²⁷⁹. «Курсист» Чанба восклицал: «Много отрадного с этих курсов вынесли учителя!». Заслугу курсов он видел еще и в том, что «они пробуждают в народном учителе любовь к разным отраслям сельского хозяйства, и он проникается идеей — проводить, путем организации школьного садового хозяйства, в жизнь сельских жителей, среди которых приходится ему жить и действовать, те знания, какие он имеет, ибо народный учитель является не только учителем детей народа, но по нравственному долгу, — и самого народа...».

Признавая, что такие чтения «при строго продуманной программе могли бы внести в этот забытый край луч света», «Сухумское общество сельского хозяйства» решило развернуть работу среди абхазского крестьянства. Из членов Общества еще в 1908 году была избрана специальная комиссия, которая привлекла к своей работе Д. И. Гулиа, А. И. Чукбара, Н. С. Патеипа, Д. Т. Маргания, Н. В. Ладария, штабс-капитана Н. Н. Маршания и других представителей абхазской интеллигенции, которые «оказали ценные услуги своим знанием края и народа»²⁸⁰. Так, в сентябре 1909 года в селе Тамыш с лекциями выступали Д. И. Гулиа (культура кукурузы), Н. С. Патеипа (шелководство) и Н. В. Ладария (виноградарство), имея аудиторию в 140 человек. Причем организаторами этих чтений были: по Абжуйской Абхазии — Д. И. Гулиа, Бзыбской — А. И. Чукбар²⁸¹. С целью «распространения ясных знаний в абхазском населении» предполагалось не ограничиться чтениями в г. Сухуме, но и перенести их также «в более глухие места Абхазии», определяя местами чтений наиболее густонаселенные села края: Лыхны, Бармыш, Калдахвара, Ачандара, Моква, Тамыш, Поквеш, Бедиа. Темами для чтений должны были быть: строение человеческого тела и элементарная гигиена, явления природы, география Кавказа

²⁷⁸ ЧСХ, 1911, № 4, с. 234—236; № 5, с. 320—327; 1913, №№ 3—4, с. 179—197; 1914, № 3, с. 16—23; Отчет о деятельности СОСХ за 1912 г., с. 10—11; там же за 1914 г., с. 31—32.

²⁷⁹ См.: «Сухумский вестник», 29.VII.1915, № 131.

²⁸⁰ Отчет о деятельности СОСХ за 1908 год. — ЧСХ, 1909, № 1, с. 8—9.

²⁸¹ ЧСХ, 1910, № 1, с. 39—42; № 2, с. 61—64.

и прилегающих стран, путешествия, сельскохозяйственные чтения «с учетом местных потребностей»²⁸².

С целью же «подачи агрономической помощи местному населению», «Сухумское общество сельского хозяйства» с 1911 года начало издавать как приложение к «Черноморскому сельскому хозяйству» популярный журнал «Черноморский селянин» (редактор В. В. Маркович) и рассылать его «в недра абхазской деревни», причем количество получателей журнала уже в 1912 году достигает 700 чел.²⁸³. Примечательно и то, что листок в 1914 году дал приложение на абхазском языке — перевод брошюры И. М. Нинемяги «Посадка плодовых деревьев в Сухумском округе»²⁸⁴.

Многие абхазские интеллигенты были членами «Сухумского общества сельского хозяйства»; одно время заместителем его председателя являлся подполковник Константин Григорьевич Шервашидзе²⁸⁵. Как отмечал В. В. Маркович, к Обществу Шервашидзе «относился с большим уважением и высоко держал его знамя, являясь постоянною связью общества с абхазским народом»; «старался освещать сельскохозяйственные нужды абхазского народа, которые он досконально знал», «очень сердечно относился и к опытной станции, за работами которой он постоянно следил и хорошо знал ее дела...»; «как крупный помещик он всегда все результаты работ станции и Общества применял в своем хозяйстве и пропагандировал их среди населения...»; вообще, «не говоря уже о городской думе, членом которой он долго состоял, не было общества в Сухуме, где бы князь Константин не участвовал и не защищал своих абхазцев»; одним словом, К. Г. Шервашидзе «был незаурядной личностью и выдающимся работником. Как чело-

²⁸² Отчет о деятельности СОСХ за 1908 г., с. 9—10.

²⁸³ Отчет о деятельности СОСХ за 1912 г., с. 9; «Отчет о краткосрочных сельскохозяйственных курсах для народных учителей...» за 1912 г. Ростов-на-Дону, 1913, с. 1.

²⁸⁴ Отчет о деятельности СОСХ за 1914 г., с. 7.

²⁸⁵ К. Г. Шервашидзе (1858—1914) в свое время окончил Владимирскую Киевскую военную гимназию, а затем военное училище и офицерскую стрелковую школу. Он был участником русско-японской и первой мировой войн. Командуя 203-м Сухумским пехотным полком, в составе 2-го Кавказского армейского корпуса, подполковник К. Г. Шервашидзе погиб 14 октября 1914 года у с. Коробец под г. Сувалки (Польша). Он имел несколько боевых орденов (св. Анны 2 и 3 ст., св. Станислава 2 и 3 ст., св. Владимира 4 ст. и румынский) и медалей. К. Г. Шервашидзе был похоронен в ограде Сухумского кафедрального собора, хотя он и просил предать его прах земле в родном селе Тамыш. С целью увековечения памяти К. Г. Шервашидзе были учреждены стипендии его имени в Сухумском реальном училище, Сухумской женской гимназии и при Сухумской практической школе садоводства для абхазских детей (ЦГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 227—944, лл. 33—42; «Закавказская речь», 29.XI.1914, № 22; ЧСХ, 1915, № 7—9; с. 3).

другие. Создавались шедевры ландшафтной архитектуры. Гагрский приморский парк, заложенный в 1902—1905 годах по проекту Е. В. Шервинского, стал одним из наиболее интересных в архитектурном отношении среди парков Черноморского побережья. Богатой коллекцией редкостных насаждений и оригинальной композицией известны Сухумский дендропарк, заложенный Н. Н. Сметским, парк «Синоп», «в котором существовал лучший и самый большой на побережье торговый питомник декоративных растений»²⁹⁰, Гульрипшский лесопарк и другие²⁹¹.

В. В. Марковичу принадлежит важное место в развитии науки субтропического хозяйства на Черноморском побережье Кавказа. За свою жизнь он написал свыше 150 научных работ. Маркович, к тому же, как уже отмечалось, — ученый-демократ²⁹² и крупный организатор научной работы. Он был председателем «Сухумского общества сельского хозяйства» и заведующим Сухумской опытной станции, редактором ряда

его труд «Сельскохозяйственные культурные растения на Кавказском побережье Черного моря (От Новороссийска до турецкой границы)». — КСХ. 1894, №№ 34, 35, 37. Имение П. Е. Татаринова затем (в начале XX в.) перешло во владение бывшего московского городского головы К. В. Рухавишниковца, ставшего постоянным жителем Сухума.

²⁸⁹ Сад профессора А. А. Остроумова был «роскошный, чисто тропический», который уже в первые годы XX века «сделал значительные успехи, приводящие всякого посетителя в изумление». А. С. Ермолов писал и о той «любви к делу и о том значении, с которым владелец проф. Остроумов... относился к своему саду, для которого он не жалеет ни средств, ни труда» (А. С. Ермолов. Указ. соч., с. 94).

²⁹⁰ А. С. Ермолов. Указ. соч., с. 93.

²⁹¹ М. Т. Бгажба. Растительные ресурсы Абхазии и их использование. Сухуми, 1964, с. 17 и сл.; К. Тугуши. Экзотам — дорогу в леса и парки! — «Советская Абхазия», 7.1.1978.

²⁹² К отмеченному выше добавим, что 4 января 1911 года В. В. Маркович, в бытность свою в служебной командировке в Петербурге, был приглашен к директору департамента полиции графу Игнатьеву, который объявил ему, что он, согласно письму наместника Кавказа графа Воронцова-Дашкова, после предварительного обыска, немедленно отстраняется от должности и подлежит изгнанию из пределов Кавказского края как «человек опасный». А конкретные мотивы были следующие: 1. Напечатание заметки (некролога) о секретаре «Кавказского общества сельского хозяйства», институтском друге, «честном, прямом и прогрессивном» С. П. Эрванов, который во время студенческих «беспорядков» в 80-х годах «утихомирил» офицера, выслужившего «лучшие заветы студенчества» (См.: ЧСХ за 1910 год (сентябрь), с. 206—269). Марков обвинялся в оскорблении чести армии. 2. Невывешивание флагов во время царских праздников и не празднование этих дней, а празднование рабочими станции 1 Мая. 3. «Сухумское общество сельского хозяйства» занимается политикой. 4. Сбор «у себя под видом сельскохозяйственных заседаний революционеров» (ЦГАА, ф. 9, д. 99, лл. 1, 3—4, 7—10). За В. В. Марковича заступились видные русские ученые, в том числе П. П. Семенов-Тянь-Шанский (См. письмо последнего от 12 января 1911 года сенатору, помощнику наместника на Кавказе по гражданской части Э. А. Ватапи. — Там же, лл. 106.—12). В. В. Маркович был оправдан судом «ввиду отсутствия состава преступления» (Там же, л. 29 об.).

сельскохозяйственных печатных органов. Знаменитый русский ученый и путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский, будучи вице-председателем «Русского географического общества», в 1911 году так характеризовал В. В. Марковича: «...Я знаю В. В. Марковича с лучшей стороны, как исследователя и наблюдателя природы Кавказа, несколько раз Общество поручало ему экспедиции, снабжая его средствами, много его прекрасных научных статей помещено в изданиях Общества, за свои ученые заслуги Маркович удостоен от Общества в 1904 году золотой медалью. В настоящее время у Марковича на Кавказе начато несколько работ...»²⁹³. О Марковиче высоко отзывался и И. Чавчавадзе.

Отметим также роль сухумской учительницы В. Э. О कोरोковой и гудаутского садовода П. Ф. Лопатина. О कोरोкова часто выступала среди крестьян с докладами, посвященными птицеводству²⁹⁴ и т. д. Лопатин в 1907 году издал брошюру «О сбыте персиков», а в 1913 году на съезде деятелей Черноморского побережья сделал доклад «О желательных улучшениях в деле современного транспортирования фруктов с Черноморского побережья Кавказа»²⁹⁵. Как писал профессор В. В. Маркович, П. Ф. Лопатин «всегда принимал самое активное участие в различных общественных начинаниях Сухумского общества сельского хозяйства, состоял сотрудником журнала Общества»²⁹⁶.

²⁹³ ЦГАА, ф. 9, д. 99, л. 12.

В 1924 году А. М. Чочуа в письме в Совнарком Абхазии, в котором возбуждалось ходатайство об издании научных работ В. В. Марковича, писал: «...В. Маркович, бывший зав. Сухумским ботаническим садом и Опытным полем, более двадцати лет занимался исследованием отдельных, наиболее важных для Абхазии растений. Результатом его научной, кропотливой и усидчивой работы явились весьма солидные труды по сельскому хозяйству, имеющие практическое и теоретическое значение» (А. М. Чочуа. Собрание сочинений, т. 3. Сухуми, 1976, с. 284).

²⁹⁴ ЧСХ, 1913, №№ 3—4; 1915, №№ 10—11. Статья В. Э. О कोरोковой «Беседа о птицеводстве» была опубликована в «Черноморском селянине» (№ 1, 1915; см. также № 24, 1914).

²⁹⁵ ЧСХ, 1914, №№ 1—2.

²⁹⁶ ЦГАА, ф. 833, д. 29, л. 1.

В. В. Маркович также писал: П. Ф. Лопатин «хорошо известен мне как пионер культуры персиков на Черноморском побережье Кавказа... Его хозяйство представляло как бы маленькую специальную опытную станцию по культуре персиков... Персики гр-на Лопатина на всех выставках награждались высшими за персики наградами, а на рынках стоили стояли вне конкуренции» (Там же.). Это был тот П. Ф. Лопатин, который в 1900 году, проживая после сибирской ссылки в Пскове, вместе с братом Н. Ф. Лопатиным оказали В. И. Ленину крупную материальную поддержку — 10 000 рублей на издание газеты «Искра». В Абхазии (в поселке села Лыхны, Бамборе, возле г. Гудауты) Лопатины купили землю в 1899 году, где Павел Федорович и создал свой знаменитый опытно-промышленный персиковый сад (Подробнее об этом: Г. А. Дзидзария. В. И. Ленин и Абхазия. Сухуми, 1977, с. 21—22).

Наблюдается большая активность по созданию и других общественных организаций, ставивших своей целью проведение культурно-просветительных мероприятий, повышение научно-культурного уровня интеллигенции.

Так, еще в 1908 году, когда состоялся I Всероссийский съезд народных университетов, в Сухуме было основано «Общество народных университетов». А за год до этого в Тифлисе был создан первый народный университет в Грузии²⁹⁷. В. И. Ленин в записях, сделанных во время VI (Пражской) Всероссийской партконференции (1912 год), отмечая существование этого общества в 1909—1910 годах, подчеркивал, что социал-демократы «не могут его использовать»²⁹⁸. И действительно, как констатировалось на страницах газеты «Сухумский листок» от 21 июля 1911 года, тогдашний состав правления Общества «совершенно бездействовал и нашел в конце концов лишней ненужной роскошью для Сухума народный университет; он рекомендовал закрыть его и ликвидировать дела». Но в Общество входили и такие деятели, которые вели борьбу за превращение его в действенную организацию по разветвлению научно-популярной работы среди широких масс. Это были большевики К. Н. Магаров, В. З. Добровольский, педагоги и общественные деятели Н. С. Джанашиа, В. Э. Огорокова и М. Л. Томара.

Уже в конце 1910 года положение в Обществе несколько меняется. Было избрано новое правление. «Быть может, благодаря энергии нового правления, а главным образом благодаря, по-видимому, общему более бодрому тону в общественной жизни, в которой забрезжали какие-то искорки света, самодеятельность местного интеллигентного общества поднялась»²⁹⁹. Теперь функционировали вечерние классы с более чем 60 слушателями. К работе Общества привлекаются педагоги гимназии и реального училища, врачи и некоторые другие представители интеллигенции. Был устроен ряд лекций по физиологии, прочитанных врачом В. М. Махвиладзе. Присяжный поверенный М. Л. Томара выступал с лекциями, посвященными проблеме брака в произведениях Г. Ибсена³⁰⁰.

Положение в Обществе, можно сказать, коренным образом изменилось, когда его возглавил М. Л. Томара — видный общественный деятель города, известный как человек, который «категорически требовал» «побольше обращать внимание на начальное образование»³⁰¹. В бесплатной вечерней школе те-

²⁹⁷ Б. В. Бакурадзе. Основные этапы развития народных университетов. Тбилиси, 1974, с. 27.

²⁹⁸ См.: журн. «Пролетарская революция», 1941, № 1, с. 149.

²⁹⁹ «Закавказье», 22.XII.1910, № 290; «Закавказ. речь», 14.I и 1.II.1911.

³⁰⁰ Там же; «Сухумский вестник», 31.X.1910, № 23.

³⁰¹ «Сухумский вестник», 17.VIII.1915, № 96.

перь постоянно занималось свыше 130 человек. Проводились лекции по различным отраслям знаний. Сам Томара, например, читал «строго систематизированные лекции по истории». В начале 1913 года Обществом было устроено литературное утро в память Н. А. Некрасова, которое «имело шумный успех»³⁰². На правах секции Общества работал грузинский драматический кружок, который 8 июля 1914 года в театре Алоизи поставил пьесу «Барин и крепостной» по произведению И. Чавчавадзе «Рассказ нищего».

Теперь в народном университете часто выступали большевики. Используя легальные возможности, они говорили перед рабочей аудиторией о нуждах народа, разоблачали ликвидаторов, предававших интересы рабочего класса³⁰³. Член партии с 1908 года Л. К. Тиракьян сообщает, что в «Сухумском народном доме, под видом преподавания общеобразовательных предметов, слушателям читались лекции об учении Маркса, Ленина... Там же устраивались диспуты с меньшевиками»³⁰⁴.

История этой общественной инициативы интересна для нас не только с точки зрения ее практического значения, но и как одна из форм участия в общественной жизни края различных категорий интеллигенции. Это относилось, как мы видели, и к представителям большевистской партии³⁰⁵. В Абхазии в этот период действовал ряд партийных организаций. Наиболее сильной из них была Сухумская. В укреплении этих организаций огромную роль играла «Правда» — один С. И. Кухалейшвили в Сухуме получал до 50 экземпляров этой газеты. Не случайно в «Адресной книге ЦК РСДРП», являющейся ценным источником для изучения деятельности Центрального Комитета в 1912—1914 годах, Сухум упоминается трижды, а в октябре 1913 года в Сухуме и Гудаутах были получены резолюции Поронинского («Августовского», «Летнего») совещания ЦК партии. Как писал М. Н. Давиташвили (Давыдов) из Парижа летом 1914 года, В. И. Ленин «очень доволен сообщением с приморском городе» — Сухуме³⁰⁶.

Интересную работу вело и «Сухумское общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа»³⁰⁷. Проект об его организации возник еще в начале 1913 года по инициативе группы агрономов, лесничих и преподава-

³⁰² Там же. 11.1.1913, № 67.

³⁰³ Л. Прицкер. Поиск рождает поиск. — «Советская Абхазия», 9.1.1973.

³⁰⁴ ЦГАА, ф. 840, оп. 2, д. 39, л. 3.

³⁰⁵ Кроме уже названных, отметим еще старого партийного работника С. И. Кухалейшвили, который в начале 1917 года был избран в состав правления Общества («Сухумский вестник». 1.11.1917, № 26).

³⁰⁶ См.: Г. А. Дзидзария. В. И. Ленин и Абхазия, с. 41—45, 49.

³⁰⁷ В 1919 году оно было переименовано в «Сухумское общество любителей природы».

телей-естественников. Однако в связи с начавшейся войной оно стало работать лишь с 13 июня 1915 года, когда на общем собрании его членов было избрано правление. Общество стремилось «привлечь и объединить местную интеллигенцию в работе»³⁰⁸ для изучения «всеми доступными... способами» края и окружающих его районов «в отношении строения состава его поверхности, недр, растительного и животного мира, истории, быта и хозяйства населяющих его народностей». Для достижения этих целей Общество: «а) производит всякого рода научные исследования, снабжает экспедиции, командировывает отдельных лиц... б) устраивает заседания, научные беседы, сообщения и чтения, в) печатает свои труды..., г) устраивает библиотеку и музей..., д) устраивает и содержит станции для научных исследований, убежища в горах, проводит и улучшает дороги и тропинки...»³⁰⁹.

Среди довольно многочисленных членов Общества (113 чел.) видим Д. И. Гулиа, Н. С. Джанашиа, В. Г. Гурджуа, Г. М. Зухбай, И. С. Мушба, Г. Д. Аджамова, С. К. Маргания, Д. Л. Хварцкия³¹⁰ и А. Х. Чукбара, а среди членов-сотрудников (14 чел.) — С. Я. Чанба, М. Г. Гобечия, Д. С. Дзкуя, В. Н. Маргания, А. С. Шоуа, Р. К. Чхебелая и других. Академик Н. Я. Марр являлся почетным членом этого Общества³¹¹.

Научная деятельность Общества выражалась главным образом в проведении докладов, лекций, сообщений на общих заседаниях и научных бесед. В 1915—1916 годах, например, были проведены такие научные беседы, как «О получении некоторых лекарственных веществ из растений Сухумского округа» (В. М. Козлов), «Религиозные верования абхазов» (Н. С. Джанашиа), «О тварчельском каменном угле» (В. М. Козлов), «К истории этнографии Абхазии» (С. А. Алферов), «Лекарственные растения Сухумского округа» (Я. Я. Мушинский), «Грибные болезни культурных и диких растений Сухумского округа» (В. К. Семашко), «Заслуги И. И. Мечникова в науке» (А. П. Георгобиани), «Видимости Аджарских и Понтийских гор» и др. Общество, по инициативе члена его правления Н. С. Джанашиа, обратилось к ака-

³⁰⁸ «Отчет о деятельности Сухумского общества любителей природы...» (1915 и 1916 гг.). Сост. В. К. Семашко. Сухум, 1917, с. 3.

³⁰⁹ «Устав Общества любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа». Сухум, 1915, с. 1—2.

³¹⁰ О нем К. Д. Мачавариани писал: «Дмитрий Хварцкия, прекрасно владеющий русским и местными языками и живущий в сел. Киндги, является прекрасным знатоком всего Кодорского участка и всех его достопримечательностей. Гостеприимный его дом всегда к услугам для всякого рода посетителей» (К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 118). Интересно также отметить, что Дмитрий (Беслан) Хварцкия находился в близких родственных и дружеских отношениях с Шалвой Дадияни, а также был хорошо знаком с Константином Гамсахурдиа.

³¹¹ В. К. Семашко. Указ. отчет, с. 21—24.

демику Н. Я. Марру с просьбой сделать сообщение о своих исследованиях в Абхазии, 10 января 1916 года Н. Я. Марр прочел лекцию «Кавказоведение и абхазский язык». В заключение лектор высказал пожелание, чтобы «местные интеллигентские силы содействовали специалистам при изучении языка и фольклора бесписьменных народов»³¹².

17 февраля 1917 года состоялось объединенное заседание «Сухумского общества любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа» и «Сухумского медицинского общества»³¹³, на котором были обсуждены следующие доклады: «Материалы к изучению питьевых и минеральных вод Сухумского округа» (В. М. Козлов), «К статистике населения в Сухуме» (А. Л. Григория), «Об организации продажи молока в Сухуме» (П. И. Подгурский) и другие. В мае 1917 года в помещении театра Алоизи был открыт музей — археологические, этнографические, ботанические, геологические и минералогические, зоологические и энтомологические коллекции. В том же году благодаря содействию Н. Я. Марра были присланы ценные издания Академии наук из Петрограда, которые пополнили библиотеку Общества³¹⁴.

В Абхазии, в основном в Сухуме, существовал и ряд других общественных организаций³¹⁵. Не даром еще 14 августа 1904 года корреспондент тифлисской газеты «Новое обозрение» сообщал: «В последнее время в нашем городе (Сухуме.— Г. Д.) замечается... обилие нарождающихся обществ, преследующих самые различные цели».

Названные общественные организации носили характер научных объединений, а некоторые из них и профессиональных союзов, ставивших своей целью также материальную помощь и защиту интересов своих членов. Социальный состав их зачастую был неоднородным. Это особенно относится к «Сухумскому обществу сельского хозяйства», которое в значительной мере выражало интересы преуспевающих помещиков и кулачества и других буржуазных элементов. С другой

³¹² [В. К. Семашко]. Отчет о деятельности Сухумского общества любителей природы..., с. 7—16.

³¹³ Краткую историю этого Общества, ведшего интересную работу, см.: «Сухумский листок», 8.XII.1913, приложение.

³¹⁴ «Отчет о деятельности Сухумского общества любителей природы Сухумского округа за 1917 и 1918 гг.», Сухум, 1919.

³¹⁵ Кроме упомянутых выше, это — «Сухумское медицинское общество», «Сухумское общество борьбы с туберкулезом», «Сухумское общество изучения Черноморского побережья», «Сухумское благотворительное общество», «Армянское благотворительное общество», «Сухумское эллиническое (греческое) общество» (между прочим, на содержание своего училища в г. Сухуме оно тратило в год 6.500 руб. — «Сухумский вестник», 17.VI.1915, № 96), «Сухумское отделение красного креста», «Сухумское общество взаимного от огня страхования», «Курортная комиссия», которая в 1915 году выпустила первый номер своих «Трудов», и другие.

стороны, среди членов Обществ было немало представителей демократической интеллигенции, а среди них и революционеров. В целом же эти и другие организации, составлявшие «народную самодеятельность», не являлись массовыми, действительно народными организациями, участие широких масс трудящихся в их деятельности было весьма незначительным.

В развитии общественной жизни в Абхазии, как видели, активную роль играли представители местной русской демократической интеллигенции. Хотелось бы выделить учительских работников, этих истинных поборников просвещения. Являясь в большинстве своем разночинцами, выходцами из гущи русского народа, они несли светоч знания в темную алашу абхаза.

Это — М. К. Маяковский, Н. Варенникова, М. Г. Сандецкая, Ф. Т. Богданов, Г. Л. Леонтьев, А. И. Измайлов, Ф. И. Лукьянов, В. Э. Огорокова, Ф. Я. Аникин, В. К. Соколов, О. М. Чукбар (Лавровз), В. И. Стражев³¹⁶ и многие другие. Михаил Кириллович Маяковский работал учителем-надзирателем Сухумской горской школы в 1871—1874 годах. Из Сухума он уехал, «желая поступить в одно из высших специальных учебных заведений для дальнейшего своего образования»³¹⁷. Н. Варенникова — воспитанница Смольного института (Петербург). В период русско-турецкой войны 1877—1878 годов она была начальницей Сухумской женской прогимназии, которая была эвакуирована сперва в с. Ольгинское, а затем — в с. Окум³¹⁸. Мария Генриховна Сандецкая, выпускница Одесского девичьего института, в 1881 году начала работать учительницей Сухумской женской прогимназии, а в 1883 году, когда ей было всего 25 лет, стала ее

³¹⁶ О нем: ЦГАА, ф. 18, д. 96; ф. 20, д. 137; Х. С. Бгажба. Этюд... с. 202—215.

³¹⁷ ЦГИАГ, ф. 433, оп. 1, д. 186, лл. 1—15; ф. 422, оп. 1, д. 695, л. 2.

М. К. Маяковский был братом прадеда великого советского поэта В. В. Маяковского. Интересно также отметить, что и прадед поэта, К. К. Маяковский, после Крымской войны некоторое время жил в Сухуме (См.: Б. Пирадов. Из херсонских степей в леса Багдада. — «Литературные взаимосвязи», III. Тбилиси, 1972, с. 145—146). Сам Маяковский первый раз в Сухуме побывал в 1901 году (См.: А. А. Маяковская. Детство и юность Владимира Маяковского. М., 1955). А в 1926 году он писал:

Прямо с «Пестеля»
в АбЦИК,
Самсону Чанбе,
конечно,
представиться,
А он в отъезде.
Ну, я и лоник...

³¹⁸ Между прочим, в результате эвакуации прогимназии было потеряно все ее казенное и личное имущество; погибли и все дела Сухумской горской школы, в том числе документы ее воспитанников (ЦГИАГ, ф. 433, оп. 1, д. 193, лл. 7, 18, 29 об.).

начальницей³¹⁹. Филипп Тимофеевич Богданов³²⁰ в начале 90-х годов был смотрителем-директором Сухумской горской школы. Приехал он из Киевской губернии. Одним из его учеников был А. М. Чочуа, который высоко ценил педагогическое мастерство своего учителя, особенно по трудовому обучению. Он был по специальности агроном и сам обучал учащихся сельскому хозяйству и огородничеству³²¹. В начале 1894 года Ф. Т. Богданов был назначен инспектором народных училищ губернии.

Гавриил Леонтьевич Леонтьев также был «любимым учителем» А. М. Чочуа. Это был педагог высокой квалификации, настоящий воспитатель и убежденный демократ. Впоследствии, в 1926 году, Г. Л. Леонтьев в письме на имя А. М. Чочуа писал: «1 сентября исполнилось 32 года моей непрерывной педагогической деятельности, 32 лучших года моей жизни отданы школе. Все это время я неуклонно старался возбудить и поддержать в учащихся стремление к дальнейшему образованию, а беднейших детей крестьян и рабочих, без различия национальностей, отправлял в центр для получения специального образования... Насколько это так, ты можешь засвидетельствовать сам. Своими скудными учительскими средствами я делился в таких случаях с отправляемыми учениками»³²². А. И. Измайлов перед и в начале первой мировой войны служил инспектором народных училищ Абхазии — «прекрасный человек и хороший педагог-администратор». Он «пользовался среди учительства большим авторитетом и уважением»³²³.

Федор Яковлевич Аникин³²⁴ ряд лет работал попечителем учебных заведений Абхазии. Это был высокообразованный и глубоко знающий свое дело человек, который немало сделал на поприще просвещения в крае и в первые годы Советской власти³²⁵. Выступая в селе Лыхны, в связи с открытием здесь высшей начальной школы в 1916 году, Ф. Я. Аникин заявил: «Воякая школа, будет ли это низшая или высшая, имеет громадное значение для народа. Она воспитывает детей и дает последним направление, которому дети и в зрелом своем возрасте остаются верны». Характеризуя это направление, он го-

³¹⁹ ЦГАА, ф. 21, д. 121, лл. 18—19; лл. 4—5.

³²⁰ В этой должности М. Г. Сандецкую видим и в 1887 году (КК на 1888 г., с. 191).

³²¹ ЦУКУО, 1899, № 11, с. 995—1000).

³²² А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 33.

³²³ Там же, с. 37, 251 и др.

³²⁴ Там же, с. 68. См. также: Ст. Алферов. А. И. Измайлов. — «Кавказ», 26.1.1910, № 20.

³²⁵ О нем: ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 9.

³²⁶ Ф. Я. Аникин с момента установления Советской власти в Абхазии был зав. библиотечным отделом Отдела народного образования Ревкома Абхазии (зав. С. Я. Чанба), а в 1926—1930 годах работал заведующим Абхазским детским домом в г. Гудаута и преподавал в средней школе.

ворил: «Школа в тесном единении с семьей имеет верное воспитательное значение: она развивает ребенка, будущего человека, умственно и нравственно; она раскрывает глаза на мир и понимание его; она воспитывает в ребенке не только человека, но и честного гражданина человеческого общества. Высшая начальная школа в данном случае является как бы фундаментом для культурных и просветительных целей абхазского народа. А раз имеется фундамент, то надстройка тоже не замедлит явиться. Абхазское общество, без сомнения, поддержит это доброе начинание как нравственно, так и материально, особенно же передовые люди его, понимающие всю горькую нужду абхазского народа в просвещении и образовании»³²⁶.

Вот что писал работавший в те годы в Абхазии эстонский педагог А. Мартин: «Федор Яковлевич был свободомыслящий человек, критиковал царскую власть и ее политику, а также положение народного образования на местах... На учительскую должность Аникин смотрел как на что-то высокое и авторитетное»³²⁷. Ф. Я. Аникин находился в большой дружбе с С. Я. Чанба, А. М. Чочуа, А. И. Чукбаром и другими видными абхазскими просветителями. Кстати, он обладал богатой личной библиотекой, укомплектованной очень ценными книгами. В ней можно было найти, например, литературу по истории Великой французской революции и т. д.

Владимир Клавдиевич Соколов (1888—1956) после окончания Новгородской духовной семинарии в 1911 году работал учителем в разных школах Абхазии (Дранда, Сухум, Лыхны), а с 1915 по 1918 год — заведующим Сухумской горской школой. На протяжении всего времени работы он был много раз премирован за хорошие показатели в производственной и общественной деятельности³²⁸. Через его опытные руки прошли многие известные впоследствии представители абхазской трудовой интеллигенции.

Ольга Михайловна Чукбар (Лаврова) (1884—1964) — внучка известного теоретика русского революционного народничества, философа, публициста и социолога П. Л. Лаврова. Училась она в Керченской гимназии, а с конца 1899 года, сдав экзамен на звание учителя при Дирекции народных училищ Кутаисской губернии, начала учительствовать (Цаленджиха, Абаша, Поти). В Абхазии О. М. Чукбар работала с 1916 года — в начальном училище в Гудаутах (вплоть до 1921 года), в местечке, где в это время работал ее муж А. И. Чукбар. Впоследствии, в годы Советской власти,

³²⁶ «Сухумский вестник», I.XI.1916, № 241.

³²⁷ А. Мартин. Из моих воспоминаний об Абхазии. — Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 186/114 А, лл. 27, 96.

³²⁸ ЦГАА, ф. 85, д. 80, лл. 3—3об.

О. М. Чукбар было присвоено звание Заслуженного учителя школы Грузинской ССР и Абхазской АССР. Она проработала педагогом 50 лет³²⁹.

Следует также назвать Людмилу Николаевну Воронову (1879—1967), старую революционерку. В 1904 году она окончила Женские курсы Лесгафта, а в 1912 году — Петербургский политехнический институт³³⁰. Значительную часть своей сорокалетней учительской работы она отдала делу воспитания детей в Абхазии, трудясь в школах Сухума и Цебельды. Преподавала Л. Н. Воронова физическую культуру, русский язык и литературу; активно популяризировала идеи физического воспитания выдающегося педагога профессора П. Ф. Лесгафта в Абхазии.

Об отдельных представителях грузинской учительской интеллигенции и их роли в истории культуры Абхазии уже говорилось. Здесь необходимо остановиться еще на одном из них — Афанасии Георгиевнче Векуа (1876—1954), который в начале XX века сыграл важную роль в организации школьного дела в абхазских деревнях Гудаутского участка (Отхара, Аацы). Интересно, что он, овладев в совершенстве абхазским языком, успешно преподавал и этот язык. А. Г. Векуа, кроме того, являлся автором целого ряда превосходно написанных статей и очерков по абхазской этнографии. Эти весьма ценные материалы в разное время были опубликованы на страницах газет «Закавказье», «Сухумский листок» и журнале «Сотрудник Закавказской миссии». А. Г. Векуа выступал и как активный общественный деятель, защищая повсеместно интересы трудового народа. На формирование его политических взглядов большое влияние оказал Серго Орджоникидзе, с которым он был близко знаком в период революционной борьбы в Абхазии в 1905 году³³¹.

В предвоенные годы в состав абхазской национальной интеллигенции вливаются новые силы, более разнообразные по своему профессиональному признаку. В частности, растет число представителей мелкобуржуазной интеллигенции — низших государственных и торгово-промышленных служащих.

Но по-прежнему резко преобладает учительство, причем с заметным увеличением удельного веса выходцев из трудового населения. В своей массе это уже та группа демократической интеллигенции — органической части трудящихся, которая выдвигает из своей среды целый ряд революционных деятелей. С другой стороны, учителя этого поколения составили

³²⁹ Там же, ф. 833, д. 28, лл. 15—17; КК на 1915 г., с. 321.

³³⁰ Л. Н. Воронова. Воспоминания о П. Ф. Лесгафте. — «Из опыта передовых учителей Абхазской АССР». Сухуми, 1959, с. 165—179; И. П. Лейберов. Цебельдинская находка. — «Наука и жизнь», 1973, № 11, с. 26—31.

³³¹ ЦГАА, ф. 833, д. 29, лл. 5—52; Г. Смирн. Педагог и этнограф. — «Советская Абхазия», 14.X.76.

основное ядро педагогических кадров начальных лет Советской Абхазии. Среди представителей революционной интеллигенции видим первых абхазских большевиков, профессиональных революционеров: С. А. Картозия, Н. А. Лакоба, Е. А. Эшба и другие. Затем следуют: Д. К. Кобахия, М. Г. Гобечия, С. Я. Чанба, Д. Л. Габуния, В. Г. Адлейба, А. С. Агрба и другие деятели народного просвещения и революционного движения в Абхазии³³².

Самсон Алексеевич Картозия (1893—1937) родился в семье крестьянина села Кутол Кодорского участка. Окончив с похвальным листом Сухумскую горскую школу в 1904 году, Картозия поступает в Ставропольскую гимназию (1906—1907 годы), а затем (1907 год) переводится в Кутаисскую гимназию. «Это было непосредственно после революции 1905 года, а Кутаисская гимназия, как известно, отличалась революционными традициями — лучшая часть учеников старших классов принимала участие в революции 1905 года»³³³. Абхазский юноша «с жаждой набрасывается на читку литературы». Речь идет прежде всего о трудах В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. «Пытливый разум молодого тов. Картозия, как видно, был в поисках единственной пролетарской теории, и эту теорию, богатую практику борьбы он находит у Ленина»³³⁴. И уже имея «сравнительно хорошую теоретическую подготовку», он в 1909 году вступает в ряды большевистской партии³³⁵.

В 1912—1913 годах С. А. Картозия руководит ученической организацией, составляет прокламации, которые выпускаются в дни 1-го Мая и 9-го января. Печатание прокламаций он организовал в типографии Киладзе. Летние каникулы Картозия проводил в Сухуме, где состоял в подпольной большевистской организации. Он находился в контакте со многими руководителями большевистских организаций Закавказья³³⁶.

³³² Например, Алексей Сергеевич Агрба (1897—1938) (родился в бедной крестьянской семье с. Лдзаа Гудаутского участка) окончил в 1909 году Новофонскую церковноприходскую школу, в 1913 году — Гудаутскую второклассную учительскую школу, а в 1916 году — Сухумское высшее начальное училище. В том же году он начал работать учителем в родном селе. С 1917 года Агрба включается в революционную борьбу. Он отдал много сил организации вооруженного восстания в Абхазии в 1918 году. В начале 1920 года А. С. Агрба вступает в ряды Коммунистической партии. Летом 1920 года он вместе с другими большевиками был арестован и заточен в Сухумскую тюрьму, затем — в Кутаисскую и Батумскую. А. С. Агрба был освобожден из тюрьмы только после установления Советской власти в крае, тогда же он становится председателем Кодорского уездного ревкома (ЦГАА, ф. 8, лс, л. 15, лл. 71—72, 76, 80); «Борцы за Советскую власть в Абхазии», Сухуми, 1973, с. 9—10).

³³³ Архив АИЯЛИ, ф. 3, л. 210, л. 6. Автобиография С. А. Картозия.

³³⁴ «Червоный металург», Днепропетровск, 21.IX.1934, № 91.

³³⁵ Архив АИЯЛИ, ф. 3, л. 210, л. 6.

³³⁶ Там же, лл. 6—7.

В 1913 году С. А. Картозия поступил на юридический факультет Харьковского университета, где в то время учились такие видные в будущем деятели партии, как В. И. Межлаук, Н. А. Лакоба и И. Н. Маргания³³⁷. С первых же дней он ведет активную политическую работу среди студенческой массы, участвует в мероприятиях университетского большевистского комитета. Харьковская организация поручает ему «ряд ответственных партийных заданий», и он, «не щадя своей жизни для дела партии, с честью выполнял их». Работал Самсон Алексеевич в Иваново-Лисогорском районе, рабочем центре, «составляя ядро большевиков»³³⁸. В 1915 году Картозия был участником студенческой забастовки («культимативной») и массовки, на которой с докладом выступал член большевистской фракции IV Государственной думы М. К. Муранов. Он поддерживал связь и с находившимися за границей большевиками; получал журнал «Социал-демократ», решения партийных конференций и т. д.³³⁹

Нестор Аполлонович Лакоба (1893—1936) членом Коммунистической партии стал в 1912 году. Знакомство его с революционной литературой началось еще в Тифлисском духовном училище, в годы Первой русской революции. «У знакомого судебного чиновника, — писал Лакоба, — впервые знакомлюсь с революционными брошюрами 1905—1906 года». Здесь он и получил прозвище «мутила», а в 1911 году был исключен из Тифлисской духовной семинарии «за участие в революционном... кружке». В 1911—1912 годах Нестор Аполлонович находился в Батуме, давая частные уроки и одновременно готовясь за гимназию. Вскоре он вошел в группу «правдивов». В начале 1913 года царские власти предложили ему покинуть город Батум. Лакоба в этот период «существование свое поддерживает уроками и службой» и до начала 1917 года ведет «пропагандистскую, агитационную и организационно-массовую» работу среди рабочих и крестьян Батумской области (Аджария), Чечни и Гудаутского участка. В последнем ему в конце 1916 года удалось возродить большевистскую организацию. «Царские власти в Абхазии, — отмечал Н. А. Лакоба в своей автобиографии, — уже поставили было вопрос перед наместником Кавказа о моей высылке в Сибирь, но Февральская революция помешала». Высшее же образование Лакоба «завершилось» на первом курсе юридического факультета Харьковского университета, куда он поступил, не имея никаких средств к существованию, в 1916 го-

³³⁷ Б. Е. Сагария. Большая жизнь большевика. — «Известия» АИЯЛИ, VI, 1977, с. 15.

³³⁸ «Червоный металург», 21.IX.1934, № 91.

³³⁹ Там же; Арх. АИЯЛИ, ф. 3, д. 210, л. 7.

ду — после окончания (экстерном) Грозненского реального училища (1915)³⁴⁰.

С юношеских лет живой интерес к революционной политической литературе проявлял и Ефрем Алексеевич Эшба (1893—1939)³⁴¹. Еще будучи учеником 1-й Тифлисской мужской гимназии (1909—1913), он участвовал в организации кружка, который занимался изучением марксизма. Став студентом юридического факультета Московского университета в 1913 году, Эшба сразу же связывается с марксистски мыслящими студентами, а затем входит в группу марксистов университета. В начале 1914 года он вступает в большевистскую партию. В 1916 году Эшба был одним из инициаторов попытки создать единую московскую студенческую партийную организацию, играя руководящую роль в «Группе марксистов» университета. В 1916 году Ефрем Алексеевич был арестован и предан военному суду вместе с некоторыми членами Московского Комитета РСДРП и «Группы марксистов» Московского университета, связанной с названным партийным комитетом. При обыске в квартире Эшба были обнаружены выписки из брошюры В. И. Ленина «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)», № 47 центрального органа большевистской партии «Социал-демократ» от 13 октября 1915 года со статьей В. И. Ленина «Несколько тезисов. От редакции», Базельский и Циммервальдский манифесты и другая революционная литература³⁴². Эшба сидел в Таганской губернской тюрьме, в одиночной камере. Но тюремная обстановка не сломила отважного революционера. Он углубленно работал над собой, много читал, размышлял. А вскоре Ефрему и его товарищам удалось бежать. Недолго гостил Ефрем Эшба нелегально в родном селе. Он перебирается в действующую армию, в Тратезунд, где вступает десятником в 12-ю инженерно (дорожно)-строительную бригаду. Эшба с новой силой включается в революционную работу. Однако через несколько месяцев он был уволен из части за эту деятельность и был вынужден переехать в Батум, где вплоть до Февральской революции вел активную пропагандистскую работу.

Среди учителей, начавших свою деятельность в этот период, следует отметить П. С. Шакрыла³⁴³, В. Н. Харазия³⁴⁴,

³⁴⁰ ПА ГФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, д. 246, лл. 39—43; ф. 124, оп. 1, д. 1054, лл. 1—4; «Вопросы истории КПСС», 1963, № 5, с. 94; М. Т. Бгажба. Нестор Лакоба. Тбилиси, 1965.

³⁴¹ Подробнее о нем: Г. А. Дзидзария. Ефрем Эшба. Сукуми, 1963.

³⁴² ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 2, д. 282, лл. 57—63; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, оп. 2, д. 642, л. 5.

³⁴³ См.: ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 291, л. 8.

³⁴⁴ Там же, д. 259.

Д. Х. Барцыца³⁴⁵, К. У. Григолия³⁴⁶, М. П. Маргания (Сабашвили)³⁴⁷, М. Д. Пилия³⁴⁸, С. И. Дзидзария³⁴⁹, М. А. Маги³⁵⁰, К. К. Лабахуа³⁵¹, Р. К. Чхебелия³⁵² и другие. Многие из них были в числе лучших преподавателей родного, абхазского, языка, К передовым абхазским педагогическим кадрам относились также Константин Колешавидзе³⁵³, Елена Пилия, Юлия Акиртава, Александр Шакрыл, Вера Хасая, Андрей Агрба, Иван Андреевич Вардания, Нестор Хашба, Дмитрий (Иван) Дзкуия и другие³⁵⁴.

Почти все отмеченные выше учителя имели среднее педагогическое образование и работали, в основном, в сельских начальных школах, находясь в тесном общении с местным трудовым населением, тяга которого к знанию все более росла. Многие школы были открыты именно по настоянию населения. Когда в октябре 1913 года в селе Моква собрались представители Кодорского участка, то они заявили: «Мы хорошо сознаем пользу учения, мы знаем, что только образование может вывести нас из настоящего тупика». Обсуждался вопрос и о родном абхазском языке, об улучшении его преподавания^{354*}.

В приговоре схода жителей села Члоу того же Кодорского

³⁴⁵ Там же, д. 36, л. 123; ф. 833, д. 28, л. 27.

³⁴⁶ Там же, лл. 2—3; ООВПХ за 1910—1911 гг., с. 228.

³⁴⁷ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 232, лл. 115—173.

³⁴⁸ Там же, д. 206, л. 220.

³⁴⁹ Там же, ф. 27, д. 117, л. 48; ПА Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, д. 29, л. 219об.; «Советская Абхазия», 9.IX.1927.

³⁵⁰ Там же, д. 170, лл. 2, 119.

³⁵¹ ЦГАА, ф. 830, д. 9; ф. 8, ЛС, д. 157, лл. 97, 113.

³⁵² Там же, ф. 11, д. 85, л. 145.

³⁵³ К. Г. Колешавидзе — «для своего времени хорошо подготовленный и культурный педагог», пользовался большим уважением среди трудового населения («Труды» АИЯЛИ, 1958, XXIX, с. 114; ЦГАА, ф. 27, д. 58, л. 123). Сын Михаил (1894—1921) и дочь Домна (по мужу Барцыц) (р. 1891) также замечательные деятели народного просвещения. Первый — воспитанник Кутаисской (Хонской) учительской семинарии, а вторая — Болбийской церковноучительской (Тифлис) (ЦГАА, ф. 833, д. 28, лл. 23, 27; ф. 8, ЛС, л. 143, л. 65 и др.).

³⁵⁴ См.: ЦГАА, ф. 20, д. 16, лл. 7—8; ф. 8, ЛС, д. 12, лл. 46, 90.

Можно еще отметить: И. Н. Вардания (ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 46, лл. 18; 36 об., 52—53), Н. К. Лабахуа (там же, д. 154, л. 2), М. Н. Маршания (там же, д. 170, лл. 174—176), Е. М. Лакоба (там же, д. 157, л. 140), А. С. Шоуа (там же, д. 297, лл. 14—25), К. К. Барганджия (там же, д. 35, л. 41), Е. И. Лакербай (Барцыц) (там же, д. 36, лл. 74—87), Е. Ч. Анчабадзе (родился в 1887 году в с. Поквеш Кодорского участка; в 1906 году окончил Гальскую второклассную учительскую школу, а в 1910 году — Кутаисское духовное училище; в течение девяти лет преподавал абхазский язык в Гуськой школе; затем работал в Сухумском кафедральном соборе; очень интересовался вопросами медицины и литературы, как рассказывают, писал стихи, Е. Анчабадзе был в близких отношениях с П. Г. Чарая, Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа и другими. — Арх. АИЯЛИ, ф. 1, д. 414, лл. 82—86.

^{354*} «Сухумский вестник», 1913, №№ 278 и 279.

участка от 22 августа 1913 года говорилось: «Для поднятия уровня школьного благосостояния нашли крайне нужным и совершенно полезным иметь вторым учителем местного жителя Антона Логуа»³⁵⁵. Когда же перед молодой учительницей Е. С. Пилия (Шамба)³⁵⁶ встал вопрос о ее трудовой деятельности, она в своем заявлении от 24 сентября 1913 года написала с гордостью: «Я, как абхазка, хотела бы прийти на помощь своим соотечественникам и принести хотя бы небольшую пользу в деле народного просвещения, в котором так нуждается Абхазия»³⁵⁷. А другая молодая учительница, С. Б. Симония (Чамагуа)³⁵⁸, в заявлении от 28 июля 1914 года писала: «Служить делу образования родного мне народа я бы желала в Гудаутском участке, в местности ближе всего мне знакомой»³⁵⁹.

Нельзя здесь не сказать особо и о Е. В. Тарнава (Адлейба)³⁶⁰. В 1916 году она выступила со статьей «Положение сельской учительницы Абхазии»³⁶¹, проникнутой высоким чувством патриотизма, хотя некоторые ее положения и неприемлемы. «Нашей учительнице, — писала она, — недостаточно

³⁵⁵ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 158, л. 174.

А. С. Логуа (1887—1923) окончил педагогические курсы при Сухумском городском 6-классном училище, а затем — при Кутаисском первом городском 6-классном училище (1910 год); в 1910—1917 годах работал учителем в Бедийском, Джирхвинском и Члоуском училищах (ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 158, лл. 156—184; ф. 10, л. 64).

³⁵⁶ Елена Степановна Пилия (Шамба) (1892—1948), окончив в 1913 году Сухумскую женскую гимназию, проходит практику в Гудаутской второклассной школе, затем, в 1914—1916 годах, работает учительницей в сельских начальных школах (Атара, Поквеш и Джирхва), а в 1917—1921 годах — заведующей и учительницей в Абгархукском одноклассном училище (См.: ЦГАА, ф. 833, д. 33).

³⁵⁷ Там же, л. 4.

³⁵⁸ С. Б. Симония (Чамагуа) родилась (1895) в с. Лыхны, в крестьянской семье. В 1910 году она окончила школу в родном селе, а в 1914 году — Сухумские педагогические курсы. Начала Софья Борисовна работать в с. Аацы, затем учительствовала в ряде других сел Гудаутского же участка. Хотя «условия работы были тяжелые», но «любимая работа всегда» для нее «была радостна и утешительна». Работала С. Б. Симония (Чамагуа) плодотворно до пенсионного возраста. Она — заслуженный учитель школы Грузинской ССР (Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1, д. 414, л. 77; ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 234, лл. 36, 41).

³⁵⁹ ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 234, л. 36.

³⁶⁰ Елена Васильевна Тарнава (Адлейба) (1893—1972) родилась в с. Лыхны Гудаутского участка, в крестьянской семье. Первоначальное образование получила в Лыхневской двухклассной школе. Окончив в 1913 году Сухумскую женскую гимназию, она до 1921 года непрерывно учительствовала в разных абхазских селах (Джгерда, Лыхны, Джирхва), несмотря на тяжелые материальные и моральные состояния. За плодотворную работу и в советское время Е. В. Тарнава (Адлейба) была награждена орденом Ленина и удостоена звания Заслуженного учителя школы Грузинской ССР (ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 241, лл. 15—20; д. 248, л. 62; «Советская Абхазия», 5.I.1972).

³⁶¹ См.: «Сухумский вестник», 16.IX.1916, № 203.

разобрать на уроке известный материал по конспекту; ей нужно вести живую беседу со своими воспитанниками, и на переменах, и в праздничные дни, и всегда, когда есть возможность. Эта беседа заключается в том, чтобы дать детям понятие об окружающей их природе, научить их любви к ближнему..., искоренить в них суеверия, которые приносят много вреда в крестьянской среде».

Характеризуя материальное положение сельской учительницы, Е. В. Тарнава подчеркивала, что это — «полная необеспеченность; жалование 30—40 р., на такую сумму не только нельзя приобрести что-либо лишнее, но и на самое необходимое не хватит... Книг достать нельзя; почта приходит редко; город далеко; вдали от семьи, дорогих лиц... Тяжелая тоска ложится на душу... Все это приводит человека к болезни, от которой трудно будет вылечиться за наименьшим средств».

Однако сама Елена Васильевна, оказавшаяся в столь трудных условиях, не падает духом, поскольку хорошо сознает свой долг перед родным народом. «Учительница — это тихий, скромный сеятель на ниве народной. Эта живая работа манит и чарует нас всех, ибо мы должны посвящать себя служению другим братьям и сестрам нашим, бродящим во тьме. Не для себя только мы учились. Стало быть, и не для себя только мы должны жить. Не можем равнодушно, безучастно отнестись к тяжелой, беспросветной жизни. Учитель и учительница, как просветители, должны оказывать влияние на население и постепенно перестраивать жизнь темного люда на разумных началах. Да, жизнь сельской учительницы в Абхазии полна горя и лишений. Но нас — горянок-абхазок это не должно пугать, ибо мы — дочери славной Абхазии, которая рождает людей с огоньком в душе. Мы должны стеною идти на борьбу со встречающимися ныне в нашем народе препятствиями и неприятностями».

А чтобы иметь некоторое представление о конкретной общественной деятельности народных учителей Абхазии, обратимся, например, к отчету о школьном вечере в селе Поквеш 21 ноября 1912 года, где учителем состоял (с 1909 года) Ф. Х. Хашба³⁶². Прежде всего вечер был многолюдным — на нем присутствовали не только односельчане, но и жители соседних сел. Были прочитаны на абхазском языке басни Крылова «Волк и ягненок», «Зеркало и обезьяна», «Крестьянин и работник», «Волк и кот» и другие, а также абхазская сказка «Один идет, а другой за ним». При их чтении слушатели «не

³⁶² Федор Харитонович (Хакуцович) Хашба (ок. 1887—1938) происходил из крестьянской семьи с. Поквеш Кодорского участка, образование получил в Гальской второклассной учительской школе и с 1907 года работал педагогом в разных сельских школах Абжуйской Абхазии.

могли удержаться от смеха, на всех лицах выражалось некрепнее удовольствие»³⁶³.

В подготовке абхазских учительских кадров, помимо Гудаутской и Гальской второклассных учительских школ, значительную роль сыграли двухгодичные курсы при Сухумском высшем начальном училище и Сухумская женская гимназия (до 1909 года — прогимназия)³⁶⁴. Педагогические курсы были открыты в 1912 году, «для подготовки абхазской молодежи к педагогической деятельности»³⁶⁵, по инициативе А. М. Чочуа. На курсах преподавали и такие замечательные учителя, как Д. К. Ксенофонов, Г. Х. Пасько, А. Санадзе и другие. Окончившие педкурсы получали звание учителя начальной школы. За время своего существования (до 1915 года) они выпустили несколько десятков учителей-абхазов, в том числе: Алексея Агрба, Владимира Ампара, Давида Барыца, Кондрата Дзидзария, Акакия Кукбая, Михаила Купалба, Василия Маана (Марганя), Софью Симония (Чамагуа), Нестора Таркила, Дмитрия Дзукуня, Шамиля Хокерба и других, которые затем успешно вели педагогическую работу. Некоторые девушки после окончания гимназии, выдержав экзамен на звание учительницы начальной школы, также шли на преподавательскую работу (Юлия Акиртава, Минадора Колбая и другие)³⁶⁶. Кроме того, еще в 1909 году при Лыхнепской и Очемчирской двухклассных училищах были открыты годичные педагогические курсы по переподготовке учителей абхазского языка³⁶⁷. Существовала и практика присвоения звания народного учителя в результате специального экзамена. Известно также, что почти во всех закавказских учительских семинариях после революции 1905—1907 годов были открыты стипендии для абхазских детей — будущих учителей народных школ³⁶⁸.

В повышении квалификации педагогических кадров, в частности, церковноприходских школ, важную роль играли различные летние учительские курсы, которые, начиная еще с 1896 года, почти ежегодно проводились в разных городах ду-

³⁶³ Ст. А. Школьный вечер в Поквешах. — СЗМ, 1913. № 7, с. 108—112.

³⁶⁴ При гимназии был открыт восьмой дополнительный, педагогический класс, который за период своего существования (1910—1917 годы) выпустил более 100 учителей-женщин для начальных школ (К. И. Квициания. Педагогическое образование в Абхазии (1896—1921 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1964, с. 16).

³⁶⁵ «Сухумский вестник», 12.XII.1912, № 45.

³⁶⁶ А. П. Дудко. Из истории педагогического образования в Абхазии, с. 45, 49—50.

³⁶⁷ К. И. Квициания. Указ. соч., с. 17.

³⁶⁸ С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1923, с. 108.

ховным ведомством³⁶⁹. На курсах читались лекции по русскому языку, дидактике, арифметике, чистописанию, гигиене, по борьбе с алкоголизмом и на другие злободневные темы³⁷⁰. Летом 1916 года, по инициативе Н. С. Джанашина, Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба и А. М. Чочуа, было решено провести летние курсы для преподавателей абхазского языка с участием академика Н. Я. Марра, к которому обратились с просьбой прочесть цикл лекций по абхазскому языку (с привлечением местной интеллигенции), а также познакомить слушателей с краткой историей и археологией Абхазии³⁷¹. Хотя эти курсы и не состоялись, но были собраны сведения об учителях-абхазах, преподававших в то время родной язык в школах Абхазии³⁷². Вместе с тем в самом начале 1916 года была организована лекция академика Марра «Кавказоведение и абхазский язык», о которой говорилось выше и «важнейшие положения» которой были опубликованы на страницах газеты «Сухумский вестник» 13 января того же года³⁷³.

Кроме того, проводились региональные учительские собрания. Например, 23 апреля 1914 года на собрании учащихся церковноприходских школ Гудаутского участка были выслушаны уроки учителя Блабурхвинской школы М. Г. Гобечия по арифметике и русскому языку³⁷⁴.

Из этого поколения абхазских просветителей особого внимания заслуживает Самсон Яковлевич Чанба (1886—1938), ставший затем одним из самых выдающихся деятелей культурной и общественной жизни Абхазии. Родился он 18 июня 1886 года в с. Агара Кодорского участка в бедной крестьянской семье, пережившей трагедию последнего абхазского махаджирства (переселения)³⁷⁵. После окончания Драндской церковноприходской школы Чанба поступает в Сухумскую горскую школу. Из его жизни в этой школе заслуживает особого внимания один примечательный факт — записи образовцов абхазского фольклора³⁷⁶, что, видимо, было связано с дея-

³⁶⁹ Они были проведены: в 1896 году — в Одессе, в 1899 году — в Тифлисе, в 1900—1903 годах — в Харькове, в 1910 году — в Симферополе, в 1911, 1913 и 1914 годах — в Сухуме.

³⁷⁰ А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1951—1917 гг.) Сухуми, 1956, с. 216—219.

³⁷¹ Х. С. Бгажба. Этюды..., с. 52.

³⁷² Список этих учителей см.: А. П. Дудко. Из истории педагогического образования в Абхазии, с. 61—62.

³⁷³ Об этой лекции см. также: «Сухумский листок», 20.1.1916.

³⁷⁴ СЗМ, 1914, № 14, с. 216.

³⁷⁵ Архив АИЯЛН, ф. 2, д. 119, лл. 7, 27.

³⁷⁶ Сохранился составленный С. Я. Чанба примерно в 1902 году рукописный сборник (около 50 больших страниц) под названием «Абхазские сказки, предание, одно стихотворение и заговоры» (хранится в Институте языкознания АН Грузинской ССР). Сказки (пять) имеют параллельный русский перевод, сделанный самим Чанба. Это одна из ранних записей абхазских текстов.

тельностью Абхазской переводческой комиссии³⁷⁷. Руководил им в этом деле учитель Ф. И. Лукьянов³⁷⁸. Полный курс Сухумской горской школы он вместе с четырнадцатью другими учениками, в том числе Иваном Гулиа, кончает в 1903 году³⁷⁹. Затем Самсон поступает в Кутаисскую сельскохозяйственную школу³⁸⁰. Здесь он включается в революционную борьбу учащейся молодежи. В 1904—1905 годах Чанба в Кутаиссе, как отмечал он в своей автобиографии, «участвовал в разных демонстрациях против царского самодержавия и не раз подвергался нагаечным избияниям»³⁸¹. В другом месте Самсон Яковлевич также подчеркивал: «В 1904—1905 гг. революция приобщила меня к социалистическому движению»³⁸². Сельскохозяйственную школу он окончил в 1907 году, но только с 1 сентября 1909 года ему удалось устроиться на работу — учителем в Квитаульском двухклассном училище³⁸³. «Имея ревностное желание получить практику по педагогической части и принести пользу родному краю»³⁸⁴, Чанба решил поступить на Елизаветопольские педагогические курсы, в чем, однако, ему было отказано³⁸⁵, а 30 августа 1910 года он был уволен от службы за непредставление свидетельства на звание учителя³⁸⁶.

Твердо решив посвятить себя делу просвещения родного народа, С. Я. Чанба принимает самые энергичные меры, чтобы получить соответствующее образование. Прежде всего он добивается «увольнительного билета в разные города Российской империи» на определенный срок³⁸⁷. Наконец, Чанба поступает в Кутаисскую учительскую семинарию (в м. Хони),

377 Об этом свидетельствует следующая приписка в конце названного сборника: «Абхазский текст проверял член Комиссии переводческой на абхазский язык благочинный протоиерей Д. Маргани».

378 В Институте языкознания АН Грузинской ССР хранится и рукопись Ф. И. Лукьянова — три части («Мифические сказки», «Сказки нравоописательные» и «Сказки о животных») его работы «Из абхазской народной словесности». Одна часть этой работы под названием «Из космогонических поверий абхазцев» была опубликована в 1904 году в 34 выпуске СМОМПК (отд. III, с. 29—33). Другие части тоже предназначались для публикации в очередном выпуске этого журнала. Они были завизированы Л. Г. Лолатинским и датируются 1902 годом. В сборе этого материала принимали участие С. Я. Чанба и другие ученики Сухумской горской школы. О Ф. И. Лукьянове см.: ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 158, лл. 202—211.

379 ЦГАА, ф. 27, д. 12, л. 29.

380 Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 119, лл. 7, 27.

381 ПА ГФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, д. 466, л. 9.

382 Там же.

383 Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 119, л. 33; ЦГАА, ф. 20, д. 41а, л. 13.

384 Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 119, л. 4. Заявление С. Я. Чанба от 6 марта

1910 г.

385 Там же, л. 40б.

386 Там же, л. 1.

387 Там же, л. 6.

которую успешно окончил в 1914 году³⁸⁸. С сентября того же года он начинает работать смотрителем-директором Квиталевского двухклассного училища³⁸⁹. В 1915 году Чанба решил перейти в Адзюбжинское двухклассное училище или в какую-нибудь школу Гудаутского участка. В своем заявлении об этом он отмечал, что помимо семинарского образования, он имеет сельскохозяйственное, может также руководить хором, гимнастикой и преподавать ручной труд³⁹⁰.

На основании ходатайства школьного попечительства Адзюбжинского училища (попечительский блюститель школы — Екуп Делба)³⁹¹, С. Я. Чанба с 1 сентября 1915 года работает здесь в качестве учителя, а затем и заведующего³⁹². Как сообщает С. Я. Чанба в своей автобиографии, он с того же года состоял членом социал-демократической организации Абхазии, где ему довелось работать с такими большевиками, как С. И. Кухалейшвили и другими³⁹³.

С 1 сентября 1916 года С. Я. Чанба переводится в Сухумскую учительскую семинарию³⁹⁴, где в начальном училище до 1921 года преподает абхазский язык и географию, а также музыке (скрипка). Абхазский язык он преподавал и в Сухумской женской гимназии. В характеристике, данной С. Я. Чанба инспектором народных училищ Сухумского округа Ф. Я. Аникиным 27 июля 1916 года, говорилось: «Он в нравственном отношении безукоризнен, ни в чем предосудительном замечен не был и к своим обязанностям относился добросовестно... Можно надеяться, что будет хорошим учителем, как человек работоспособный и старательный»³⁹⁵.

В 1917—1918 годах С. Я. Чанба был членом Сухумского окружного школьного комитета³⁹⁶ и играл активную роль в борьбе за демократизацию просвещения в крае.

Как свидетельствовал Д. И. Гулиа, одним из активных распространителей абхазской грамоты был и Михаил Леванович (Мажарович) Шервашидзе (Чачба) (1871—1920) — первый абхазский географ и картограф, автор первой абхазской карты («Ацсны ахсаала», 1912). М. Л. Шервашидзе рано лишился родителей, живших в с. Кутол Кодорского участка, и воспитывался в семье крестьянина Абаса Когониа, отца будущего выдающегося абхазского поэта Иуа Когониа. Затем он учился в Сухумской горской школе, вместе с

³⁸⁸ ЦГАА, ф. 20, д. 41а, л. 4.

³⁸⁹ Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 119, лл. 8—9.

³⁹⁰ Там же, л. 11.

³⁹¹ Там же, л. 13.

³⁹² Там же, лл. 14, 17.

³⁹³ ПА ГФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, д. 466, л. 9.

³⁹⁴ См.: КК на 1917 г., с. 396.

³⁹⁵ Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 119, л. 18.

³⁹⁶ ЦГАА, ф. 27, д. 117, л. 80.

Д. И. Гулиа, который отмечает блестящие способности и успехи своего школьного друга³⁹⁷. М. Л. Шервашидзе поступил в Тифлисское пехотное юнкерское училище, после окончания которого, с 1888 года, служил офицером в разных армейских частях (155-й пехотный Кубанский полк, Сухумский резервный батальон, Сухумский пехотный кадровый полк, 77-й Тенгинский полк и другие)³⁹⁸. Первая мировая война М. Л. Шервашидзе застала в Петербурге, когда он командовал 13-м лейб-гренадерским Эриванским полком (Манглиси, около Тифлиса). Он был мобилизован на фронт, служил в Восточной Пруссии. В 1917 году М. Л. Шервашидзе в чине полковника командовал 4-м гренадерским Несвижским полком. Была отмечена его необыкновенная храбрость: «Шервашидзе грудью, с лавиной бесстрашия бросился в бой»³⁹⁹. М. Л. Шервашидзе заслужил несколько боевых орденов и медалей. Он примыкал к сочувствующей революционному движению военной интеллигенции, пользовался доверием революционеров, оказывал им моральную и материальную поддержку, скрывал их от преследования. В действующую армию в 1916 году ушла и его жена Нина Фоминична (урожд. Дидия), закончив курсы сестер милосердия в Петрограде. Она известна как активный деятель в области народного просвещения в Абхазии⁴⁰⁰.

Из заметки Д. И. Гулиа также узнаем, что М. Л. Шервашидзе оказывал помощь и содействие в издании литературы об Абхазии. Он всячески поощрял и поддерживал самого Гулиа в его многогранной деятельности. Особенно интересным было их сотрудничество в период работы М. Л. Шервашидзе над картой Абхазии. В 1912 году, когда Гулиа находился в Тифлисе в связи с работами по переводу разной литературы на абхазский язык и изданием сборника его стихов, М. Л. Шервашидзе часто приходил к нему и консультировался по вопросам географии и топонимики Абхазии. Они предполагали совместно написать большой труд по вопросам абхазской культуры, а ценнейшие топонимические материалы названной карты широко были использованы Д. И. Гулиа при написании его «Истории Абхазии»⁴⁰¹. Сведения и карта М. Л. Шервашидзе использованы также К. Д. Мачавариани в его «Описательном путеводителе по Сухуму и Сухумскому

³⁹⁷ См.: Д. Гулиа. Мишва Чачба. — «Ацсны», 11.1.1920, № 2.

³⁹⁸ ЦГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 706. Послужной список М. Л. Шервашидзе. 14.1.1912.

³⁹⁹ Д. Гулиа. Мишва Чачба.

⁴⁰⁰ См.: «Советская Абхазия», 26.1.1966; 3 IX.1975.

⁴⁰¹ Ш. Д. Инал-ипа. Прыжок благородного оленя. Сухуми, 1974, с. 25.

По свидетельству современников, М. Л. Шервашидзе для сбора материалов совершал своеобразные экспедиции по абхазским селам.

кругу» (с. 4—5). Он писал: «...Недзя не принести самую глубокую благодарность штабс-капитану Эриванского полка князю Михаилу Левановичу Шервашидзе составленней своей неоценимой карты, где приведены все старые существовавшие имена городов, местечек, сел, деревень, гор, рек и озер» (с. 346)

Еще 9 августа 1912 года на страницах «Сухумского листа» был опубликован небольшой отзыв на названную карту, в котором говорилось: «Недавно вышла в продажу карта Абхазии, составленная штабс-капитаном Эриванского полка кн. М. Л. Шервашидзе — знатоком своей родины — Абхазии. Карта составлена очень умело, с сохранением первоначальных, абхазских, названий местностей, гор, рек и проч. ...Заслуживает особого внимания мнение члена правления О-ва распространения грамотности среди абхазцев инженера п. с. Р. И. Какубаза, нашедшего необходимым распространение этой карты Абхазии по всем ее школам⁴⁰², разным сельским, местечковым и участковым правлениям».

Перед первой мировой войной среди абхазской интеллигенции появляются два замечательных врача — В. Т. Анчабадзе и В. А. Шервашидзе⁴⁰³.

Вианор Тарасович Анчабадзе (1890—1937) — сын офицера, общественного деятеля⁴⁰⁴. В три года лишился матери,

⁴⁰² Карта была расценена главным образом на абхазских школьниках и издава в 400 экземплярах.

⁴⁰³ Надо сказать, что в это время в Абхазии несколько увеличивается количество врачей (главным образом за счет приезжих) и лечебных объектов. В 1913 году, например, в Сухуме практиковавших врачей было 28 чел. (в их числе — А. Л. Грисолья, Н. Е. Руссо, А. Н. Нарышкин, А. Д. Мачавариани, В. М. Махвиладзе, В. С. Кошко и др.), зубных — 11, Фельдперов — 14, акушеров — 9. Еще в 1903 году по инициативе проф. А. А. Остроумова была открыта городская больница, а позже — амбулатория при ней. В 1913 году в том же Сухуме имелись 4 аптеки, 3 аптечных магазина и 1 военный лазарет (К. Д. Мачавариани. *Описательный путеводитель...*, с. 56—59). С 1905 по 1914 год в Сухуме в течение курортного сезона функционировало до 20 частных пансионов. Большой вклад в строительство первых в Абхазии санаториев внес Н. Н. Сметской. В Гульриште он закончил строительство санаторных зданий: в 1902 году — белого, в 1905 году — красного. Агудаерский санаторий начал работать в 1906 году (Ш. Д. Гогохия. *Курорты Абхазии*. Сухуми, 1961, с. 16). Сухумские санатории в этот период (например, в 1907—1908 годах) находились «в ближайшем заведывании» доктора С. С. Емельянова (А. С. Ермаков в. Указ. соч., с. 98). Было в Сухуме и несколько небольших гостиниц (в 1913 году — «Россия», «Гранд-Отель», «Ориенталь», «Метрополь», «Франция», «Курорт», «Империал»).

⁴⁰⁴ Тарас Зурабович Анчабадзе (Ачба) (1857—1935) окончил Ставропольскую гимназию, затем — Курское военное училище. Служил с 1878 по 1905 год и ушел в отставку, в чине подполковника, из Сухумского армейского полка. Состоял членом Сухумской городской управы (КК на 1913 г., с. 194), «Сухумского общества сельского хозяйства» и т. д.; содействовал М. Н. Анчабадзе, своей жене, во всех ее культурных начинаниях. Тарас Зурабович — автор ценных воспоминаний о трагическом выселении (махад-

и его воспитывала М. Н. Анчабадзе (Даднани), об образованности и передовых взглядах которой говорилось выше. Детство провел в родном городе Сухуме, где и начал учиться вместе с Варламом Шервашидзе, в начальной школе Высоцкого, у народной учительницы А. И. Ладария; затем продолжал учебу в Батуме и Тифлисе. Он окончил Тифлисскую I-ю мужскую гимназию с золотой медалью. В. Т. Анчабадзе окончил с отличием и Петербургскую военно-медицинскую академию в 1914 году. Затем он — на кавказском, персидском и западном театрах военных действий. Был награжден четырьмя боевыми орденами. Сочувственно относился к солдатам. Являясь старшим врачом полка, Вианор Тарасович заботился о жизни и здоровье людей; рискуя жизнью, активно боролся со свирепствовавшей в войсках эпидемией холеры, осуществляя организационные и лечебно-профилактические мероприятия. В январе 1918 года он отлично окончил венерологические курсы (г. Бобруйск).

В царской армии, в условиях кровопролитной войны, В. Т. Анчабадзе прослужил четыре года. За это время он побывал во многих городах и на окраинах России, служил в рядах действующей русской армии, также в Персии (Иране) и Ираке в 1916 году. Вернулся Анчабадзе в Абхазию лишь в ноябре 1918 года. Он сразу же включился в борьбу с эпидемией испанки в Гудаутском участке. С февраля 1919 года В. Т. Анчабадзе работает в Сухуме в должности окружного врача, а с апреля — начальника Медико-санитарного отдела Комиссариата Абхазии. В начале того же года он открывает урологический кабинет. В. Т. Анчабадзе принимал участие в движении абхазской демократической интеллигенции. В 1920 году он «сочувствовал грузинским эсерам»⁴⁰⁵.

Варлам Александрович Шервашидзе (1889—1957) родился в с. Охурей Кодорского участка. Начальную школу окончил он в Сухуме, а гимназию — в Ставрополе в 1909 году. Затем учился на медицинском факультете Харьковского уни-

жирство) абхазского населения высокогорного села, который приводится в книге Евгения Маркова «Воспоминания охотника» (Тбилиси, 1959, с. 113—114, на груз. яз.). Между прочим, Е. Л. Марков в 1898—1907 годах являлся податным инспектором Сухумского участка Кутаисской казенной палаты (ЦГАА, ф. 1, д. 4425, лл. 5—7; КК на 1901 г., с. 12), а с 1905 года — членом «Сухумского общества сельского хозяйства» (Отчет СОСХ за 1914 г., Сухум, 1915, с. 94). Отметим также, что Т. З. Анчабадзе пользовался «громкой славой бесстрашного охотника» (К. Д. М а ч а в а р и а н и. Описательный путеводитель..., с. 119).

⁴⁰⁵ ЦГАА, ф. 35, оп. 1, д. 153. Личное дело В. Т. Анчабадзе; там же, д. 19, л. 117; «Наше слово», 20.III.1919, № 59.

Подлинный расцвет личности и организаторских способностей первого абхазского врача В. Т. Анчабадзе происходит после победы Советской власти в Абхазии. Достаточно отметить, что он в течение многих лет, одновременно, являлся руководителем Главного курортного управления и Наркомздрава республики.

верситета. В июле 1914 года Варлам Шервашидзе был мобилизован в армию в качестве младшего врача — в 491-й полевой подвижной полк, а с августа 1916 года работал в Сухумском военном лазарете (до 1921 года); в том же году получил звание врача. В. А. Шервашидзе много работал над собой. Он владел английским, французским и немецким языками⁴⁰⁶. Приминая к меньшевикам в годы их господства в крае, В. А. Шервашидзе в то же время нередко сталкивался с ними по принципиальным вопросам; был некоторое время председателем Абхазского народного совета; занимался врачебной практикой⁴⁰⁷.

Появляются в Абхазии и первые абхазские практические работники в области техники. Это было связано главным образом со строительством Черноморской железной дороги и курортов. Строительство дороги форсировалось в связи с надвигавшейся войной и затем с ее началом. Здесь молодые абхазские работники получали и первую революционную закалку, так как на этой стройке всегда была активна революционная работа. Самые крупные рабочие выступления в Абхазии в 1914—1917 годах произошли именно здесь, где действовал ряд большевистских и профсоюзных организаций. Сюда направлялись опытные подпольные работники-организаторы. Известно также, что возрождение Гудаутской организации большевиков в 1916 году под руководством Н. А. Лакоба состоялось на Гудаутском участке строительства Черноморской дороги⁴⁰⁸.

С января 1911 года на строительстве Черноморской железной дороги начал работать сначала разнорабочим, а затем десятником, прорабом Давид Петрович Агрба⁴⁰⁹. С 1916 года он становится членом революционного кружка, организованного техником Ф. И. Христовским, участником Первой русской революции. «Работая под руководством опытного революционера», Агрба и его товарищи стали разбираться в целях борьбы большевистской партии⁴¹⁰. Эта школа помогла молодому Агрба стать впоследствии членом Коммунистической партии (1919 год) и активным участником борьбы за Советскую власть в Абхазии⁴¹¹.

На строительство Черноморской железной дороги в октябре 1914 года пришел и Григорий Александрович Алшунба

⁴⁰⁶ Архив Абгосмузея, ф. 7, оп. 1, д. 21, лл. 1—10б., 4.

⁴⁰⁷ После победы Советской власти В. А. Шервашидзе становится одним из виднейших деятелей здравоохранения в Абхазии.

⁴⁰⁸ Подробнее: Г. А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии. 1910—1921. Тбилиси, 1963, с. 37—38, 75—76.

⁴⁰⁹ Д. Г. Агрба (р. 1891) — сын бедного крестьянина с. Мгулдырхва Гудаутского участка, в 1908 году окончил сельскую школу, затем учился в Гудаутах, но закончить здесь школу ему не удалось.

⁴¹⁰ Архив АНЦЛД, ф. 1, д. 186/114, лл. 14—15, 23а.

⁴¹¹ См.: «Борцы за Советскую власть в Абхазии». Сухуми, 1965, с. 43.

(1897—1976)⁴¹², выпускник Гудаутской второклассной учительской школы. Он начал работать сначала в качестве десятника по техническому надзору, а потом принимал участие в строительстве тоннеля (около нынешней станции «Калдахвара»), моста через р. Бзыбь и т. д. Здесь Алшунба познакомился с передовыми рабочими и специалистами, которые сыграли большую роль в формировании его мировоззрения. Впоследствии он был активным участником революционного движения в Абхазии, на Черноморье и Северном Кавказе⁴¹³.

В 1915 году население Абхазии, всей Грузии всколыхнула весть о смерти Акакия Церетели и Важа Пшавела. В телеграмме, посланной абхазской интеллигенцией в Тифлис в связи с кончиной Церетели, говорилось: «Абхазцы в лице нас выражают своим братьям-грузинам, с которыми в продолжении нескольких тысячелетий делили радость и горе, самое сердечное соболезнование по поводу кончины великого печальника и певца родной земли Акакия, так чудно воспевавшего и наш уголок»⁴¹⁴. Георгий Михайлович Шервашидзе в стихотворении «Акакий» писал: «Светильник души! Нет, не прощаюсь с тобой; люди, подобные тебе, не умирают»⁴¹⁵. В апреле 1915 года в Сухуме был проведен вечер памяти Акакия Церетели⁴¹⁶.

А вот что говорилось в некрологе о кончине Важа Пшавела, опубликованном 5 августа 1915 года в газете «Сухумский вестник»: «В Сухуме получена печальная весть о смерти грузинского писателя, поэта Важа Пшавела, скончавшегося в Тифлисе. Этот писатель был истинным сыном своего народа: он жил его жизнью, радовался его радостями, скорбил о его

⁴¹² Г. А. Алшунба начальную школу окончил в родном селе Калдахвара, а в Гудаутскую учительскую школу поступил при содействии своего учителя Алексея Хитовича Чукбара.

⁴¹³ В советские годы Г. А. Алшунба стал крупным юристом — являлся председателем Верховного суда Абхазской АССР, прокурором Абхазии, заместителем прокурора Литовской ССР. (Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 186/114з, лл. 236—278; «Борцы за Советскую власть в Абхазии». Сухуми, 1973, с. 19).

⁴¹⁴ См.: сб. „აბაზების ვებულო“, თბ., 1915, ვვ. 178.

Классик грузинской литературы Акакий Церетели питал глубокое уважение к абхазскому народу, проявлял большой интерес к его обычаям и устному творчеству. Известная поэма А. Церетели «Гамзрдели» («Воспитатель»), написанная в 1898 году, построена на абхазском народном предании, освещающем проблемы высокой морали, чувства дружбы и братства. Об его отношении к абхазскому устному творчеству свидетельствует и тот факт, что он постоянно обращался за этим драгоценным материалом к Давиду Чхотуа, а Николаем Джанашиа, по его же просьбе, было записано и опубликовано в 1898 году в пятом номере журнала „აბაზების ვებულო“ сказание «Абрскил» (Амирани) — абхазская легенда. А Церетели был в очень близких и дружеских отношениях с писателем Георгием Шервашидзе.

⁴¹⁵ ვ. შერვაშიძის ლირიკის კვლევა, ტფიზი, 1966, ვვ. 96.

⁴¹⁶ «Сухумский листок», 10.IV.1915.

горестях. Эту жизнь, эти радости и горести Важа Пшавела отразил в своих произведениях, о которых не забудут никогда, до тех пор, пока будет звучать на земле грузинская речь. Мир праху писателя, поэта, который честно служил своему народу!».

Сухумской общественностью была отмечена и первая годовщина смерти А. Церетели⁴¹⁷. Памятные дни проводились также в честь других известных деятелей культуры. Например, в июне 1912 года состоялось Утро в память Я. С. Гогешвили⁴¹⁸, а 24 ноября 1916 года, в связи со 100-летием со дня рождения Николоза Бараташвили, на страницах «Сухумского вестника» была опубликована статья, в которой говорилось о «глубоко проникновенных и талантливо написанных произведениях поэта», о том, что поэзия Бараташвили «по своему характеру приближается к творениям поэтов мировой скорби»; в ней «встречается живой отголосок трагической судьбы Грузии».

В этом отношении интересная работа проводилась и в некоторых школах Абхазии. В 1909 году, например, учебные заведения Сухума готовятся к юбилею Н. В. Гоголя⁴¹⁹, а 3 ноября 1911 года в реальном училище чествовали юбилей М. В. Ломоносова⁴²⁰. В 1910 году общественность города довольно широко отметила память Л. Н. Толстого⁴²¹.

Следует остановиться еще на одной специфической области профессионального интеллектуального труда — публицистике. Представители передовой абхазской интеллигенции хорошо сознавали значение периодической печати, это острое идеологическое оружие становится в центре их внимания. Многие из них сами довольно часто выступали на страницах как местной⁴²², так и вообще кавказской прессы. В статьях этих авторов было немало ценного с точки зрения научных вопросов (истории, этнографии, фольклора, языка), а в иных из них — социально-экономических и политических, злободневных проблем. Абхазские просветители хотя пока и не ставили вопроса о революционном преобразовании общественной жизни, но они своим творчеством способствовали

⁴¹⁷ «Сухумский вестник», 29.I.1916.

⁴¹⁸ Там же, 21.XI.1912.

В Сухуме быстро откликнулись на «глубокогрустную весть» о кончине Я. С. Гогешвили (См.: «Закавказская речь», 7.VI.1912, № 130). А в «Сухумском листке» 10 июня 1912 года сообщалось о том, что «Грузия лишилась одного из лучших сынов своих...».

⁴¹⁹ «Батумские новости», 1.III.1909.

⁴²⁰ «Сухумский листок», 10.XI.1911.

⁴²¹ См.: «Сухумский вестник», 14.XI и 25.XI.1910.

⁴²² В Сухуме издавалось несколько газет, из которых главными были выходивший два раза в неделю «Сухумский листок» (1908—1917) и ежедневный «Сухумский вестник» (1911—1917) — органы либеральной буржуазии.

росту общественного сознания и революционного настроения трудовых масс.

Наиболее плодовитым из них в этом плане, несомненно, был С. П. Басария. Он рано начал писать, а вскоре печататься почти во всех кавказских газетах⁴²³ и журналах⁴²⁴, выступая большей частью под псевдонимом «Симон Апсуа», а также «Махаид Апсуа». До 1917 года он написал около 50 статей и заметок на самые различные сюжеты. Они были полны беспокойства прежде всего за судьбу многострадального родного народа. В заметке «Опять в Абхазии» Симон Петрович спрашивал: «Где и как называется тот ужасный мор, который своими безжалостными щупальцами ускорит смерть этих ветеранов седой старины?». И одной из важных социальных проблем, проблем, «волновавшей абхазцев в разное время», он считал земельный вопрос. Басария смело разоблачал бездушных чиновников и «святых отцов», попиравших интересы трудового народа. При этом он отзывался положительно о мировом посреднике Кодорского участка полковнике А. М. Лакербай⁴²⁵, который отличался хорошим знанием «тайников души родного абхазского народа» и «искренним отношением... к населению»⁴²⁶.

С. П. Басария волновала и участь тех абхазов, которые волей судьбы в XIX столетии оказались на чужбине (махаджирство). В статье «Горцы Кавказа в Турции» он подчеркивал тяжелое положение этих кавказских выходцев и их глубокое разочарование. Будучи в Константинополе, он беседовал с абхазскими студентами — потомками махаджиров, учив-

⁴²³ «Отклики Кавказа» (Армавир). «Голос Кавказа» (Тифлис). «Кавказский край» (Пятигорск), «Утро Кавказа» (Екатеринодар), «Черноморский вестник» (Батум), «Батумский голос», «Батумские новости», «Батумские вести», «Сухумский вестник», «Сухумские вести», «Сухумский листок», «Тифлисский листок», «Кубанский край» (Екатеринодар) и др.

⁴²⁴ «На Кавказе» и «Кубанская школа» (Екатеринодар).

⁴²⁵ Между прочим, Андрей Михайлович Лакербай в 1903 году, когда он в чине капитана занимал должность мирового посредника Самурзаканского участка, был избран председателем хозяйственного комитета по открытию приемного покая. В одной заметке того времени выражалась уверенность в том, что он «примет этот выбор населения и приложит всю свою энергию к успешному окончанию дела, являющегося истинным благодеянием для всех самурзаканцев» («Черноморский вестник», 11.V.1903, № 105). В 1905—1906 годах А. М. Лакербай видим членом Сухумского епархиального учительского совета (Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, л. 13, л. 112; л. 17, л. 7). Вообще он был катровым офицером. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище, имел ряд боевых орденов (св. Владимира 3 и 4 ст., св. Анны 2 и 3 ст., св. Станислава 2 и 3 ст., персидский орден Льва и Солнца) и медалей. В апреле 1916 года был убит на Кавказском фронте, где командовал 4-м батальоном 4-го Кавказского пограничного пехотного полка 1-го Кавказского кавалерийского корпуса (ЦГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 153—578, лл. 14—21; «Закавказская речь», 14.VI.1916, № 132).

⁴²⁶ «Сухумский вестник», 9.VIII.1913, № 233.

шимися в академии, которые, «с горечью на сердце вспоминали свою милую «Страну души» — Абхазию»⁴²⁷. В другой заметке — «Адрес абхазских племен Северо-Западного Кавказа генералу Косякину...» — Басария отмечал: «Переселение было стихийное: племена уходили, не давая себе отчета, куда и зачем идут... Горец покинул родной очаг и священный аул, где предки его жили... Невыразимое горе на его лице; все любимое он взял с собою: с ним грустный, задумчивый конь, любимое животное — барашек, с ним сын и священное оружие»⁴²⁸.

С. П. Басария глубоко интересовался, можно сказать, всеми проблемами прошлого абхазского народа. А «быт и тайники души» родного народа он, «горец Кавказа, истый абхазец», «хорошо знал». И в другом месте Басария подчеркивал, что его «скромное мнение» основано «на знании психики, прошлого и настоящего быта всех абхазских племен»⁴²⁹. Например, его статья «Забытый край»⁴³⁰ посвящена 100-летию присоединения Абхазии к России. К рассматриваемому циклу примыкают также его очерки «Экскурсия в область истории [Абхазии]»⁴³¹, «Абхазия»⁴³², «Вымершие народы. Убыхи и сэдзуа»⁴³³ и др.

Вообще своеобразие этого этапа в развитии культуры абхазов состоит в усилении интереса общественных деятелей к изучению истории своего народа.

Через многие названные и другие работы С. П. Басария красной нитью проходит мысль о прогрессивном значении присоединения Абхазии к России. Пожалуй, особенно ярко выражена она в его заметке «Абхазия». «Абхазия в настоящее время, — говорится в ней, — благодаря русской культуре, представляет мирный уголок на берегу Черного моря, тогда как ранее, до присоединения к России, она служила ареной военных действий... Положение, в которое Абхазия поставлена внешними вратами, было безвыходное, и она сама собою, без помощи извне, не могла спасти свою индивидуальность. Единственной опорой, якорем спасения, послужила Россия. В 1810 году Абхазия вступила в подданство России...». Вместе с тем автор подчеркивает, что «моральное сближение с чужим народом, покоренным силою оружия или

⁴²⁷ «Сухумский вестник», 25.I.1913, № 79.

⁴²⁸ Там же, 23.V.1913, № 170.

⁴²⁹ С. Апсуга. Свет и тени (Об Абхазии и абхазах). — «Сухумский листок», 18.XI.1912, 201.

⁴³⁰ См.: «На Кавказе», т. II, № 7—8, 1910; «Закавказье», 15(28).I.1910, № 73.

⁴³¹ См.: «Кавказский край», 14.X.1909, № 24.

⁴³² «Черноморский вестник», 15 и 17.VIII.1901, № №183 и 184.

⁴³³ «Кавказский край», 27.IX.1909.

дипломатическими трактатами, представляет большие затруднения...»⁴³⁴.

Говоря о «серьезных русских писателях», создавших ценные труды по истории края, С. П. Басария в то же время выступал против тех бытописателей, которые «не только не способствовали делу единения Абхазии с коренной Россией, но старались вызвать в русском читателе отвращение к этим людям»⁴³⁵. Эту идею он развивал и в заметке «Горцы Кавказа и кинематограф»⁴³⁶. Он писал: «Казалось, кинемо должен был оказать большую услугу в деле действительной фотографии удивительных, многообразных проявлений разнообразных особенностей жизни горцев Кавказа, но на деле театр мимики пока оказывает обратную услугу, извращая в преподнося публике все то, чего нет и не было в жизни горцев... В литературе авторы сознательно допускали предвзятые взгляды в описании жизни» горцев, «кинемо же воспользовался горцами, как более сенсационным материалом, ему нет дела до точности копирования передаваемого события или происшествия». В связи с этим, «учитывая весь нежелательный вред превратного освещения биографии жизни горцев и желая дать русской публике более точные сведения, доступные зрительному ощущению», группа интеллигентов Северного Кавказа, по сообщению Басария, «нашла желательным инсценировать выдающиеся творения народного эпоса».

Вместе с тем было признано «возможным и необходимым инсценировать» исторический роман из абхазской жизни Д. М. Данилевского «Прометеево потомство. Роман из последних дней независимости Абхазии». С этой целью решили обратиться к крупным фирмам России или же заграничным через издателя журнала «Мусульманин»⁴³⁷. С. П. Басария был уполномочен поставить в известность об этом «высокообразованного» писателя Георгия Шервашидзе и просить у него «указать опосредственной реставрации культа горцев с соблюдением всех старейших церемоний».

С. П. Басария обращал внимание широкой общественности на бесцеремонное разграбление богатств Абхазии «толстосумами» — капиталистами со всех концов Российской империи и даже Европы, этими «нынешними искателями «золотого руна». Его возмущало также «пренебрежительное отношение начальников к абхазскому населению», «администра-

⁴³⁴ М. Апсуа. Абхазия. — «Черноморский вестник», 15.VIII.1901.

⁴³⁵ «На Кавказе», т. II, № 7—8, 1910, с. 294.

⁴³⁶ См.: «Отклики Кавказа», 21.I.1914, № 16.

⁴³⁷ Научно-литературный и общественный журнал «Мусульманин» выходил на русском языке в Париже с 15 июля 1908 года. Издавался он кружком интеллигентных черкесов, живших во Франции (См.: «Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX — начале XX в.». Нальчик, 1976, с. 34, 224 и др.).

тивное глумление», которое делало еще более несчастной Абхазию — эту «долину слез»⁴³⁸. О «способах управления» Кавказским краем Симон Петрович писал и в других случаях. Например, в статье «50-летний юбилей Западного Кавказа» он подчеркивал, что «бесцеремонность в обращении с населением местных властей доходила до безобразия», и «говорить о невероятном, чудовищном разгаре полицейских чинов в этом безапелляционном крае, значило бы писать огромные статьи»⁴³⁹. На съезде населения Кодорского участка, состоявшемся в селе Моква 25 июля 1910 года, ораторы приводили «массу фактов лихонимства, истязания, глумления над личностью и т. д.»⁴⁴⁰.

Предметом интересов Басария была также «умственная работа великих людей» — например, Чарльза Дарвина, который, «работая настойчиво в течение 40 лет, вызвал переворот в науке. Вдохнул новую жизнь в науку и философию...»⁴⁴¹.

С. П. Басария осуждал старую систему обучения, ратовал за новую школу. «Ненормальность аульных школ, — писал он, — всем известна. Училища эти именуются «школами без учеников». Школы эти, кажется, существуют только для отчетности...»⁴⁴². Автор ссылается на мнение абхазского населения о непригодности этих школ и о желаемом типе школ», высказанном на собрании представителей общин в селе Моква 20 августа 1913 года⁴⁴³. Поднимая роль учителя на принципиальную высоту, Басария в некрологе армавирского педагога И. В. Долгова писал: «Много пережила наша русская школа разных перемен, новых начинаний, временных переделок за последнее 50-летие; казалось, это неустойчивое шатание взглядов на цель школы должно было отразиться отрицательно на личности ее работника-учителя, но в лице Ивана Васильевича мы видим учителя..., чуждого рутинны и схоластики»⁴⁴⁴.

Симон Петрович ставил вопрос о преподавании родного языка, резко выступая против тех официальных лиц, которые препятствовали этому делу. Он снова приводит слова названных выше представителей абхазских сел, которые заявляли: «Мы в свое время с радостью встретили известие о том, что преподавание нашего языка сделано обязательным. Мы думали, вот, наконец, наши дети будут читать разумные книги на родном языке, но ликование наше сменилось горьким разочарованием».

438 См.: «Отклики Кавказа», 22.VII.1911, № 162.

439 Там же, 3. VI.1914.

440 Там же, 13.VIII.1910, № 257.

441 «Кавказский край», I.XI.1909, № 39.

442 «Кубанская школа», 1915, № 3, с. 164—167.

443 См.: «Сухумский вестник», 1913, №№ 278—279.

444 «Кубанская школа», 1915, № 8, с. 147—148.

Басария делает достоянием широкой общественности, в частности, тяжелое положение в Сухумской горской школе, в которой тогдашний смотритель создал прямо-таки «ужасный режим». Этот «сумасбродный педагог» задался целью «убить в мальчишке-горце все живое». И его «политика... скоро дала всходы; в школе появился мятеж», и «мятежники одержали блестящую победу...». Однако на другое утро начальник Сухумского округа (он же председатель педагогического совета) полковник Беккер «восстановил порядок». Этот случай «совершенно неожиданно усиливает репрессии». Последовало распоряжение, чтобы в горских школах «в роли преподавателей не допускались туземцы». В результате этого и «такой видный, любимый и учителями и горцами учитель-старик, грузин А. И. Джугели получает оставку»⁴⁴⁵.

Приветствуя в принципе выставки ученических работ, С. П. Басария требовал самого серьезного отношения к этому делу. Он резко критиковал, например, выставку работ на съезде учителей в Армавире 15—16 апреля 1910 года. «Все это, — заключал он, — говорит о том винепрете знаний, которыми пичкают учеников... Но интересно было бы знать ту программу, которую прошел учитель»⁴⁴⁶.

В своих корреспонденциях из-за границы, а также в докладе на учительском съезде в Армавире в апреле 1910 года С. П. Басария отмечал «заключения» экскурсантов-учителей в европейски странах. Даже московская комиссия по организации заграничных экскурсий давала такое объяснение: «Как-кому-нибудь немцу и в голову не могло прийти, что наш экскурсант ходит в цветной рубашке и без пиджака потому, что у него не на что купить европейского одеяния. Думали, что учителя нарочно, просто из неуважения к местному населению, одеваются таким странным образом»⁴⁴⁷.

С. П. Басария и в других случаях обращал внимание на тяжелое материальное и моральное положение народных учителей. Одну из своих заметок он так и назвал — «Бегство учителей». В ней говорится: «Кому неизвестна участь обездоленных, живущих в каторжном труде и бедности народных учителей? Как гордо звучит понятие «народный»... Материальная необеспеченность, полная зависимость от всех, кто только имеет желание властвовать над учителем и абсолютное отсутствие каких-либо гарантий личности делают звание учителя самым неблагоприятным, самым тяжелым. ...Учитель искони привык мириться с голодом, холодом, но когда ко всему этому прибавляется посягательство на личную свободу

⁴⁴⁵ С. Апсуа. 50-летний юбилей Западного Кавказа. — «Отклики Кавказа», 25.V.1914, № 115.

⁴⁴⁶ С. Апсуа. О педагогической выставке. — Там же, 29.II.1911, № 94.

⁴⁴⁷ С. Апсуа. К поездке русских учителей за границу. — «Отклики Кавказа», 18.II.1911, № 39.

и излюбленное дело, когда беспрерывные гонения принимают обычную форму, тут уже перестает переносить бесконечные терзания без того истерзанное учительское сердце, и наш учитель вынужден бывает уйти с поста на более безопасное место, и мы видим сплошное бегство учителей. ... Вот до чего довели учительство!»⁴⁴⁸.

В заметке «Школьная жизнь (Из записной книжки)» С. П. Басария также пишет: «Известно, что участь народных учителей, прозябающих в бедности и непосильном труде, всюду безотрадней; но все же тяжесть учительского «ига» не везде одинакова. Особенно плачевно жалкое положение закавказских учителей. Эти люди каждую минуту живут надеждой, что завтрашний день для них будет более ясным и безоблачным, чем сегодняшний. О правовом положении их и говорить не приходится»⁴⁴⁹.

Особенно «тяжела жизнь скромного сельского педагога; ведь всегда и везде звание сельского учителя материально самое неблагоприятное»⁴⁵⁰.

Общий вывод С. П. Басария в вопросе постановки школьного дела «в желательном направлении» сводится к следующему: «Школа не только подготавливает единичных деятелей, она влияет на весь народ, если только находится с ним в тесной и непрерывной связи»⁴⁵¹.

«Образовательная заграничная экскурсия народных учителей», которой С. П. Басария посвятил цикл статей и заметок⁴⁵², имела для него и его коллег и большое познавательное значение. В 1909 году они побывали в Австро-Венгрии, Италии, Германии и Швейцарии. Экскурсанты знакомились с достопримечательностями и культурными учреждениями (музеи, картинные галереи и т. д.) этих стран. Слушали лекций и беседы об искусстве. В Веле, например, они посетили университет⁴⁵³.

С. П. Басария выступал за благоустройство городов и населенных пунктов. В одной из своих корреспонденций он, например о местечке Очемчиры, писал следующее: «... При виде Очемчиры вами даже овладевает некоторая грусть... Еще издалека вам кажется, что местечко увязло не то в земле, не то в болоте... А между тем тут имеется хозяйственно-полицейское управление, тут же участковое управление и другие адми-

⁴⁴⁸ «Кавказский край». 11.XI.1909, № 47.

⁴⁴⁹ Там же, 12.XII.1911, № 3.

⁴⁵⁰ М. Апсуа. Абхазия. — «Черноморский вестник». 17.VIII.1901, № 184.

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² Они публиковались под названиями «Образовательная заграничная экскурсия народных учителей» («Отклики Кавказа», 1910, №№ 197, 200), «Русские учителя за границей» (там же, 1910, №№ 209, 219, 222—226, 231) и «К поездке русских учителей за границу» (там же, 1911, № 39).

⁴⁵³ См.: «Отклики Кавказа», 1910, №№ 197, 200, 209, 219; 1911, № 39.

нистративные учреждения, тратятся деньги на «благоустройство» местечка, но местечко... остается до сих пор при нескольких допотопных фонарях на кривых столбах... служит свалочным местом для всяких нечистот... Мало заботятся в Очемчирах и о школьном деле... Единственную свою школу они содержат в отвратительном виде»⁴⁵⁴. В другой своей заметке, отмечая печальное состояние Очемчир, С. П. Басария писал иронически: «Нельзя упрекнуть очемчирцев в отсталости; у них два фаэтона, кафе «Америка» и «нормальное двухклассное училище...»⁴⁵⁵ Здесь нет ни читальни, ни библиотеки и даже в «Америке» нет ни одной газеты...»⁴⁵⁶. Об Очемчирах автор писал и в статье «Из Абхазии», опубликованной в «Батумских вестях» 3 апреля 1909 года.

Писал С. П. Басария и о «медицинской беспомощности» абхазского населения. Он неоднократно обращал внимание читателей на жалобу жителей села Кутол (Квитзул), поданную ими директору канцелярии наместника Кавказа летом 1909 года, в которой говорилось: «Гибнем мы благодаря отсутствию медицинской помощи. Для нас недоступны как врачи, так и медикаменты»⁴⁵⁷. Басария приводит и такие разительные конкретные данные: «На обширные нужды населения в медицинской помощи отпущено всего 150 р. на медикаменты, или: на одного жителя Кодорского участка в год расходуется на одну копейку лекарств». Он мечтал об открытии для этого участка аптеки, о том, чтобы иметь хотя бы одного врача и акушерку⁴⁵⁸.

С. П. Басария восхищался «эстетически настраивающей чувства» красотой природы Абхазии, ее описанию он отводит немало мест. «Кто не восхищался дивной Абхазией — этой давно воспетой частью «Пламенной Колхиды!». По своей роскошной растительности и очаровательным видом эта местность давно заслуживала имя «перла Кавказа». Туристу, едущему на пароходе из России, сразу бросается в глаза контраст между ландшафтами Черноморской губернии и Абхазии»⁴⁵⁹.

Отметим еще следующие статьи и заметки С. П. Басария, названия которых достаточно ясно раскрывают их содержание

⁴⁵⁴ «Отклики Кавказа», 14. VIII. 1910, № 258; «Сухумские вести», 20. VIII. 1911, № 35.

⁴⁵⁵ В заметке «Школьная жизнь» С. П. Басария приводит описание разваливавшегося здания этого училища, содержащееся в официальном включении комиссии. (См.: «Кавказский край», 12. XII. 1911, № 3).

⁴⁵⁶ «Отклики Кавказа», 15. VIII. 1910, № 259.

⁴⁵⁷ Журн. «На Кавказе», т. II, №№ 7—8, с. 298. См. также: «Тифлисский листок», 9. VIII. 1909, № 179.

⁴⁵⁸ С. А. Псуа. Сел. Тамыш. Медицинская беспомощность. — «Сухумские вести», 31. VIII. 1911, № 43.

⁴⁵⁹ С. А. Псуа. Из далекой Абхазии. Местечко Очемчир. — «Отклики Кавказа», 14. VIII. 1910.

ние: «О железной дороге в Карачай»⁴⁶⁰, «О Черноморской железной дороге (Ново-Сенаки—Сухум)»⁴⁶¹, «Армавирский погром 1905 г.»⁴⁶², «Отсрочка постройки Черноморской железной дороги есть залог дальнейшего прозябания побережья»⁴⁶³, «Ужасы зимы в Сухумском округе»⁴⁶⁴, «Профессиональные болтуны»⁴⁶⁵, «Торжество в Абхазии»⁴⁶⁶, «Как обстоит вопрос о Сухумо-Кубянской жел. дор. у нас»⁴⁶⁷, «Похороны героя — поручика Шонажокова»⁴⁶⁸, «С берегов Черного моря»⁴⁶⁹, (ее можно было еще назвать «Абхазия и война»), «Рыцари без страха и упрека»⁴⁷⁰, «К. Ш. Лакербай»⁴⁷¹ и др.

Среди статей С. П. Басария рассматриваемого периода, есть и такая: «Мать Абдула Гамида»⁴⁷² — русская, которая в свое время нашумела. Она была опубликована в газете «Отклики Кавказа» (13 августа 1910 года) и перепечатана затем в газетах «Батумские вести», «Утро Кавказа», «Голос курортов» и «Сурандак» (на армянском языке, Тифлис), а через последнюю — в зарубежных газетах. Статья была написана Басария в результате его «личной беседы с Р. Хахубия на его родном абхазском языке»⁴⁷³. И самое интересное в этой статье, пожалуй, сведения о самом Хахубия⁴⁷⁴. «Лицо это — Реджеб Хахубия, самурзаканец (из с. Бедиа—Г. Д.), ему около 100 лет, он известен у всех горцев Кавказа и даже в Мингрелии, Гурии и Имеретии. Он участвовал, под русским знаменем, во время взятия Гуниба, в упорнейшей войне с джигетами, убийцами и дальцами. Он изъездил всю Россию и Турцию, причем в последней имел родственные связи со двором. Отличился не раз во время русско-турецкой войны и был взят в плен турками, но бежал из Константинополя. После этого долгое время был в опале у русского правительства, был в бегах, его бестрашие, во время облав, приводило казаков в трепет, и он всегда уходил невредимым: был амнистирован только два года тому назад. Человек он колоссального природного ума и

460 «Кавказский край», 12. XII. 1909, № 48.

461 «Отклики Кавказа», 5. XII. 1910, № 351.

462 «Сухумские вести», 25. IX, 8. X и 9. X. 1911, №№ 63, 73 и 74.

463 Там же, 3. XI. 1911, № 95.

464 «Отклики Кавказа», 22. II. 1911, № 41.

465 «Кавказский край», 7. II. 1911.

466 В с. Поквеш — по поводу окончания межевых работ, согласно Указу 9 ноября 1912 года. — «Сухумский листок», 25. XII. 1912, № 211.

467 «Сухумский вестник», 24. II. 1913, № 102.

468 «Отклики Кавказа», 4. IX. 1914.

469 Там же, 14. IX. 1914, № 205.

470 Там же, 6. IV. 1916, № 78.

471 Там же, 23. VII. 1916, № 164.

472 Абдул Гамид — турецкий султан Абдул-Хамид II (1876—1909).

473 С. Басария. Редакция газет «Утро Кавказа» и «Голос курортов». — «Отклики Кавказа», 10. X. 1910, № 304.

474 Более подробные данные о Реджебе Хахубия см.: С. П. Басария. Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с. 60—62.

огромнейшей памяти... Имя его в Самурзакани и собственно Абхазии сделалось легендарным... Реджеб Хахубия, можно сказать, является воплощением всего горского: в нем беззаветная храбрость, неподкупная справедливость и удивительная энергия. Личность эту можно назвать феноменальной еще вот почему: на 75 году его жизни у него выпали постоянные зубы и выросли новые. В настоящее время ему, на вид, нельзя дать и 60 лет, он все такой же, как в молодости, легкой наездник и отличный стрелок.

Д. И. Алания⁴⁷⁵ в статье «К интеллигентным абхазцам», опубликованной в «Сухумском вестнике» 16 июля 1916 года, ставил вопрос о школьном образовании и печатном слове как первостепенном из суммы задач, которые необходимо решить с целью «улучшения культурного быта» темного абхазского населения. Вот что он писал, например, о значении абхазской типографии: «Нужно ли говорить о той громадной пользе, какую она принесла бы нашему народу? Теперь у нас в Абхазии сотни молодых интеллигентных людей, жаждущих общественной работы, но не имеющих арены для своей деятельности. Была бы у нас своя типография, свой хоть какой-нибудь печатный просветительный орган — каждый из них по мере сил своих принял бы участие в нем и пожертвовал бы ему с удовольствием все свои старания и способности. А плодотворной работы сколько предстоит нам!.. Ведь этот печатный орган явился бы объединяющим и направляющим центром. Сколько хорошего и полезного мог бы он сообщить абхазским сельчанам...». Для этого автор предлагал ряд практических мер. В частности, он надеялся на оказание «материальной и нравственной поддержки» со стороны «Сухумского общества распространения просвещения среди абхазцев» и его Бзыбского комитета. Свою статью Алания заканчивал обращением: «Люди добрые, люди отзывчивые, люди, любящие свою родину и

⁴⁷⁵ Дмитрий Иванович Алания (1893—1938) родился в с. Лыхны Гудаутского участка, в бедной крестьянской семье. Окончив местную школу, он поступил в Гудаутскую церковноучительскую школу, а затем, как наиболее способный ученик, был направлен в Варваринскую сельскохозяйственную школу в г. Туапсе. По ее окончании в течение пяти лет вел педагогическую работу в разных школах Абхазии (Калдакхвара, Дурипш, Ажара, Сухум), посвятив этот период жизни «всцело народу и своему самообразованию». В 1911 году Алания поступил на коммерческие курсы Побединского в Петербурге и окончил их в 1913 году. Вернувшись на родину, он начал работать по специальности (ПА ГФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, л. 14, лл. 219—220, 229—229 об). Но временами Алания вел и преподавательскую работу, например, в школе села Ажара Гумистинского участка. Между прочим, этой школе генерал Б. А. Бруслов пожертвовал проекционный фонарь со спиртокапельным освещением. Зав. школой С. Румянцев и учитель Д. Алания, запасшись в Сухуме необходимыми для фонаря картинами, устроили при школе народное чтение, в частности, на темы противодожогового содержания, «Чтение возбудило большой интерес среди поселян» (СЗМ, 1915, № 1, с. 12).

свой народ, именем нашей бедной и многострадальной нации обращаюсь к вам с просьбой откликнуться на этот призыв и обсудить этот важный для нас вопрос. Как известно, что одному не по силам, то легко дается целому обществу. В единении сила». Правда, автор «спасение народа» видел в «единении и дружной работе» всех абхазов, т. е. различных их социальных слоев, проповедуя таким образом ошибочную теорию «единого потока».

Алания является автором и других статей, как, например, «Об учреждении Музея древностей при «Обществе любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа»⁴⁷⁶, «Табаководство в Абхазии»⁴⁷⁷. В последней, в частности, он подчеркивал: «Без преувеличения можем сказать, что в текущем году более 80% всего населения [Абхазии] занималось табаководством».

Большого внимания заслуживают статьи и заметки С. Я. Чанба. Он был собственным корреспондентом газет «Сухумский листок» и «Сухумский вестник», а также писал и в других газетах, особенно на страницах «Сухумского вестника»⁴⁷⁸. В статье «Абхазия» Чанба констатировал: «Среди богатой, роскошной природы Сухумского округа крестьянин-абхазец вынужден жить в бедности и нищете... В целой Абхазии, где климатические и почвенные условия благоприятствуют ведению сельского хозяйства, нет ни одного сельскохозяйственного училища, а между тем одно только распространение знания по сельскому хозяйству могло бы вывести абхаза из его незавидного положения и дать ему возможность воспользоваться плодами его родной земли... В настоящее время абхазцы не только не имеют возможности получить знания по сельскому хозяйству, но даже совершенно отрезаны от получения общего развития... Правда, в Сухуме есть реальное училище, но сыновьям бедных крестьян не видать его, как своим ушей, оно недоступно крестьянским детям... На все это следовало бы обратить серьезное внимание»⁴⁷⁹.

В заметках под названием «Атара»⁴⁸⁰ С. Я. Чанба ставил вопрос о необходимости искусственного водоснабжения сел Атара и Адзюбжа (из р. Кодор при помощи водоподъемных машин), жители которых каждое лето в течение продолжительного времени «лишаются одного из источников жизни — воды». Вследствие этой и других причин «в хозяйстве по-

⁴⁷⁶ «Сухумский вестник», 24.I.1916.

⁴⁷⁷ Там же, 5.VI.1915, № 86.

⁴⁷⁸ Некоторые свои корреспонденции С. Я. Чанба подписывал «С. Ч.» или «С. Чамбая».

⁴⁷⁹ «Закавказская речь», 21.VI.1911.

⁴⁸⁰ См.: «Сухумские вести», 2.IX.1911, № 45; «Сухумский листок», 24.V.1912, № 150.

степенно вырождается домашний скот, являющийся единственной опорой в хозяйстве крестьянина-абхазца»⁴⁸¹.

«Письмо из Пятигорска»⁴⁸² написано в связи с участием Сухумской горской и Очамчирского двухклассного училища на выставке Кавказского учебного округа летом 1914 года. «Радостно видеть, — писал Чанба, — как просвещение становится постепенно достоянием и для Абхазии, моей родины, и как она постепенно втягивается и приобщается к культуре». После осмотра выставки Самсон Яковлевич пришел «к тому заключению, что только широкое распространение тем или иным способом технических знаний... может вывести абхазца из его незавидного положения... Нужны этому краю деловые специалисты и школы, которые должны быть близки к запросам местной жизни». Автор с сожалением отмечал, что многие получившие образование лица «бегут из народа в город, где попадают в объятия шумной городской жизни». С. Я. Чанба, несмотря на наличие всевозможных препятствий, выражал уверенность в том, что абхазский народ «в недалеком будущем будет пожинать плоды просвещения», так как самим народом «осознана необходимость в этом».

О смысле его превосходной заметки «Кое-что о курсах» уже говорилось выше. В ней, в частности, читаем: «24 июля. Сегодня последний день курсов. В прохладной тени, обвеваемый ветром, дослушали учителя последнюю лекцию на Опытном поле. В продолжение двух недель, вдали от шумного, жаркого Сухума, среди густой зелени, текли наши беседы по разным отраслям сельского хозяйства».

В остро полемической статье «Под тенью развесистой клюквы...»⁴⁸³ С. Я. Чанба выступает как истинный патриот своего народа. Статья была направлена против клеветнических измышлений одного незадачливого автора на страницах «Сухумского листка». Самсон Яковлевич саркастически осмеивает его нелепые рассуждения, «подкисленные впечатления» и страстно защищает достоинства крестьян. Говоря, например, об ораторском искусстве последних, С. Я. Чанба писал: «Они привыкли всю свою жизнь мыслить, так сказать, устно и потому при первой необходимости, не запинаясь, будут стройно излагать свою мысль и держать речь перед обществом, облекая при этом овою мысли в художественные образы, украшая речь всевозможными сравнениями и эпитетами, так что, зная язык, нелегко заслушаешься».

В статье «На пути к сознательности»⁴⁸⁴, носящей несколько характер размышлений, С. Я. Чанба с глубоким удовлетво-

481 «Сухумские вести», 2.IX.1911, № 45.

482 «Сухумский листок», 4.VII.1914.

483 «Сухумский вестник», 25.VI.1915, № 103.

484 Там же, 16.IV.1916, № 28.

рением отмечает развитие родного народа, стремится показать пути решения оспрых социальных проблем, хотя отдельные его суждения в этом вопросе не всегда приемлемы. «Жизнь, — писал он, — безостановочно движется вперед, и условия существования становятся все сложнее и сложнее... Широкая взаимопомощь, сознательно организованная коллективная сила — это верное оружие в наше время в борьбе человека за его существование.

Это сознание давно уже проникло в умы более или менее сознательной передовой части народной массы, например, рабочих. Они давно стали плачиваться и организовывать всевозможные способы борьбы за существование, дающие им возможность идти вровень с требованиями времени. Это же сознание начинает понемногу проникать и в среду сельской народной массы вообще, и в частности — в среду абхазского народа... И кое-где уже заметны плоды этой сознанной потребности.

Ныне Абхазия, так сказать, стоит на пороге сознания или, вернее, сознательности. Она начинает понемногу сознавать, что жить жизнью «седой старины» теперь трудно, а необходимо начинать жить новой жизнью — культурной...». Одно из выражений этого сознания Абхазии автор видит «в стремлении к просвещению», чему «она глубоко верит, ибо оно даст ей в руки то верное оружие, при помощи которого она соорудит и направит свои жизненные силы на более плодотворную культурно-созидательную работу».

Как на одно из «передовых обществ», сознавших необходимость просвещения, С. Я. Чанба указывал на жителей села Адзюбжа, которые прежде всего построили довольно большое двухэтажное здание для двухклассного училища с шестигодичным курсом и с общежитием на 30 учеников. Яркий представитель адзюбжинцев, выделявшийся своей инициативностью — Екуп Делба, «человек, отдавший всего себя общественному делу, служению своему родному обществу». Этот «неутомимый, скромный работник на ниве народного благополучия» со своими «достоинными сотрудниками» Алексеем Джанашиа, Каном Цагурия и Етлухом Лолуа всегда старался «осуществить назревшие потребности своего общества». Е. Делба с названными своими «сотрудниками» состоял членом попечительства училища и, кроме того, был его почетным блюстителем. Результаты «скромных трудов» Екупа Делба и ему подобных деятелей «ярко светятся в темноте, окутывающей... народную массу». Статья С. Я. Чанба заканчивается следующими оптимистическими словами: «...Мы являемся свидетелями пробуждения сознания в Абхазии, осуществления хотя бы частично, сознанных идей. И нас радуют проблемы уже недалекой зари».

В статье «Путь к уму — через глаза и руки»⁴⁸⁵ С. Я. Чанба ставит вопрос о трудовом воспитании в школе, выступая против «пассивного, неподвижного словесного преподавания». Он защищает принцип трудового начала в обучении, имеющий «целью связать школьное преподавание с жизнью, с окружающей школу обстановкой». «Собственно говоря, — пишет далее Чанба, — трудовое начало в школе преследует две цели: во-первых, дать ученикам знания и умения практического характера и тем подготовить учащихся к промышленным профессиям; во-вторых, будучи поставлено в связь с преподаванием общеобразовательных предметов, содействовать сознательному усвоению проходимого учебного материала». Одним словом, С. Я. Чанба ясно видел, насколько было «велико значение трудового начала в учебно-воспитательном отношении». И «для правильной постановки вопроса обучения и воспитания в народных школах» он предложил систематически устраивать по районам учительские съезды, где компетентные лица «будут демонстрировать перед учителями практическое применение ручных занятий к общеобразовательным предметам и где учитель практически, а не по брошюрам усвоит то, что ему нужно для выполнения своего призвания». Таким образом, эта статья особенно ярко свидетельствует о серьезном интересе С. Я. Чанба к педагогике и его компетентности в новейших течениях в области воспитания. Таковы некоторые материалы, характеризующие равную публицистическую деятельность С. Я. Чанба. И речь идет, как было видно, не об обычных сухих газетных статьях и заметках. Публицистика Чанба отличается литературным изложением, порой включает художественные описания. Если при этом иметь в виду его упомянутый выше рукописный сборник 1902 года «Абхазские сказки...», то выясняется, что рамки литературно-творческой деятельности С. Я. Чанба были гораздо шире, чем представлялось до сих пор.

И. Н. Марганя⁴⁸⁶ был корреспондентом тифлисской газе-

⁴⁸⁵ «Сухумский вестник», 25 и 26.VIII.1916, № 187 и 188.

⁴⁸⁶ Иван Николаевич Марганя (1891—1943) родился в с. Адзуба Кодорского участка. Учился в Сухумской горской школе, а затем — в Закавказской учительской семинарии (Гори), откуда был исключен в 1904 году за участие в нелегальной ученической организации. В 1905 году Марганя поступил в Кутаисское сельскохозяйственное училище и почти сразу вошел в социал-демократическую организацию. В училище он встречается со своими земляками — С. А. Картозия и С. Я. Чанба. После завершения учебы в 1911 году И. Н. Марганя некоторое время работал в Сухумском ботаническом саду, а затем жил частными уроками. В 1913 году сдал экзамен на аттестат зрелости при Потийской гимназии и в том же году поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Здесь он вошел в студенческую большевистскую организацию, где состояли также С. А. Картозия и Н. Н. Акиртава. После Февральской революции 1917 года И. Н. Марганя работал в газете «Пролетарий» (Харьков) в качестве корреспондента. (Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 186/14а, лл. 279—283; «Борцы за Советскую власть в Абхазии», Сухуми, 1965, с. 167—168).

ты «Закавказье». В заметке «Из Абхазии» от 13 августа 1911 года (№ 181) он отмечал тягу абхазского населения к просвещению. Из прошлого автор приводит следующий интересный факт. В начале 70-х годов один мальчик из села Адзюбжа был направлен в Никитское училище садоводства (Ялта), которое он «блестяще окончил... и вернулся в Сухум». «В настоящее время, — пишет далее Маргания, — абхазцы сами всеми силами стараются давать своим детям образование. Но куда же могут определить их? В Сухумское реальное, даже городское училище — не в состоянии, так как редкий абхазец может тратить на сына 15—20 р. в месяц». Что касается Сухумской горской и Гудаутской второклассной учительской школ, где абхазы могли учить своих детей, то они еще давали мало знаний. Для них были стипендии при Ставропольской гимназии, однако в это учебное заведение под именем абхазов чаще всего поступали сыновья разных чиновников, проживавших в Абхазии. В статье речь идет и о том, с каким трудом в селе Адзюбжа было начато строительство кирпичного школьного здания, «разумеется, за свой счет».

Другим корреспондентом газеты «Закавказье» был С. К. Маргания. 8 мая 1912 года он печатал статью «Лебедь, жука и рак», в которой ставил вопрос об открытии в Самурзаканском участке почтово-телеграфной конторы, а также выступает против произвола местных «заправил». В статье «Сел. Гали», опубликованной 30 мая 1913 года, С. К. Маргания писал о положении дел с школьным образованием в названном участке, где в сравнительно недавнее до этого время имелась всего лишь одна школа, и жители «не имели абсолютно никакого понятия о науке и боялись, что если дети их научатся говорить по-русски, то их будут забирать в солдаты». Уже «прошло то патриархальное время; в общество мало-помалу стало проникать понятие о пользе науки и культуры. Много лет назад жители сказанного участка начали усиленно ходатайствовать об открытии хотя бы одноклассных школ в каждой общине участка. Ходатайство их было уважено..., а в м. Гали учредили второклассную учительскую школу, куда жители охотно стали отдавать своих детей».

Из этой статьи С. К. Маргания также узнаем, что, когда в 1912 году «в обществе дебатировался вопрос, какого типа школу открыть», последний «представил целый ряд соображений» о желательности преобразования Гальской учительской школы в женскую с открытием при ней отделения рукоделия, «для подготовки к жизни молодых тружениц», а для подрастающего мужского пола — учредить в центре участка сельскохозяйственное училище с правами первого разряда по специальности. Эти соображения «совпали с общественным мнением». Начальник участка К. В. Ладария «как бывший педагог и большой сторонник школ, всегда пойдет навстречу обществу

в осуществлении его светлых мыслей». Автор так заканчивает свою статью: «Шаг вперед, самурзаканцы! А я, как младший сын ваш, могу пожелать вам только успеха в добром начинании»⁴⁸⁷.

Перу А. И. Чукбара принадлежит ряд интересных очерков, преимущественно по вопросам абхазской этнографии. Таковы, например, «В глубине народной жизни»⁴⁸⁸, «Етных Аг-ных (божество Ампаровых)»⁴⁸⁹, «Анан Лдзаа-ных»⁴⁹⁰. Он выступал против реакционной деятельности служителей религии, о чем свидетельствуют статьи: «Грабитель абхазцев»⁴⁹¹, «Чем берет магометане в деле пролаганды?»⁴⁹² и «Муллы лекарь»⁴⁹³. Автор разоблачал «паразитов, сосущих народную кровь», которые «расставили сети и манят». Он требовал «изгнать этих паразитов из Абхазии».

Ценны в этом отношении и статьи Н. С. Патеяла — «Моление Лейбовых»⁴⁹⁴, «Печальная действительность в Абхазии»⁴⁹⁵, «Языческие моления, совершаемые абхазами на разные случаи жизни»⁴⁹⁶, «Знахарки и гадалышницы»⁴⁹⁷ и другие. Вообще в это время много пишется по этнографии Абхазии как представителями абхазской, так и местной грузинской интеллигенции. Помимо названных, это — Д. Т. Маргания⁴⁹⁸, Н. В. Ладария, К. Д. Мачавариани, П. Г. Чарая, Н. С. Джанашиа, А. Г. Векуа (Отхарели, Агтуа, Колхидели) и др.

С. М. Ашхацава особенно интересовался проблемами истории, просвещения и культуры родного народа⁴⁹⁹. В 1910 году (10 июля) в газете «Закавказье» он писал об успехах гастролизовавшей в это время в Сухуме украинской труппы и проносил реакцию: «Лавры, — писал Ашхацава, — пожинаемые... малороссийской труппой, не дают покоя некоторым господам...». Автор клеймил этих «господ» за их злые «проделки» и горячо приветствовал украинских артистов, которые пользовались «у самой широкой публики полным успехом». В 1911 году появляется большой очерк С. М. Ашхацава

⁴⁸⁷ «Закавказье», 30.V.1913, № 120.

⁴⁸⁸ СЗМ, 1912, №№ 2—5.

⁴⁸⁹ Там же, № 24.

⁴⁹⁰ Там же, 1915, №№ 8—11.

⁴⁹¹ Там же, 1912, № 18.

⁴⁹² Там же, 1914, № 4.

⁴⁹³ Там же, № 8.

⁴⁹⁴ Там же, 1912, №№ 7—9.

⁴⁹⁵ Там же, №№ 11—12.

⁴⁹⁶ Там же, 1916, № 5.

⁴⁹⁷ Там же, № 6.

Еще в 1908 году Н. С. Патеяла написал весьма обстоятельную статью «Свадьба в Абхазии», опубликованную лишь в 1930 году в сборнике «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран» (Баку, т. 3).

⁴⁹⁸ См., например, его статью «Обряды погребения и поминовения умерших у абхазцев» (СЗМ, I. XII.1912, № 23, с. 354—360).

⁴⁹⁹ Некоторые свои статьи С. М. Ашхацава подписывал «С. А.».

«Схема абхазской истории»⁵⁰⁰. Это, как видно уже из его названия, краткое повествование об истории Абхазии — с древнейших времен до 1864 года, т. е. упразднения Абхазского княжества. Очерку присущи некоторые ошибочные положения, которыми страдает и позднейшая работа автора «Пути развития абхазской истории» (Сухум, 1925). В статье Ашхацава сообщается, что для «Абхазской истории» он собрал большой материал; ссылается на древние, средневековые и нового времени источники и авторов (греческие, арабские, грузинские, русские).

На страницах «Сухумского листка» в 1912 году (28 октября, 1 и 4 ноября, №№ 195 и 197) был опубликован его большой очерк «Внутреннее управление древней Абхазии», подразделяющийся на следующие разделы: I. Административное деление. II. Сословное деление. III. Крестьянство. IV. Выборный суд. V. Народная милиция. VI. Право наследства. VII. Положение женщины. В названной газете (4 и 11 ноября того же года, №№ 197 и 199) был опубликован и другой его исторический очерк — «Абхазия после введения русского управления». В нем, особенно в первой его части, Ашхацава делает акцент не на прогрессивный характер присоединения Абхазии к России, критикуя систему народного просвещения, он по существу порицает значение старой школы как «неподходявшей к абхазской жизни». Определенный интерес вызывает заключительная часть статьи, в которой подчеркивается, что в начале XX века «в хозяйственном отношении абхазцы быстро начали прогрессировать». Но в этих явлениях автор не видит обострения классовых отношений внутри абхазского общества и в известной мере проводит теорию «единого потока». В статье «Краткий исторический очерк абхазской церкви», напечатанной в «Сухумском вестнике» 5 января 1913 года, С. М. Ашхацава приводятся факты, характеризующие «высший культ... духовного развития» абхазского народа и последовавшие затем «прелести» турецкого господства в Абхазии («мрак и произвол», «путь усиленного регресса»), а также прогрессивный характер присоединения края к России.

Историю абхазской письменности С. М. Ашхацава посвятил статью под названием «Несколько слов об абхазской письменности»⁵⁰¹. Из его рассуждений о значении письменности заслуживает внимания следующий отрывок: «С изобретением письменности человек разрешил одну из самых трудных и великих своих задач. Он воплотил свое слово, фиксировал речь и, таким образом, получил возможность сделать свою мысль бессмертной. Благодаря этому человеческие мысли, идеи и

⁵⁰⁰ См.: ЦГАА, ф. 85, д. 11, л. 5; «Сухумские вести», 2 и 3.VIII.1911, №№ 21 и 22.

⁵⁰¹ См.: «Сухумский вестник», 11.II.1912, № 174.

знания, словом, вся умственная и духовная жизнь его не умирает вместе с ним, а остается в неизменном виде навсегда. Он получил возможность запоминать огромную массу накопленных веками сведений, передавая в наследство огромный запас опытности и знаний». Автор отдает должное П. К. Услару, работу которого в части абхазского языка он рассматривает как конкретное проявление прогрессивности присоединения Абхазии к России в области культуры. Отдает он должное также профессору Л. К. Мазингу, «который много лет работает над исследованием абхазского языка». В статье ставится вопрос о необходимости создания типографии — «верного проводника цивилизации в народные массы... орудия против мрака и зла». По поводу же создания «Общества распространения просвещения среди абхазцев» С. М. Ашхацава писал: «...На арену общественной деятельности выступила группа интеллигентных сил... Пусть молодое Общество, как спасательный маяк, разливающий свет в ночной темноте, разольет свой свет среди темной общественной массы».

Представителей абхазской интеллигенции волновали и такие социальные явления, как пьянство, скотокрадство, вредные обычаи и т. д. Эти вопросы поднимались, например, в статье К. И. Барцыца⁵⁰² «Лютый враг Абхазии», опубликованной в журналах «Сотрудник Закавказской миссии» (1915, № 8) и «Черноморский селянин» (1915, № 14—24). «Кому дороги интересы своей родины, — писал он, — кто любит искренно свой народ, одаренный прекрасными умственными качествами и мягкой доброю волею, те пусть сплотятся в одну дружную семью и смело, с мужеством выйдут на эту великую и святую борьбу с темной силой зла»⁵⁰³.

Как видели, в этот период наблюдается также увлечение вопросами литературы и театрального искусства. С. М. Ашхацава создает (на русском языке) свои пьесы «Сафар-бей» и «Омар-бей» — извлечения из романа Д. Л. Мордовцева

⁵⁰² Калистрат Исидорович Барцыц (1890—1938) — выходец из крестьянской семьи с. Блабурхва Гудаутского участка. В 1905 году он окончил Новоафонскую школу, где отличался за все время учения примерным поведением и отличными способностями. Окончив блестяще и Гудаутскую второклассную учительскую школу, К. И. Барцыц некоторое время работал учителем; впоследствии стал священником, а в 1917—1920 годах являлся одним из лидеров абхазских меньшевиков (ЦГАА, ф. 8, ЛС, л. 36, лл. 105—110, 113, 115 об.; ф. 11, д. 85, лл. 11—12, 25; Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. I, д. 13, л. 112 об.). Затем он отказался от своих политических взглядов и активно включился в социалистическое строительство в Абхазии. Он был на ответственной хозяйственной работе — председатель Абсельхозкульттехники и т. д.

⁵⁰³ Перу К. И. Барцыца принадлежит несколько статей и заметок. Так, например, 2 августа 1916 года в «Сухумском вестнике» было опубликовано его письмо в редакцию под названием «Памяти К. Ш. Лакербая».

«Прометеево потомство». Они были изданы в Сухуме в 1912 году⁵⁰⁴.

Заслуживают внимания и рассказы-миниатюры Владимира Маргания. В одном из них⁵⁰⁵ он описывает работорговлю, которая так долго и так неумолимо расточала жизненные силы народа. «...Набеги давали десятки и сотни самых красивых горских женщин. А на море их уже ждали турецкие галеры. Там происходил торг, золото лилось рекою, пленниц сажали на галеры и увозили в гаремы ханов и пашей... Как пойманные рыбы в сетях, они бьются и молят о пощаде... Сколько их бросалось в море и гибло, чтобы не попасть в руки чужестранцев. А иные не даром отдавали свою жизнь...».

Вот одна из картин художественного описания автора:

«Вдруг солнце погрузилось в воду почти наполовину. Золотым веером от этого места раскинулись лучи вверх, к небу, и ярким румянцем окрасили случайное облачко.

Солнце купается в море, вздрагивает и трепещет. Лучи его быстро меняют тона, глаз не успевает разобраться в красках.

Свершилось!

Солнце утонуло в воде, и мы почувствовали, как сзади к нам прокрадся вечерний холодок и пополз по спинам нашим.

Очарование исчезло».

Остротой социально-классовой направленности отличались выступления в прессе народного учителя Владимира Георгиевича Адлейба⁵⁰⁶. Он пытался ответить на вопрос — «отчего мы бедны»⁵⁰⁷. «Наши крестьяне-абхазцы, — писал Адлейба, — даже очень трудоспособны⁵⁰⁸, но беда их в том, что нет у них многих необходимых практических знаний, даже в

⁵⁰⁴ Кроме того, пьеса «Сафар-бей» была напечатана на страницах «Сухумского листка» 16, 19 и 23 февраля 1912 года.

⁵⁰⁵ «Закавказская речь», 7.VII.1911, № 149.

⁵⁰⁶ В. Г. Адлейба (1894—1959) родился в с. Члоу Кодорского участка, в крестьянской семье. Сначала он учился в Сухумской горской школе, а затем — в Тифлисской учительской семинарии, которую окончил в 1913 году. Затем Адлейба работал учителем в разных селах Абхазии, а в начале 1918 года активно включается в революционную борьбу (ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 15, л. 34).

⁵⁰⁷ См.: «Сухумский вестник», 24.V.1916, № III.

⁵⁰⁸ «Трудоспособность абхазцев, — разъяснял Адлейба, — доказываетея хотя бы тем, что они с величайшим усердием и терпением выполняют все свои сельские работы; среди абхазцев есть много самоучек-плотников, кузнецов, а также хорошо знающих свое дело деревенских «хирургов», которые совершают иногда довольно сложные операции, вызывающие удивление у наблюдателей. Если бы дать таким самоучкам специальное образование, кто знает, может быть, к списку знаменитых хирургов вроде Пирогова или Павлова прибавилась бы и абхазская фамилия. Кроме того... вообще абхазцы имеют большую склонность к строительству, архитектуре и куртарным работам».

самой важной области их труда — в области сельского хозяйства». И сам автор сознавал, что он далек от объяснения истинной причины бедности абхазских крестьян: «Но есть и другая причина. Очень тяжелая, очень нехорошая». Считая, что «молчать о ней нельзя», Адлейба признал своим долгом специально «поговорить об этой злокачественной язве абхазской деревни». В результате появилась его обширная статья «Обиравые сельчан»⁵⁰⁹, в которой он уже громко заговорил о сельских и городских «хищниках», нещадно грабивших трудовое население.

В. Г. Адлейба, кроме того, опубликовал статьи «Из абхазской жизни»⁵¹⁰, «Абхазский народ как одна из семей древнего культурного мира»⁵¹¹, «Что знают крестьяне абхазцы о будущем земстве?»⁵¹² и другие, в которых также затрагивались животрепещущие социальные проблемы. Например, о положении педагога он писал: «Но более всего поразительна скудость оплаты нелегкого труда народного учителя вообще; его положение в этом отношении составляет исключительное и прямо непонятное явление в кругу профессий даже гораздо менее утомительных: самый ничтожный оклад приходится на долю народного педагога, вероятно, потому, что его профессия является самой благородной и самой ответственно-тяжелой; простой здравый смысл должен подсказать нам, что нужно оплачивать труд, а не ценз. Но тут скорее играет роль не отсутствие сознания, а просто нежелание сознавать»⁵¹³.

«На основании своих неоднократных наблюдений над жизнью абхазского народа» писал Михаил Иванович Тарнава⁵¹⁴ очерк «Культурный перелом в абхазской жизни»⁵¹⁵. Эти перемены автор характеризует как «возрождение абхазцев», а выражаясь более точно, он в другом случае подчеркивает, что абхазы «изменили свою экономическую жизнь и вступили на путь прогресса». «Пробуждение абхазцев, — пишет Тарнава, — обуславливали все те явления культурно-экономической и социально-политической жизни народа, которые с течением

⁵⁰⁹ См.: «Сухумский вестник», 1916, №№ 116—117.

⁵¹⁰ «Сухумский листок», 2 и 6.XII.1915.

⁵¹¹ «Сухумский вестник», №№ 162—163, 174—175; 24, 26.VII, 9—10.VIII.1916.

⁵¹² Там же, 6—7.VII.1916, №№ 146—147.

⁵¹³ Там же, 10.VIII.1916, № 175.

⁵¹⁴ Михаил Иванович Тарнава (1895—1942) родился в с. Лыхны, в крестьянской семье. Он окончил церковноприходскую школу в родном селе, а в 1916 году — Сухумскую горскую школу. С 1 сентября 1916 года по январь 1917 года Тарнава работал учителем в Гудаутском высшем начальном училище, затем он некоторое время жил в деревне и занимался сельским хозяйством. Позже М. И. Тарнава принимал активное участие в общественной жизни края (Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 414, л. 78—81; ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 248, л. 265).

⁵¹⁵ См.: «Сухумский вестник», 1916, №№ 177, 193, 196, 197, 199, 200, 204, 208, 210, 213.

времени постепенно и естественно изменяют старые формы человеческого бытия». Автор указывает на необходимость агрономической помощи населению, призывая к этому «агрономические организации» края, в первую очередь «Сухумское общество сельского хозяйства», деятельность которого он подвергает и определенной критике.

Большие изменения М. И. Тарнава видит также в культурной жизни абхазского народа, особенно в области народного просвещения. Здесь он отмечает формирование у абхазов «совершенно другого духовного облика», в результате чего — небывалый «наплыв учащихся в начальные школы». При этом автор «злит» отсутствие былой активности у «Сухумского общества распространения просвещения среди абхазцев» и его филиала — Бзыбского комитета. Он предлагал проведение следующих мероприятий: 1. «Изменить постановку дела начальных школ согласно жизненным требованиям»; 2. «Открывать возможность продолжения детьми начального образования представлением казенного содержания, или же субсидированием».

Кроме того, М. И. Тарнава опубликовал «Абхазскую легенду о происхождении табака»⁵¹⁶. В кратком предисловии к ней он писал: «Так как культура табака за последнее время стала предметом массового занятия жителей Сухумского округа, то всякое сведение научное, практическое или даже сказочное о жизни, культуре и появлении на свет этого растения представляет для нас некоторый интерес и заслуживает «всеобщего» внимания».

Рациональные практические мысли содержит и брошюра М. И. Тарнава «Краткий очерк истории Абхазской церкви» (Сухум, 1917). Его, как «каждого сознательного абхаза», беспокоило «печальное состояние... абхазской литературы», и он считал, что «сознание долга должно их звать на поле творческой литературной работы на почве развития и обогащения абхазской литературы изучением прошлого и настоящего абхазского народа». Средствами к этому, по его мнению, могли явиться: «1) извлечение из различных литератур сведений об Абхазии и абхазах, 2) собирание сказаний и преданий из богатейшего абхазского народного словесного творчества, 3) чисто научные исследования и 4) занятия по изящному творчеству». Тарнава вместе с тем подчеркивал, что «существующие литературные сведения об абхазах имеют большую ценность и представляют некоторый материал, могущий удовлетворить наши скромные запросы по изучению своей истории». Поэтому, «для удобства ознакомления людей с этими сведениями», он призывал их «находить и собирать в один или несколько

⁵¹⁶ См.: «Сухумский вестник», 30.XI, и 4.XII.1916, № 265 и 269.

...делания... что легко сделать при наличии интеллектуальных ресурсов абхазским вопросом людей с известным интеллектуальным развитием и языкознанием»⁵¹⁷.

Из публицистических выступлений Г. М. Шервашидзе этого времени и вообще последнего периода его жизни, пожалуй, самым значительным является статья, опубликованная в газете «Закавказская речь» 3 июля 1911 года под названием «Письмо светлейшего князя Г. М. Шервашидзе, посланное им в редакцию газеты „Berliner Tageblatt“». Это было ответом на клеветническую статью о грузинском народе корреспондента названной немецкой газеты Лоренца, который в 1911 году был среди зарубежных гостей принца А. П. Ольденбургского в его гагринском дворце. «Находим, — писал Г. М. Шервашидзе, — что не следует усваивать себе... весь хлам, именуемый некоторыми прогрессом. А стараемся выбрать из него, как жемчужины, выдающиеся произведения литературы и искусства; следим за открытиями в науке; словом, берем лишь то, что считаем с пользой применимым к жизни и обществу... И если бы г. Лоренц больше вникнул бы в бытовые стороны, он бы понял все это и многое другое; узнал бы, что этот народ, к которому он отнесся презрительно, имеет блестящее историческое прошлое... Узнал бы также, что у грузин есть богатейшая древняя эпическая литература, сравниваемая с мировыми произведениями... Можно бы еще многое сказать, но золотые страницы прошлого этого народа, омытые слезами и кровью всей нации, нельзя передать в газетном столбце».

Бичуя западную буржуазную цивилизацию⁵¹⁸, Г. М. Шервашидзе писал иронически: «Да, мы еще не дошли до европейской высшей цивилизации, где животные имеют преимущество перед людьми. Так, например, олени занимают обширные пространства парков, а люди, не имея клочка земли, задыхаются в полях, на тяжелых работах; великолепные здания выстроены для лошадей, их кормят, поят и холят, а человек, не имея двух пэнсов для ночлега, зачастую издыхает на дворе. Вообще цивилизация предоставляет большой комфорт животным: охотничьим собакам, иоркширским свиньям и т. д.». Он разоблачал также продажность буржуазной прессы, «дорого подкупленных за клевету» корреспондентов.

Это смелое и благожелательное выступление сына Абхазии было воспринято грузинской общественностью с большой благодарностью. Например, писатель Антон Пурцеладзе дал очень высокую оценку этому письму Г. М. Шервашидзе и ему самому. «Я, — писал Пурцеладзе, — давно знаю Вас как че-

⁵¹⁷ М. И. Тарнава. Указ. соч., с. 3—4.

⁵¹⁸ Г. М. Шервашидзе побывал в различных странах Западной Европы и Азии, в результате чего у него сложились богатые впечатления и наблюдения, позволившие ему критически отнестись к западной буржуазной цивилизации, переживавшей глубокий кризис.

ловека, сердечно любящего нашу обездоленную страну... Я еще раз убедился в Вашей любви к нашей стране и в Ваших литературных дарованиях»⁵¹⁹.

Здесь же, заканчивая повествование о Г. М. Шервашидзе, который умер 19 февраля 1918 года⁵²⁰, следует отметить, что он не смог до конца преодолеть свои ограниченные классовые взгляды, сводившиеся к идеализации патриархально-феодального образа жизни⁵²¹. Поэтому он не смог понять великий смысл Первой русской революции 1905—1907 годов и Октябрьской социалистической революции 1917 года. Г. М. Шервашидзе даже пытался «предостеречь» свой народ от «опасности»⁵²². Таким образом, перед Г. М. Шервашидзе не была очерчена дорога, ведущая к светлому будущему, хотя к нему он и стремился, возлагая на него свои лучшие надежды.⁵²³

⁵¹⁹ „თავისუფლება და მშვიდობა“, 8.VIII.1952.

⁵²⁰ Г. М. Шервашидзе похоронен рядом с родителями и женой в Моквском храме (Очамчирский район).

Памяти Г. М. Шервашидзе грузинская пресса посвятила пространные статьи Ш. Дадвани, Д. Лолуа, Н. Тавдгиридзе и др., проникнутые глубоким уважением к писателю (см., например, журнал „თავისუფლება და მშვიდობა“, 1918, № 10—11; газ. „საქართველო“, 1918, № 47). Но в родном Сухуме, где в это время сложилась чрезвычайно сложная обстановка, как отмечалось в некрологе, составленном, очевидно, близким окружением Г. М. Шервашидзе, «похороны этого очень заметного не только в Абхазии, но и во всей Грузии, выдающегося по своим недюжинным способностям, рыцарским свойствам и неподдельной, искренней, бескорыстной любви к родине, остались незамеченными...» (Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. I, д. 42, л. 2).

⁵²¹ Г. М. Шервашидзе разделял ту точку зрения дореволюционной историографии Грузии, которая одно время имела довольно широкое распространение и согласно которой феодальные отношения в крае складывались по типу семейных отношений: помещик являлся «отцом-покровителем», а крестьянин — «ожидаемым сыном», и между ними не было никакой классовой борьбы. Представителей абхазской крестьянской категории анхаю Шервашидзе называл даже «свободными фермерами» (см. его статью «Так ли пишется история (письмо в редакцию)». — «Закавказье», 6.VI.1910 г.), а также утверждал, что «все жили в довольстве, и не было ни бедняков, ни рабов. Дворянство и крестьянство жили дружно, при взаимном уважении» (см. его «Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову». — «Сухумский вестник», 29.III.1917). И в своем предсмертном обращении к абхазскому народу 18 февраля 1918 года заявил: «Нет среди нас ни богачей, ни бедняков — у всех есть средний достаток и все мы абхазцы, дворяне, князья и крестьяне, — родные братья — сыны одной нашей матери Абхазии» (Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. I, д. 42, л. 1).

⁵²² См. его обращение к абхазскому народу от 18 февраля 1918 года. Обращение содержит и мотивы строгого осуждения антинародной политики царизма. «Наши отцы, дяди, братья, — говорится в нем, — боролись, страдали и умирали за честь и свободу родины. Их гордая, свободная душа не могла и не хотела подчиниться угнетательской системе» царской власти; «не могли допустить поправки их обычаев и традиций, освещенных веками, и они с оружием в руках восставали... Многие из них приняли смерть в этой борьбе за родную Абхазию, тысячи их томилась в холодной Сибири и в России, а многие десятки тысяч, отчаявшиеся в неравной борьбе, ушли в Турцию, но не преклонили перед насильниками свою гордую честную голову».

⁵²³ Х. С. Бгажба. Этюды..., с. 36.

Вместе с тем нужно признать, что, несмотря на то, что наследие Шервашидзе достаточно глубоко исследовано, многие стороны его общественно-политических и философских воззрений еще нуждаются в изучении и конкретизации.

В разных органах печатались и другие представители абхазской интеллигенции, среди которых необходимо выделить Ивана Иосифовича Гулиа, младшего брата Д. И. Гулиа. Он был собственным корреспондентом «Сухумского листка», «Сухумского вестника» и «Сухумских вестей», на страницах которых под псевдонимами «Миша Г.», «М. Г-я», «М» и «Селянин» выступал довольно часто, главным образом, о делах в селе Тамыш (Кодорский участок), где работал учителем в 1911—1914 годах. Из его материалов, опубликованных в номерах «Сухумского листка», обращают на себя внимание следующие. Это прежде всего «Письмо народного учителя (Письмо из абхазской деревни)» (9 сентября 1912 года, № 181). Ввиду особой важности этой заметки для характеристики взглядов ее автора, приведем отдельные места. «Учиться и других учить» — гласит девиз народного учителя. Девиз этот ясно указывает учителям на необходимость учиться самим, чтобы уметь учить других. Но для того, чтобы труженник на ниве народной имел возможность пополнить свои познания и расширить свой умственный кругозор, необходимым условием является пополнение учительской библиотеки при школах всевозможными книгами по всем отраслям науки и литературы и различными руководствами, содержащими новейшие приемы и правила воспитания и обучения детей за последнее время. 'Ведь чем богаче душа учителя, тем больше получит от него родная школа... Нельзя не согласиться, что подготовка народных учителей далеко несовершенна. Причиной этого явления служит отсутствие в учительских библиотеках книг, при посредстве каковых учитель мог бы приобрести научное знание, ведущее к ясному, сознательному пониманию явлений окружающей природы и жизни, а второй причиной является слабая общительность между учителями... Все мы делаем одно дело, у всех нас одна общая цель — просвещение народа... Главное при нашей скромной и полезной работе должно быть именно бодрое настроение:

Работай руками,
Работай умом,
Работай без устали
Ночью и днем!
Не думай напрасно,
Что труд пропадет,
Что дум твоих светлых
Никто не поймет!
Ты знай, лишь работай

На nive людей
Да сей только честные мысли па ней.

Следует поддерживать бодрое настроение учащего, чтобы он знал, что его ценят и уважают, и тогда и школьники будут первыми, на ком отразится эта забота об их учителе и учительнице».

И. И. Гулиа поднимал также голос против хищнического уничтожения девственного леса в селах Моква и Тамыш. В корреспонденции «Порубка леса» (9 сентября 1912 года, № 181) он заявлял: «Если не поспешить... предотвратить дальнейшую порубку его, то не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в скором будущем от этого ценного леса ничего не останется...».

И. И. Гулиа 9 и 12 августа 1912 года опубликовал очерк о селе Тамыш. Кстати, в состав этого населенного пункта тогда входило село Киндги и некоторые другие территории, всего 483 двора. Потребности тамышцев, — писал Гулиа, — «все увеличиваются, жизнь становится более сложной и трудной, и население уже не удовлетворяется теми материальными благами, которые в состоянии извлечь от работы примитивным способом, завещанным дедами». Автор считал желательным открыть склад усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, товарищество мелкого кредита и т. д.

В другой статье — «Пути сообщения» (21 октября 1912 года, № 193) — Гулиа бил тревогу по поводу печального состояния дороги, шелшей от магистрального шоссе, пересекавшего село, к морю. По ней ежегодно, помимо лесного материала, вывозилось от населения Джгерды, Кутол и Тамыш свыше 70.000 пудов кукурузы.

Не менее интересны материалы, напечатанные И. И. Гулиа в газете «Сухумский вестник». Например, в заметке, появившейся 13 февраля 1913 года (название ее подзаголовок — «Исчезающая традиция»), он писал: «Испокон веков у абхазцев существует много традиционных обычаев, губительно влияющих на их экономическое состояние. Главное место среди них занимает порядок погребения и поминовения умерших... Естественно, что абхазцы с такими обычаями, живя в такой богатой природе, никогда не могут оправиться материально. Между тем по сие время они не принимали никаких мер к уничтожению подобных вредных обычаев». 3 февраля Н. С. Патеипа по этому вопросу с жителями села Тамыш вел «продолжительную беседу», в результате чего последние составили приговор «об изведении из общины этих традиционных обычаев».

В заметках И. И. Гулиа, опубликованных 30 октября и 21 декабря 1912 года, речь идет об открытии (с 1 января 1913 года) ссудно-сберегательного товарищества (члены правления — В. Барганджия, И. Гулиа и В. Гурджуа). Он ставил вопрос и о здании фельдшерского пункта, который должен

был обслуживать «бедное население» всего Кодорского участка. Писал Гулиа также о елке и литературно-вокальном угре в тамышской школе (24 января 1913 года, № 78), об открытии в том же селе женского одноклассного училища с 1 февраля 1913 года (31 марта 1913 года, № 131) и по другим вопросам. В «Сухумских вестях» И. И. Гулиа поместил статью о фельдшерском пункте (5 января 1912 года, № 145) и другие. А на страницах «Известий Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сухума и Сухумского округа» в августе 1912 года им была опубликована большая статья «От слова к делу!» (окончание — 10 августа)⁵²⁴.

Особого внимания заслуживает заметка Дмитрия Иосифовича Гулиа «Письмо в редакцию» («Сухумского вестника»), которую приведем здесь целиком. «Мы читаем и в Вашей уважаемой газете и в других кавказских газетах, издающихся как на русском, так и на грузинском языках, бесконечные споры об отношении к земству так наз. «большинства» и «меньшинства». Наше абхазское сельское население очень сильно заинтересовано вопросом о введении земства. Однако оно совершенно не разбирается в разных отвлеченностях, которыми забрасывают друг друга спорящие. Крестьянам желательно было бы, чтобы им просто и ясно разъяснили чисто практическую сторону дела: каковы будут его права, если пройдут пожелания большинства и что они получают, если пройдут пожелания меньшинства? В деревне каждый по своему разъясняет дело: одни говорят, что каждый, имеющий свой участок земли, будет иметь свой голос на выборах. Другие утверждают, что 20—30 дворов будут иметь только один голос. И крестьяне ни-

⁵²⁴ Печатался также Вл. Эмухвари, который, например, в 1910 году в «Кутанском листке» опубликовал «Письма из Самурзакани»: «I. Суд в Самурзакани» (26 мая) и «II. Самурзаканский судья и местные законы» (6 и 9 июля). По вопросу просвещения абхазского народа выступал автор с псевдонимом «Абхаец» (см.: «Сухумский вестник», 1 и 2.XII.1916. «Побольше света и тепла»). Его перу принадлежит несколько и других статей — «Большой вопрос» (об организации местного самоуправления. Там же, 13 ноября 1915). «Реквизиция опытной станции» («Кавказское слово», Тифлис, 8 октября 1916) и другие. Д. К. Эмухвари в «Черноморском вестнике» 11 мая 1911 года напечатал заметку об открытии приемного локоя в Самурзаканском участке. В ней говорилось: «Самурзакань сильно нуждается в постоянной медицинской помощи. Отсутствие этой помощи сделали то, что, во-первых, народное здоровье оставляет желать очень многого, а во-вторых, знахарство положительно процветает». Выступал в эти годы и Г. М. Зухбай. Его перу принадлежат, например, «Элегия» и «К делу Иоселиани», опубликованные в газете «Сухумские вести» 11 августа (№ 28) и 6 ноября (№ 98) 1911 года. Первая, например, начинается так: «Ночь волшебная окутала землю. И луна, вырываясь в своем полете из-за прозрачных и легких облаков, бросила фантастический свет на весь огромный город и на улицы, одетые чистым, пушистым и алмазным снегом. Сколько несчастливых не спит в эту ночь, тревожно замыкая свое горе в сосредоточенности молчания». В. Г. Гурджава был корреспондентом газеты «Сухумские вести» (см., например, его статью о Гудаутской второклассной церковноприходской школе, опубликованной 17 августа 1911 года).

чего не понимают. А хотелось бы понять. Неужели нельзя разъяснить это?»⁵²⁵.

И в других случаях, особенно в общественной деятельности и литературно-творческой практике, ярко проявлялись демократические, просветительские взгляды Д. И. Гулиа⁵²⁶.

Из сказанного очевидно наличие большой группы абхазских публицистов революционно-демократического направления, работа которых в какой-то степени была частью революционного движения в крае.

Надо сказать, что этот революционный подъем в Абхазии, как и во всей стране, был заторможен начавшейся летом 1914 года первой мировой войной, в которой царизм искал спасения от революции. В годы войны положение трудящихся еще больше ухудшилось. Война нанесла тяжелый удар по экономике края. Приходили в упадок табаководство и виноградарство — основные отрасли товарного хозяйства, в городах росла безработица, увеличивались всевозможные налоги, натуральные поставки, молодежь угоняли на фронт.

Нищета и голод стали уделом широких трудящихся масс, в частности учительства. Сухумский епархиальный учительский совет в 1915 году констатировал, что материальное положение в подведомственных ему школах «слишком затруднительно»⁵²⁷. А попечитель Кавказского учебного округа в докладе заместителю Кавказа от 10 сентября того же года отмечал, что материальные средства Сухумской женской гимназии «дошли до плачевного состояния, и весь педагогический персонал и служащие должны были отказаться, в силу обстоятельств, от получения жалования полностью и существовать на гроши в течение четырех месяцев»⁵²⁸. Сухумская горская школа еще в 1914 году была эвакуирована в Квирила и вскоре — в Георгиевск (Северный Кавказ).

Между тем помещики и буржуазия Абхазии, как и во всей империи, всячески поддерживали верноподданническую шумиху «содействия войне до победного конца». По примеру грузинского дворянства, абхазские князья и дворяне немедленно откликнулись на войну желанием «повергнуть к стопам горячо любимого и обожаемого царя верноподданнические чувства... и организовать... конную часть»⁵²⁹. Вскоре она сформирована под названием «Абхазской сотни», которая затем вошла в качестве «Четвертой сотни Черкесского полка» в «Кавказскую туземную конную дивизию» («Дикую дивизию») и дей-

⁵²⁵ «Сухумский вестник», 24.VI.1916, № 137.

⁵²⁶ Ш. Х. Салакава. О дореволюционной просветительской деятельности Д. И. Гулиа. — «Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX — начале XX века». Нальчик, 1976, с. 127.

⁵²⁷ Цит. по: А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851—1917 гг.). Сухуми, 1956, с. 233.

⁵²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 19, 1915 г., л. 1159, л. 2.

⁵²⁹ «Сухумский листок», 6.VIII.1914, № 388.

ствовала сперва на русско-австрийской границе Юго-Западного оперативного участка, а с середины 1916 года и начала 1917 года — на Румынском фронте и в других местах Восточного (Русского) фронта⁵³⁰. В состав «Абхазской сотни» и Сухумского полка вошел основной контингент абхазской военной интеллигенции.

Духовенство также активно выступило в защиту войны и самодержавия. Не отставала от него и буржуазия. Постановлением Сухумской городской думы от 15 сентября 1915 года был учрежден Сухумский военно-промышленный комитет — один из комитетов, созданных российской империалистической буржуазией по всей стране с целью мобилизации промышленности на нужды войны и подчинения своему влиянию рабочего класса. «Сухумское общество сельского хозяйства», вернее, те его члены, которые представляли интересы господствующих классов, 5 ноября 1915 года приняло постановление об обращении к общественным организациям и органам сельскохозяйственной и общей печати с воззванием о необходимости объединения всех сельскохозяйственных организаций, кооперативов и прочих учреждений во Всероссийский союз, «который мог бы дать отечественной промышленности громадные заказы...»⁵³¹. Общество занималось и многими другими вопросами, направленными на оказание содействия продолжению войны.

Правление названного Общества и Сухумская городская дума еще в начале 1914 года обращались к наместнику Кавказа с ходатайством о преобразовании Сухумского округа (Абхазия) в губернию⁵³². В связи с этим депутация в составе М. Шервашидзе, А. Чукбара, Б. Езугбая, М. Эмухвари, П. Ан-

530 Г. А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии. 1910—1921. Тбилиси, 1963, с. 31—32.

Выше уже говорилось о полковнике А. М. Лакербай и подполковнике К. Г. Шервашидзе, которые пали смертью храбрых на поле боя. В войне отличились и другие абхазские офицеры. Так, на Кавказском фронте служил прапорщик Шахан Лакербай, служивший ранее в конвое Александра II. Его сын Константин, питомец Воронежского кадетского корпуса и Елизаветогородского кавалерийского училища, на Юго-Западном фронте слыл как «отменный герой, георгиевский кавалер, храбрый офицер», он погиб 15 июня 1916 года. «Безумный подвиг» К. Ш. Лакербай был описан в журнале «Нива» писателем А. А. Брешко-Брешковским («Отклики Кавказа», № 78, 6. IV; 23. VII.1916, № 164), а К. Д. Мачавариани в 1917 году в Батуме выпустил брошюру под названием «Светлой памяти павшего на войне героя корнета К. Ш. Лакербай». О нем см. также: «Сухумский вестник», 1915, №№ 21—22; 1916 №№ 152, 258 и другие. Служил К. Ш. Лакербай в рядах Абхазской сотни. В составе этой части отличился и офицер А. Д. Шервашидзе, который в свое время окончил Воронежский кадетский корпус, а затем — Сорбонну (Париж).

531 Отчет СОСХ за 1914 г., с. 31

532 См.: ЧСХ, 1914, № 7—9, с. 477—484; А. Г. Шервашидзе. О преобразовании отдельного Сухумского округа в губернию. — Там же, № 10—11, с. 581—586; «Сухумский вестник», 6.XII.1915; «Кутаисские вести», 19.XII.1915.

чабадзе и других в апреле 1916 года обратилась к наместнику с письмом, в котором говорилось, что если уж невозможно будет Сухумский округ преобразовать в отдельную губернию, то в таком случае его целесообразно иметь в пределах Кутаисской губернии. Они также ставили вопросы об обучении в школах на родном языке, об открытии большого числа школ практического характера, о проведении новых дорог и ремонте старых и т. д.⁵³³

Большевики Абхазии, несмотря на жестокий террор и противодействие меньшевиков и других мелкобуржуазных партий, оказавшихся на стороне империалистической буржуазии⁵³⁴, энергично вели пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу в массах. Они руководили революционной борьбой этих масс. А надо сказать, что в 1915—1916 годах в крае произошел целый ряд выступлений рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. В частности, стихийное движение городских масс, известное как «бабы бунты» или «продовольственные беспорядки», развернувшееся по всей стране летом 1916 года, широко охватило и Абхазию, а в Сухуме оно, по мнению городской головы, приняло даже «специфический характер»⁵³⁵.

Наконец, следует сказать об открытии Сухумской учительской семинарии, сыгравшей столь важную роль в формировании абхазской трудовой интеллигенции и революционно-мировоззрения учащейся молодежи Абхазии. Это было давнишней мечтой многих прогрессивных деятелей края. В 1911 году возник вопрос даже о создании в Сухуме учительского института. В 1912 году известный грузинский педагог и общественный деятель А. И. Джугели, будучи членом Сухумского городского самоуправления, вносит предложение о возбуждении ходатайства об открытии этого высшего педагогического учебного заведения⁵³⁶.

Но когда указанный вопрос отпал окончательно, началась переписка о создании учительской семинарии. Все население, можно сказать, было втянуто в обсуждение этого важного для него дела⁵³⁷. Появляются и специальные статьи⁵³⁸. Однако только в 1915/16 учебном году в Абхазии начало функционировать первое среднее педагогическое учебное заведение, имев-

⁵³³ Журн. «თავისუფალი საქართველო», 1916, № 23, 33. 4.

⁵³⁴ Между прочим, один из лидеров сухумских меньшевиков Д. В. Захаров в годы войны часто выступал на «патриотические» темы. Одна из его лекций называлась: «Почему нам необходимо победить Германию?». (См.: «Сухумский вестник», 8.VIII.1915).

⁵³⁵ ЦГАА, ф. 102, д. 2343, лл. 16—17.

⁵³⁶ Сланцева, Местная жизнь в 1912 году. — «Сухумский вестник», I.XI.1913, № 59; см. также: «Закавказская речь», 16.I.1913, № 13.

⁵³⁷ А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии, с. 226—227.

⁵³⁸ См., например: Я. Шелля. К вопросу об открытии учительской семинарии в г. Сухуме. — «Сухумский листок», 8.XII.1913.

шее своей целью, как определял попечитель Кавказского учебного округа, «удовлетворить нужды образования абхазского населения»⁵³⁹.

Его зарождение и становление было связано с именами Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, А. М. Чочуа, Ф. Х. Эшба, Н. С. Джанашиа. Гулиа стал в нем преподавателем абхазского языка, Джанашиа — грузинского, а Чанба — заведующим образцовым начальным училищем, открытым при семинарии для проведения педагогической практики. В эти же годы в семинарии начали работать и преподаватели М. Т. Раннефт, П. А. Правдивцев, И. И. Запорожский и другие. С осени 1916 года семинария переходит в здание бывшего пансионата «Эллада». Среди первых ее учеников были Иосиф Адзинба, Нестор Возба, Баграт Кацня, Михаил Чалмаз и другие. Из всех 23 учащихся семинария — 21 крестьянского происхождения⁵⁴⁰.

Естественно, что семинаристы с самого начала оказались под влиянием революционных событий в крае. Настроение масс им, крестьянским детям, передавалось очень быстро. И уже 25 февраля 1917 года в Сухумской семинарии произошла забастовка-протест. Директором ее был жестокий, грубый и резкий в своих действиях старый царский бюрократ В. А. Пархоменко, который завел в семинарии казарменные порядки. Учащихся держали взаперти, месяцами лишали права выхода в город; в баню, церковь и на прогулку их выводили только строем, строго контролировали их чтение; к тому же очень плохо кормили. Семинаристы дружно покинули стены учебного заведения. Занятия прекратились. Забастовкой руководили старшеклассники, среди которых особенно активную роль играл М. Чалмаз. Участвовали также Е. Шамба, Б. Кацня, А. Тодуа, А. Аршба, Н. Бохучава и другие, а ими «кто-то руководил из городских большевистских организаций». Учащиеся предъявили ультиматум — немедленно убрать Пархоменко с поста директора, изменить режим в семинарии в сторону его демократизации, улучшить питание и отменить обязательное посещение церкви. Забастовка затянулась. В семинарию приходили представители городских властей и пытались уговорить учащихся возобновить занятия, но безрезультатно. Вскоре стало известно о свержении самодержавия. Требования семинаристов были удовлетворены⁵⁴¹.

Таково было состояние абхазской интеллигенции к моменту Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, когда под могучим натиском рабочего класса и крестьянства в течение нескольких дней развалилась монархия, державшаяся веками.

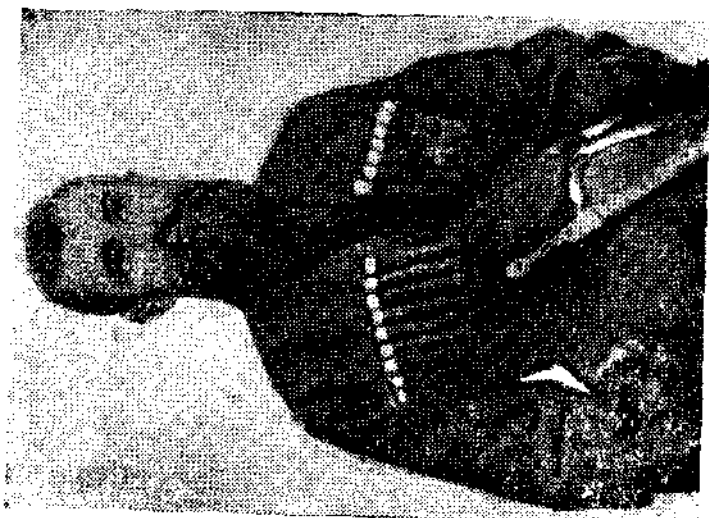
⁵³⁹ ЦГАА, ф. 20, л. 16, л. 2.

⁵⁴⁰ А. П. Дудко. Из истории педагогического образования в Абхазии. Сухуми, 1961, с. 52, 56.

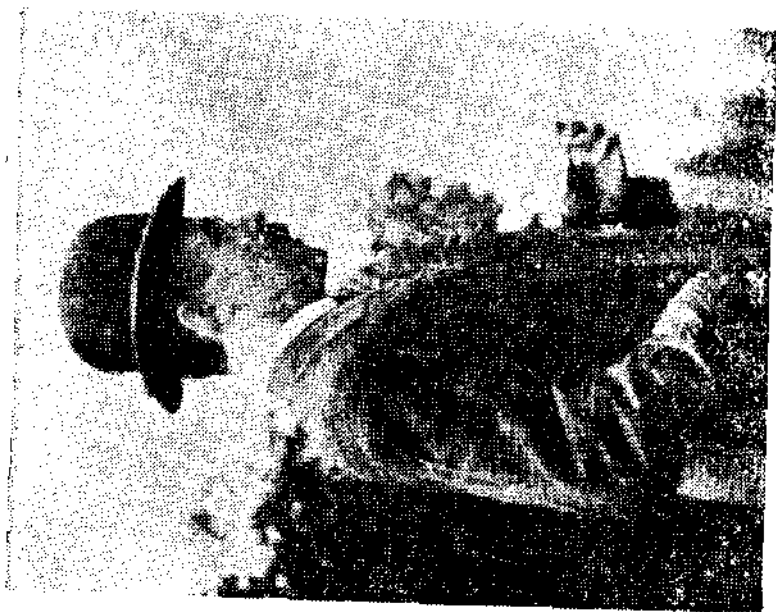
⁵⁴¹ Архив АИЯЛИ, ф. 1, л. 186/114, лл. 341—344; Е. К. Шамба. Сквозь грозы. Сухуми, 1961, с. 25—26.

И. Чавчавадзе среди представителей обществности Абхазии.
Сухум, 1903 г.

Г. Ф. Шервашидзе

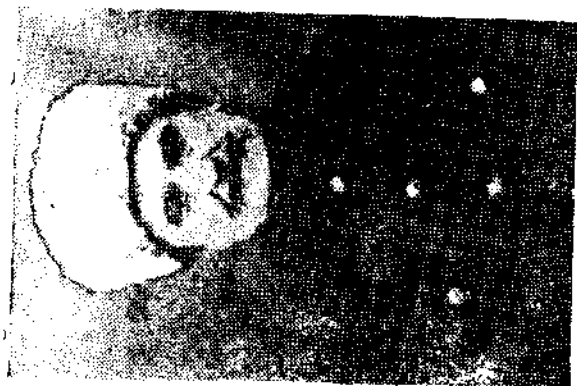
А. К. Шервашидзе
(Чачба)

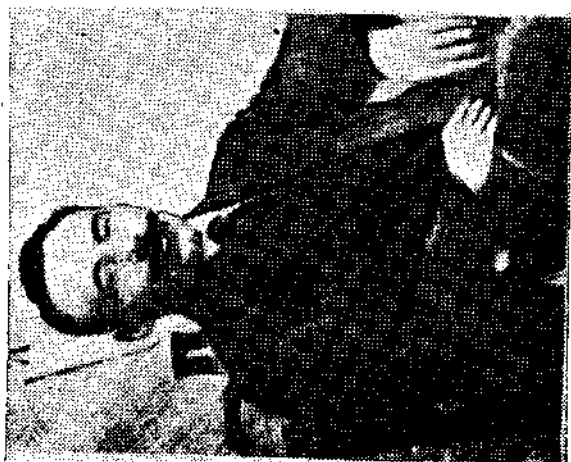
Н. С. Джигалов

Д. И. Гулов

А. П. Агрба

А. М. Чэчуа

А. И. Чукбар

К. В. Маршанна

С. П. Базарія

М. М. Бжания

М. Н. Алчабадзе
(Дадияни)

Р. Н. Какуба

М. Л. Шервашидзе

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РОЛЬ АБХАЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ БОРЬБЫ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В АБХАЗИИ

События Февральской революции 1917 года, события исторически важные на пути к Великому Октябрю, естественно, имели весьма существенное значение в дальнейшем формировании интеллигенции и вообще в национальной консолидации абхазского народа.

Проникают обострение социальных и идейных конфликтов в среде всей интеллигенции Абхазии. Если часть ее (меньшевики Д. Эмухвари, Д. Захаров, С. Рамшвили и другие) активно сотрудничает в новых буржуазных органах власти, то другая — на стороне революционных сил, правда, в свою очередь, тоже неоднородная по своему пониманию цели и задач революции. Уже в первые дни Февраля в Гудаутском участке образуется «Группа народных учителей рабочих и солдатских депутатов» во главе с К. Ф. Дзидзария², которая решительно выступила против захвата власти в Абхазии «кучкой веролопленных прислужников старого правительства — дворян и князей при содействии старой администра-

¹ «Борьба за Октябрь в Абхазии». Сборник документов и материалов. 1917—1921. Сост. Г. А. Дзидзария. Сухуми, 1967, с. 20, № 3.

² Кондрат Федорович Дзидзария (1891—1944) родился в с. Лыхны Гудаутского участка в абхазской крестьянской семье. Окончив последовательно Новоафонскую начальную и Гудаутскую двухклассную учительскую школы и двухгодичные педагогические курсы в Сухуме, он с 1914 года начал работать учителем в Лыхненском двухклассном училище, а в 1916 году стал его заведующим, заменив опытного учителя А. Р. Варяницу, работавшего в Абхазии с 1908 года («Советская Абхазия», 21.XII.1967). С самого начала своей деятельности К. Ф. Дзидзария примыкал к революционно настроенной интеллигенции. Одно время возглавлял правление Гудаутского учительского союза. Был он связан узами дружбы с Н. А. Лакоба, В. А. Агрба, Н. К. Кобахия и другими видными революционерами, а в 1918 году подвергался аресту «за сочувствие большевистскому движению». В советские годы К. Ф. Дзидзария — один из видных деятелей народного просвещения и искусства Абхазии (ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 87, лл. 12—15; И. Кортуа. Кондрат Дзидзария. Сухуми, 1966, с. 8—9).

ции» и требовала немедленного ее разгона³. А в начале апреля абхазские народные учителя того же Гудаутского участка выступают с обращением к трудовому крестьянству, в котором говорилось: «Абхазцы-крестьяне! Вы помните, как вас сажали без суда по тюрьмам, и с вас брали последние копейки в виде налогов... Не забудьте, что у вас было мало земли, которую вы обрабатывали не покладая рук, тогда как некоторые богатели за ваш счет. Ваши дети не обучались... Вас держали в темноте для того, чтобы легче править вами. Что причина всему этому несчастью, без сомнения, весь прежний режим. Вот теперь его нет и даже царь арестован...»⁴.

Для характеристики настроения трудовой интеллигенции большой интерес представляет постановление учительского съезда Абхазии, состоявшегося в Сухуме в апреле 1917 года. Прежде всего съезд высказался в том смысле, что необходимо скорейшее изменение всего законодательства, касающегося народного образования всех ступеней⁵. Он выразил недоверие епархиальному наблюдателю школ и, с целью ограничения его прав, избрал Комитет по управлению школами Абхазии, без ведома и согласия которого запрещались любые перемещения, увольнения и назначения учителей⁶. Одним из членов Сухумского окружного школьного комитета в 1917—1918 годах был С. Я. Чанба⁷.

Далее съезд выдвинул следующие вопросы:

«1. Отделение школы от церкви... Съезд высказался за то, чтобы преподавание родного языка во всех классах было обязательным для туземцев.

2. Национализация школы.

3. Установление связи между школами различных ступеней.

4. Самостоятельное существование общеобразовательных и профессиональных школ.

5. Изменение программ и расширение сети педагогических учебных заведений, привлечение лучших сил для препода-

³ В марте 1917 года в Сухуме при содействии царского начальника Сухумского округа полковника Н. В. Поливанова был образован Окружной комитет общественной безопасности во главе с князем Александром Шервашидзе (сын генерала Григория Шервашидзе, сам офицер, был сухумским городским головой при царизме, а затем некоторое время и в годы господства меньшевиков в крае. О нем: А. М. Чочуа. Собр. соч., т. 3. Сухуми, 1976, с. 71 и сл.). Членами комитета стали князь Н. К. Тавдгиридзе, дворянин В. Лакербая и другие, а начальником окружной милиции (полиции) был назначен Таташ Маршания. Было решено образовать такие органы и на местах. Кроме того, в Сухуме, Гудаутах и Очемчирах создаются буржуазные исполнительные комитеты.

⁴ «Борьба за Октябрь в Абхазии», с. 20—21, № 4.

⁵ «Сухумский вестник», 23.IV.1917, № 78. Постановления съезда учащихся...

⁶ ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 51—52; д. 326, лл. 26—27.

⁷ Там же, ф. 27, д. 117, л. 80.

давания в них путем (увеличения, усиления штатов) улучшения материального положения их.

6. Улучшение материального положения всех учащихся... Впредь до установления бесплатного обучения дети всех учащихся должны пользоваться им во всех учебных заведениях... Труд учителя должен быть обеспечен пенсией на общих основаниях и срок выслуги ее должен быть понижен до 20 лет»⁸.

В резолюции съезда также говорилось: «Съезд примет непосредственное участие в политической борьбе за всю власть и всю землю народу, пойдет рука об руку со всеми социалистическими и прогрессивными партиями». Съезд оказался под влиянием меньшевиков и эсеров, почему он и выражал «полное доверие коалиционному Временному правительству» и признавал, что «разрешение сложного аграрного вопроса является делом Учредительного собрания»⁹.

На съезде было образовано «Общество педагогов Абхазии» и утвержден его устав¹⁰. Председателем правления этого Общества стал учитель Ф. Д. Авилов¹¹. Важной задачей Общества была защита интересов учительства, положение которого ухудшалось с каждым днем. Так, в заявлении педагогов Сухумского высшего начального училища, поданном в Сухумское городское самоуправление в марте 1917 года через инспектора училища А. М. Чочуа, говорилось: «Размер квартирного довольствия был установлен более десяти лет тому назад. ...но с тех пор условия значительно изменились и представляется справедливым увеличить это довольствие»¹². Очень тяжелым было положение и в Сухумской учительской семинарии, которая из-за отсутствия средств и продуктов питания вынуждена была завершить учебный год 24 марта 1917 года¹³.

Не в лучшем состоянии находились Сухумская горская

⁸ «Сухумский вестник», 23.IV.1917, № 76.

⁹ «Наш путь», 31.V.1917, № 6.

¹⁰ Еще до этого было образовано «Сухумское общество просвещения», целью которого было: «Содействие распространению просвещения в городе Сухуме и его окрестностях». Это содействие, по уставу, выражалось «в открытии в городе Сухуме и его окрестностях разного рода учебных заведений, библиотек, читален, детских садов, летних ученических колоний, в устройстве вечерних и воскресных классов, народных чтений, народных домов, систематических курсов и отдельных лекций по разным отраслям знаний, литературных вечеров, образовательных экскурсий и спортивных игр». Предполагалось, в частности, открытие в Сухуме гимназии-санатории для «слабогрудых» детей *обоих* пола, которая при известных условиях могла явиться «гимназией-санаторией для всей России» («Сухумский вестник», 11.II.1917, № 34).

¹¹ ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 51—52; д. 326, лл. 26—27.

¹² Там же, ф. 4, д. 2607, лл. 5—5 об.

¹³ «Труды Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького», VII, 1955, с. 71.

школа и другие учебные заведения. Директор названной школы В. К. Соколов в своем отношении на имя комиссара Моквского сельского общества от 18 августа 1917 года писал: «Так как казна и теперь отпускает на содержание пансиона при вверенной мне школы такую же сумму, какую она отпустила до войны, то содержать пансион на те же самые деньги при нынешней дороговизне жизни совсем невозможно»¹⁴. Аналогичные отношения были направлены комиссарам Мгудзырхва, Бедиа и других сел, откуда происходили воспитанники горской школы.

20—26 мая 1917 года в Сухуме состоялся съезд «Общества педагогов Абхазии», который вынес постановление об образовании временных комитетов при инспекции народных училищ Абхазии¹⁵.

Особенно активную деятельность развернул Гудаутский участковый школьный комитет, председателем которого был А. И. Чукбар¹⁶, а секретарями, в разное время, — учителя К. Ф. Дзидзария и А. Х. Чукбар¹⁷. Несколько позже, 12 октября 1917 года, А. И. Чукбар на имя Сухумского окружного школьного комитета писал о необходимости обеспечения школ учебниками и учебными пособиями, в противном случае, предупреждал он, «школы принуждены будут в скором времени прекратить занятия»¹⁸. Этот вопрос он ставил и 31 июля 1918 года¹⁹, а 18 сентября 1917 года на объединенном заседании членов названного школьного комитета, заведующих учебных заведениями Гудауты, городской управы и представителей родителей учащихся (Н. В. Ладария и другие) возбуждается вопрос об открытии интерната «для бедных учащихся», который был передан «для размышления» школьному комитету²⁰.

В протоколе заседания членов этого комитета от 22 ноября 1917 года говорилось: «Принимая во внимание, что назначение учителей помимо Комитета при неутверждении, без всяких объяснений, ни одного из представленных кандидатов, является прямым нарушением прав и самого принципа управления школой на новых демократических началах — просить настоятельно Окружной школьный комитет об утверждении постановлений Комитета по назначениям»²¹. А в записке от

¹⁴ ЦГАА, ф. 31, д. 41, л. 13.

¹⁵ Там же, ф. 27, д. 117, лл. 1, 6.

¹⁶ А. И. Чукбар в 1916—1919 годах был членом Гудаутской городской управы, а с 1919 по февраль 1921 года — председателем уездной земской управы.

¹⁷ Алексей Хигович Чукбар учился в Екатеринодаре (Краснодар); умер в конце 1917 года.

¹⁸ ЦГАА, ф. 27, д. 117, л. 23.

¹⁹ Там же, л. 67.

²⁰ Там же, лл. 16, 44—44об.

²¹ Там же, лл. 14—14об.

26 февраля 1918 года в адрес Сухумского окружного школьного комитета А. И. Чукбар констатировал: «Время общей разлуки, время общего развала в стране не может не отразиться и на школьном деле. И действительно, мы видим везде небывалый упадок и расстройство школьного дела... Когда люди, хотя бы и служащие святому делу просвещения, принуждены владеть голодное существование, не получая месяцами ни гроша, то разговор упрощается и приходится, считаясь с этим, допускать решения, которые не могли бы иметь место в другое время»²².

В мае 1917 года в Сухуме состоялся еще один съезд, но он был созван представителями церкви и, разумеется, преследовал совершенно иную цель. Дело в том, что в Абхазии, как почти и повсюду, в это время наблюдается известное оживление среди священнослужителей. Местное духовенство, находившееся до этого на заднем плане (в крае господствовали ставленники Синода), начинает борьбу за руководство. В ней принимали участие представители буржуазно-националистической интеллигенции, а также и часть демократической интеллигенции.

Грузинское духовенство созвало съезд, на котором был «решен» вопрос о восстановлении в Грузии патриархата — католикосата²³. Съезд духовенства Абхазии состоялся в Сухуме 27 мая. Как ни парадоксально, именно представители демократической интеллигенции С. П. Басария и С. Я. Чанба становятся его председателем и секретарем. Но это был явный маневр, на который вынуждены были пойти истинные вдохновители «движения» в условиях революционной обстановки. Заслушав доклад «Краткий очерк истории Абхазской церкви», с которым выступил Мих. И. Тарнава, съезд принял резолюцию об образовании «отдельной, независимой и вполне самостоятельной абхазской церкви»²⁴.

Так, часть абхазской интеллигенции, преимущественно буржуазно-националистической, вкуче с «отцами» церкви и представителями буржуазно-помещичьих кругов, занялась вопросами церкви. В условиях, когда перед пролетариатом и беднейшим крестьянством стояла задача осуществления социалистической резолюции, борьба за «определение положения абхазской церкви» была явлением реакционным. Меньшевики охотно пошли на заключение негласного союза с контр-

²² Там же, лл. 59—59об.

В связи с подобной деятельностью участковые школьные комитеты были ликвидированы меньшевистскими властями в конце 1918 года (Там же, л. 85).

²³ Ф. Махарадзе. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. Тифлис, 1921, с. 83.

²⁴ Резолюцию съезда см. в приложении к брошюре: М. И. Тарнава. Краткий очерк истории Абхазской церкви. Сухум, 1917.

революционной церковью. Что касается трудящихся, то они отрицательно отнеслись к тому, что так сильно волновало церковников и националистическую интеллигенцию, хотя те и другие пытались говорить от имени народа. Кроме того, некоторые из тех интеллигентов демократического лагеря, которые вначале были вовлечены в «церковное дело», вскоре не только отошли от него, но и включились в активную революционную борьбу (С. Я. Чанба и другие).

Поскольку в составе делегатов съезда было немало крестьян, приглашенных сюда для соблюдения «демократии», большевики решили использовать его как трибуну для разоблачения контрреволюционных элементов. Например, Н. А. Лакоба поднял на смех организаторов съезда, назвав их «мировыми посредниками между богом и людьми». Несмотря на отрицательную реакцию руководства съезда, Лакоба смело перешел от отвлеченных религиозных споров к обсуждению волновавших народных масс вопросов. «Трудовой народ, — заявил он, — должен теперь сам разрешить наболевшие вопросы, а здесь попы, вкупе с людьми в чинах, орденах и аксельбантах, говорят за него и говорят от имени народа»²⁵.

Это было адресовано и трудовой интеллигенции, революционное настроение которой росло необычайно быстро. Ярким тому примером был Д. И. Гулиа, голос которого звучит как голос признанного выразителя и певца национального и культурного пробуждения абхазского народа. Именно в ту пору он написал свое известное стихотворение «Вперед», в котором приветствовал революционные события в Петрограде. Поэт восклицал: «Восстаньте, друзья! Вперед! Вперед!» Гулиа выступает также в защиту родного языка. В заявлении от 23 ноября 1917 года на имя директора Сухумской учительской семинарии он, требуя введения штатного места преподавателя абхазского языка в этом учебном заведении, писал: «До настоящего времени преподавание абхазского языка находилось в том положении, которое несколько не отвечало известному желанию абхазцев изучать хотя бы существующую литературу родного языка. Не было почему-то и того пути, через который можно было бы получить те или иные права на преподавание абхазского языка в том или другом учебном заведении. Не существует этого пока и теперь». Говоря о «несправедливых законах старого режима», Д. И. Гулиа указывал на «великий переворот в России», на «дух нового времени»²⁶.

²⁵ См.: Г. А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии, 1910—1921. Тбилиси, 1963, с. 79.

²⁶ ЦГАА, ф. 20, д. 58, лл. 45об.—46об.

Или обратимся еще к А. К. Шервашидзе, к художнику с громким именем, который также остро ощущал и переживал народные страдания, очень ясно видел пагубные последствия политики самодержавия в жизни и культуре родного края. Особенно его возмущали люди, которые в это бурное время жили беспечно. «Вместо заботы об Абхазии, — писал Шервашидзе в своем дневнике, — вижу всех князей и дворян в Сухуме, занимающихся коммерческими делами в городе. Нужно думать о родине прежде всего... Кажущаяся необразованность неграмотного абхаза лучше, чем полуграмотность тех, кого я вижу в Сухуме. Приезжающие из глухих горных сел мне милее сухумцев. В них еще много того, что описано Толстым в «Хаджи-Мурате», что так дорого, что прекрасно и заставляет с радостью сказать промжо: «Я горец, я абхаз! (4 сентября 1917 года у Георгия)» (Шервашидзе)²⁷.

А. К. Шервашидзе, в частности, мечтал о возобновлении народного искусства. «Недавно существовавшие, — писал он в дневнике, — обычаи, состязания старых певцов на больших народных празднествах нужно восстановить... Устроить хоровое и театральное представление, соединив их вместе... Нужно возобновить наши народные игры и состязания: игру в мяч, метание камня, прыгание через барьер, прыганье с большой палкой, бег, скачки и джигитовку, игру на лире, игру на скрипке, пение, танцы, игру в городки, борьбу...»²⁸.

Художник мечтал сделать свой Сухум красивым городом, ибо «внешняя красота города, подразумевая и внутреннюю, столь же необходима, как чистый воздух». «Мы, — писал он далее, — живем среди народа с красивыми древними обычаями, с большой, красивой духовной культурой, и мы должны стараться сделать город наш красивым!»²⁹.

Заслуживает большого внимания и просветительская деятельность народного учителя П. С. Шакрыла³⁰. Его справедливо считают не только замечательным просвещенцем, но и одним из самых первых и самых энергичных энтузиастов зарождения абхазского театрального искусства. В 1917 году в Очемчирской школе, где он в это время работал учителем, он организовал абхазский хоровой и драматический кружок, в со-

²⁷ Цит. по: Б. М. Аджинджал. Художник А. К. Чачба (Шервашидзе). — «Материалы по археологии и искусству Абхазии». Сухуми. 1974, с. 90.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Платон Семенович Шакрыл (1892—1959) родился в с. Лыхны Гудаутского участка. Окончив Горийскую учительскую семинарию в 1912 году, он всю свою жизнь посвятил педагогической деятельности. В досоветские годы Платон Семенович работал сельским учителем (Джирхва, Кутол, Очемчирь). Впоследствии его большие заслуги были отмечены орденом Ленина и присвоением ему звания заслуженного учителя школы Грузинской ССР (ЦГАА, ф. 8, лс, л. 291).

став которого входили и женщины — Тамара Ачба и Ада Гвалля. Его репертуар состоял из абхазских народных песен и бытовой драмы «Во тьме», написанной и поставленной им самим. Однако второй спектакль, состоявшийся 29 января 1918 года, был сорван провокацией, организованной меньшевиками. Кружок вынужден был прекратить свое существование³¹.

Особую важность приобрела в этот период деятельность абхазских большевиков-интеллигентов. Они принимали руководящее участие в борьбе за торжество интересов трудящихся. Нестор Лакоба являлся главной фигурой в Гудаутском участке, а Ефрем Эшба — в Самурзаканском. Их боевыми товарищами были народные учителя, коммунисты Дмитрий Кобахия и Максим Гобечия³², Николай Сванидзе и другие видные революционеры. На народном сходе Гудаутского участка, состоявшемся в селе Лыхны в марте 1917 года, Лакоба был избран участковым комиссаром, а Кобахия — председателем Комитета общественной безопасности. Меншевецких же представителей Варлама Лакербая и Луку Картозия сход изгнал. Большевики руководили и Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Самурзаканском участке комиссаром стал Ефрем Эшба, а в Кодорском — народный учитель Антон Логуа³³. Все они прошли как крестьянские депутаты.

В этих революционных событиях приняли участие и другие представители интеллигенции, в том числе гудаутский районный земский агроном Алексей Константинович Ефимов. В своем выступлении на сходе в с. Лыхны он заявил: «Ваши враги не дремлют, они уже выработали образ действий и выбрали Комитет, который хочет взять власть над вами... Вы видите эти развалины (Лыхненского дворца владетельных

³¹ М. Лакербай. Очерки из истории абхазского театрального искусства. Сухуми, 1962, с. 43—44.

³² Максим Георгиевич Гобечия (Гуатас-ипа) (1889—1921) родился в семье бедного абхазского крестьянина села Лыхны. После окончания в 1907 году Гудаутской учительской школы он работал учителем в селе Аггархук, затем готовился на звание учителя в Ахал-Сенаки, а с 1909 года учился в Кутаисской учительской семинарии. В 1914 году Гобечия окончил учительские курсы в Сухуме и был направлен в Отхарскую церковноприходскую школу, где работал до Февральской революции 1917 года. Некоторое время он работал также в родном селе в качестве народного учителя. М. Г. Гобечия среди трудового крестьянства пользовался большим авторитетом. С 1917 года он всецело отдается революционной работе, вступив в ряды Коммунистической партии (ЦГАА, ф. 9, д. 321/336, л. 53—60; «Борцы за Советскую власть». Сухуми, 1965, с. 91).

³³ В Сухуме комиссаром милиции городская дума избрала присяжного поверенного Г. М. Зухбай. 13 марта 1917 года, например, он сделал объявление, в котором категорически выступал против лиц, шедших «на обострение национального вопроса среди городского населения» (Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 60, л. 12).

князей Абхазии. — Г. Д.), в них жили в стародавние времена *ваши* князья. Это здание было построено трудами ваших подневольных предков, по спинам которых гуляла княжеская нагайка... Но ведь потомки их, помня заветы своих предков, хотят по-старому управлять вами, потомками их бывших рабов!»³⁴. Между прочим, на это выступление А. К. Ефимова Г. М. Шервашидзе откликнулся специальной статьей, в которой, в частности, утверждал свой известный тезис о том, что якобы в Абхазии «дворянство и крестьянство жили дружно, при взаимном уважении»³⁵. В другом случае (февраль 1917 года) Ефимов говорил: «Моя задача, как земского агронома, — содействовать возможному быстрому прогрессу местного сельского хозяйства»³⁶.

Все эти факты свидетельствовали о повсеместном нарастании революционной борьбы масс, об успехах большевиков Абхазии. Недаром несколько позже, 21 мая 1917 года, сухумская эсеровская газета «Наш путь»³⁷ писала, что, например, в Гудаутском участке «все интеллигентные абхазцы принадлежат к социал-демократической партии», т. е. большевистской партии. Буржуазная пресса тревожно писала даже о «возникновении Гудаутской республики»³⁸. Большевики района героически «выдерживают бешеный натиск контрреволюционеров — князей, дворян и меньшевиков»³⁹.

Значительным событием было создание в мае 1917 года в Сухуме Окружного комитета большевистской партии во главе с Ефремом Эшба. Другими его организаторами были Севериан Кухалейшвили, Николай Сванидзе и Константин Макаров. Большую роль сыграли и руководители местных партийных организаций — Нестор Лакоба, Георгий Атарбеков, Класион Меладзе и другие. Вооруженные историческими ре-

³⁴ «Сухумский вестник», 16.IV.1917, № 3.

³⁵ Там же. 29.III.1917, № 67.

³⁶ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 35, л. 61об.

Здесь следует упомянуть и землемера названного участка И. Г. Мирнова, который также выступал в защиту абхазского трудового крестьянства. Например, 8 октября 1918 года на страницах сухумской меньшевистской газеты «Наш путь» он опубликовал статью, в которой довольно смело рассказывалось о земельном голоде крестьян Бзыбской Абхазии и их глубоком убеждении в неспособности меньшевистского правительства Грузии разрешить аграрный вопрос.

³⁷ Эта газета, выходящая с 14 мая 1917 года, имела целью добиваться влияния эсеров среди масс. Между прочим, сухумские эсеры (Н. Доенко и др.) пытались использовать для поднятия «авторитета» своей организации и приезд известного русского революционера, социалиста Г. А. Лопатина в Сухум в мае 1917 года, который продолжительное время гостил в доме местного юриста Б. А. Захарова. В своем органе они дали хвастливое сообщение о том, что вместе с Лопатиным обсуждали «отношение к текущему моменту» («Наш путь», 31.V.1917, № 6).

³⁸ См.: «Сухумский вестник», 3.VII.1917.

³⁹ «Голос Трудовой Абхазии», 6.V.1923, № 101. Биография Н. А. Лакоба.

шениями VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), абхазские большевики твердо проводят политическую линию, направленную на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. После VI съезда РСДРП(б), нацелившего партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию, большевики Абхазии развернули борьбу за победу этой революции.

Особо следует сказать здесь об активной революционной деятельности С. А. Картозия, которого Февральская революция застала в Харькове. В начале апреля 1917 года он по заданию Харьковской большевистской организации едет в Петроград. С глубоким волнением и радостью рассказывал Картозия впоследствии, «как он слушал» В. И. Ленина после его возвращения из заграницы, «с каким неистовым желанием проработал он великие тезисы пролетарской революции — Апрельские тезисы Ленина»⁴⁰. После приезда Артема (Ф. А. Сергеева) из эмиграции, с середины 1917 года Картозия работал под непосредственным руководством этого замечательного ленинца; с ним он был «в близких товарищеских отношениях». Как в прессе, так и в публичных выступлениях С. А. Картозия «вел ожесточенную борьбу против меньшевиков и социал-революционеров»⁴¹.

Великий Октябрь и его преобразующие лозунги завоевали на сторону Советской власти самые широкие слои трудящихся народов бывшей Российской империи. В частности, Советская власть сразу же после победы революции провела коренные преобразования в области народного просвещения и достигла крупных успехов. Народ получил возможность развивать и все другие отрасли культуры — науку, искусство, литературу.

Иначе сложилась обстановка в Закавказье, в силу чего развитие культуры пошло по законам буржуазного общества. Здесь, как известно, победа социалистической революции несколько задержалась, хотя она и горячо приветствовалась трудовыми массами. Это случилось главным образом вследствие временного перевеса сил контрреволюции. Антинародные буржуазно-националистические партии края, сомкнувшись с внешней реакцией, принимают все зависящие от них меры, чтобы изолировать Закавказье от Советской России.

Старейший член большевистской партии С. И. Кухалейшвили писал, что победа Октябрьской революции вдохновила не только коммунистов, такой «переворот в ближайшее время ожидало все абхазское трудовое население»⁴². Отсюда

⁴⁰ «Червоный металург», Днепропетровск, 29.IX.1934, № 91.

⁴¹ Архив АИЯЛИ, ф. 3, д. 210, л. 8. Автобиография С. А. Картозия.

⁴² Б. კუხალეიშვილი, ჩვენი ბრძოლა აფხაზეთში მემშვედებლს წინააღმდეგ (მოგონებები). ЦГИАГ, ф. 791/2417, оп. II, д. 351, л. 23; А. Шериллов. Статьи и речи. Грозный, 1972, с. 11—12.

и опромный рост большевистского влияния во всех районах Абхазии. Однако с этим был связан и процесс консолидации контрреволюционных сил, для которых борьба против Советской власти стала вопросом жизни и смерти.

Ненавидя власть Советов, напуганные ростом революционного движения трудящихся масс внутри Абхазии, часть помещиков и буржуазной интеллигенции обратила свои взоры к Союзу объединенных горцев Кавказа — контрреволюционной организации, созданной в мае 1917 года. Организаторы Союза и его исполнительного органа (Центрального комитета) — клерикальные и реакционные круги Северного Кавказа — присвоили себе название «правительства» Северного Кавказа от Черного моря до Каспийского и стремились к установлению турецкого протектората.

Представители реакционных элементов Абхазии во главе с князем Александром Шервашидзе, ложно выдавая себя за делегацию абхазского народа, ездили в город Владикавказ (ныне Орджоникидзе), где вели переговоры с руководителями Союза объединенных горцев. Затем в Абхазию приезжал его уполномоченный Асланбек Шерипов с целью втянуть Абхазию в этот «союз» и установить связи с турецким правительством на предмет «заключения договора»⁴³.

Замечательный впоследствии революционер-большевик, геройски погибший в сентябре 1919 года в борьбе за Советскую власть, славный сын чеченского народа, двадцатилетний А. Шерипов в то время еще находился под влиянием буржуазно-националистического Союза горцев. Однако все эти происки контрреволюции не увенчались успехом. Причиной тому было нарастание классовой борьбы внутри Абхазии, о чем свидетельствовал сам Шерипов в своих письмах из Сухума к руководителям Союза горцев⁴⁴.

А. Шерипов развернул кампанию по организации «Абхазского национального совета», подобно тем организациям Северного Кавказа, на которые опирался ЦК Союза горцев. Вообще же после Февральской революции, вызвавшей на окраинах усиление национально-освободительного движения, в этих регионах страны, в том числе в Закавказье, возникают национальные Советы, вокруг которых собирается национальная буржуазия. Предложение Шерипова было охотно принято абхазскими помещиками и буржуазно-националистической интеллигенцией. В обстановке победы Октябрьской революции его поддерживали официально и грузинские меньшевистские лидеры (А. Чхенкели и другие) во имя укрепления общекавказского контрреволюционного блока. Было решено созвать «крестьянский» съезд Абхазии.

В условиях существования антисоветской коалиции в За-

⁴³ Е. Эшба. Асланбек Шерипов. Грозный, 1929, с. 94.

⁴⁴ См.: Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 59; Е. Эшба. Указ. соч., с. 87 и сл.

кавказье, созданной контрреволюционными партиями края при поддержке иностранных империалистических сил⁴⁵, в задачи «крестянского» съезда в Абхазии входили изоляция края от Советской России, борьба против роста революционного движения масс. Съезд открылся в Сухуме 7 ноября 1917 года. Здесь орудовали такие меньшевистские вожаки, как А. Чхенкели и В. Джугели. Предложение представителей большевиков Е. Эшба и Н. Лакоба о создании подлинного Совета рабочих и крестьянских депутатов и передаче ему всей власти привело в ярость всех, кому были чужды интересы трудовых масс. Большевистские руководители смело выступали «и против замаскированных, и против открытых националистов»⁴⁶. 8 ноября буржуазно-помещичье большинство съезда, категорически отвергнув резолюцию большевиков, приняло постановление об организации пресловутого Абхазского народного совета, который был составлен фактически из одних соглашательских, буржуазно-помещичьих и буржуазно-националистических элементов. Его председателем для отвода глаз был объявлен один из наиболее видных представителей абхазской «либеральной интеллигенции», народный учитель, к тому же ближайший друг А. Шерипова, С. П. Басария, который, однако, довольно скоро оставляет этот пост. Не смог не сожалеть вскоре о своих действиях и Шерипов, тем более, когда для всех стало очевидным, что Совет превратился в декоративное прикрытие реакционной политики меньшевиков, в орган, который «старается примирить трудящихся Абхазии с правительством меньшевиков»⁴⁷.

По своему духу, целям и задачам Абхазский народный совет с самого начала был буржуазно-националистическим. Но в пору его организации он несколько отличался от последующих периодов истории этого органа, когда Совет открыто характеризовался как придаток буржуазно-националистической контрреволюционной власти в крае.

Между прочим, в Абхазии в период господства меньшевиков одновременно возникают и другие «национальные» советы: армянский⁴⁸, эллинский (греческий), русский⁴⁹, еврейский. Действовали также «Сухумское польское общество»⁵⁰, «Сухум-

⁴⁵ Чтобы оторвать Закавказье от социалистической революции, меньшевики, дашнаки, мусаватисты и другие буржуазно-националистические партии края поспешили 14 ноября 1917 года сколотить «самостоятельное правительство» — Закавказский комиссариат.

⁴⁶ Е. Эшба. Асланбек Шерипов, с. 90.

⁴⁷ Ф. Махарадзе. Диктатура меньшевистской партии в Грузии, с. 71.

⁴⁸ См.: ЦГАА, ф. 338, Армацсовет.

⁴⁹ См.: Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, л. 43.

⁵⁰ В Сухуме имелись польская колония и католический костел. Колония на собраниях еще 28 мая 1917 года решила учредить национально-культурное общество под названием „Dom Polski“ («Наш путь», 24 и 31.V.1917, №№ 4 и 6).

ская украинская громада», «землячества» — немецкое, эстонское и т. д. Все они, в условиях нарастания революционной борьбы трудящихся края, также играли контрреволюционную роль. Не случайно, в частности, на так называемом «Русском национальном съезде», состоявшемся в августе 1918 года в Сухуме, как сетовал некий Инсаров, «русские рабочие были представлены слабо»⁵¹.

Идейное сражение, данное меньшевикам и всем контрреволюционным элементам на «крестьянском» съезде Абхазии, писал впоследствии Н. А. Лакоба, «закрепилось нашей победой. Хотя формально и был выбран Абхазский национальный совет, но вскоре крестьяне, участники съезда, разъехались с нашими коммунистическими и советскими лозунгами»⁵².

Последовавшие за съездом участковые крестьянские сходы отказались признать Абхазский народный совет. Так, сход крестьян Гудаутского участка, состоявшийся в селе Лыхны под председательством народного учителя И. П. Чамагуа, на котором было заслушано сообщение Н. А. Лакоба, категорически высказался против Совета и вынес соответствующее решение⁵³. Таким образом, так называемый Абхазский народный совет с самого начала повис в воздухе. Он существовал только благодаря поддержке меньшевистского правительства Грузии и был лишь видимостью власти.

⁵¹ Инсаров. Итоги русского национального съезда. — «Наше слово», 30.VIII.1918, № 78.

Организаторы русского «национального» съезда и совета ориентировались на южнорусскую контрреволюцию и на протяжении всего периода гражданской войны составляли ее агентуру в Абхазии. Что касается Армянского «национального» совета, связанного с армянскими буржуазно-националистическими кругами, в том числе с дашнаками, то он не мог иметь поддержки со стороны находившихся в тяжелых социально-экономических условиях армянских трудовых масс, которые с самого начала активно действовали в рядах борцов за Советскую власть в Абхазии. Даже по характеристике дашнацкого консула в Сухуме от 2 марта 1920 года, этот Совет проявлял «рвение к проведению» меньшевистской политики в Абхазии (См.: ЦГА Арм., ф. 190/507, д. 459, лл. 11—17). Греческий «национальный» совет особенно активную контрреволюционную роль сыграл в 1918 году, когда его вдохновители даже открыли самостоятельный «фронт» на Гуме против молодой Советской Абхазии. Из «землячеств» наиболее отличалось немецкое. Его организаторы, богатые колонисты, стремились собрать вокруг него всех католиков и лютеран, проживавших в крае, а местом сбора сделали кирху в Сухуме. Особую активность проявляли они в период германской оккупации Грузии.

⁵² Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии. — «К истории революционного движения в Абхазии», Сухум, 1922, с. 12.

⁵³ Там же; Ак. Кукбая. Союз попов и социал-предателей. — «Красногвардеец — красный партизан Абхазии», 4.III.1933.

Акакий Урусович Кукбая (Кукба) (1898—1946) был секретарем крестьянского схода. В это время он учительствовал в родном селе Звандрилы. В революционном движении Кукбая (Кукба) принимал участие с 1917 года, а в Коммунистическую партию вступил в 1918 году (См.: «Борьба за Советскую власть в Абхазии. Сухуми, 1965, с. 152).

В конце 1917 года, в обстановке серьезных волнений крестьян по всему краю, в Гудаутском участке развернулось массовое крестьянское движение. 3 ноября в местечке Гудауты был убит большевик Д. К. Кобахия⁵⁴. Сын лыхненского крестьянина, участника народного восстания 1866 года, Д. К. Кобахия пользовался большой популярностью среди трудового крестьянства. Это убийство было совершено наемным бандитом, подосланным реакционными элементами. На этот акт крестьяне ответили массовыми выступлениями против князей и дворян. Над открытым гробом Д. К. Кобахия крестьяне дали клятву отомстить за своего любимца.

В связи с разгулом контрреволюции вообще и в ответ на убийство Д. К. Кобахия в конце 1917 года в Бзыбской Абхазии оформилась революционная крестьянская дружина под старинным названием «Киараз» или «Анхаю Киараз» («Крестьянский Киараз»). Эта дружина действовала до весны 1921 года и под непосредственным руководством большевиков сыграла выдающуюся роль в борьбе за Советскую власть в Абхазии. История «Киараза» тесно связана с именами таких видных абхазских революционеров, как Н. А. Лакоба, И. Д. Вардания, В. А. Агрба, М. Г. Гобечия и другие. В его рядах со временем сражались представители разных национальностей и всех слоев трудового населения района. Активно участвовала в ней и народная интеллигенция. Кроме уже перечисленных, следует назвать Илью Чамагуа, Зосима Бения, Нестора Возба, Константина Инал-ипа, Мартына Тарнава, Алексея Агрба, Григория Алшунба, Алексея (Гудиса) Тарба и других. Некоторые были командирами отрядов, а народный учитель Чамагуа впоследствии в определенное время состоял начальником штаба всей дружины⁵⁵.

⁵⁴ Дмитрий (Никюа) Кайнагович Кобахия (Мчич-ипа) после окончания школы в родном селе поступил в Эриванскую учительскую семинарию, которую окончил в 1913 году. Затем он ряд лет вел преподавательскую работу в селах Абхазии. В селе Гуп Очемчирского участка, где Кобахия начал свою педагогическую деятельность, он выступил в защиту крестьян. На этой почве отношения между ним и местными эксплуататорами (князь Дм. Маршания и другие) настолько обострились, что он вынужден был перевестись в село Лыхны, а затем учительствовал в селе Джирхва (Архив АИЯЛИ, ф. 1, л. 69, л. 1; «Борцы за Советскую власть в Абхазии», Сухуми, 1965, с. 488). Интересно также отметить, что в 1915 году Д. К. Кобахия встречался с магистром фармакологии Я. Я. Мушинским, который в селе Отхара посетил известного костоправа Аабиджа Мукба. «А так как, — писал Мушинский, — хозяин не говорил по-русски... перевел наш симпатичный спутник, сельский учитель... Дмитрий Кобахия» («Фармацевтический журнал», Пг., №№ 51—52, 19.XII.1915 г., с. 488).

⁵⁵ История «Киараза» — яркий пример включения революционно-демократических движений в районах со слабой прослойкой промышленного пролетариата в борьбу за социалистическую революцию.

В И. Ленин учил, что «социаллисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений» (В. И. Ленин. ПСС,

Характеризуя революционную обстановку в Бзыбской Абхазии, председатель Гудаутского комитета РСДРП(б) Н. А. Лакоба писал Кавказскому краевому комитету РСДРП(б): «Организация наша сильна и крепка. В данный момент, когда меньшевики и правые эсеры преступно, полные ужаса и трепета перед буржуазией, изменили интересам пролетариата... наша организация, сознавая вдвойне свою ответственность, будет всеми силами бороться за торжество идей большевизма»⁵⁶. А ЦК РСДРП(б) в своем письме от 17 января 1918 года в адрес Гудаутской организации выражал надежду, что при поддержке этого отряда большевики завладеют и Сухумским советом, и Закавказским комиссариатом⁵⁷.

В феврале 1918 года состоялись выборы в Сухумский Совет рабочих депутатов, который «по своему составу стал большевистским»⁵⁸. Председателем его вместо меньшевистского лидера в Абхазии В. Г. Чиквишвили был избран председатель Сухумского окружного комитета большевистской партии Е. А. Эшба. Влияние большевистской фракции в этом Совете «было настолько велико», что Совет уполномочил Н. А. Лакоба и С. И. Кухалейшвили привезти для вооружения крестьян Абхазии оружие⁵⁹. Кроме того, Сухумский Совет солдатских депутатов с самого начала находился в руках большевиков (А. Х. Урушадзе, С. И. Кухалейшвили), хотя в его деятельности было допущено немало ошибок и в конце концов руководящее положение в нем заняли эсеры и меньшевики. Теперь большевики развернули борьбу за полное «завоевание» этого и некоторых других местных Советов и Окружного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов⁶⁰. В истории революционной борьбы в Абхазии, как и во всем Закавказье, наступает новый этап.

В Абхазии он завершился установлением Советской власти во всех районах, за исключением Кодорского (Очемчирского), где засели дворянские силы и остатки меньшевистских отрядов, поддерживаемые кулачеством. Таким образом, Абхазия становится составной частью Советской Республики. Это вытекало из общей задачи борьбы за победу социалисти-

т. 27, с. 261). Абхазский «Киараз» был аналогичен организациям «Карахалка» в Кабарде и «Кермена» в Северной Осетии, а в Южной — «Чермена», которых поддерживали большевики, следовавшие указанию вождей.

⁵⁶ «Кавказский рабочий», 4.I.1918.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 4, с. 2, л. 5, ч. III, л. 167. «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». Сб. документов. II. М., 1957, с. 167—168.

⁵⁸ «Сухумская правда», № 16, 5.V.(22.IV), 1918.

⁵⁹ «К истории революционного движения в Абхазии». Сухум, 1922, с. 13, 26.

⁶⁰ См.: Г. А. Дзидзария. Роль Советов и «Киараза» в истории революционной борьбы в Абхазии. 1917—1921 гг. Сухуми, 1971.

ческой революции в Грузии и во всем Закавказье. Власть Советов тогда в центре Абхазии — Сухуме держалась с 8 апреля (26 марта) по 17 мая 1918 года. Значение этих событий было столь велико, что В. И. Ленин внимательно следил за их развитием. И «когда осложнилось положение повстанцев в Абхазии, объявивших Советскую власть, В. И. Ленин потребовал принять самые решительные меры для оказания им помощи»⁶¹. Огромный интерес представляют и телеграммы Е. А. Эшба на имя вождя революции⁶².

В завоевании и защите этой поистине «Абхазской коммуны» участие абхазской трудовой интеллигенции было самым активным. Многие из них руководили боевыми отрядами, а затем и органами Советской власти. Председателем Окружного Военно-революционного комитета — временного центрального органа власти Советов в Абхазии — был Е. А. Эшба, его заместителем — Н. А. Лакоба, И. Д. Вардания, В. А. Агрба, М. Г. Гобечия, К. П. Инал-ипа, К. Е. Ашба, М. К. Цагурия и другие являлись членами ВРК, а народный учитель В. Г. Адлейба — его секретарем. ВРК Абхазии, руководствуясь опытом Правительства РСФСР, его директивами и знаменитыми ленивскими декретами, немедленно приступает к осуществлению социалистических преобразований и проведению важнейших мероприятий по укреплению Советской власти в Абхазии.

Но здесь мы вкратце остановимся лишь на мероприятиях молодой Советской власти в области культурного строительства. Ежедневный орган ВРК Абхазии «Сухумская правда» 26 апреля писала: «Вновь образовавшаяся власть в Сухуме, вникая в нужды народа, одной из первых задач ставит себе культурную работу и организует культурно-просветительный комитет». Член редколлегии этой газеты врач А. Ценовский впоследствии констатировал, что ВРК «стал на точку зрения необходимости немедленной организационной работы. Между прочим, открытие читальни, устройство курсов, лекций, издание социалистической газеты»⁶³. При редакции «Сухумской правды» предполагалось открытие читальни. Была перестроена работа Сухумского театра. 27 апреля «Сухумская правда» сообщила, что на сцене театра пойдут лучшие пьесы репертуара петроградских и московских театров. Прежде всего была поставлена пьеса А. М. Горького «На дне». 21 апреля в театре

⁶¹ П. Азизбекова, А. Минацкая, М. Траскунов. Советская Россия и борьба за установление и упрочение власти Советов в Закавказье. Баку, 1969, с. 109.

⁶² См.: «Борьба за Октябрь в Абхазии». Сб. документов и материалов. 1917—1921. Сухуми, 1967, с. 63, 72, 81, №№ 59, 72, 83.

⁶³ ЦГИАГ, ф. 40, оп. 1, д. 270, лл. 25—26.

Алонзи состоялся концерт популярной оперной артистки Л. де Лозно и известного скрипача А. Бершадского.

Продолжал свою деятельность и художественный кружок⁶⁴. Ставились вопросы о создании специальных учебных заведений, подготовке кадров для народного хозяйства Абхазии. Так, 26 апреля «Сухумская правда» опубликовала статью «Сельскохозяйственное образование в крае», в которой говорилось: «Абхазия, а главным образом окрестности Сухума, находятся в исключительно благоприятных условиях для открытия учебного заведения. Сухум может и должен сделаться центром сельскохозяйственного просвещения в широком масштабе. В его окрестностях необходимо открыть сначала сельскохозяйственное, а со временем и высшее специальное учебное заведение».

Сохранились и другие материалы, свидетельствующие о широком плане работы советских органов в области народного просвещения. «Сухумская правда» регулярно печатала постановления Совнаркома РСФСР и другие официальные материалы по этому вопросу. Так, 28 апреля в газете было опубликовано подписанное В. И. Лениным и А. В. Луначарским постановление Совнаркома от 17 декабря 1917 года о передаче всего дела воспитания и образования подрастающего поколения из духовного ведомства в ведение Наркомпроса.

В статье «Учитель и школа» говорилось: «В настоящее время должно быть обращено сугубое внимание на дело народного просвещения. Необходимо ввести всеобщее обязательное обучение. Для выполнения этой грандиозной задачи потребуются грандиозные расходы на открытие школ, на книги и пособия. Рабоче-крестьянская власть должна обеспечить учителей, открыть массу новых школ и дать широкую фактическую возможность детям трудового народа получить низшее, среднее и высшее образование»⁶⁵.

Были взяты на учет кадры учителей и врачей. ВРК в срочном порядке привлек к работе всех врачей Сухума⁶⁶ и прибывшую в город вместе с красными отрядами группу медицинских работников (50 человек); часть из них была направлена на периферию⁶⁷. Было уделено внимание также деятельности Сухумской опытной станции и санатория «Гульрипш»⁶⁸. Представляет большой интерес деятельность самой газеты «Сухумская правда», выходявшей с 16 апреля по 17 мая 1918 года. Несмотря на отдельные недостатки, эта газета, образом работы которой являлся центральный орган «Правда», сыграв-

64 «Сухумская правда», 21.IV и 9.V.1918, №№ 6 и 17.

65 Там же, 28.IV.1918, № 12.

66 Там же, 16.V.1918, № 23.

67 Там же, 28.IV.1918, № 12.

68 Там же, 23.IV.1918, № 7.

ла значительную роль в укреплении Советской власти в Абхазии, пропаганде большевистских идей, воспитании трудящихся края в духе пролетарского интернационализма и дружбы, в правильной информации о Советской России и международном положении, в деле разоблачения закавказских контрреволюционных партий — агентов международного империализма и т. д. «Сухумская правда» активно участвовала в разрешении задач, которые стояли перед революционными рабочими и крестьянами края, освещая принципиальную сторону каждого практического вопроса. Председатель ВРК и окружка партии Е. А. Эшба, несмотря на свою чрезвычайную загруженность, внимательно следил за деятельностью «Сухумской правды» (редколлегия: А. Долидзе — редактор, А. Шахгельдян и А. Ценовский) и оказывал ей большую практическую помощь⁶⁹.

Но в этот момент, когда Закавказье стояло на пороге полной победы Советской власти, произошли события, которые в корне изменили обстановку. Буржуазные националисты края⁷⁰, с одной стороны, призывают иностранных империалистов, которые немедленно совершают интервенцию, с другой стороны, вступают в союз с южнорусской контрреволюцией, отрезавшей Закавказье от центральных районов России. Следствием всего этого было временное поражение Советской власти в Баку и задержка победы Советской власти во всем Закавказском крае, что определило судьбу Советской Абхазии в 1918 году. К осени этого года буржуазно-меньшевистские правители Грузии снова захватили всю территорию Абхазии,

⁶⁹ Здесь следует сказать еще о газете «Воля вольных». Ее начала выпускать в начале 1918 года группа революционно настроенной интеллигенции Гудауты (С. М. Ашхацава, А. И. Чукбар и др.) как орган Совета рабочих и солдатских депутатов, находившийся под сильным влиянием местной большевистской организации. После установления Советской власти в Абхазии весной того же года она фактически стала органом большевиков. К сожалению, не сохранилось ни одного номера газеты, мы располагаем лишь копиями отдельных ее статей (Е. А. Эшба, А. И. Чукбара, К. Ф. Дзидзария), имеющихся в фондах Абхазского государственного музея. Последний из известных номеров — 29-й от 19(6) апреля 1918 года. Между прочим, на страницах «Воли вольных» был опубликован абхазский алфавит С. М. Ашхацава 1906 года (С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории, с. 39—40, прим.).

⁷⁰ В конце мая 1918 года, в результате противоречий по национальному и другим вопросам под давлением германо-турецких оккупантов, произошел распад Закавказского сейма и образовались «независимые» республики — Грузия, Азербайджан и Армения. Расчленение края на отдельные мелкие буржуазные государства, ставшие легкой добычей империалистических держав, противоречило воле народных масс Закавказья, повлекло за собой ослабление интернационального единства трудящихся, единого революционного фронта рабочего класса. Закавказские народы еще раз убедились, что буржуазно-националистическое толкование принципа самоопределения наций отвечает лишь интересам буржуазных кругов и не уничтожает национального неравенства, не вырывает их из-под власти социального и национального гнета.

применив жестокий террор. Их расправе над рабочими и крестьянами края помогали абхазские дворянство и кулачество, а также немецкие оккупанты.

Не последнюю роль в этом деле играли и Абхазский народный Совет, который в «договоре» с меньшевистским правительством от 11 июня 1918 года поспешил предусмотреть посылку в Абхазию карательных сил, а в самом крае — создание «национального отряда» для той же борьбы с революционным движением и организации здесь «твердой власти». С благословления пресловутого «парламента» край был объявлен генерал-губернаторством, а жестокий солдафон Г. Мазниев (Мазниашвили) — генерал-губернатором и начальником Сухумского гарнизона. Меньшевики приступили к развернутому практическому осуществлению в Абхазии своей социально-экономической программы, направленной на защиту интересов национальной буржуазии. Они ничего не сделали для улучшения правового и экономического положения рабочих. В аграрном вопросе меньшевики не пошли дальше аграрной программы буржуазной кадетской партии, а в национальном были агрессивными шовинистами.

Вскоре внутри Абхазского народного совета, положение которого никогда не было устойчивым, обостряется борьба «коппозиционных» элементов, в данном случае — части абхазской буржуазно-националистической интеллигенции. Эта группа, если брать ее в целом, сталкивалась с грузинскими меньшевиками и нередко с частью абхазских княжеско-дворянских «делутатов», в сущности, в борьбе за власть над народом.

Обострение этих противоречий ясно наметилось уже вскоре после временного подавления Советской власти в Сухуме. На этом этапе борьбы обращает на себя внимание фигура Г. Д. Туманова. В июле месяце он по полномочию Абхазского народного совета докладывал о положении дел в Гудаутском участке. Туманов говорил о «стесненном положении населения и хозяйничании солдат»⁷¹ и предлагал сместить меньшевистского участкового комиссара Л. Картозия и команданта Гудауты, которые осуществляли здесь «суровую власть», почему народ на своих сходках требовал их немедленного удаления. В противном случае Туманов ставил вопрос о своей собственной отставке — «принужден бросить здесь работу и выехать»⁷².

⁷¹ В телеграмме Г. Д. Туманова из Гудаут еще от 13 июня 1918 года на имя председателя Абхазского народного совета говорилось: «Частичное разоружение и аресты в участке продолжаются... Прошу сегодня же сделать распоряжение через генерала Мазниева комиссару в местный штаб о том, чтобы был положен конец такому способу разоружения и отбирания оружия» (ЦГАА, ф. 339, д. 7, л. 2).

⁷² Там же, д. 3, лл. 3об.—4об.

Характеризуя сложившуюся в этом районе обстановку, Г. Д. Туманов сообщал о действенности «Киараза» и его новых требованиях. Он, в частности, отмечал неуклонное решение киаразовцев «умереть свободными на родной земле». Во время обсуждения этого вопроса раздавались голоса о том, что киаразовцы не изменились, «во главе их стоит» В. А. Агрба — «явный большевик» и что с их условиями «считаться нельзя». Картозия же требовал «преследовать главарей «Киараза». А князь Джото Шервашидзе призывал к мщению, напоминая о недавних действиях «Киараза» в Сухуме, об аресте председателя и некоторых членов Абхазского народного совета. Постановление Совета от 17 июля 1918 года гласило: «Заслушав требования «Киараза», которые были переданы Г. Д. Тумановым, ...с негодованием отвергнуть»⁷³.

Между тем проект постановления по докладу Г. Д. Туманова — «о бесчинствах войсковых частей в Гудаутах довести до сведения командующего войсками Приморского фронта г.-м. Мазниева... для принятия соответствующих мер» — был отклонен большинством голосов Совета⁷⁴, хотя фактов, как мы частично видели, было более чем достаточно. Надо еще иметь в виду, что уже в июне 1918 года по настоянию некоторых членов Совета была составлена под председательством народного учителя К. Ф. Дзидзария «Следственная комиссия по выявлению убытков, причиненных населению (Гудаутского участка) правительственными войсками в ходе военных действий против большевиков». Такая работа проводилась и по Кодорскому участку. Согласно ведомости, составленной Гудаутской комиссией 17 августа 1918 года для представления в Абхазский народный совет, эти убытки в целом составили 447 339 руб.⁷⁵ На заседании Совета 17 июля 1918 года также «выяснилось» о «желании» генерала Мазниева оставить Картозия участковым комиссаром и он, разумеется, остался.

Давая объяснения по поводу своего решения о выходе из состава Абхазского народного совета, Г. Д. Туманов говорил также о «тяжелых условиях, при которых приходится работать. Говорил о неавторитете Совета..., необходимости близкого общения с народом... Мы слишком далеки от народа... никакого внимания не обращаем на него... Говорит о вопиющей нужде как среди народа, так и в учреждениях; Совет не обращает на это никакого внимания»⁷⁶.

⁷³ Там же, лл. 5—5об.

⁷⁴ Там же, л. 6.

В моей книге «Советская власть в Абхазии в 1918 году» (Сухуми, 1972, с. 109) ошибочно говорится о принятии этого постановления.

⁷⁵ ЦГАА, ф. 339, д. 9, лл. 4—16.

⁷⁶ Там же, д. 3, л. 7об.

Один из членов Совета в заявлениях Г. Д. Туманова усматривал «вредную агитацию, вроде той, которую вел в свое время Лакоба и ком.», а председатель угрожал, что «все те, кто будут заниматься агитацией против Совета и республики, будут рассматриваться как преступники»⁷⁷.

Эта угроза была адресована и А. М. Чочуа, который на заседании Совета 31 июля 1918 года сказал: «Мы считаем Совет высшим органом края, а для всех других он является насмешкой... занимаемся только тем, что сменяем президиум»⁷⁸.

Действительно, как уже подчеркивалось, реальная власть была сосредоточена в руках меньшевистских органов, которые и осуществляли в крае свою антинародную программу. Создавшееся в Абхазии положение Исидор Рамишвили считал «настолько серьезным», что на заседании Абхазского народного совета 18 июля 1918 года заявил о необходимости принятия правительством Грузии «решительных мер, иначе все погибнет». Он рисовал в самых розовых тонах меньшевистскую демократию, которая якобы вела страну к «благополучию», при этом игнорируя абхазов как народ. Рамишвили ополчался против тех, которые так или иначе выступали против такого подхода, называя их «узконационалистическими и шовинистическими элементами», которые «объединились... с большевиками» и пошли вразрез с «демократией», возбуждая и весь абхазский народ против «демократии и ее представителей»⁷⁹.

Дальнейшим развитием этой политики «представителей» «демократии» был разгон Абхазского народного совета вооруженной силой 15 августа 1918 года под флагом спасения от славной гибели абхазской демократии⁸⁰. Этому событию предшествовала высадка турецкого десанта (из бывших абхазских махаджиров-переселенцев) во главе с полковником Джамалбеком Маршанья в Кодорском участке в конце июля 1918 года, организованная протурецкими элементами края⁸¹. Это событие еще больше осложнило положение в Совете и во всей Абхазии, и меньшевистские власти решили воспользоваться им незамедлительно. Однако они не смогли добиться нужного для себя состава Совета. Даже некоторые правые «депутаты» из абхазских меньшевиков и дворян начали выражать недовольство в связи с тем, что грузинские меньшевистские диктаторы вели слишком жесткую политику и свои

⁷⁷ Там же, л. 15.

⁷⁸ Там же, л. 29.

⁷⁹ Там же, л. 9.

⁸⁰ «Наше слово», 16.VIII.1918, № 68.

⁸¹ Трудовое крестьянство с самого начала решило десанту «не оказывать... никакой поддержки — ни моральной, ни физической» («Наше слово», 16.III.1918, № 68), а в южной Абхазии встретило его с оружием в руках (См.: Г. А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии, 1910—1921. Сухуми, 1963, с. 207—208).

бесчинства в крае пытались прикрыть именем Абхазского народного совета.

Но существование этого органа меньшевистские правители мыслили именно только как прикрытия их реакционной программы в крае. В сентябре 1918 года в качестве «политического представителя» правительства в Абхазию был направлен член Грузинского национального совета Исидор Рамишвили, а в начале октября чрезвычайным комиссаром Абхазии назначается Вениамин Чхиквишвили, который должен был обеспечить «твердую власть» в крае⁸². Этот последний, по выражению Ф. И. Махарадзе, «поклонник кнута», в своем кровавом шествии настолько преуспел, что тогдашний председатель Абхазского народного совета В. А. Шервашидзе 2 сентября 1918 года с возмущением писал министру по делам Абхазии полковнику Р. Н. Чхотуа⁸³ в Тифлисе: «Поджоги домов со стороны правительственных войск... никаким образом оправданы ни в глазах населения, ни с точки зрения государственной быть не могут»⁸⁴. Но Чхиквишвили не пощадил и Абхазский народный совет, который 10 октября снова был разогнан.

Чтобы оправдать эту акцию, было выдвинуто такое обвинение: группа членов Совета, придерживавшаяся турецкой ориентации, теперь белогвардейской (генерал Алексеев), намеревалась произвести «переворот» внутри этого органа. Министр по делам Абхазии полковник Р. Н. Чхотуа и окружной комиссар И. Н. Маргания, выражавшие настроения «опозиции», пытались «спасти» Абхазский народный совет, мобилизовав весь резерв милиции. Однако правительственные войска опередили их, и был «восстановлен порядок»⁸⁵.

Было арестовано несколько членов Народного Совета, в том числе И. Н. Маргания и С. М. Ашхацава. Между прочим, последний пытался занять место председателя Совета, а на одном заседании сделал внеочередное заявление о том, что «трудовое население Абхазии определено решило взять власть в свои руки, для чего прислало своих представителей. Существующий порядок не может больше продолжаться». Он предлагал Совету немедленно приступить к выборам нового президиума, так как «люди, не пользующиеся ни доверием, ни уважением народа, не могут править страной»⁸⁶.

⁸² ЦГИАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 116, л. 37; д. 37, л. 71.

⁸³ На эту должность Р. Н. Чхотуа (кстати, внук генерала Зураба Чхотуа) был избран Абхазским народным советом 25 июля 1918 года (ЦГАА, ф. 339, д. 3, л. 18 об.), после того как эти полномочия сложил с себя член Совета Р. И. Какуба (Там же, л. 6).

⁸⁴ ЦГАА, ф. 339, д. 6, л. 70.

⁸⁵ ЦГИАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 37, лл. 53, 64—69.

⁸⁶ ЦГАА, ф. 833, д. 28, л. 7.

С. М. Ашхацава, вместе с некоторыми другими арестованными, был направлен в Метехскую тюрьму. В том же 1918 году он вступил в Коммунистическую партию.

В тот же день на бульваре собрался митинг, на котором выступил Г. Д. Туманов «с резкой обвинительной речью против меньшевистских безобразий». Митинг был разогнан, а Туманов арестован⁸⁷. В последующие дни были арестованы и некоторые другие члены Абхазского народного совета — Д. И. Алания, В. К. Чачба, Г. Д. Аджамов⁸⁸ и т. д. Был выдворен из Абхазии полковник М. Л. Шервашидзе, который также вступил в открытый конфликт с меньшевистскими властями⁸⁹.

Категорически отрицая указанные обвинения, полковник Чхотуа утверждал, что заседание Абхазского народного совета «закончилось совершенно мирно и закономерно»⁹⁰. Но, по-видимому, «оппозиционной» группой были предприняты какие-то шаги, чем и воспользовались меньшевистские власти незамедлительно. Во всяком случае, правительственное постановление о том, что «Абхазский народный совет в нынешнем составе объявить распущенным, а полномочия министра по делам Абхазии полковника Чхотуа признать оконченными», было осуществлено в спешном порядке. Чрезвычайный комиссар Абхазии Чхиквишвили немедленно приступил к организации новых «выборов» в Абхазский народный совет, при котором слово «народный» звучало бы еще более фальшиво.

⁸⁷ ЦГАА, ф. 833, д. 28, л. 9.

⁸⁸ Георгий Давидович Аджамов (1897—1938) — сын известного абхазского педагога Д. Г. Аджамова; как член Абхазского народного совета, примыкал к «независимцам». В 1920 году он вступил в Коммунистическую партию, был членом Сухумского подпольного ревкома (Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 186/114а, л. 283об.).

⁸⁹ После возвращения на родину в 1918 году М. Л. Шервашидзе некоторое время командовал первой стрелковой дивизией. Затем он командовал в Батуме, возглавляя оборону города от наступления турецких войск, но был схвачен противником. После освобождения из плена, где он находился около двух месяцев, М. Л. Шервашидзе служил в Сухуме, в штабе генерала Мазниова и в Абхазском народном совете. Затем он жил в Тифлисе, откуда внимательно следил за ходом политических событий в Абхазии, глубоко интересовался жизнью своей родины. Он, в частности, мечтал о повсеместном распространении первой абхазской газеты «Апсны». М. Л. Шервашидзе выразительно характеризуют и его предсмертные слова (умер он от тифа 13 декабря 1919 года в Тифлисе, похоронен в родном селе Кутол, на фамильном кладбище — Чачаа рашта), обращенные к жене: «...Абхазия, которую я люблю так страстно, безграмотная... Не жалея ни сил, ни средств вербуй детей Абхазии и обучай их грамоте» (Цит. по: З. Бутба. Жизнь, отданная людям. — «Советская Абхазия», 3.IX.1975). Надо отметить, что Н. Ф. Шервашидзе (Дидна) самоотверженно выполняла заветы своего мужа. Уже в условиях господства меньшевиков, в 1920 году, она играет самую активную роль в культурно-просветительной деятельности очемчирской интеллигенции, в частности, в открытии здесь интерната для детей бедных крестьян. Н. Ф. Шервашидзе, кроме того, в с. Кутол открыла аптеку («Алашара», 1974, № 8, с. 99), а в 1922 году по ее инициативе в Тифлисе для абхазских детей был организован интернат, затем переведенный в Гагры (она же и заведовала им).

⁹⁰ ЦГИАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 37, л. 71.

Меньшевицское правительство к этому времени получает дополнительный повод для подобных акций. Речь идет о том, что часть абхазского дворянства действительно искала контакта с «Добровольческой армией», к чему, в свою очередь, стремились и представители последней. Это было время (весна 1919 года), когда почти весь Северный Кавказ оказался во власти деникинских банд, угрожая уже непосредственным вторжением в Закавказье, при котором территория Абхазии рассматривалась как «стратегический ключ Грузии». Некоторые абхазские монархисты сражались в рядах «Добrarмии», а Александр Шервашидзе, Таташ Маршания и другие рассчитали путь этой армии в Абхазию⁹¹. Внутри же Абхазского народного совета агентура российской белогвардейщины была представлена в лице «депутата» А. А. Демьянова («народный социалист»).

Как известно, грузинские меньшевики, разжигая вражду между трудящимися разных национальностей, в национальном вопросе шли по пути царизма. С. Орджоникидзе назвал трехлетнее господство меньшевиков, дашнаков и мусаватов «бесславным периодом господства национализма в Закавказье»⁹². Меньшевики «оросили поля и горы кровью несчастных южных осетин, аджарцев и абхазцев»⁹³.

Грузинские меньшевики были великодержавными шовинистами, хотя и пытались скрыть это всевозможными ложными лозунгами и обещаниями, а в их пропраамме был даже записан пункт о самоопределении наций вплоть до отделения⁹⁴. Ярким показателем этого была инсценировка с «автономией» Абхазии. 20 марта 1919 года Абхазский народный Совет «декларировал» акт об «автономии» Абхазии⁹⁵. Исидор Рамншвили лицемерно заявил, что меньшевицское правительство Грузии «задалось целью спасти абхазскую демократию от старых поработителей, и другой цели» у него «нет»⁹⁶. Вслед за этим Абхазский народный совет взялся за разработку и обсуждение «конституции автономной» Абхазии.

После долгих споров были приняты «основные положения о конституции власти, управляющей автономной Абхазией»⁹⁷. 20 же марта 1919 года Абхазский народный совет объявил об образовании Комиссариата Абхазии как высшего исполнительного органа по управлению краем. Одновременно были

⁹¹ Подробнее см.: Г. А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии. 1910—1921. Сухуми, 1963, с. 249—254.

⁹² Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I. М., 1956, с. 216.

⁹³ Там же, с. 226.

⁹⁴ З. П. Цховребов. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М., 1977, с. 178.

⁹⁵ См.: «Наше слово», 21.III.1919, № 60.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ ЦГИАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 122, лл. 2—4.

введены следующие новые наименования учреждений и административных единиц: Сухумский округ — Абхазия, участки — уезды, местечки — города (Гудауты и Очамчыры), Абхазский народный совет — Народный совет Абхазии⁹⁸.

Однако, если меньшевики спешили с созданием органов порядка, то насчет наделения Абхазии конституцией они лишь хотели говорить, а говорить они были вынуждены, ко всему прочему, поскольку требования масс о предоставлении Абхазии широкого самоуправления в форме национальной автономии носили слишком настойчивый характер. Одной же из основных причин нежелания меньшевистского правительства предоставить Абхазии, кстати, как и Южной Осетии⁹⁹, автономию заключалась в том, что она граничила с территорией Советской России, ее население было настроено просоветски, и это могло облегчить установление Советской власти здесь. Поэтому меньшевики и ограничивались лишь обещаниями, проектами и их обсуждением во всякого рода комиссиях и в печати. Вот и сейчас для составления конституции была избрана смешанная комиссия на паритетных началах из членов Народного совета Абхазии и Учредительного собрания Грузии. Вместе с тем Совет избрал особую комиссию для выработки проекта конституции, который лег бы в основу работы членов Совета в указанной выше комиссии. Но внутри комиссии возникают споры по выяснению понятия «автономия», которое «одними понимается иначе, чем другими»¹⁰⁰.

«Беспартийный депутат» Г. М. Зухбай¹⁰¹, выступая на заседании Народного совета Абхазии 21 июля 1919 года, ратовал за такой проект конституции, который бы дал народу права, иначе «можно величайшие слова написать на бумаге»; «не конституция творит жизнь, а жизнь творит конституцию, жизнь влагает то или иное содержание»¹⁰². Это выступление Зухбай, отражавшее борьбу за национальное самоопределение, имело важное значение, если иметь в виду, что он «пользовался всеобщим уважением... Его считали лучшим адвокатом Сухума»¹⁰³. В результате разногласий в вопросе «об объеме прав автономной Абхазии» было разработано три проекта.

⁹⁸ Архив Абгосмузея, ф. 4, д. 86, л. 15. Объявление Народного совета Абхазии. 1919 г.

⁹⁹ См.: Б. Э. Плиев. Борьба трудящихся Южной Осетии за Советскую власть в 1917—1921 гг. Цхинвали, 1977.

¹⁰⁰ ЦГАА, ф. 339, л. 1, л. 8, протокол № 6 заседания комиссии Народного совета Абхазии по выработке конституции от 17 мая 1919 года.

¹⁰¹ В это время Г. М. Зухбай являлся председателем Сухумской окружной земельной управы. В 1919 году он был и Сухумским городским головой.

¹⁰² ЦГИАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 532, лл. 2—5.

¹⁰³ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 186/114-а, л. 126. А. Мартин. Из моих воспоминаний об Абхазии.

Чтобы яснее представить себе всю ту «парламентскую борьбу», которая развернулась вокруг вопроса об автономии Абхазии, нужно прежде всего знать партийный состав Совета. Он состоял из следующих фракций: меньшевиков, социал-федералистов, независимой социалистической группы («независимцы»), эсеров, народных социалистов, группы колонистов¹⁰⁴. Затем, 18 марта 1919 года, из меньшевистской фракции выделилась группа абхазских меньшевиков, расхившаяся с грузинскими меньшевиками, главным образом, в вопросе «об объеме прав автономии Абхазии», и образовала фракцию социал-демократов интернационалистов, блокируясь в ряде случаев с независимыми социалистами¹⁰⁵.

Фракция меньшевиков как фракция «правлящей партии» в Совете являлась «руководящей»¹⁰⁶. Независимая социалистическая группа и меньшевики-интернационалисты составляли «оппозицию». К ней одновременно, по частным вопросам, примыкали и некоторые другие группировки в целом или отдельные их члены. Между меньшевистской фракцией и «оппозицией», за исключением «независимцев», вначале не было принципиальных разногласий. Даже в вопросе о конституции рознь мнений «не препятствует работе, обмен мнений приводит к соглашению, а иногда и к истине», — заявляли сами меньшевики в телеграмме Учредительному собранию Грузии¹⁰⁷.

Политическая платформа абхазских меньшевиков¹⁰⁸ была типичной меньшевистской программой. «Культурно-экономическое развитие» Абхазии «в согласии с законами» правительства меньшевистской Грузии применительно «к местным условиям», — вот как они сами формулировали ее¹⁰⁹. «Оппозиция» в целом же не имела разработанной программы, и меньшевики резонно говорили ей: «Дайте нам программу, выявите свою физиономию, мы ее не видим, может быть, и не увидим»¹¹⁰.

Те и другие составили разные проекты конституции, которые обсуждались на многих заседаниях Народного совета Абхазии. Но ни один из них не был принят необходимым ко-

¹⁰⁴ «Наше слово», 21.III.1919, № 60; «Социал-демократ», Тифлис, 24.III.1919, № 59.

¹⁰⁵ ЦГАА, ф. 339, д. 11, лл. 55—56; «Социал-демократ», 27.X.1919, № 87.

¹⁰⁶ Например, на заседании Народного совета Абхазии 18 марта 1919 года из 40 всех его «депутатов» меньшевики составляли 27 человек («Социал-демократ», 24.III.1919, № 59).

¹⁰⁷ ЦГИАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 122, лл. 2—4.

¹⁰⁸ Некоторые абхазские интеллигенты (В. Т. Анчабадзе и др.) в этот период примыкали к эсеровской группе.

¹⁰⁹ ЦГИАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 122, лл. 1—6. Докладная записка делегации Народного совета Абхазии от 15 декабря 1919 г. председателю правительства Грузии.

¹¹⁰ Там же, лл. 1—4.

личеством голосов, ввиду «коренного расхождения взглядов»¹¹¹. В связи с этим «оппозиция» пришла к выводу, что необходимость делегации для переговоров с правительством по данному вопросу отпала и вышла из состава делегации¹¹². Убедившись же, что правительство и не собирается вести какие-либо переговоры с представителями «оппозиции», последние выступили в газете, в связи с чем поднялась «целая полемика в прессе»¹¹³. Но самым острым выступлением, обличившим антинародную политику меньшевиков, было заявление 14 депутатов Народного совета Абхазии от 29 сентября 1919 года, в чем особенно сказалось участие группы в составе С. Я. Чачба, Д. И. Алания, М. К. Цагурия и И. Н. Марганя, за подписью которых оно и было послано меньшевистскому правительству в Тифлис¹¹⁴.

Характеризуя этот и подобные ему документы, Ш. З. Элиава впоследствии, выступая на III сессии Всепрузинского ЦИК в Сухуме 12 июня 1926 года как председатель Совнаркома Грузинской ОСР, говорил: «Чего же требовала Абхазия? Она требовала некоторого внимания к себе или, вернее сказать, она требовала осуществления прав, принадлежащих народам Абхазии, самых элементарных прав, которые дают возможность существования края и народов, его населяющих»¹¹⁵.

Группа «независимых социалистов» («независимцы») назвала себя так «в смысле непримиримости и борьбы» с грузинской меньшевистской партией «в ее неправильной политике вообще и, в частности, по отношению к Абхазии»¹¹⁶. Ведь дело доходило даже до того, что абхазская письменность объявлялась «мнимой азбукой», выдумкой царских чиновников и

¹¹¹ Там же, д. 119, лл. 2—5. Отчет заседания Народного совета Абхазии от 21 июня 1919 г.

¹¹² ЦГАА, ф. 339, д. 11, лл. 11—13. Заявление делегации группы 14 депутатов Народного совета Абхазии от 19 сентября 1919 г.

¹¹³ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 64, лл. 1—2. Протокол № 1 заседания съезда абхазской интеллигенции от 22 февраля 1919 г.

«Меморандум» указанной группы депутатов Совета меньшевистскому правительству Грузии был опубликован 6 октября 1919 года в газете «Социал-демократ». На второй день в газете «Борьба» Г. Королев выступил с «Письмами из Абхазии» против авторов «меморандума», а 9 октября был помещен «протест» за подписью М. Убирня, Г. Королева и других крайних правых «депутатов» того же Совета.

¹¹⁴ К этой группе в 1918 году примыкал и В. К. Чачба, который после разгона Абхазского народного совета в октябре того же года был арестован и заключен в Метехский замок, а по освобождению, в январе 1919 года, переехал в Баку (ПА Грузфилиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, д. 470, лл. 153—154).

¹¹⁵ «Трудовая Абхазия», 13.VI.1926. № 132.

¹¹⁶ Мих. Тарнава. Друзья и враги демократии Абхазии (Заметки из современной политической жизни Абхазии). — «Социал-демократ», 10.XI.1919, № 96.

даже ставился вопрос об ее «ликвидации»¹¹⁷. Эта группа абхазской революционной интеллигенции играла активную роль в общей борьбе против меньшевистской реакции в крае.

Один из ее наиболее активных представителей М. К. Цагурия был членом партии большевиков с 1918 года, а в период существования Советской власти в Абхазии в том же году — членом Сухумского окружного Военно-революционного комитета. По характеристике члена «оппозиции» («Эстонский «писок»), с самого начала связанного с «независимцами» А. Мартина, Цагурия — «политический борец, большевик... своих политических противников, меньшевиков, он не щадил, обращался к ним с колкими словами, заживо их задевая... Когда надо было выразить точку зрения фракции («независимцев» — Г. Д.), брал слово Чанба, часто выступал и Цагурия». С. Я. Чанба «был верх одаренности, воспитанности, учтивости, чуткости. Существовало это было душой нежное и в то же время крепкое, как металл»¹¹⁸.

Д. И. Алания, не будучи официально членом большевистской партии, в 1919 году набирался Кавказским крайкомом РКП(б) в состав Сухумского окружного комитета партии. После раскрытия Сухумской организации в 1920 году он вместе с Н. Н. Акиртава, Г. И. Криштофом (Петровым) и другими партийными работниками был арестован меньшевистскими властями и заключен в Сухумскую тюрьму¹¹⁹.

И. Н. Маргания в конце 1917 года возвращается из Харькова, где учился в университете, и активно включается в общественную жизнь края. В период существования Советской власти в Сухуме весной 1918 года он был членом Военно-революционного комитета; затем, в условиях буржуазно-меньшевистской диктатуры, неоднократно подвергался арестам за революционную деятельность. В начале 1921 года ему удалось вырваться из очередного заключения. Он принял активное участие в установлении Советской власти в Кодорском и Самурзаканском участках¹²⁰.

К группе «независимцев», по существу, примыкал депутат Р. И. Какуба (народный социалист), а по ряду принципиальных вопросов — и Мих. И. Тарнава («интернационалист»). Оба они являлись членами «экономической группы» Совета. Какуба — всегда «верный оппозиции», «смелый и мужественный человек». «Остро критикуя действия» меньшевистского правительства Грузии в Абхазии, он «назвал ... Чхиквишвили

¹¹⁷ «Грузия», 6.VII.1919, № 142.

¹¹⁸ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 186/144-а, лл. 131—133. А. Мартин. Из моих воспоминаний об Абхазии.

¹¹⁹ ПА Грузфилиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, д. 14, лл. 119—120, 229.

¹²⁰ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 186/14а, лл. 279—283; «Борцы за Советскую власть в Абхазии», 1965, с. 167—168.

экспроприатором». А когда однажды последний в припадке гнева выхватил револьвер, «револьвер выхватил и Какуба»¹²¹.

Для характеристики деятельности «независимцев» представляют интерес их запросы в Народный совет Абхазии. В одном из них речь шла «о содержании под стражей большевиков». По этому вопросу на заседании Совета 15 апреля 1919 года было принято решение «срочно запросить правительство... о результатах представления Совета об амнистии большевиков», отклонив предложение «непосредственно распорядиться об освобождении заключенных большевиков»¹²². В запросе от 10 февраля 1920 года говорилось: «Известно ли Комиссариату Абхазии, что гражданин Абхазии [Е. А.] Эшба, амнистированный Народным советом Абхазии, арестован и подвергнут годичному заключению в Метехском замке? Если известно, то как думает реагировать на этот факт?»¹²³. А в запросе от 15 ноября 1919 года группа «независимцев» совместно с А. Чукбаром, Д. Базба и Мих. Тарнава писала: «Известно ли Народному Совету и Комиссариату Абхазии о том, что распоряжением грузинского правительства в Абхазии введен так называемый «единовременный чрезвычайный поземельный налог» в сумме 8 283 354 руб. 29 коп. Такой чрезвычайный налог крайне обременителен для населения Абхазии, и на этой почве в стране возникают волнения и ропот»¹²⁴. Вот еще один запрос, подписанный С. Я. Чанба, Д. И. Алания, К. И. Барцыем и М. И. Тарнава и относящийся к 10 сентября 1920 года: «Известно ли Комиссариату Абхазии, что начальником тылового района Сулаквелидзе организован военно-чрезвычайный суд, который уже около 20 смертных приговоров вынес и привел их в исполнение...».

В заявлении от 29 сентября 1919 года, с которым его авторы поехали в Тифлис, ставилась цель — ознакомить правительство не только «с создавшимся положением в Народном совете Абхазии в связи с непринятием единого проекта», но и указать «на то ненормальное положение, которое вообще создано в Абхазии благодаря весьма неразумной политике агентов грузинского правительства». При этом особо подчеркивалось, что вся деятельность последних «была направлена к тому, чтобы окончательно ступшевать те братские взаимоотношения, которые издавна существовали между грузинами и абхазами»¹²⁵.

Об этой антинародной политике меньшевистского правительства большевики Абхазии, в том числе значительная груп-

121 А. Мартин. Мои воспоминания об Абхазии, лл. 112, 126—127.

122 ЦГАА, ф. 339, д. 2, лл. 5—6.

123 «Борьба за Октябрь в Абхазии». Сборник документов и материалов. 1917—1921, Сост. Г. А. Дзидзария. Сухуми, 1967, с. 117, № 129.

124 ЦГАА, ф. 339, д. 11, л. 5.

125 Там же, д. 18, л. 165.

па абхазских интеллигентов, не только говорили и разоблачали ее, но и вели самую решительную борьбу против ее «творцов», возглавляя революционное движение трудящихся края, которое уже осенью 1918 года принимает острый характер. В декабре 1918 года в Сухуме был организован «Руководящий партийный коллектив», а в конце марта 1919 года — Временный Сухумский окружной комитет РКП(б). В августе того же года состоялась очередная подпольная конференция большевистских организаций Абхазии с участием представителя Кавказского краевого комитета РКП(б). Оживилась партийная работа и в районах Абхазии. Как подчеркивало Министерство юстиции Грузии, Сухумский окружком РКП(б) ставил «целью своей нелегальной деятельности насильственное свержение существующего в Грузии... образа правления и подчинения ее Российской Советской власти путем агитации и организации в округе уездных комитетов и других коммунистических ячеек и подготовки восстания»¹²⁶.

Большевики Абхазии особое значение придавали работе среди трудовой молодежи, в том числе учащейся. В этом отношении показательна их деятельность в Сухумской учительской семинарии, учащиеся которой в основном состояли из детей абхазских трудовых крестьян и отличались своим революционным настроением. Здесь, как видели, еще в феврале 1917 года произошла забастовка-протест.

В 1918 году в Сухумской учительской семинарии возникает партийная ячейка, а в начале 1919 года — молодежная коммунистическая организация «Спартак», пользовавшаяся сочувствием основной массы учащихся. В президиум «Спартак» вошли А. Тодуа, Е. Шамба и Н. Бокучава. Вскоре к нему прикнули и некоторые учащиеся других учебных заведений Сухума. Спартаковцы во время каникул и в другое время разъезжали по селам Абхазии и вели агитацию среди молодежи, содействуя созданию подпольных ячеек «Спартак»¹²⁷. В 1919 году в Очемчирской гимназии, открытой в том же году, возникает «Союз рабоче-крестьянской молодежи», а в конце того же года — Кодорский уездный комитет коммунистической молодежной организации. Во всей организационной работе активную роль играли Н. Матарадзе, Ш. Хокерба, И. Джавахия, А. Кобахия, Б. Пагава, П. Квеквесири, Р. Эшба и др.¹²⁸. В октябре 1919 года президиум «Спартак» был преобразован в

¹²⁶ ЛА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, л. 300, лл. 96—112.

¹²⁷ Е. Шамба. Указ, соч., с. 66, 73—74; Н. Бокучава. О зарождении комсомола в Абхазии. — «Комсомолец Абхазии», Сухуми, 11. II. 1941.

¹²⁸ И. Джавахия. Из воспоминаний. — «Голос Трудовой Абхазии», 17. VI. 1923; А. Вардания. Десять лет. — «Советская Абхазия», 20. VI. 1930; Н. И. Матарадзе. Страницы прошлого. Сухуми, 1957, с. 50—51.

Сухумский окружной комитет комсомола. Члены организации — семинаристы А. Тодуа, А. Марганя, Е. Шамба, К. Гамисония и другие сыграли большую роль в создании и укреплении местных комитетов и ячеек¹²⁹.

Большевики действовали и в направлении разложения Народного Совета Абхазии. В нем, как мы видим, все более активной становилась «фракция независимцев». Ее члены С. Я. Чанба, М. К. Цагурия, И. Н. Марганя и Д. И. Алания, «стоявшие на платформе Компартии»¹³⁰ и ориентировавшиеся «на Советскую Россию»¹³¹, разоблачали демагогические действия меньшевиков, резко критиковали контрреволюционное руководство Совета и его «исполнительный орган» — комиссариат. О их деятельности Н. А. Лакоба впоследствии писал: «Они, пользуясь парламентскими законами, всячески клеймят шовинистов, грузинских националистов, разоблачают все их фокусы и шантажи и поддерживают в крестьянской массе стихийное недовольство. Группа товарищей в Абхазском народном совете, можно сказать без преувеличения, выполняла добросовестно свой революционный долг»¹³². Таким образом, «независимцы» держали связь с руководящими партийными работниками Абхазии, в том числе с Е. А. Эшба, Н. А. Лакоба и С. А. Картозия, находившимися в это время за пределами края¹³³. 18 ноября 1919 года в Тифлисе был арестован

¹²⁹ Е. Шамба. Так зародился комсомол Абхазии. — «Советская Абхазия», 22. VII.1959; его же. Сквозь грозы, с. 75—76; Н. Бокучава. Указ. статья.

¹³⁰ ЛА Грузинского филиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 14, л. 200б.

¹³¹ «Наше слово», 21. III.1919, № 60.

¹³² Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии. — В сб.: «К истории революционного движения в Абхазии». Сухуми, 1922, с. 21.

¹³³ После поражения Советской власти в Абхазии в 1918 году Е. А. Эшба вел борьбу с белогвардейскими бандами на Северном Кавказе. Он становится членом ЦИК Советов Северного Кавказа и комиссаром по горским делам. Эшба принимал участие в бою под Георгиевском и в защите Пятигорска. Вскоре он пробирается в Сухум, где восстанавливает несколько подпольных партийных организаций, а в декабре едет в Москву. В январе 1919 года Эшба — на Северном Кавказе в качестве особо уполномоченного по делам горцев. Затем он работал заместителем Центрального бюро Коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). Эшба снова направляется на фронт для организации борьбы в тылу у Деникина. В. И. Ленин лично давал ему инструкцию о работе на Северном Кавказе. Н. А. Лакоба во второй половине 1918 года также действовал на Северном Кавказе, в рядах Красной Армии с отрядом «Кизараза». Осенью того же года последний во главе с Н. А. Лакоба направился в Абхазию через перевал. Вскоре Лакоба вместе с другими абхазскими коммунистами был арестован. После освобождения из тюрьмы Н. А. Лакоба некоторое время продолжал вести революционную работу в Абхазии, а после выдворения его из края меньшевистским правительством — в Аджарии, где он в 1919—1920 годах входил в состав тройки, выделенной Кавбюро ЦК РКП(б) для руководства нелегальной партийной организацией в этом районе. После Октябрьской революции С. А. Картозия принимал активное участие в установлении Советской власти на Украине. Он — член

М. К. Цагурня. Причиной ареста, как он объяснял председателю Народного совета Абхазии, послужило следующее обстоятельство: «Во время ареста товарища Е. Эшба на его квартире найдены мои документы, где я часто бывал, подозревая меня в содействии ему»¹³⁴. Таким образом, «независимцы» стремились использовать борьбу за национальное самоопределение для подготовки победы социалистической революции в крае.

«Независимцы», в частности, координировали с большевистскими руководителями свою инициативу по созданию специального органа. В результате еще 27 февраля 1919 года вышла первая абхазская газета «Апсны» («Абхазия»). Ее редактирование было поручено Д. И. Гулиа, шрифт доставлял из Тифлиса А. М. Чочуа. Редакция помещалась в здании Сухумской учительской семинарии, а печаталась в типографии А. М. Зайдшера. Газета существовала в основном на средства, присылаемые трудовыми крестьянами и интеллигентами, а также собираемые разными другими способами. С помощью специальных агентов (Г. Дзидзария, И. Аджинджал, Б. Чолокуа, М. Булия и др.) она распространялась в абхазских селах¹³⁵. В «Апсны», как увидим ниже, активно сотрудничали Д. И. Гулиа, С. Я. Чавба, Д. И. Алалия и другие видные представители абхазской трудовой интеллигенции¹³⁶.

Это было ярким показателем понимания интеллигенцией идеологического значения прессы, ее роли в формировании направления общественной жизни. Не случаен был и выбор названия газеты — «Апсны». Оно указывало прежде всего на то, что орган предназначался для абхазского народа, который ему предстояло обслуживать. Вместе с тем сам факт по-

Харьковского ревкома. В 1918 году Картозия — на ответственной хозяйственной работе; принимал участие в организации Донецко-Криворожского Совнархоза. Вскоре С. А. Картозия едет в Петроград за получением инструкций по хозяйственной работе. «...Волнуясь и с подъемом рассказывает Картозия, как он второй раз видел Ленина, был у него на приеме, разговаривал с ним, как великий Ленин чутко и внимательно отнесся к его требованиям» («Червоний металург», 21.IX.1934, № 91). На Украине С. А. Картозия принимал участие в гражданской войне. Будучи главным уполномоченным по донецкому топливу, он занимался вопросами снабжения углем Москвы и Петрограда. В этот период С. А. Картозия неоднократно встречался со многими видными деятелями Коммунистической партии — Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошиловым, В. И. Межлауком, В. А. Антоновым-Овсеенко и другими. Тесная личная дружба связывала его с Артемом (Ф. А. Сергеевым). (Б. Е. Сагария. Большая жизнь большевика — «Известия» АИЯЛИ, VI, Тбилиси, 1977, с. 16—17).

¹³⁴ ЦГАА, ф. 339, л. 19, лл. 9—10.

¹³⁵ Там же, ф. 8, оп. 1, д. 70, л. 19.

Газета «Апсны» выходила до 12 февраля 1921 года, вышло всего 35 номеров. Как отмечал Д. И. Гулиа, она «временно была закрыта» «ввиду револютора» (Д. И. Гулиа. История Абхазии, т. I, с. 22).

¹³⁶ Д. И. Гулиа свои многочисленные статьи и заметки, на самые разнообразные темы, подписывал также «Д. Г.», «Дере», «Донган», «Г», «Д», «Апсуа», «Дмитри Апсуа».

явления периодического органа, необходимость в нем свидетельствовал о достаточно высокой степени развития народа, его интеллектуального уровня.

Меньшевики, соглашаясь на издание абхазской газеты, преследовали определенную политическую цель. Они готовы были объявить ее своим органом, возложить на нее функции официоза. И. Рамишвили даже напечатал специальную статью, посвященную выходу «Апсны» (см. № 2). Это было им нужно для лицемерного «доказательства» «правильного» разрешения национального вопроса в Абхазии. С этой целью меньшевистское правительство в мае того же года восстанавливает историческое название страны — «Абхазия», которая по старому царскому административному делению именовалась «Сухумским округом»¹³⁷.

Однако газета с самого начала взяла противоположный курс. Она вышла за узко-литературные рамки и стала не только литературной, но и общественно-политической. Пропаганда большевистских идей и критика деятельности меньшевистского правительства много раз ставили ее на грань закрытия. В сентябре 1919 года (№№ 26—27) в газете была напечатана статья С. Я. Чанба, которую можно характеризовать как яркую политическую публицистику. В ней трудящиеся края разъяснялись цели и задачи большевистской партии. Автор подчеркивал, что классовые враги ненавидят большевиков за то, что они отбирают землю у помещиков и передают ее крестьянам, а в городах фабричных направляют против эксплуататоров.

Весьма показательным и первомайский номер «Апсны» за 1920 год, который почти целиком был посвящен пролетарскому празднику. В нем были опубликованы статьи С. Я. Чанба «Сухум 1 Мая» (передовая), «Политика большевиков» Д. И. Алания — о значении празднования 1 Мая и другие материалы. «Большевизм, — писал Чанба, — поражает всех своих идейных врагов, неуклонно двигается вперед». В статье Алания содержится призыв к рабочим и крестьянам еще теснее сплотиться в борьбе за свободу. Освобождение трудящихся Абхазии возможно только в соединении с Советской Россией — вот важнейшее положение этих и других материалов газеты «Апсны». Не случайно она в короткой информации «Речь

¹³⁷ Внутреннее административное деление Абхазии в основном осталось прежним, только участки, как мы видели, были переименованы в уезды, а местечки — в города. В то же время меньшевистское правительство пыталось отторгнуть от Абхазии ее Самурзаканскую часть, но население района отказалось (С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум. 1923, с. 103). Зато, с другой стороны, в своем стремлении присоединить к «демократической республике» Сочинский и Туапсинский округа меньшевистское правительство апеллировало к «историческим правам абхазского народа» (См.: Г. А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии. 1910—1921, Тбилиси, 1961, с. 190).

Ленина», напечатанной 29 января 1920 года, уверенно сообщала читателям: «На недавно состоявшемся в Москве съезде¹³⁸ он [В. И. Ленин] заявил, что... вся Россия будет в руках Советской власти».

Газета «Апсны» тематически стала многообразной. Она, в частности, постоянно освещала состояние школьного дела в Абхазии. По этому вопросу очень часто выступал Д. И. Гулиа. Особенно замечательна была его обширная статья, посвященная истории Сухумской горской школы¹³⁹. Характеризуя состояние школ Абхазии, Гулиа часто опирался на материалы неоднократных проверок Ф. Х. Эшба, который в эти годы являлся инспектором абхазских школ. Эшба констатировал тяжелое материальное положение школ. Например, в Бедна дети занимались в здании сельского управления, а в с. Атара собирались и вовсе закрыть школу, только благодаря стараниям инспектора она была сохранена¹⁴⁰. Д. И. Гулиа характеризовал также бедственное положение учителей¹⁴¹, их самоотверженный труд, выступая в то же время против тех педагогов, которые в этих трудных условиях оставляли школу и переходили на другую работу. Эти идеи он излагал в «Обращении к абхазским учителям», опубликованном на страницах газеты «Апсны» 19 сентября 1919 года. Другое обращение Гулиа к абхазским учительским кадрам было напечатано 2 июня того же года. В статье «Абхазские школы», появившейся 6 ноября, Дмитрий Иосифович ставил вопрос об улучшении руководства ими. В пример он ставит Ф. Х. Эшба, много делавшего по проверке и оказанию помощи школам; отмечает и другие замечательные качества старейшего педагога. Вместе с тем Гулиа разоблачал антинародную политику меньшевиков в школьном вопросе. В статье «История Горской школы» он писал, что это учебное заведение, где обучались абхазские дети, меньшевистские власти превратили в казарму

¹³⁸ Как видно, речь идет о VII Всероссийском съезде Советов (5—9 декабря 1919 г.), на котором В. И. Ленин выступил с докладом о работе ВЦИК и Совнаркома за отчетный период.

¹³⁹ См.: «Апсны», 1920, №№ 8, 12—19.

¹⁴⁰ См.: Д. Г. Апсны ашколкуа. — «Апсны», 29. I. 1920, № 3.

¹⁴¹ Надо сказать, что сам Д. И. Гулиа остро испытывал это положение. В заявлении на имя директора Сухумского реального училища от 12 декабря 1918 года он писал: «...Кроме учительского жалования, другого побочного дохода не имею, если все учителя обеспечены, и я обеспечен, да кроме того, меньше многих учителей, даже одиноких, получаю я (на моем иждивении 6 душ). Служа в реальном училище с 1913 г., получаю в месяц всего 25 р., только с этого года я начал получать более или менее приличное жалование; никакого пособия я никогда не получал, хотя у меня в одно время долго болела жена и ребенок (одного года). Ребенок впоследствии и умер. Я и сейчас молчал бы, не стал бы беспокоить Педагогический совет, если б не эта невыносимая дороговизна жизни» (ЦГИАГ, ф. 1935, оп. 1, д. 2542, л. 9).

для своих войск («здание как конюшня, стало волючим, нельзя в него зайти») ¹⁴².

Однако, как будет видно ниже, по настоянию абхазской общественности «этот важный для абхазского народа культурно-просветительный очаг» был открыт в 1920 году как высшее начальное училище. Но оно не обеспечивалось средствами, и преподавание в нем велось на общественных началах. Заведовал училищем Д. И. Алания, который преподавал также русский язык и математику. Другими учителями были С. Я. Чанба и А. М. Чочуа ¹⁴³. Д. И. Гулиа, естественно, постоянно волновала и судьба Сухумской учительской семинарии. В заметке «Сейчас и прежде», опубликованной в газете «Апсны» 10 декабря 1920 года (№ 42), он отмечал роль этого учебного заведения в подготовке национальных кадров, в росте абхазской интеллигенции. Гулиа с большим удовлетворением констатировал, что окончило ее уже 20 человек, все они грамотны и на родном абхазском языке. Интересна и статья Д. И. Алания «Кто образован — впереди, необразованный — позади» ¹⁴⁴.

Большое внимание уделялось изданию учебной литературы. Например, 6 июня 1920 года «Апсны» сообщала о подготовке к печати учебников, в первую очередь — абхазской хрестоматии, предназначенной для начальных классов.

Д. И. Гулиа писал об отдельных абхазских интеллигентах — С. Я. Чанба, М. Л. Чачба (Шервашидзе), Ф. Х. Эшба, С. П. Басария и других. Особый интерес вызывают его сведения о профессоре Мустафе Бутба, из турецких абхазов (его отец Шахан был родом из Цебельды), который вел большую просветительную деятельность среди родного народа и, в частности, создал для него азбуку, вышедшую в Стамбуле в 1919 году, но не получившую практического применения в ус-

¹⁴² «Апсны», 29.III.1920, № 18.

Одновременно Д. И. Гулиа продолжал работать над «Историей Абхазии», начатой им еще в 1914 году, а также издает на абхазском языке: «Как выбрать здоровую рабочую лошадь» (перевод с русского, 1919), «Как выбрать здоровую молочную корову» (перевод с русского, 1919), «Абхазский календарь» (1920), «Лечебник» (1920), «Пословицы, загадки, скороговорки» (дополненный сборник, 1920), «Да здравствует свобода!» (перевод пьесы Д. Захарова, 1920), «Двое голодных» (перевод пьесы Д. Аскуреди, 1920), «Проклятый день» (перевод пьесы В. Баянчивадзе, 1920).

¹⁴³ А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 8; ПА Грузфильла ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 14, лл. 219—220.

¹⁴⁴ «Апсны», 12.VI.1920, № 20.

ловиях Турции¹⁴⁵. Д. И. Гулиа и другие работники редакции 4 августа 1919 года выступили с обращением к интеллигентным абхазам, в котором призывали их бороться против всяких негативных явлений (контрабанды и пр.), направить усилия народа на развитие просвещения. В другом своем обращении к абхазской интеллигенции Гулиа и его коллеги упрекали тех, кто недооценивал значение печати на родном языке. В обращении говорилось, что такое нигилистическое отношение, в частности, к газете «Апсны» может привести к ее закрытию, а это пагубно для всей абхазской культуры¹⁴⁶. В другой статье Дмитрий Иосифович «ополчался» против тех педагогов, которых не волновала судьба родной газеты, кто не интересовался отношением своих учеников к этому органу и вообще к литературе на абхазском языке¹⁴⁷.

Газета «Апсны» способствовала развитию абхазской литературы, основной темой которой на данном этапе была судьба народа. Она послужила толчком и к развитию абхазского литературного языка. На ее страницах Д. И. Гулиа систематически выступал со стихами, рассказами и очерками, проникнутыми патриотическими мотивами, тревогой за судьбу его родной Абхазии. Он писал:

Горы цветут.
Должны цветут,
Рощи цветут,
Когда же ты расцветешь,
Любимый край?
.....
Глянь вокруг: разбужены народы.
Они шумят, как в половодье воды.
Так что же медлешь ты,
Любимый край?
Я тормошу тебя. Вставай, вставай!

(«Горы цветут...» 1919)¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Из статьи Д. И. Гулиа «О приезде Мустафы Бутба», опубликованной 28 сентября 1920 года, мы узнаем, что М. Бутба приезжал по делам кавказских махаджиров, ради чего он около 7 месяцев находился на Северном Кавказе и в Тифлисе, а затем побывал в Сухуме. В статье содержится рассказ Бутба об абхазских махаджирах в Турции, представляющий собой интересный материал о их жизни. Бутба ратовал за усиление общения зарубежных абхазов и других кавказских переселенцев с родиной. Через М. Бутба «Сухумский центральный комитет по делам абхазов-махаджиров» обращался к «Черкесскому комитету» в Стамбуле, выражая надежду, что совместно с ним будет решаться вопрос о кавказских махаджирах. На эти цели ему было передано 7 000 рублей.

¹⁴⁶ «Апсны», 6.VI.1920, № 19.

¹⁴⁷ Там же, 21.II.1920, № 5.

¹⁴⁸ Цит. по: Д. Гулиа. Избранное. Сухум, 1973, с. 35.

Чувством боли за родной народ полно стихотворение «Моя родина» (1920 год). Поэт спрашивал:

Отчего накинула
Облачную шаль,
Что ты плачешь, родина,
И о чем печаль?

В стихотворении «Апсны» (1919 год) уже звучат мотивы борьбы и утверждения жизни.

Не бойся трудностей, Апсны,
Кто побеждает зло — боец.
Достойный похвалы,
Борьба — вот друг таких сердец,
Что в бурю могут плыть.

В марте 1919 года на страницах «Апсны» был опубликован рассказ Д. И. Гулиа «Под чужим небом», ознаменовавший зарождение абхазской прозы. В нем правдиво показано, какой вред наносит трудовому крестьянству старинный, но все еще широко распространенный обычай молочного родства — атальчество, которое ловко использовалось князьями и дворянами в своих классовых интересах.

Патриотические и социальные мотивы звучали и в творчестве С. Я. Чанба. Автора драмы «Махаджирь»¹⁴⁹ и поэмы «Апсны» («Дева гор»), впервые опубликованных в газете «Апсны», волнует историческая судьба своего народа. В «Махаджирях», в 1920 году вышедших отдельной книгой, автор стремится к реальному воспроизведению событий, происходивших в Абхазии в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов¹⁵⁰. Здесь нельзя не упомянуть и статью С. Я. Чанба, опубликованную в пятом номере «Апсны» за 1919 год, в которой подчеркивается значение родиноведения, изучения исторических и архитектурных памятников Абхазии. Он ставит вопрос о преподавании географии края и одновременно приступает к составлению элементарного учебника по этому предмету, который, однако, увидел свет лишь в 1925 году. Самсон Яковлевич Чанба писал: «Чтобы хорошо знать нашу родину, прошу всех, живущих в любом ее уголке, сообщать мне в семинарию сведения о красотах Абхазии, о развалинах башен, церквах, пещерах, полезных ископаемых — все,

¹⁴⁹ По сообщению Д. И. Гулиа, еще до «Махаджиров» С. Я. Чанба начал писать на русском языке пьесу «Под Москвой», которая Дмитрию Носифовичу «очень понравилась», и он выражал надежду, что произведение будет закончено в ближайшее время и переведено на абхазский язык («Апсны», 11.IX.1920, № 33).

¹⁵⁰ Пьеса С. Я. Чанба «Махаджирь» уже в 1920 году с неизменным успехом ставилась силами любителей сцены.

что относится к географии. Вот почему мне это нужно: Я написал небольшую книгу по географии Абхазии, сейчас в нее хочу внести исправления и дополнения». Особое значение имела публицистика С. Я. Чанба, которая, как отмечалось выше, отличалась политической остротой. Сошлемся еще на одну его статью этого жанра, опубликованную в «Апсны» 14 июня 1919 года. В ней говорится, что Абхазский народный совет должен обсудить земельный вопрос и принять закон о передаче этого народного богатства самим трудящимся...

На страницах «Апсны» впервые стали печататься Иуа Когониа, Мушни Хашба, Михаил Лакербай¹⁵¹, Дзадз Дарсалия, Шамиль Хокерба и другие, в будущем видные абхазские писатели¹⁵². Их лучшие произведения периода первой абхазской газеты были изданы в советские годы. В творчестве этих писателей главное место занимают социально-патриотические и революционные мотивы, а основная его жанровая направленность — публицистика¹⁵³.

Многие из названных лиц учились в Сухумской учительской семинарии. Здесь в 1919 году был организован литературный кружок, которым руководил Д. И. Гулиа вместе с С. Я. Чанба. Кружок издавал рукописный журнал «Шарпыеца» («Утренняя звезда»). Его лучшие материалы затем помещались в газете «Апсны»¹⁵⁴. В этой газете Гулиа писал о работе своих литкружковцев: «Няши питомцы читали свой жур-

¹⁵¹ М. А. Лакрба подписывался также «Миша Аьсуа», «Аллакырба», «Еилакырба».

¹⁵² Печатались также Григорий (Шабат) Эмхаа (Эмухвари), М. Кучберия, Т. Лагвилава, М. Чалмаз, А. Вардания, Н. Кокоскерия, Н. Ажиба, А. Маан (Маргания), М. (В.) Маан (Маргания), А. Шакая и др.

¹⁵³ М. Т. Ласурия. Творчество И. А. Когониа и развитие эпических жанров в абхазской советской поэзии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1973, с. 9.

¹⁵⁴ Среди них хотелось бы выделить стиха Н. Д. Маргания («Коль. Марг.»), который, кстати, писал на русском языке и на патриотические темы. Вот некоторые отрывки из этих стихов:

Реки свои воды мчали,
Свергнув зимний гнет,
Моей родине журчали:
«Смелее иди вперед!»

(«Апсны», 21.II.1920, № 5).

Да вскипят бокал привета
Чуждой родине моей,
Зорки вестники рассвета,
Зажигайтесь же скорей!

(28.II.1920, № 6).

Все без страха, без оглядки
Двинемся вперед,
Свету белому покажем
Как силен народ!

(15.III.1920, № 8).

нал «Шарлыцва», и с той поры убедился, что мой труд не пропал даром, посев дал свои всходы. Я видел яркую утреннюю звезду, и надо полагать, что скоро станет светло»¹⁵⁵. В жизни семинарии в 1919 году произошло еще одно важное событие — организация драматического кружка¹⁵⁶. Д. И. Гулиа отмечал, что многие учившиеся в Сухумской учительской семинарии и Сухумском реальном училище активно сотрудничали в газете «Апсны»¹⁵⁷. Вообще газета имела довольно значительную группу корреспондентов, которые из разных уголков Абхазии присылали в редакцию материалы по самым различным вопросам. Среди них отличались своей активностью М. Булия, И. (Г.) Аджинджал (Джон), О. Чачаа, М. Чалмаз, Ф. Хашба, А. Хашба, Е. Ачба, Мария Агрба (Агвмаа), А. Кукбая, С. Бжания, М. Логуа, Е. Чачхалия и др. Особо следует отметить, что на страницах газеты часто публиковались различные произведения народно-поэтического творчества, в том числе сказки. В ней, кроме того, печатался материал, направленный против вредных обычаев и традиций. В этом отношении одним из наиболее активных был Николай Соломонович Патейпа. Эти материалы приводятся в его книге «Избранное» (см. с. 90—94). Следует также отметить, что 25 июля 1919 года была помещена большая статья И. А. Аджинджала (Джона) по этой же проблеме.

Таким образом, выход первой абхазской газеты был значительным событием в культурной жизни абхазского народа. Она способствовала развитию абхазской литературы, развитию и распространению абхазского литературного языка, пропаганде просвещения среди масс, сплочению трудовой интеллигенции, воспитанию ее молодой поросли.

Газета «Апсны» уделяла внимание и другим проблемам, в том числе экономическим, материальному положению трудя-

¹⁵⁵ Цит. по: Х. Бгажба, К. Зелинский, Дмитрий Гулиа, М., 1956, с. 55.

¹⁵⁶ Большую активность в организации этого кружка, как и литературного, проявил семинарист Антон Шакая, сын бедного тварчельского крестьянина, человек инициативный и энергичный, любитель литературы и театрального искусства. Для драмкружка Д. И. Гулиа и сделал переводы грузинских пьес «Двое голодных» (Д. Ацкурели) и комедии «Проклятый день» (В. Баланчивадзе). Кроме того, семинаристом Мушни Хашба был осуществлен перевод с русского одноактной пьесы «Первый урок». С этим репертуаром летом 1919 года драмкружковцы (М. Амячба, А. Хашба, М. Хашба, Д. Дарсалия и др.) объехали многие села Абжуйской Абхазии (Алзюбжа, Гуп, Джгерда, Моква, Поквеш, Тварчели и т. д.) и имели большой успех. Но в условиях буржуазно-меньшевистской диктатуры этот росток не мог рассчитывать на расцвет, хотя сам факт был весьма существенным, поскольку речь шла об истоках зарождения абхазского национального театрального искусства (М. Лакербай. Очерки из истории абхазского театрального искусства. Сухуми, 1962, с. 44—45; М. А х а ш б а. Дагыра мшкua раан. Акуа, 1977, ад. 58—60).

¹⁵⁷ «Апсны», П. IX. 1920, № 33.

ших»¹⁵⁸. Д. И. Гулиа и С. Я. Чанба проявляли заботу, в частности, о рабочих сухумской типографии. В письме комиссара народного просвещения Абхазии от 9 февраля 1920 года они просили «дополнительно отгускать ежемесячно на удовлетворение наборщиков абхазской газеты с 1 января с/г. 60% прибавку»¹⁵⁹.

Наборщиками газеты «Апсны» были Мустарбей Миканба и Елизавета Харбедия — первые абхазские полиграфисты-рабочие, которых можно отнести к пролетарской интеллигенции. Миканба в 1918 году вступил в большевистскую партию и играл активную роль в подпольной работе. М. Миканба и Е. Харбедия находились в контакте с другими типографскими рабочими (В. Иванов, В. Степанов, И. Филиппов). Будучи связанными с большевистским комитетом, они печатали запрещенную литературу. Сам хозяин типографии А. М. Зайдшер сочувствовал большевикам и оказал им немало услуг¹⁶⁰.

Следует особо сказать о махаджирском вопросе, к которому газета «Апсны» обращалась довольно часто. Мы уже говорили о драме С. Я. Чанба «Махаджиры» и статье Д. И. Гулиа «О приезде Мустафы Бутба». В передовой от 28 сентября 1920 года подчеркивалось, что махаджирский вопрос начал активно обсуждаться после революции, когда люди стали откровенно выражать свои мнения. А несколько раньше, 3 сентября 1920 года, газета сообщила о таком интересном факте. Один из шапсугских (черкесских) махаджиров Хусейн Шамы (Шамба) — весьма образованный поэт, М. Бутба «очень хвалил его». Д. И. Гулиа просил Бутба прислать ему что-нибудь из сочинений Х. Шамы. 11 сентября 1920 года была опубликована заметка Гулиа «Махаджиры», в которой говорилось о еще более интересном для нас факте. В ростовском театре была поставлена четырехактная пьеса Петра Дмитриевича Марганяя) «Махаджиры», написанная, полагал Гулиа, под влиянием С. Я. Чанба. Как рассказывали смотревшие постановку, пьеса была написана «во всех отношениях превосходно». Она прошла с большим успехом, зрители искали встречи с автором. Д. И. Гулиа считал весьма желательным перевести ее на абхазский язык.

¹⁵⁸ Небезынтересно здесь отметить, что еще в январе 1918 года Д. И. Гулиа, заручившись командировочным удостоверением Абхазского народного совета, ездил на Северный Кавказ «для исходатайствования переезда Кубанским войсковым правительством хлебных продуктов для населения Сухума и Сухумского округа». О трудностях поездки Гулиа свидетельствует, например, его телеграмма следующего содержания: «Ввиду прекращения движения поездов не имею возможности выехать» (ЦГАА, ф. 20, д. 58, лл. 47, 54).

¹⁵⁹ ЦГАА, ф. 339, д. 18, л. 89.

¹⁶⁰ М. Х. Микаяба. Из воспоминаний старого коммуниста. Сухуми, 1962, с. 27—28.

Издатели «Апсны» ясно сознавали, что развитие абхазской национальной культуры может происходить лишь при всестороннем общении с культурами других народов, на родном языке, на самобытной национальной основе. Газета делала много по преодолению «национальной замкнутости», по сближению народов, в частности, абхазского с грузинским и русским.

Газета «Апсны» содействовала расширению умственного горизонта абхазского общества, повышала его интерес к прессе, будила новые мысли, желания, устремления. Как отмечал Д. И. Гулиа, «полюбили абхазцы свою газету и с большой охотой стали читать и принимать участие не только молодежь, но мало-маленьки грамотные старики-абхазцы. Даже некоторые малограмотные научились читать по-абхазски благодаря этой газете»¹⁶¹. Об энтузиазме и радости, с которыми было встречено появление газеты, свидетельствуют и корреспонденции, публиковавшиеся на ее страницах. Газета «Апсны» — предвестница абхазской периодической печати, выработала ценный опыт, который затем послужил национальному издательскому делу.

Если же говорить о недостатках первой абхазской газеты, то, наверное, самое главное то, что ее издатели, несмотря на их подлинный энтузиазм и самоотверженность, не сумели, однако, с революционных позиций осветить некоторые кардинальные проблемы общественного развития края.

Вне влияния рассматриваемой группы абхазской интеллигенции нельзя мыслить и работу художника А. К. Шервашидзе в Абхазии в этот период. Прежде всего отметим, что Шервашидзе встретил Октябрьскую революцию восторженно. Он активно включился в строительство социалистической культуры, самоотверженно работая в театрах и беспощадно критикуя чуждые народу направления. Выступая в 1918 году на собрании художественной интеллигенции Петрограда против реакционных взглядов поэта Д. С. Мережковского, А. К. Шервашидзе говорил: «„Буржуй“ — в том смысле, которое придано ему в наше время... — сытый...самодовольный мешанин, враг всего нового, смелого, всего неподходящего под его тупое маленькое мерило, обыватель... человек маленьких возможностей, косный, близорукий, не любящий перемен»¹⁶².

А. К. Шервашидзе приехал в Абхазию в феврале 1918 года в связи со смертью его двоюродного брата писателя Г. М. Шервашидзе¹⁶³, который, как отмечалось, не смог понять

¹⁶¹ ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 70, л. 19.

¹⁶² Цит. по: Б. М. Аджиджал. Художник А. К. Чачба (Шервашидзе), с. 91.

¹⁶³ Г. М. Шервашидзе был похоронен в Моквском храме, рядом с отцом, матерью и женой, Еленой Эрастовной (урожденная Андреевская).

великий смысл Октябрьской революции, преодолеть до конца свои ограниченные классовые взгляды, сводившиеся к идеализации патриархально-феодалного образа жизни¹⁶⁴. В том же году А. К. Шервашидзе вместе с известной актрисой Н. И. Бутковской, ставшей впоследствии его женой, и театральным деятелем Н. Н. Евреиновым открыл в Сухуме драматические курсы. Силами учащихся этих курсов в постановке Шервашидзе были показаны инсценировки абхазских народных песен «Шигу» и «Равеный в сердце». Эти спектакли в обстановке шовинистической политики меньшевиков в крае получили острое политическое звучание. К сожалению, курсы просуществовали всего лишь около 8 месяцев¹⁶⁵.

В августе 1918 года на музыкальных курсах по программе консерватории при Сухумской филармонии был объявлен прием в классы фортепиано, пения, всех струнных и духовых инструментов, теории музыки, ансамбля, оркестровой и хоровой¹⁶⁶. Тогда же в Сухуме был открыт театр «Миниатюр» («Абхазский клуб») под управлением А. Л. Миролюбова¹⁶⁷. Были еще «Сухумское артистическое общество» (1917—1921), а также «Художественное содружество», объединявшее прогрессивных деятелей. Один из них, В. И. Стражев, в ноябре 1918 года читал доклад на тему: «Лирика женской души (Анна Ахматова и Мариетта Шагинян)»¹⁶⁸. Общественные деятели Сухума в 1918 году открыли также народный университет (вечерние общеобразовательные курсы)¹⁶⁹ и студенческий книжный магазин (тетради, канцелярские принадлежности, учебные пособия)¹⁷⁰.

В 1918 году по инициативе А. К. Шервашидзе в здании Сухумской женской гимназии была создана художественная студия, где он вел уроки рисования¹⁷¹. В эти годы Шервашидзе читает лекции об известных русских и европейских художниках в Сухуме, Тифлисе, Батуме, Баку. Он оказывал большое влияние на местную театральную жизнь. Несомненно, есть связь между А. К. Шервашидзе и объявлением на страницах

164 Х. С. Бгажба. Этюды..., с. 36.

165 М. Лакербай. Абхазский театр и драматургия. — «Театральная энциклопедия», т. 1. М., 1961, с. 31—32.

166 «Наше слово», 16.VIII.1918, № 68.

167 Там же, 10.VII.1918, № 37.

168 Там же, 27 и 28.XI.1918, №№ 149 и 150; ЦГАА, ф. 964, д. 67, л. 9.

169 Там же, 31.I.1918, № 22.

170 Там же, 28.XI.1918, № 150.

171 Там же, 28.II.1919, № 45.

В художественную жизнь Абхазии активно включается и замечательный художник А. О. Бухов (1882—1945). Он в 1906 году окончил Одесское художественное училище, а в Сухум на постоянное жительство переехал в 1919 году. Он вел также педагогическую деятельность. Преподавал он сперва в 1-й Сухумской гимназии, а впоследствии — в Абхазской школе (ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 33; Л. А. Шервашидзе. Изобразительное искусство Абхазии за 40 лет Советской власти. — «Труды» АИЯЛИ, XXXII. Сухуми, 1961, с. 79).

сухумской газеты «Наше слово» от 19 марта 1919 года о том, что в театре Алоизи будет поставлена пьеса А. П. Чехова «Три сестры» и проведен вечер с программой: Н. Евреинов — «Театр будущего от кинемо до радиотеатра», В. Каменский — «Стенька Разин» и новые стихи.

Здесь следует особо отметить непосредственное общение «независимцев» с В. В. Каменским, что в значительной степени и определил тот факт, что в биографии и творчестве замечательного русского поэта Абхазия заняла важное место¹⁷². В 1919 году Каменский впервые приехал, говоря его словами, в «любимую Абхазию». В Сухуме он познакомился с С. Я. Чанба. Затем эта встреча переросла в дружбу. Впоследствии (1933) маститый абхазский писатель запечатлел связи Каменского с Абхазией. «Это было в 1919 году, — вспоминал Самсон Яковлевич, — когда в Абхазии властвовали меньшевики. Однажды в маленькой типографии Зайдшера, где мы печатали первую абхазскую газету «Апсны», состоялась встреча поэта В. Каменского с группой редакционных работников газеты. В это время меньшевики распространяли всякого рода небывлицы, чтобы ослабить популярность большевиков среди народных масс. В. Каменский рассказывал нам правду о Советской России, разоблачая контрреволюционные замыслы меньшевиков. За это он оказался в немилости у меньшевистских властей, его стали преследовать, и он вынужден был покинуть Абхазию»¹⁷³.

Некоторые иные сведения о деятельности В. В. Каменского в Сухуме в 1919—1920 годах находим на страницах сухумской газеты «Наше слово». Об одном из них уже говорилось выше. Среди других наибольший интерес представляют следующие. В марте 1920 года Каменский в один вечер прочел две лекции: «Как надо писать в Сухуме (солнечные экспрессы жизнетворчества)» и «Что такое футуризм (поэзия, музыка, театр, живопись)», а также декламировал свои стихи (песни и отрывки из поэмы «Стенька Разин») ¹⁷⁴. Но особенно любопытно извещение В. В. Каменского в газете «Наше слово» от 7 апреля 1920 года: «Приходите в гости ко мне в театр (Алоизи. — Г. Д.) и я, Василий Каменский, в ярких волнующе-острых красках расскажу вам истинные впечатления, как живут и работают мастера искусства (мои личные с ними встречи, приключения, переживания, творческая работа, веселый отдых). В великом хороводе знаменитых личностей перед вами промелькнет живая панорама расцветающего искусства, и вы узнаете о жизни в домашнем семейном кругу ваших учителей и любимых творцов. Это будут мастера»: И. Е. Репин,

¹⁷² См.: Х. С. Бгажба. Этюды., с. 54—60.

¹⁷³ Там же, с. 56.

¹⁷⁴ «Наше слово», 11.III.1920, № 54.

Ф. И. Шалыпин, А. М. Горький, К. С. Станиславский, А. И. Куприн, А. Н. Скрябин, Л. В. Собинов, В. И. Качалов, С. В. Рахманинов, В. В. Маяковский, С. С. Прокофьев, В. Э. Мейерхольд, В. Я. Брюсов, А. А. Блок, К. А. Коровин, В. Ф. Комиссаржевская и другие.

Весьма важно было то, что не без стараний А. К. Шервашидзе и его единомышленников в то мрачное для края время в Сухуме демонстрируется театральное искусство Советской России. Так, в июле 1920 года в театре Алоизи состоялись два спектакля группы артистов Московского художественного театра — «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и отрывки из произведений А. П. Чехова. Затем был показан украинский спектакль «Наташка Полтавка»¹⁷⁵.

Следует здесь сказать и о деятельности «Абхазской переводческой комиссии», относящейся к периоду борьбы за Советскую власть в крае. Эта была новая комиссия, которая уже, конечно, не занималась переводом «священно-богослужбных» книг на абхазский язык. Председателем ее был А. М. Чочуа, членами — Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, И. А. Аджинджал, Д. К. Копешавидзе (Барцыц). Комиссия просуществовала до 1921 года, получая временами мизерные средства от Комиссарната Абхазии¹⁷⁶.

В эти годы существовало также «Абхазское культурно-просветительское общество», образованное еще в 1917 году. Его председателем был А. М. Чочуа, товарищем председателя — Д. И. Гулиа, секретарями — С. Я. Чанба и В. Г. Адлейба, казначеем — Д. И. Алания; ревизионную комиссию составляли: члены — М. И. Алания¹⁷⁷, Е. В. Адлейба, И. И. Гулиа; кандидаты — Е. А. Гулиа, А. В. Чочуа, Е. Н. Чанба. Внутреннее делопроизводство осуществлялось на абхазском языке, а переписка с другими учреждениями — на русском. Важнейшей своей задачей в 1919 году Общество считало восстановление Сухумской горской школы с интернатом на 20 учащихся¹⁷⁸.

Общество имело отделения (группы) на местах. Например, 20 декабря 1919 года состоялось собрание Очемчирского отделения. Открывая его, народный учитель П. С. Шакрыл рассказал о принципах и задачах Общества. Председателем Очемчирского отделения на этом собрании был избран М. (В.) Н. Мааа (Маргания), заместителем — П. С. Шакрыл, се-

175 «Наше слово», 4.VII.1920, № 114.

176 Х. С. Бгажба. Этюды... с. 191.

177 Интересно отметить, что Мария Ивановна Алания 29 сентября 1920 года писала: «Желаю посвятить себя служению родному народу в качестве учительницы, прошу Гумистинскую земскую управу предоставить мне вакантную должность учительницы в Эшерской школе» (ЦГАА, ф. 8, ЛС, д. 15, л. 104).

178 ЦГАА, ф. 20, д. 58, лл. 52, 58; «Абсны», 30.VIII.1919.

кретарем и казначеем — И. А. Аджинджал, а его заместителем — Ш. И. Хокерба. Другими активными деятелями были Д. Т. Марганя и Н. Ф. Шервашидзе¹⁷⁹. Очемчирскому отделению удалось открыть пансион для абхазских детей при Очемчирской гимназии¹⁸⁰. 19 декабря 1920 года состоялось родительское собрание, на котором с напутственными словами выступили Д. Т. Марганя, П. С. Шакрыл, Кагуа Киут и другие¹⁸¹. Примечательно, что интернат одновременно становится своеобразным явочным местом для местных большевиков и комсомольцев¹⁸².

При Сухумской горской школе был открыт музей, а в центре города — студенческий книжок, в котором продавалась литература на абхазском языке¹⁸³.

Была создана Редакционная комиссия по изданию абхазских учебников, членами которой являлись А. М. Чочуа, Д. И. Гулиа и Д. П. Алания. Названные лица, например, в июне 1920 года подали заявление в Абхазский народный совет, в котором говорилось: «Чтобы обеспечить абхазские народные школы учебниками на абхазском языке на 2—3 года, Комиссия... считает необходимым выпустить учебников в два раза больше, чем предполагалось по представленным в Совет сведениям...» Комиссия просила Совет потребовать из Тифлиса дополнительно 100 пудов бумаги¹⁸⁴. А. М. Чочуа в 1920 году был также председателем Комиссии по ремонту здания Сухумской горской школы. 20 сентября он ходатайствовал перед отделом просвещения Комиссариата Абхазии о дополнительном ассигновании на указанную цель 565 000 рублей¹⁸⁵; была составлена и соответствующая смета¹⁸⁶.

А. М. Чочуа, Д. И. Гулиа и Д. И. Алания в 1920 году, кроме того, ставили вопрос о реорганизации Сухумской горской школы в Абхазское высшее начальное училище с преподаванием на абхазском языке и интернатом на 80 абхазских детей, в котором могли обучаться также учащиеся других национальностей как приходящие. Этот вопрос обсуждался на специальном совещании 7 июля 1920 года, на котором помимо названных лиц присутствовали начальник отдела просвещения Комиссариата Абхазии Я. С. Цомая и его помощник Ф. Я. Аникин; было принято соответствующее постановление¹⁸⁷, а также составлена смета на содержание училища на 1920/21 учебный год¹⁸⁸.

179 «Агсны», 6.1.1920, № 1.

180 Там же, 20.X.1920, № 37.

181 Там же, 22.I.1921, № 2.

182 «Алашара», 1974, № 8, с. 99.

183 «Агсны», 17.III.1919, № 2.

184 ЦГАА, ф. 339, д. 19, лл. 128—128об.

185 Там же, д. 18, л. 291.

186 См.: Там же, лл. 292—299.

187 См.: Там же, л. 279.

188 См.: Там же, лл. 280—282.

Абхазская молодежь посылалась на учебу в Тифлис, в частности, в университет, и обеспечивалась стипендией. Например, в сентябре 1920 года количество стипендиатов Абхазии составляло 36 человек, среди них: С. Джанашиа, М. Чалмаз, И. Адзинба, М. Лакербай, Д. Эшба, Ю. Акиртава, К. Какуба, Вера Маргания и другие¹⁸⁹. В телеграмме общего собрания этих стипендиатов от 1 февраля 1920 года говорилось: «Ввиду критического положения стипендиатов сообщаем о несоответствии размера стипендии сказочным ценам рынка, и несвоевременная высылка денег обрекает нас на голодную смерть и неисполнение обязанностей. Предлагаем удовлетворить стипендию с января...»¹⁹⁰.

Меньшевистские правители стремились всячески тормозить развитие культуры. Создавалось даже впечатление, что реакция особенно остро проявлялась именно в этой области. Весной 1919 года А. К. Шервашидзе вынужден был покинуть родной край. О причинах его отъезда ясно свидетельствует письмо драматурга и историка русского театра Н. Н. Евреинова от 10 июня 1924 года писателю М. А. Волошину, близкому другу Александра Константиновича. В нем подчеркивается, что меньшевики теснили «его друзей абхазцев, ныне большевиков». «Его провожал в Батум сам товарищ Лакоба»¹⁹¹.

189 Там же, л. 171об.

190 Там же, л. 32.

191 См.: Б. Аджинджал и В. Купченко. Хъазара атоурых алакьауа. — «Альсы Калъшь», 21. I. 1978.

Из Батума А. К. Шервашидзе отправился в Феодосию, где гостил у М. А. Волошина. Весной следующего года он вместе с Н. И. Бутковской в составе «Русской балетной труппы» (руководитель С. П. Дягилев) выезжает на гастроли по Англии, Франции и Италии. Остался художник во Франции, где и находился до конца своей жизни (умер в 1968 году, похоронен в Ницце). А. К. Шервашидзе оформлял спектакли в крупнейших театрах Парижа, Лондона и Мадрида (Б. М. Аджинджал. Художник А. К. Чачба (Шервашидзе), с. 91). О его популярности за рубежом свидетельствует вышедшая в 1957 году в Париже книга «Словарь современного балета», в котором говорится, что роль А. К. Шервашидзе в декорации современного балета «гораздо более значительная, чем это предполагают... При всей своей скромности он был весьма ценным работником русского балета, так как без него декорационные дерзания, к которым стремился и которых требовал Дягилев от художников, не могли бы достигнуть того высокого художественного уровня и качества, которые были им овеяственны» (Цит. по: Б. М. Аджинджал. Большой художник. — «Советская Абхазия», 26.XII.1967). А. К. Шервашидзе постоянно тосковал по родине, но не имея возможности вернуться, он писал в те годы:

Пусть я умру за твою свободу,
Мать моя, Абхазия!
Пусть я умру за твою свободу,
Брат мой, абхаз!
Что смерть?

(Цит. по: Б. М. Аджинджал. Художник А. К. Чачба (Шервашидзе), с. 90—91).

И знаменитый абхазо-грузинский хор Д. Лолуа вынужден был прекратить свое существование: меньшевистским властям не по душе оказался этот коллектив, его интернациональный репертуар¹⁹². Не одобрялась и деятельность М. Н. Анчабадзе (Дадияни), также направленная на развитие дружбы и братства между грузинским и абхазским народами, их культурного и литературного сотрудничества¹⁹³. Перестало существовать «Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа» и вместе с ним музей. Для характеристики состояния культурно-просветительной работы в Абхазии небезынтересна и опубликованная на страницах сухумской меньшевистской газеты «Наше слово» 14 февраля 1920 года заметка под характерным названием «Культура на замке». В ней речь идет о Сухумской городской библиотеке, которая была заброшена в дом [Р. И.] Гокиелова, на четвертый этаж¹⁹⁴.

В крае в целом и в Народном совете, в частности, антинародная политика меньшевиков дошла до того, что из их фракции в Совете вышли почти все абхазские меньшевики (К. Барцыц, Мих. Тарнава, Д. Базба, А. Цвижба и др.), которые ранее так «искренне поддерживали их», и примкнули к «независимцам», в результате чего и появилось известное «Заявление делегации группы 14 депутатов» от 23 сентября 1919 года¹⁹⁵. Этот документ, в котором приведены многочисленные конкретные факты о бесчинствах меньшевистских властей в Абхазии, впоследствии был использован Кларой Цеткин в разоблачении грузинских меньшевиков и оппортунистов II Интернационала¹⁹⁶. «По какой-то злой иронии, — говорится в Заявлении, — Великая русская революция, давшая свободу и независимость почти всем народам Кавказа, обошла маленькую Абхазию, и в нашей стране великие принципы революции совершенно заслонились произволом и насилием властей, и народы Абхазии пока что не видели ничего, кроме карательных экспедиций, поджогов, порки и насилия над женщинами»¹⁹⁷.

Даже учредительное собрание Грузии, в связи с запросом

¹⁹² А. Аргун. С песней в сердце. — «Советская Абхазия», 6.IV.1977.

¹⁹³ Между прочим, в эти годы М. Н. Анчабадзе, будучи членом Народного совета Абхазии, возглавляла художественную секцию этого Совета.

¹⁹⁴ Сухумская городская библиотека-читальня была открыта в 1905 году (ее устав был утвержден Сухумской городской думой 18 ноября 1902 года). Зав. библиотекой Прокопий Лолуа, как он отмечал еще в 1916 году, неоднократно, но безуспешно ставил вопрос об улучшении состояния этой библиотеки (ЦГАА, ф. 4, д. 332, л. 23; д. 1709, л. 1; д. 2242, л. 19). О плохом состоянии библиотеки писал и А. Х. Таммсааре в 1912 году (См.: Л. Сиймискер. Указ. соч.).

¹⁹⁵ Она была опубликована в газете «Социал-демократ» 6.X.1919, № 85.

¹⁹⁶ См.: К. Цеткин. На освобожденном Кавказе. М., 1936.

¹⁹⁷ ЦГАА, ф. 339, д. 16, лл. 2—4.

национал-демократической фракции о положении в Абхазии, вынуждено было заявить: «Реальные интересы грузин и абхазцев требуют немедленной смены односторонней и крайней политики нашего правительства в Абхазии, которая неприемлема для большинства абхазского населения»¹⁹⁸.

В этих условиях особенно заметной становится бессодержательность, бумажность «абхазской автономии», которая была, по словам «независимцев», «одной только фикцией». Необходимо было дать «должный отпор этому насилию»¹⁹⁹. На заседании Народного совета Абхазии 21 мая 1920 года Д. И. Алалия прямо заявил: «Никакой автономии нет — мы это прекрасно знаем... Пусть хватит у нас смелости заявить, что нет автономии, нет Совета и т. д. Хуже всего самообман»²⁰⁰. А на заседании Совета 13 февраля М. К. Цагурия говорил: «Совет изжил себя, оказался нежизнеспособным органом... Разве мы не говорили, что совет нужен был центру как фиговый лист., чтобы показать, что существует автономия»²⁰¹. Конституция «автономной» Абхазии не только не была утверждена, но даже рассмотрена Учредительным собранием Грузии. Таким образом, «пресловутая автономия Абхазии оказалась пустой приманкой, лишенной всякого содержания»²⁰².

В феврале 1920 года в Сухуме состоялся так называемый съезд абхазской интеллигенции. В нем были представлены все элементы — от крайне правых до «независимцев». Хотя здесь было немало высказываний антисоветского и сугубо националистического характера, выступления «левых делегатов» заслуживают большого внимания для характеристики сложившейся тогда в крае ситуации.

Съезд открыл председатель «частного совещания абхазской интеллигенции» В. Т. Анчабадзе. Председателем съезда был избран Г. М. Зухбай, а товарищами председателя — В. Т. Анчабадзе и Д. И. Гулиа, секретарями — М. А. Маргания и И. А. Джинджолия (Аджинджал). Съезд обсудил следующие вопросы: Доклады с мест. Текущий момент. Доклад о деятельности Народного совета Абхазии. Выборы в Учредительное собрание Грузии. Создание культурно-просветительных организаций. О махаджирах²⁰³.

Очень интересным было выступление представителя Кодорского участка, коммуниста (с 1918 года) К. З. Шакирбай (1891—1937), который заявил, что на русскую революцию «все народы России, в том числе абхазцы, возлагали очень и

198 Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 65, л. 115.

199 Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 29об. Отчет № 6 заседания Народного совета Абхазии от 13 февраля 1920 года.

200 Там же, л. 90.

201 Там же, л. 30об.

202 «Коммунист Грузии», 20.XI.1920, № 28.

203 Архив АИЯЛИ, ф. 1, л. 64, л. 203.

очень большие надежды..., но для абхазского народа пока ничего светлого не было». Он также заявил, что Абхазский народный совет «не получился таким, каким его народ себе рисовал, когда шел к избирательным урнам... Совет и его исполнительный орган превратились в органы центральной власти, которые покорно и беспрекословно проводят в жизнь все предначертания последней. Естественно, что такое положение вызывает сильное недовольство в народе, который чувствует себя обманутым в лучших своих надеждах и стремлениях». Переходя к описанию экономического положения, оратор «целым рядом фактов обрисовывает то бедственное положение, в котором находится... сельское население... Население не имеет во что одеваться... Все продукты местного производства... как табак, кукуруза, берут у населения или по фиксированным правительством ценам или же... за бонусы, ценность которых с каждым днем падает и падает». К. З. Шакирбай также констатировал, что «положение школ самое печальное: сельские школы не имеют достаточных кадров учителей, где есть учителя, там нет знаний, учебников...»²⁰⁴.

Националистическая же политика меньшевистского правительства в школьном вопросе в Абхазии доходила до того, что в некоторых школах, как, например, в с. Река Самурзаканского уезда, абхазским детям было даже запрещено говорить на родном языке²⁰⁵. Во всех закавказских учительских семинариях были отменены стипендии, установленные для абхазских детей²⁰⁶. Как отмечалось в газете «Социал-демократ» от 10 ноября 1919 года, народное образование вообще в «независимой» Грузии «является забытым, загнанным, голодным пасынком». В одной только Гурии из 25 высших начальных школ 18 закрыто по разным причинам. Учителя голодают и большинство ушло из школы в поисках другой работы». Школы особенно страдали от различных эпидемических заболеваний. Между прочим, в борьбе с этим явлением большую активность в Абхазии проявил В. Т. Хасая, причем совершенно безвозмездно²⁰⁷.

Докладчиком по Гумистинскому уезду на указанном съезде был Г. Д. Туманов, который в общих чертах повторил мне-

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Н. Кучуберия. Поддержите школу. — «Трудовая Абхазия», I. II. 1925, № 26.

²⁰⁶ С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении, с. 108.

²⁰⁷ В. Т. Хасая, как писал он 21 марта 1919 года, «состоя на государственной службе по сельской врачебной части в земстве Сухумского округа в течение 20 лет и заведывая фельдшерским пунктом 1-го отдела Сухумского округа... служил народу, ведя амбулаторию ежедневно и работая в аптеке» (ЦГАА, ф. 4, оп. 1, д. 2800, л. 6—6об.). В годы Советской власти В. Т. Хасая в течение долгого времени был заместителем наркома здравоохранения Абхазии.

ния докладчика от Кодорского уезда, «иллюстрируя все положения местными фактами». «Нужда всюду ужасная,—говорил он, — ..К сожалению, ни Совет, ни его исполнительный орган почти ничего в этом направлении не сделали... В особенности докладчик отмечает полное отсутствие мануфактуры, плачевное состояние школ и больниц»²⁰⁸.

Оба докладчика «винили во всем злую волю, власть имущих, администрацию, монополию и пр.»²⁰⁹.

Представитель «независимцев» М. К. Цагурия выступил с разьянением сущности Советской власти. Страну Советов и Антанту он характеризовал как два столкнувшихся противоположных мира; действиями империалистов было обусловлено появление буржуазно-националистических «республик»—Грузии, Азербайджана, Армении и других. Д. И. Алания разоблачал Народный совет Абхазии и «господствующую партию», то есть меньшевистскую²¹⁰. По предложению М. К. Цагурия участники съезда вставанием почтили память героя пражданской войны Асланбека Шерипова, весть о «героической смерти» которого «молниеносно прошла... по всей Абхазии»²¹¹.

О состоянии культурно-просветительного дела в Абхазии говорил С. Я. Чанба²¹². Говоря о «печальном положении» этого дела, Д. И. Алания, в частности, констатировал, что единственная абхазская газета «Апсны» «едва влачит жалкое существование». По вопросу махаджирства выступал Г. Д. Аджамов, который отмечал «факт желания махаджиров (50 000 чел.) переселиться в Абхазию»²¹³.

Под действием группы «независимцев» и сочувствовавших им участников съезда были приняты резолюции, отражавшие народные чаяния. В одной из них говорилось: «Выслушав доклады с мест, съезд абхазской интеллигенции... констатирует тот печальный факт, что в абхазских массах, а также и среди крестьян других национальностей, населяющих Абхазию, царит полная нищета и крайняя нужда в предметах фабрично-заводского производства, что продукты местного производства ввиду ненормальной постановки сбыта обесцениваются, что дело народного образования, медицинской и агрономической помощи населению стоит на низкой ступени или совершенно отсутствует...»²¹⁴. В другой резолюции читаем: «Выслушав доклад о положении культурно-просветительного дела, съезд абхазской интеллигенции постановил откликнуться на

²⁰⁸ Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 64, л. 203об.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же, л. 204.

²¹¹ Там же, л. 207.

²¹² См.: Там же, л. 209.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же, л. 201.

печальное положение культурно-просветительного дела в Абхазии, поддержать и оживить существующие организации..., а также способствовать открытию филиальных отделений..., где таких не имеется»²¹⁵.

Была принята резолюция и по махаджирскому вопросу, в которой признавалось необходимым перенести его «в плоскость практического разрешения»²¹⁶. С этой целью 12 июня 1920 года на общем собрании абхазской интеллигенции был создан «Сухумский центральный комитет по делам абхазцев-махаджиров» (Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, В. Т. Анчабадзе, Г. М. Зухбай и другие). Собрание, в частности, констатировало: «Находящиеся в Турции абхазцы были выселены из Абхазии против их собственного желания силой военных обстоятельств. В настоящий момент махаджиры желают вернуться в Абхазию...»²¹⁷. Комитет 20 августа того же года через профессора Мустафу Бутба, приехавшего в Абхазию, обратился к «Черкесскому комитету» в Стамбуле, выражая надежду, что совместно с ним будет решаться вопрос о махаджирах, «брошенных судьбой в объятия Турции»²¹⁸. 24 июня 1920 года на страницах сухумской газеты «Наше слово» было опубликовано обращение Комитета к населению Абхазии, в котором также подчеркивалось, что абхазы в 1877 году были выселены в Турцию насильственным и обманным путем. Из этого же обращения узнаем, что незадолго до этого представители абхазских махаджиров обратились к меньшевистскому правительству Грузии и заявили, что «они желают вернуться на родину, в Абхазию». Однако «прощение махаджиров исчезло в Тифлисе»²¹⁹.

Принципиальными были «независимцы» также в вопросе дополнительных выборов по Абхазии в Учредительное собрание Грузии. Они вообще сыграли большую роль в срыве выборов в это Собрание, организаторами же этого бойкота были большевики. «Независимцы» «полагали, что не идти в Учредительное собрание и призывать к отрицанию его — верх революционности»²²⁰. Когда меньшевистские власти в с. Моква буквально согнали крестьян со всех сел Кодорского уезда для «решения» вопроса об участии в выборах, «независимцам» удалось отложить эти выборы, по крайней мере, на неделю под видом «заготовления собственных списков». По этому поводу меньшевистский орган «Борьба» писал: «Маневр с заготовкой собственных списков» был проведен приверженцами «независимцев». На этом «недопущении» собственных моквин-

215 Там же, л. 200.

216 Там же, л. 202.

217 Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 43, л. 130.

218 Там же, лл. 100—101.

219 «Наше слово», 9.XI.1920, № 255.

220 «Борьба», 23.IV.1920, № 90.

ских списков они надеялись отыграть. Нет сомнения, что им отчасти и удалось»²²¹. Когда меньшевистский комиссар внутренних дел Абхазии М. С. Убирия грубо прервал выступавшего И. Н. Маргания — «одного из лидеров независимцев», — последний воскликнул: «Вы видите, какая у нас свобода, — призвал он в свидетели граждан. Ничуть не лучше, чем при старом режиме». Сухумская меньшевистская газета «Наше слово» характеризовала его как деятеля, «больше всех твердившего о своей полной социалистичности и интернационализме и метавшего пром и молнии против шовинистов, социал-демократов...», т. е. меньшевиков²²².

Та же газета в номере от 6 мая 1920 года констатировала: «Партийная (меньшевистская. — Г. Д.) среда живет под тяжелым впечатлением разобщения с абхазской интеллигенцией, явившегося в результате неприятия абхазским населением участия в выборах в Учредительное собрание».

К революционно настроенной группе абхазской интеллигенции примыкал и С. П. Басария, который в это время находился на Северном Кавказе, где продолжал работать в Армавирском высшем начальном училище. Несколько забегаая вперед, отметим, что в октябре 1920 года Басария встречается с группой проезжавших через Армавир грузинских деятелей, среди которых, по его словам, был и композитор З. П. Палиашвили. Симон Петрович присоединился к ним, и при содействии Серго Орджоникидзе все они направились в Грузию²²³. 25 октября С. П. Басария прибыл в Сухум²²⁴ с намерением включиться в активную революционную работу. Однако по распоряжению министра внутренних дел меньшевистской Грузии Н. Рамишвили он был немедленно выслан в Тифлис и таким образом изолирован.

Преследовался и А. М. Чочуа, «непримиримая позиция» которого давно «раздражала меньшевиков». Ему приходилось скрываться, и однажды, осенью 1920 года, он «не избежал ареста». Меньшевистские власти не могли простить неговорчивому народному учителю его неоднократных отказов от должностей комиссара проовещения Абхазии, редактора газеты, вступления в партию меньшевиков, выдвижения своей кандидатуры в депутаты Абхазского народного совета и в Учредительное собрание Грузии и т. д.²²⁵.

В этот период репрессивные меры против большевиков и всего революционного движения в крае усилились. Еще в мае

221 Там же. З. IV. 1920, № 76.

222 «Наше слово», 16. III. 1920, № 57.

223 ЦГАА, ф. 833, д. 28, лл. 24—26. См. также ф. 8, ЛС, д. 21.

224 Газета «Абсны» в сообщении «О приезде Симона Басария» объявляла, что на днях он расскажет о жизни населения Армавира (30. X. 1920, № 38).

225 А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 86—87.

1920 года были произведены повсеместные аресты большевиков и других революционеров. В частности, были репрессированы «независимцы» М. К. Цагурия, Д. И. Алания и И. Н. Маргания, обвиняемые в «государственной измене», в попытках «нипровержения существующего строя»²²⁶. На заседании Народного совета Абхазии, где эти обвинения были оглашены устами комиссара внутренних дел М. С. Убриря, с гневной речью выступил С. Я. Чанба. Он говорил, в частности, об отсутствии всяких гарантий неприкосновенности депутата, о том, что «работать искренне в пользу Абхазии, защищать ее права нет возможности». Чанба огласил протокол протеста схода населения Гудаутского уезда от 13 мая 1920 года и резолюцию «независимцев»²²⁷. В последней говорилось: «Народный совет Абхазии выражает протест против действий Министерства юстиции республики Грузии, по распоряжению которого, без предварительного испрошения на то разрешения Народного совета, были арестованы и заключены в тюрьму депутаты Дм. Алания и Ив. Маргания. Этот факт является грубым нарушением права неприкосновенности членов Народного совета Абхазии, и Совет протестует против этого перед правительством и Учредительным собранием Грузии»²²⁸. Однако эта резолюция «независимцев» была отклонена абсолютным большинством голосов членов Народного совета Абхазии.

В осуществлении репрессивных мер усердствовал так называемый «Особый отряд» во главе с Тарасханом Эшбая²²⁹. Не менее активно действовал сам председатель Комиссариата Абхазии Дмитрий Эмухвари, который в начале 1921 года был объявлен генерал-губернатором.

Однако никакие репрессии не могли приостановить ход исторического развития. Революционное движение нарастает по всей Грузии. В этот процесс втягивается и основная масса абхазской трудовой интеллигенции, в том числе все ее молодые силы. Для характеристики этого явления прекрасным примером могут служить Ш. И. Хокерба и И. А. Аджинджал, о деятельности которых кратко было сказано выше. Ш. И. Хокерба²³⁰ — один из представителей первого поколения абхазских поэтов (первые его стихи датированы 1916 годом)²³¹, который с самого начала вел активную общественную работу.

²²⁶ «Наше слово», 10.V.1920, № 101.

²²⁷ Архив Абгосмузея, ф. 3, оп. 1, д. 49. Отчет № 16 Заседания Народного совета Абхазии от 18 мая 1920 г.

²²⁸ ЦГАА, ф. 339, д. 18, л. 125об.

²²⁹ Он был и начальником Особого отдела Комиссариата Абхазии.

²³⁰ Шамиль Ибрагимович Хокерба (1899—1942) родился в местечке Очемчиры, в крестьянской семье. После окончания Очемчирского четырехклассного училища учился в Сухумской учительской семинарии, которую окончил в 1918 году.

²³¹ В 1963 году в Сухуми вышел сборник его стихов.

Вступив в Коммунистическую партию в 1918 году, он участвовал в пропаганде идей большевизма среди трудящихся Кодорского участка. По поручению участкового комитета партии Хокерба ездил в различные села (Тамыш, Моква), где создавал комсомольские ячейки. При его активном участии в 1919 году возникла ячейка Союза рабоче-крестьянской молодежи в Очемчирской гимназии. Здесь на общем собрании учащихся Хокерба в начале 1920 года прочел реферат на тему: «Кто такие большевики»²³². Он вел работу по ликвидации неграмотности населения. Одно из его стихотворений 1918 года было посвящено этой теме²³³. Его волнует и судьба абхазских переселенцев. «Переживание жены махаджира» — так называется одно стихотворение Хокерба, написанное в том же 1918 году. Ш. И. Хокерба в 1919 году избирался делегатом на Сухумскую окружную партконференцию. В 1920 году он вместе с другими деятелями (Н. И. Матарадзе, И. А. Аджинджал и т. д.) был арестован и заключен в Сухумскую тюрьму. После установления Советской власти в Абхазии Ш. И. Хокерба возглавил земельный отдел Ревкома Очемчирского уезда²³⁴.

И. А. Аджинджал²³⁵ — впоследствии видный абхазский ученый-этнограф²³⁶, кандидат исторических наук. С 1917 года он работал учителем в селе Адзюбжа и местечке Очемчиры. В период господства меньшевиков в крае Аджинджал поддерживал связь с большевиками и совместно с ними вел революционную борьбу. В 1920 году он по заданию революционной части съезда абхазской интеллигенции совместно с Ш. И. Хокерба и другими вел работу среди крестьянства Кодорского участка (Тамыш, Моква, Джгерда) по организации бойкота дополнительных выборов по Абхазии в Учредительное собрание Грузии. Эти выборы, как известно, под руководством большевиков были сорваны. Аджинджал в числе других активных деятелей был брошен в Сухумскую тюрьму. В связи с этим Иван Андреевич был уволен с занимаемой должности народного учителя. В 1920 году ему удалось поступить на экономиче-

²³² Ш. Хокерба. В борьбе за молодежь. — «Советская Абхазия», 21.VI.1930, № 139.

²³³ См.: В. Концьярна - ть х а. Агъхьажэа. -- Ш. Хокерба. Ишымтакуа. Акуа. 1963. ад. 4.

²³⁴ «Борцы за Советскую власть в Абхазии». Сухуми, 1965, с. 225; Н. И. Матарадзе. Страницы прошлого. Сухуми, 1957, с. 44 и др.

²³⁵ Иван (Герасим) Андреевич Аджинджал (Джон) родился в с. Бедиа Кодорского участка в семье бедного крестьянина. С 1905 года он учился в Сухумской горской школе, затем — в Очемчирском высшем начальном училище, а с 1913 года — в Эриванской учительской семинарии, которую окончил в 1917 году.

²³⁶ В 1969 году в Сухуми вышло собрание его сочинений под названием «Из этнографии Абхазии».

ский факультет Тифлисского политехнического института, который успешно окончил в 1924 году²³⁷.

Здесь следует назвать и А. К. Хашба²³⁸. Это один из первых абхазских языковедов, кандидат филологических наук²³⁹. Будучи студентом Сухумской учительской семинарии, он в 1918 году участвовал в забастовке учащихся этого учебного заведения — «главным стимулом симпатии к большевикам послужило ознакомление с большевистской программой...». В период работы в селе Ткварчели в качестве учителя, в 1920 году, Арсений Константинович «постепенно сколотил вокруг себя актив в несколько человек, среди которых... вел большевистскую работу». В 1920 году он также работал учителем в селе Гуп того же Кодорского участка. После установления Советской власти в Абхазии в 1921 году А. К. Хашба «сразу же связался с большевиками и начал вести работу»²⁴⁰.

Группа «независимцев» Народного совета Абхазии в конце 1920 года свою деятельность непосредственно увязывает с подготовкой к новому вооруженному восстанию в крае. Воспользовавшись отказом предоставить Абхазии автономию, она поставила вопрос о разрыве с буржуазно-меньшевистским правительством и присоединении к Советской России, развернула широкую агитацию среди многонационального населения Абхазии²⁴¹. Вскоре М. К. Цагурия был направлен в Баку для личных переговоров с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым, которые ознакомили его с общим планом восстания в крае²⁴².

²³⁷ Ш. Д. Инал-ипа. Энтузиаст этнографического изучения Абхазии. — И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969, с. 5—6.

²³⁸ Арсений Константинович Хашба (1900—1943) родился в с. Поквещ Кодорского участка, в бедной крестьянской семье. Окончив в 1912 году местную церковноприходскую школу, он до 1917 года занимался сельским хозяйством. Прочувшись три года (1917—1920) в Сухумской учительской семинарии, А. К. Хашба учительствовал в разных сельских школах.

²³⁹ В 1922 году в Сухуми вышли его «Избранные работы» (сост. Х. С. Вгажба).

²⁴⁰ ЦГАА, ф. 85, л. 91, л. 4; ф. 8, ЛС, л. 271, л. 17.

²⁴¹ Например, М. К. Цагурия в одном из своих выступлений в Народном совете (22 октября 1920 года), обращаясь к представителям меньшевистских властей, говорил: «Мы подчеркивали, что вас интересы рабочих и крестьян вовсе не интересуют... Здесь ведется тоже политика, которая при старом режиме велась на Кавказе и которую вы называли позором... Что касается предоставления земли крестьянам, мы в этом отношении от вас не отстанем. С самого начала мы заявляем, что всякий клочок свободной земли должен принадлежать крестьянам, и мы не отступим от этого положения. У вас же под этим скрывается грязная политика» («Коммунист Грузии», 20.XI.1920, № 28). И. Н. Маргания также заявлял: «В аграрном вопросе мы всегда спорили с вами, что вся ваша аграрная политика антиаграрная» (ЦГАСА, ф. 109, л. 789, л. 189).

²⁴² Архив АИЯЛИ, ф. 1—0, д. 12, лл. 126—127.

Другой член названной группы коммунист А. Л. Убирия,²⁴³ избранный в 1920 году в состав Народного совета Абхазии, с санкции большевистского Окружного комитета, был в это время лишен «депутатских полномочий» за «антигосударственную работу», а затем и арестован. Д. И. Алания и И. Н. Маргания еще до этого подвергались репрессиям. Сохранилось письмо уполномоченного Кавбюро ЦК РКП(б) А. Н. Саджая на имя М. К. Цагурия от 13 февраля 1921 года, в котором говорится: «Я уверен, что Вы, Маргания, Алания, Чанба, независимая фракция Абхазского народного совета, учитывая факт ближайшего падения меньшевистской власти в Грузии, примете немедленные меры теперь же к освобождению трудящихся масс Абхазии и поднимете Красное знамя революции против лжесоциалистов-меньшевиков... Абхазия имеет право на такое же свободное развитие, какое предоставила Советская власть всем малым народам бывшей Российской империи. Желаю бодрости и твердости в предстоящей Вашей борьбе с желтой контрреволюцией»²⁴⁴.

Представляется необходимым также еще раз вернуться к личности Г. Д. Туманова. Он умер в конце июня 1920 года в результате автомобильной катастрофы между Туапсе и Сочи. В связи с этим на страницах газеты «Апсны» были опубликованы заметки Д. И. Гулиа и Д. И. Алания, в которых сообщаются интересные данные. Дмитрий Иосифович писал, что «Абхазию постигло несчастье», в крае «не было человека, который бы не знал» Г. Д. Туманова. Он был известен как оратор, умный, сердечный и гуманный человек. Туманов материально помогал тем, кто «в этом нуждался»; многие благодаря такой поддержке получили образование. «Вообще он способствовал делу народного просвещения». Г. Д. Туманов поддержал идею издания газеты «Апсны» и одним из первых внес в пользу этого органа крупную сумму денег²⁴⁵. Одним словом, «абхазская интеллигенция потеряла своего лучшего представителя», в целом «абхазский народ — своего глашатая, неутомимого сына, днем и ночью трудившегося в его интересах»²⁴⁶.

Д. И. Алания также подчеркивал, что гибель Г. Д. Туманова — «большая потеря для абхазского народа; будучи образованным, он дорого стоил для народа», потрудившись много в его пользу. Именно «за дело Абхазии он неоднократно подвергался арестам, но не дрогнул, и до конца своей жизни боролся во имя народа». «Враги, конечно, будут радоваться.

²⁴³ О нем: «Борцы за Советскую власть в Абхазии». Сухуми, 1965, с. 216—217.

²⁴⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 86.

²⁴⁵ Как сообщала названная газета 1 мая 1919 года, Г. Д. Туманов пожертвовал в пользу нее 250 рублей.

²⁴⁶ «Апсны», 1.VII.1920, № 24.

по кто даст нам такого яркого человека, жившего интересами нашего народа», — заканчивал свою статью Алания²⁴⁷.

Представители абхазской интеллигенции в это время продолжали активно действовать и за пределами Абхазии. Так, Н. А. Лакоба в 1920 году после батумского периода его работы, несколько месяцев являлся уполномоченным Кубано-Черноморского ревкома, председателем Горского совета. В мае того же года в Краснодар прибывает и Е. А. Эшба, после освобождения из Кутанской тюрьмы. Здесь он избирается заместителем председателя исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Под его руководством в августе 1920 года прошел I съезд трудящихся горцев Кубани и Черноморья. Затем, в связи с врангелевским десантом на Кубани, Эшба становится уполномоченным комиссаром бригады, а после разгрома врага — секретарем Армавирского окружного комитета партии. С. А. Картозия до второй половины 1919 года находился на Украине, а затем вел подпольную партийную работу в районах Западной Грузии. Арестовывался он неоднократно, однажды был даже приговорен к смертной казни.

В августе 1920 года Е. А. Эшба, Н. А. Лакоба и Н. Н. Акиртава прибывают в Баку для участия в работе I съезда народов Востока, открывшемся 1 сентября. Деятельность этого съезда, созванного по инициативе В. И. Ленина, проходила под непосредственным руководством специальной делегации Коминтерна (Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, Е. Д. Ставова и др.).

В период съезда в Баку состоялось совещание представителей Абхазии по вопросу организации в ней вооруженного восстания трудящихся. С этой целью в Абхазию было решено направить работавшего в то время в Баку В. К. Чачба²⁴⁸. Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба были оставлены в распоряжении Совета пропаганды и действия, избранного съездом в качестве руководящего органа. Вскоре Совет направил в восточные страны своих докладчиков и организаторов, которые развернули большую работу по сплочению и организации сил трудящихся Востока. Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба, а также К. П. Инал-ипа и Е. К. Дамения поехали в Турцию, где в это время происходили серьезные политические перемены. Н. Н. Акиртава в Баку оставался до начала вооруженного восстания в Абхазии. Он был членом Бакинского бюро Кав-

²⁴⁷ «Альсы», 17.VI.1920, № 25(53).

²⁴⁸ В. К. Чачба в ноябре 1920 года прибыл в Тифлис, откуда ЦК КП(б) Грузии послал его в Гудаутский уезд под псевдонимом Набарова. Здесь он развернул работу среди масс, а в дни восстания также играл активную роль. От звания члена Народного совета Абхазии В. К. Чачба (Шервашидзе), как гласит его заявление из Баку, официально отказался еще 30 января 1920 года (ЦГАА, ф. 339, д. 19, л. 40).

С. Я. Чайба

Н. А. Лакоба

Е. А. Элба

казского бюро ЦК ВКП(б) и вел активную работу «по абхазскому вопросу» под непосредственным руководством Серго Орджоникидзе.

В феврале 1921 года в Грузии началось всеобщее вооруженное восстание. Оно быстро охватило и все районы Абхазии. Был создан Революционный комитет Абхазии в составе Е. А. Эшба (председатель), Н. А. Лакоба и Н. Н. Акиртава. По решению Советского правительства на помощь восставшим рабочим и крестьянам, выполняя свой интернациональный долг, пришла Красная Армия. Вместе с ее частями сражались местные повстанческие отряды, в составе которых широко была представлена и прогрессивно-демократическая абхазская интеллигенция, особенно учительство. Например, Н. Н. Акиртава одновременно являлся политработником армии, поддерживал контакт с Серго Орджоникидзе и другими руководящими деятелями партии. 22 февраля по его распоряжению и под его редакцией в Сочи вышел первый номер газеты «Голос Трудовой Абхазии» — орган Абхазского ревкома. И. П. Чамагуа, который только что перед этим вырвался на свободу (он был арестован в конце 1920 года), стал начальником штаба «Киараза» и проводником в частях IX Красной Армии, а М. Г. Гобечия был одним из руководителей этой организации и членом Гудаутского уездного комитета партии. Активную роль играли также И. Д. Вардания, М. К. Цагурия, Март. Ив. Тарнава, И. С. Мушба, И. Н. Маргания, В. К. Ладария, А. И. Чукбар, А. У. Кукбая, К. Р. Багашш, Д. Л. Габуния, Е. А. Кобахия и многие другие. Например, А. И. Чукбар²⁴⁹ накануне установления Советской власти в Гудаутах возглавил Временный комитет общественной безопасности, который принял меры против ограбления города отступающими войсками меньшевиков и их местными властями²⁵⁰. В Сухуме был образован Комитет общественной охраны города в составе 21 человека, в который вошли такие деятели, как А. М. Чочуа и другие²⁵¹. Многие учителя и другие представители интеллигенции Гумистинского, Кодорского и Самурзаканского уездов также приняли самое активное участие в установлении Советской власти в Абхазии в 1921 году.

Следует сказать, что немало интеллигентов было и в стане противника. Это были окончательно обанкротившиеся буржуазные националисты. Даже сам их «старшой», «генерал-губернатор» Абхазии Дмитрий (Арзакан) Эмухвари, вряд ли теперь верил в истинность своей старой «концепции» о том,

²⁴⁹ А. И. Чукбар в 1918—1919 годах был членом Гудаутской городской управы, а с декабря 1919 года — председателем земской управы.

²⁵⁰ «Голос Трудовой Абхазии», 4 III. 1924, № 54.

²⁵¹ А. М. Чочуа. Страницы жизни, с. 88.

что меньшевистская власть в Грузии — «высший тип демократии».

Большая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху в истории интеллигенции. Особое внимание было обращено на мирные способы вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма²⁵². Основным методом обеспечения сотрудничества интеллигенции был метод убеждения, перевоспитания ее массы, преодоления неверия интеллигенции в социализм. Процесс перехода интеллигенции на сторону Советской власти усилился в период мирного строительства. Опыт отрыва интеллигенции от буржуазии и вовлечения ее в строительство социализма имеет всемирно-историческое значение.

Одним из главных результатов культурной революции в СССР является подготовка и воспитание многомиллионной армии народной, социалистической интеллигенции. История формирования социалистической интеллигенции в нашей стране свидетельствует о том, что только социализм открывает перед интеллигенцией безграничные возможности для всестороннего развития.

Это прекрасно видно и на примере Абхазии, где за годы Советской власти созданы замечательные кадры национальной интеллигенции.

В период строительства коммунизма во всех сферах жизни общества возрастает роль советской интеллигенции. Многочисленная и многонациональная советская интеллигенция, вооруженная идеями ленинской партии, все выше поднимает знамя самой передовой в мире социалистической культуры и вместе со всем советским народом идет к вершинам коммунизма.

В новой Конституции СССР записано: «Союз Советских Социалистических республик есть социалистическое общественное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны».

²⁵² Этот процесс в национальных районах страны можно проследить на примере Казахстана в книге Ш. Ю. Тастанова «Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов» (Алма-Ата, 1975).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России (Москва).
АИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР (Сухуми).
АКАК — Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею (Тифлис).
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (Краснодар).
ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области (Ленинград).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (Москва).
ЗОЛКА — Записки Общества любителей кавказской археологии (Тифлис).
ИР — Институт рукописей им. К. С. Кёкелидзе Академии наук Грузинской ССР (Тифлис).
ИКОМАО — Известия Кавказского отделения Московского археологического общества (Тифлис).
ИКОРГО — Известия Кавказского отдела Русского географического общества (Тифлис).
КК — Кавказский календарь (Тифлис).
КС — Кавказский сборник (Тифлис).
КСХ — Кавказское сельское хозяйство (Тифлис).
КЭС — Кавказский этнографический сборник (Москва).
ЛОААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР.
ЛС — Личный состав.
МАК — Материалы по археологии Кавказа (Москва).
МСКМО — Медицинский сборник Кавказского медицинского общества (Тифлис).
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва).
ООВПХК — Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе (Тифлис).
ПА ГФ ИМЛ при ЦК КПСС — Партийный архив Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Тбилиси).
ПСЗРИ — Полный свод законов Российской империи.
ПСС — Полное собрание сочинений.
РО ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
СЗМ — Сотрудник Закавказской миссии (Сухум).
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис).
СОСХ — Сухумское общество сельского хозяйства (Сухум).
ССК — Сборник сведений о Кавказе (Тифлис).
ССКГ — Сборник сведений о кавказских гордах (Тифлис).
ЦГАА — Центральный государственный архив Абхазской АССР (Сухуми).
ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии (Москва).
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (Москва).
ЦГИАГ — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (Тбилиси).
ЦУКУО — Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (Тифлис).
ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Москва).
ЧСХ — Черноморское сельское хозяйство (Сухум).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абашидзе В. 161.
 Абдул Хамид (Абдул Гамид) II 255.
 Авялов Ф. Д. 285.
 Агафодр, еп. 138, 139.
 Агрба А. И. 178, 179, 180, 181, 182; 280.
 Агрба А. С. 232, 238, 296.
 Агрба Алексей 153.
 Агрба Андрей 235.
 Агрба Б. 159, 160.
 Агрба В. А. 164, 196, 283, 296, 298, 302.
 Агрба Д. П. 245.
 Агрба (Агумаа) 321.
 Аджамов Д. Г. 114, 115, 116, 121, 125, 138, 139, 178, 305.
 Аджамов Г. Д. 226, 305, 332.
 Аджинджал И. А. 314, 321, 326, 327, 330, 335, 336, 337.
 Адзюмба И. 213, 276, 328.
 Адлейба В. Г. 265, 266, 298, 326.
 Адлейба Е. В. 326.
 Ажиба А. 190, 192.
 Ажиба Н. 320.
 Айба Х. 154.
 Айвазовский И. К. 22, 44.
 Акиртава Н. Н. 260, 310, 339, 340.
 Акиртава Н. Ш. 221.
 Акиртава Ю. 235, 238, 328.
 Алан Г. А. 189.
 Алания Д. И. 211, 256, 284, 305, 309, 310, 311, 313, 314, 315, 317, 326, 327, 330, 332, 335, 338, 339.
 Алания М. И. 326.
 Александр II 88.
 Александр III 89, 99.
 Александра Федоровна 100.
 Алекси-Месхишвили Л. (Алексеев-Месхиев В. С.) 102, 142, 206.
 Али-бей 17.
 Алонзи И. И. 206, 209, 216, 225, 227.
 Алферов С. А. 119, 186, 190, 198, 199, 202, 226, 229.
 Алхазншвили И. 96.
 Алшунба Г. А. 245, 246, 296.
 Альбов Н. М. 48, 103, 115, 148.
 Амичба М. С. 213, 321.
 Ампар В. 238.
 Андреев Л. Н. 208.
 Андреевская Н. Э. 95, 107.
 Андрей, еп. 191, 193, 196.
 Аникин Ф. Я. 186, 188, 228, 229, 230, 241, 327.
 Анкваб 70.
 Антонов-Овсеенко В. А. 314.
 Ануа Т. И. 218.
 Анчабадзе А. 221.
 Анчабадзе Б. 200, 221.
 Анчабадзе В. Т. 210, 243, 244, 308, 330, 333.
 Анчабадзе Г. 221.
 Анчабадзе (Ачба) Д. Г. 88, 107, 108.
 Анчабадзе З. В. 19.
 Анчабадзе З. Д. 53, 54.
 Анчабадзе Е. Ч. 235.
 Анчабадзе К. 221.
 Анчабадзе (Дадлиани) М. Н. 97, 160, 203, 204, 205, 206, 217, 243, 244, 282, 329.
 Анчабадзе (Ачба) М. 146.
 Анчабадзе П. К. 97, 98, 221, 274.
 Анчабадзе С. 83.
 Анчабадзе Т. З. 204, 210, 216.
 Анчабадзе Т. 84.
 Апба К. Е. 298.
 Аракишвили (Аракчиев) Д. И. 205.
 Аргун (Аргуня) И. Х. 137.
 Арджения Ф. В. 221.
 Артем (Ф. А. Сергеев) 292, 314.
 Арутюнов А. А. 106.
 Аршба А. 276.
 Атарбеков Г. 291.
 Ахаледзиани Г. 70.
 Ахматова А. 324.
 Ахундов М.-Ф. 22, 44.
 Ацкурели Д. 142, 317, 321.
 Ачба Асламбей 21.
 Ачба Е. 321.
 Ачба Ж. 146, 163.
 Ачба Т. 290.
 Ашхацава С. М. 58, 150, 173, 180, 182, 195, 208, 209, 211, 212, 216, 262, 263, 264, 300, 304.
 Багаши К. Р. 340.
 Баграт III 14.

* В Указатель не включены фамилии авторов, приведенных в ссылках. Указатель составлен Л. Г. Хрушковой.

- Багратион-Мухравский И. К. 41, 42.
 Багриновский В. И. 22.
 Базаба Д. 311, 329.
 Базаба Н. 192.
 Багвадзе Д. З. 68, 71, 103, 148.
 Бакулин М. А. 147.
 Баламчивадзе В. 317, 321.
 Баламчивадзе М. А. 205.
 Бараташвили Н. 247.
 Баргаджия В. 271.
 Баргаджия К. К. 211, 235.
 Баргаджия 192.
 Бартоломей И. А. 57, 58, 64, 66, 67, 123, 138.
 Барыц Б. 177.
 Барыц Д. Х. 235, 238.
 Барыц К. И. 188, 211, 311, 264, 329.
 Басария С. П. 187, 188, 195, 215, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 281, 287, 294, 315, 317, 334.
 Бгажба Х. С. 200.
 Баня В. 192.
 Бегичев К. Н. 103.
 Белинский В. Г. 109.
 Бения З. Н. 162, 296.
 Берже А. П. 56.
 Беридзе В. В. 10.
 Бершадский А. 299.
 Бестужев П. А. 22.
 Бестужев-Марлинский А. А. 22, 44, 99.
 Бжания В. 150.
 Бжания М. М. 116, 117, 118, 221, 282.
 Бжания С. А. 182, 183.
 Бжания С. 321.
 Бида-Чхамалия Д. В. 136.
 Биттер Н. П. 221.
 Блок А. А. 326.
 Блаб 154.
 Бодуэн де Куртене И. А. 180.
 Богданов Ф. Т. 115, 228.
 Божучава Н. 276, 312, 313.
 Бороздин К. А. 36, 43, 87.
 Ботани С. П. 141, 145.
 Беккер 252.
 Брешко-Брешковский А. А. 274.
 Броссе М. И. 16, 22.
 Брусилев Б. А. 256.
 Брюсов В. Я. 326.
 Булия М. 314, 321.
 Бутба М. 21, 317, 318, 322, 333.
 Бутба Ш. 317.
 Бутиновская Н. И. 324, 328.
 Бутлеров А. М. 141, 145.
 Бухов А. О. 324.
 Вардания А. 312, 320.
 Вардания И. А. 163, 235.
 Вардания И. Д. 296, 298, 340.
 Вардания И. Н. 235.
 Варенишкова Н. 228.
 Васильев-Южин М. И. 134, 168.
 Васенцов В. М. 145.
 Вахушти Багратioni 17.
 Васильева Н. М. 176.
 Ваташи Э. А. 222.
 Введенский А. Н. 65, 221.
 Вейденбаум Е. Г. 147, 191.
 Векуа А. Г. 164, 192, 231, 262.
 Векуа Н. Г. 121.
 Верещагин В. В. 145, 147.
 Вешакури С. 172.
 Вигге С. Ю. 99.
 Возба Н. 276, 296.
 Воейков А. И. 145.
 Волошин М. А. 328.
 Вольховский В. Д. 22.
 Воронов А. С. 70.
 Воронов Н. И. 57, 147.
 Воронов Ю. Н. 147, 148, 221.
 Воронова А. К. 167, 168, 169.
 Воронова Л. Н. 167, 169, 231.
 Воронцов-Дашков И. И. 89, 90, 185, 222.
 Ворошилов К. Е. 314.
 Габуния-Цагарели Н. 161.
 Габуния В. 142.
 Габуния Д. Л. 117, 165, 232, 340.
 Гавриил (Кикодзе Г.) 64, 65, 68, 70, 113.
 Гагарин А. И. 87.
 Гагарин Г. Г. 22.
 Гамисония А. В. 134.
 Гамисония А. Д. 278.
 Гамисония К. 313.
 Гамсахурдия К. 226.
 Гарцкия В. Д. 111, 112, 114, 136, 139, 157.
 Гвалия А. 290.
 Гегка И. 57, 64, 65, 71, 139, 155.
 Гедеванишвили И. 205.
 Генко А. Н. 67, 202.
 Геловани Д. 205.
 Георгий (Григорий) II 14.
 Георгий XII 50.
 Георгблани А. П. 226.
 Герцен А. И. 147, 148.
 Гибаль П. 64.
 Гобечия М. Г. 164, 196, 226, 232, 239, 290, 296, 298, 340.
 Гогешашвили Я. С. 63, 96, 109, 111, 120, 149, 194, 195, 214, 247.
 Гогоберидзе Г. Б. 75, 82.
 Гоголь Н. В. 141, 208, 247.
 Гойден Е. Н. 169.
 Гойден Н. А. 169.
 Гокнелов Р. И. 329.
 Голицыня Г. С. 192.
 Головин А. 174.
 Голубцов Г. 190.
 Гончагов Н. Н. 106.

- Горгадзе С. 195.
 Горький А. М. 145, 160, 208, 298, 326.
 Готочия Л. И. 163.
 Гочуа 70.
 Грабарь И. Э. 129.
 Грибоедов А. С. 204, 208.
 Грибоедова (Чавчавадзе) Н. А. 100.
 Григолия А. Л. 227, 243.
 Григолия К. У. 211, 235.
 Гришашвили И. 206.
 Грузинский Д. Б. 61, 62, 88, 129.
 Губля (Лакербая) Е. Д. 163, 197.
 Губля Н. М. 137, 138, 139, 163.
 Губля 192.
 Гулиа Д. И. 56, 58, 59, 60, 103, 110,
 111, 115, 122, 123, 124, 125, 126,
 139, 148, 167, 168, 181, 189, 190,
 194, 195, 199, 201, 202, 203, 210,
 211, 213, 214, 215, 219, 226, 235;
 239, 241, 242, 270, 273, 276, 279;
 288, 314, 316, 317, 318, 319, 320;
 321, 322, 323, 326, 327, 330, 333;
 338.
 Гулиа Е. А. 326.
 Гулиа И. И. 211, 212, 240, 270, 271,
 272, 326.
 Гулуа Е. Т. 166.
 Гундобин Н. П. 141, 145.
 Гуниа В. 97, 205, 208.
 Гурджуа В. Г. 178, 221, 226, 271, 272.
 Гурцели М. 97.
 Гурьев 34.
 Гюго В. 93.
 Давидов 74.
 Дэвиташвили (Давыдов) М. Н. 225.
 Даднани Г. 34, 50, 52.
 Даднани (Колхидели) Г. 92.
 Даднани Е. 50.
 Даднани Л. 16.
 Даднани Н. Г. 25.
 Даднани Н. (Диди Нико) 22, 35, 62.
 Даднани Ш. Н. 93, 97, 142, 204, 205,
 208, 226, 269.
 Даль В. И. 22.
 Даменья Е. К. 339.
 Данилевский Д. Л. 250.
 Данлуа Н. М. 31.
 Дарвин Чарльз 251.
 Дарсалия Д. 320.
 Дарсалия К. 165.
 Дворник Ф. 11.
 Делба Е. 165, 241, 259.
 Демьянов А. А. 306.
 Делисов Г. 148.
 Денисова А. И. 119.
 Державин Н. С. 48, 183.
 Джавахишвили И. А. 103.
 Джавахия И. 312.
 Джакония 70.
 Джанашиа Ал. 259.
 Джанашиа А. 165.
 Джанашиа Н. С. 113, 115, 122, 207,
 210, 211, 213, 214, 221, 224, 226,
 239, 246, 262, 276.
 Джанашиа С. Н. 94—97, 149, 279, 328.
 Джанашиа Ф. 165.
 Джаларидзе П. А. 168.
 Джинджолия И. А. (см. Аджинд-
 жал И. А.).
 Джутели А. И. 115, 178, 216, 217, 218;
 221, 252, 275.
 Джутели В. 294.
 Дзапш-ипа П. Г. 136.
 Дзидзария Г. А. 19.
 Дзидзария Г. 314.
 Дзидзария К. Ф. 188, 238, 283, 286,
 300, 302, 311.
 Дзидзария С. И. 235.
 Дзукия Д. С. 211, 226, 235, 238.
 Дирр А. 212.
 Дмитрий, еп. 191.
 Добровольский В. З. 221, 224.
 Добролюбов Н. А. 123.
 Добрынин П. А. 134.
 Долгов И. В. 251.
 Долидзе А. 300.
 Долидзе С. 209.
 Домашевский Д. К. 134.
 Достоевский Ф. М. 326.
 Дошенко Н. 291.
 Драиновский 131.
 Дубровин Н. Ф. 47, 103.
 Думбадзе В. 172.
 Думбадзе И. 143.
 Дюбуа де Монперэ Ф. 34, 50.
 Дягилев С. П. 328.
 Евдошвили И. 207.
 Евреннов Н. Н. 324, 325, 328.
 Езугбая Б. 274.
 Емельянов С. С. 243.
 Ермолов А. П. 26.
 Ермолов А. С. 222.
 Ермолов 136.
 Ефимов А. К. 290, 291.
 Жйба 70.
 Жуковский 199.
 Завадский М. Р. 56, 201.
 Завадский Ф. А. 46.
 Загорский Н. А. 44.
 Загурский Л. Г. 44.
 Зайдшер А. М. 314, 322, 325.
 Зайцевский Е. П. 22.
 Зантараа Х. В. 97.
 Запорожский И. И. 221, 276.
 Зардаби Г. 149.
 Зарженский А. О. 83.
 Зах К. И. 22.
 Захаров Б. А. 134, 291.
 Захаров Д. В. 178, 275, 283, 317.
 Захаров 76.

- Званба С. Т. 23, 28, 36, 39, 40, 41, 42,
 43, 44, 45, 46, 47, 48, 52.
 Званба Т. 28.
 Званбая (Званба) Г. Б. 136.
 Званбая (Званба) Г. Х. 136.
 Зислин М. Н. 12.
 Зухба С. Л. 213.
 Зухбай Г. М. 133, 134, 185, 226, 272,
 290, 307, 330, 333.
 Иванецкий А. 164.
 Иванов В. 322.
 Игнатъев В. И. 131.
 Игнатъев Н. П. 90.
 Игнатъев 222.
 Избаш 187.
 Измайлов А. И. 165, 198, 228, 229.
 Инал-ипа А. И. 192, 208.
 Инал-ипа А. К. 177, 221.
 Инал-ипа Антон 136.
 Инал-ипа А. 69.
 Инал-ипа (Иналишвили) В. Х. 121.
 Инал-ипа В. 73, 75, 83.
 Инал-ипа К. П. 296, 298, 339.
 Инсаров 295.
 Иоселнани Иоанн 23.
 Иоселнани Э. 97.
 Иоселнани 74.
 Иргели 209.
 Италинский А. 122.
 Кавжарадзе В. Г. 165, 166.
 Казбегі А. 142, 205.
 Какалия Д. 192.
 Какалия Е. 166.
 Какалия К. И. 121.
 Какуба К. 328.
 Какуба (Какубава) Р. И. 135, 207,
 210, 217, 243, 282, 304, 310, 311.
 Каландаршвили П. 210.
 Калишевский В. С. 208.
 Каменский В. В. 325.
 Каменский П. П. 22, 40.
 Кампос Хозе 106.
 Камышильников Л. 174.
 Карлгоф Н. 103.
 Картозия Л. 290, 301.
 Картозия С. А. 232, 233, 260, 292,
 313, 314, 339.
 Кашня Б. 276.
 Кашня С. С. 192, 211.
 Качалов В. И. 326.
 Кварацхелия Т. К. 221.
 Кварцелия М. Ф. 211.
 Квеквесири П. 312.
 Кигурадзе Р. 178.
 Кикодзе И. 85.
 Килиани Д. И. 63, 149.
 Кипиани М. 85, 86.
 Кипшидзе А. Ф. 104.
 Кипшидзе И. А. 103, 195.
 Кирилл (Константин) 11.
 Киров С. М. 337, 339.
 Киут К. 327.
 Кляпрот Г. 103.
 Кобахидзе Д. 209.
 Кобахия А. 312.
 Кобахия Д. К. 211, 232, 290, 296.
 Кобахия Е. А. 340.
 Кобахия Н. К. 283.
 Ковальский А. Ф. 83.
 Кове Н. 159.
 Когонна И. 320.
 Козлов В. М. 226, 227.
 Колбая Г. Н. 221.
 Колбая И. Т. 189.
 Колбая М. 238.
 Кольцов 72.
 Колубакин Г. М. 106.
 Колубакин Н. П. 98, 99.
 Колубакина А. А. 50, 98.
 Кокоскерия Н. 320.
 Комиссаржевская В. Ф. 326.
 Конаков Н. 120.
 Константин III 14.
 Константин Абазский С.
 Копешавидзе (Барцыц) Д. К. 325,
 326.
 Копешавидзе К. Г. 235.
 Копешавидзе М. 235.
 Коринец И. Г. 106.
 Кормон Ф. 129.
 Коровин К. А. 174, 326.
 Королев Г. 309.
 Корочанский Н. 79.
 Косвен М. О. 45.
 Кошко В. С. 243.
 Кривцов С. И. 22.
 Криштоф (Петров) Г. П. 310.
 Крыжановский П. А. 106.
 Крылов И. А. 72, 199.
 Ксенофонтов Д. К. 238.
 Кукбая (Кукба) А. У. 238, 295, 321,
 340.
 Кулалба М. 238.
 Куприя А. И. 326.
 Куршикдзе А. Г. 66, 81, 136.
 Куршикдзе Г. Д. 56, 57, 64, 66, 155.
 Кухалейшвили П. 163.
 Кухалейшвили С. И. 165, 206, 207,
 221, 225, 241, 291, 292, 297.
 Кучберия И. Г. 190, 192, 221.
 Кучберия М. 320.
 Лабахуа В. Н. 132.
 Лабахуа К. К. 236.
 Лабахуа Н. К. 235.
 Лаврентьев А. Н. 24, 47.
 Лавров П. Л. 230.
 Лагвилава Т. 320.
 Ладария А. В. 119, 178, 221.
 Ладария А. И. 136, 244.
 Ладария Б. 209.
 Ладария В. К. 136, 169, 340.
 Ладария З. 209.

- Ладария К. В. 136, 139, 261.
 Ладария К. Н. 120.
 Ладария Н. В. 119, 120, 139, 189, 190,
 191, 192, 199, 219, 262, 286.
 Лазарев М. П. 22.
 Лакербай А. 121.
 Лакербай А. М. 221, 248, 274.
 Лакербай В. 183.
 Лакербай (Барцыц) Е. И. 121, 235.
 Лакербай К. Ш. 255, 264, 274.
 Лакербай М. А. 213.
 Лакербай М. Х. 221.
 Лакербай М. 320, 328.
 Лакербай С. И. 64.
 Лакербай (Лакрба) С. С. 135.
 Лакербай Ш. Х. 201, 274.
 Лакербая В. 284.
 Лакербая В. 290.
 Лакербая Е. А. 211.
 Лакербая (Лакрба) И. В. 112, 193.
 Лакербая С. С. 136.
 Лакоба Д. И. 211.
 Лакоба Е. М. 211, 235.
 Лакоба Н. А. 137, 154, 169, 187, 232,
 233, 234, 245, 283, 288, 290, 291,
 294, 295, 296, 297, 298, 303, 313,
 328, 339, 340.
 Лакоба Ч. 154.
 Лакрба М. 183.
 Ламберти А. 16.
 Ларионов С. С. 199.
 Лачинова-Шелашишкова
 (Хмар-Дабанов) Е. П. 103.
 Левитский А. П. 176.
 Левия В. И. 23, 81, 82, 132, 162, 168;
 172, 223, 224, 225, 232, 234, 292,
 296, 298, 299, 313, 314, 316, 339.
 Леон II 9.
 Леон III 13.
 Леонид (Каверии Л. А.) 135.
 Леонкавалло 208.
 Леонтьев Г. Л. 228, 229.
 Лермонтов М. Ю. 72, 106, 199.
 Лесгафт П. Ф. 231.
 Либкнехт В. 168.
 Лисовский Ф. Я. 22.
 Лихачев Н. 75.
 Логорно Л. Ф. 145.
 Логуа А. С. 236, 290.
 Логуа М. 321.
 Лозно Л. 299.
 Лолуа Д. 207, 269, 329.
 Лолуа Е. 259.
 Лолуа П. 329.
 Ломоносов М. В. 247.
 Ломсунн Н. 123.
 Лопатин Г. А. 291.
 Лопатин Н. Ф. 223.
 Лопатин П. Ф. 168, 223.
 Лопатин 149.
 Лопатинский Л. Г. 240.
 Лорер Н. И. 44.
 Лукьянов Ф. И. 228, 240.
 Луначарский А. В. 299.
 Люлье Л. 103.
 Маан (Маргания) А. 320.
 Маан (Маргания) В. 238.
 Маан (Маргания) М. 320, 326.
 Маги М. А. 235.
 Мазинг Л. К. 179, 180, 181, 182, 211,
 264.
 Мазинг-Куузик В. 181.
 Мазниев (Мазнишвили) Г. 301, 302.
 Макаров К. Н. 224, 291.
 Макнавелли Н. 101, 102.
 Максимова 169.
 Малани Л. О. 138, 139.
 Маргани (Маргания, Маан) Д. К. 64.
 Маргания А. К. 132.
 Маргания А. 221, 313.
 Маргания Александр 85.
 Маргания Андрей 66.
 Маргания В. А. 132.
 Маргания В. 265.
 Маргания В. Н. 226.
 Маргания Вера 328.
 Маргания Д. Т. 112, 113, 190, 191,
 199, 219, 221, 240, 262, 327.
 Маргания Д. 150, 202, 221.
 Маргания Е. 66.
 Маргания И. Н. 233, 260, 261, 304,
 309, 310, 313, 334, 335, 337, 338,
 340.
 Маргания (Маан) К. Б. 35, 36.
 Маргания Квадж 83.
 Маргания Куджмахан 84.
 Маргания К. 136.
 Маргания М. А. 330.
 Маргания (Мани) М. К. 129, 130, 131,
 132, 158.
 Маргания (Сабашвили) М. П. 211,
 235.
 Маргания М. С. 162.
 Маргания Н. Д. 320.
 Маргания П. Д. 322.
 Маргания С. К. 128, 226, 261.
 Маргания Э. 66.
 Мария Федоровна 89, 99, 107.
 Марков Е. Л. 244.
 Маркович В. В. 161, 168, 170, 218,
 220, 221, 222, 223.
 Маркс К. 101, 162, 168, 178, 225.
 Марр Н. Я. 9, 13, 16, 168, 182, 211,
 212, 213, 214, 215, 226, 227, 239.
 Мартин А. 230, 307, 310, 311.
 Маршания А. 209.
 Маршания Б. 54.
 Маршания В. 163.
 Маршания Дж. 303.
 Маршания Дм. 114, 296.
 Маршания К. В. 113, 114, 190, 195,
 281.

- Маршанья М. Н. 235.
 Маршанья М. 84.
 Маршанья М. 113.
 Маршанья Н. Н. 132, 219.
 Маршанья Т. 93, 284, 306.
 Маршанья У. 113.
 Матарадзе Н. И. 312, 336.
 Махарадзе Ф. И. 304.
 Махвиладзе В. М. 224, 243.
 Мачабели И. 63.
 Мачавариани А. Д. 118, 124, 243.
 Мачавариани Д. А. 24, 68, 138.
 Мачавариани К. Д. 15, 60, 75, 78, 103,
 108, 110, 112, 115, 123, 124, 125,
 126, 127, 138, 139, 141, 149, 158,
 190, 215, 221, 226, 242, 243, 244,
 262, 274.
 Маяковский В. В. 228, 326.
 Маяковский К. К. 228.
 Маяковский М. К. 228.
 Мгеладзе А. 210.
 Межлаук В. И. 233, 314.
 Мейерхольд В. Э. 174, 326.
 Мехрипа (Мекер) А. 21.
 Меладзе К. 291.
 Месхи Д. 205.
 Месхи К. 92.
 Месхи С. 91, 95, 96, 149.
 Мережковский Д. С. 92, 323.
 Мехмед Сабахадлин (Квацба) 20.
 Микабердзе В. 65.
 Миканба М. Х. 322.
 Микеладзе Д. 114.
 Микеладзе Т. И. 177.
 Миладовский С. А. 83.
 Милашович К. О. 105.
 Миролюбов А. Л. 324.
 Миронов И. Г. 291.
 Мордовцев Д. Л. 146, 149, 150, 209,
 216, 264.
 Мукба А. 296.
 Мурашев Н. Н. 30, 31.
 Муранов М. К. 233.
 Мушба И. С. 171, 172, 226, 340.
 Мушинский Я. Я. 226, 296.
 Мясоелов Т. Р. 168, 169.
 Налбандян М. 149.
 Нанба 20.
 Нарышкин А. Н. 243.
 Нарышкин М. М. 44.
 Некрасов М. Н. 83.
 Некрасов Н. А. 72, 225.
 Нестеров М. В. 145.
 Никитин 199, 286.
 Николадзе Н. 63, 96, 100, 149.
 Николай I 30, 36, 39.
 Николай II 174, 175.
 Нинемяги И. М. 220.
 Никуа А. 209.
 Норакидзе С. 154.
 Нордман А. Д. 17, 22, 34.
 Норов В. С. 22, 40.
 Нуцубидзе Ш. И. 103.
 Образцов П. Т. 211.
 Огарев Н. П. 147.
 Одоевский А. И. 44.
 Окорочова В. Э. 168, 221, 223, 224,
 228.
 Олейников 198.
 Ольденбургский А. П. 191, 192, 268.
 Омер-паша 30, 51, 53.
 Орбелиани А. Г. 22, 26, 27, 160.
 Орбелиани В. Г. 26, 27.
 Орбелиани Г. 92.
 Орбелиани Д. 29.
 Орбелиани Н. 95.
 Орджоникидзе Г. К. 161, 162, 163,
 164, 172, 177, 231, 306, 314, 334,
 337, 339, 340.
 Орлов 52.
 Оршанов Б. Л. 208.
 Остроумов А. А. 141, 144, 145, 168,
 221, 222, 243.
 Лагава Б. 312.
 Падаяка Е. В. 173.
 Палишвили З. П. 207, 334.
 Палба В. 177.
 Пархоменко В. А. 276.
 Пасько Г. Х. 238.
 Пастернацкий Ф. И. 141.
 Патеяпа Н. С. 120, 121, 192, 198, 199,
 200, 202, 211, 219, 262, 271, 321.
 Патеяпа-Губляя А. С. 121.
 Пахомов А. В. 43.
 Пацовский А. Г. 36.
 Пешкова Е. М. 160.
 Пилля Е. 235.
 Пилля М. Д. 235.
 Пилля М. С. 192, 211.
 Пилля П. А. 118, 137.
 Пилля (Шамба) Е. С. 236.
 Плевс В. К. 90.
 Плеханов Г. В. 168, 232.
 Плевс 131.
 Победоносцев К. П. 137.
 Подгурский П. И. 227.
 Полванов Н. В. 284.
 Полоцкий Я. П. 92.
 Правдивцев П. А. 276.
 Прогульбинский В. К. 169.
 Прокофьев С. С. 326.
 Прянишников И. М. 145.
 Пурцеладзе А. 268.
 Лурцеладзе Д. П. 57, 60, 63.
 Лучини 208.
 Пушкарев С. 23, 24.
 Пушкин А. С. 44, 72, 93, 106, 124, 199.
 Пшавела Важа 246, 247.
 Пшеничный И. П. 197.
 Пятницкий К. П. 160.
 Радзевич-Белевич 148.
 Радожицкий И. Т. 22.

- Раев (Иоанн) 190.
 Раевский Н. Н. 22, 23, 33, 44, 221.
 Рамишвили И. 303, 304, 306, 315.
 Рамишвили Н. 334.
 Рамишвили С. 283.
 Раннефт М. Т. 276.
 Рафаан-паша 91.
 Раффи 149.
 Рахманинов С. В. 326.
 Резников В. 148, 169.
 Реклю Э. 103.
 Репин И. Е. 145, 147, 325.
 Розен А. Е. 23.
 Романов Г. 137.
 Рукавишников К. В. 222.
 Румянцев С. 256.
 Руссо Н. Е. 243.
 Руставели Шота 14, 93, 124.
 Рыбницкий Г. А. 113, 221.
 Рыжков С. 85.
 Савинов В. И. 22.
 Сабанисдзе Иоанэ 9.
 Сабиницкий В. В. 202.
 Садер-Эден-бей 91.
 Саджая А. Н. 338.
 Саджая Н. 113.
 Садзба Н. 70.
 Сазонов С. Д. 90, 91.
 Сакварелидзе Е. 65, 74.
 Самойлович А. Н. 131.
 Самуриды А. И. 206, 208.
 Санадзе А. 238.
 Сандекая М. Г. 228.
 Сараджишвили (Сараджев) И. П. 206.
 Саттар-хан 172.
 Сатунин К. А. 145.
 Сахокиа Т. (Ф. Т.) 142, 149, 161, 215, 216.
 Сваидзе Н. 290, 291.
 Селезнев М. А. 25, 34, 68.
 Селим-паша 54.
 Семашко В. К. 226, 227.
 Семенов Д. Д. 111.
 Семенов-Тянь-Шаньский П. П. 222, 223.
 Серебряков Л. М. 30.
 Сергеев 74.
 Середа 86.
 Сериков З. С. 83.
 Серов В. А. 129.
 Серов Г. Я. 145.
 Сидоров М. К. 145.
 Сизов В. И. 146.
 Симония (Чамагуа) С. Б. 211, 236, 238.
 Скрябин А. Н. 326.
 Смедкой Н. Н. 221, 222, 243.
 Смырба Х. 160.
 Собинов Л. В. 326.
 Соколов В. К. 228, 230, 286.
 Соллогуб В. А. 145, 205.
 Солохин Д. К. 211.
 Сослан Давид 93.
 Спасович В. Д. 95, 107.
 Спенсер Э. 103.
 Сталин И. В. 160.
 Станиславский К. С. 326.
 Стасов В. В. 147.
 Стасова Е. Д. 168, 339.
 Степанов В. 322.
 Стефанов Т. Т. 40, 41, 44.
 Стражев В. И. 228, 324.
 Сулаквелидзе 311.
 Сулейман-паша (Чачба) 21.
 Сумбаташвили-Южин А. И. 209.
 Сундукян Г. 142, 149.
 Тавдгиридзе Н. К. 269, 284.
 Такайшвили Е. 103.
 Таммсааре А. X. 210, 329.
 Тантиев 221.
 Тарба А. 296.
 Тарба Г. Ч. 221.
 Таркил Н. 238.
 Тарнава Марг. П. 164, 221, 296, 340.
 Тарнава Мих. И. 15, 116, 210, 211, 266, 267, 287, 309, 310, 311, 329.
 Тарнава (Адлейба) Е. В. 235, 237.
 Татаринов П. Е. 221, 222.
 Тиллет Л. 3, 4.
 Тиракьян Л. К. 163, 185, 225.
 Тихомиров А. А. 160.
 Тихомиров И. Г. 83.
 Тодуа А. 276, 312, 315.
 Толстой А. 209.
 Толстой Л. Н. 106, 119, 120, 198, 199, 205, 247.
 Томара М. Л. 168, 224, 225.
 Торня Д. Г. 166.
 Торнау Ф. Ф. 22, 34, 35, 44, 48, 49, 50.
 Трачевский А. С. 148.
 Тржасковский А. Ф. 22.
 Трирогов В. Г. 57.
 Тропин Н. В. 197.
 Туманов Г. Д. (Ахан-ла) 192, 301, 302, 303, 305, 331, 338.
 Тургенев Н. И. 106.
 Туркия Н. А. 205, 206.
 Убирия А. Л. 338.
 Убирия М. С. 309, 334, 335.
 Уварова П. С. 15, 103, 146.
 Умикашвили (Умиков) П. 63, 95.
 Умисса 83.
 Услар П. К. 8, 44, 56, 57, 58, 61, 70, 115, 124, 155, 181, 264.
 Урушадзе А. X. 297.
 Ушинский К. Д. 82, 109, 120, 195, 198, 199, 214.
 Феодор 8.
 Филиппов И. 322.
 Филиппсон Г. И. 34, 36.
 Фок А. А. 22.

- Хагба Д. 209.
 Хаймовский И. М. 129.
 Хайрабдзы ат-Туниси 20.
 Харазия В. Н. 234.
 Харбекия Е. 322.
 Хардт Э. 174.
 Харузия А. Н. 105.
 Хасая Е. Т. 161, 331.
 Хасая Б. 235.
 Хасая Т. К. 162, 221.
 Хасан-Везуа А. Г. 121.
 Хахубия Р. 255, 236.
 Хашба А. К. 321, 337.
 Хашба Д. X. 213.
 Хашба М. 320, 321.
 Хашба Н. 235.
 Хашба Ф. X. 221, 237, 321.
 Хварцкия Д. Л. 136, 221, 226.
 Хтопов Н. Ф. 195.
 Ходжа-ыла М. М. 171.
 Хокерба Ш. Н. 238, 312, 320, 327, 335, 336.
 Хорвава 167.
 Христовский Ф. П. 245.
 Цагарели А. 102, 142.
 Цагурия К. 165, 259.
 Цагурия М. К. 298, 309, 310, 313, 314, 330, 332, 335, 337, 338, 340.
 Цвижба А. 329.
 Ценовский А. 298, 300.
 Церетели А. В. 142.
 Церетели А. 63, 91, 92, 96, 97, 98, 123, 125, 149, 204, 215, 246, 247.
 Церетели Г. 114, 149, 161.
 Цеткин К. 329.
 Цица И. 192.
 Цомая Я. С. 327.
 Цулукидзе А. 114, 159.
 Цулукидзе Г. К. 114.
 Цулукидзе Д. 114.
 Цхакая И. 128.
 Цхакая М. 116, 117.
 Цхомелидзе К. С. 205.
 Чавчавадзе А. Г. 28, 100, 204.
 Чавчавадзе И. 63, 91, 92, 96, 97, 98, 100, 104, 107, 125, 142, 148, 149, 150, 160, 161, 205, 208, 209, 215, 223, 225, 277.
 Чайковский П. П. 208.
 Чалмаз М. 276, 320, 321, 328.
 Чамагуа И. П. 191, 221, 295, 296, 340.
 Чанба Е. Н. 326.
 Чанба С. Я. 78, 111, 185, 195, 219, 226, 228, 229, 230, 232, 239, 241, 257, 258, 259, 260, 276, 284, 287, 288, 309, 310, 311, 313, 314, 315, 317, 319, 320, 322, 325, 326, 332, 335, 338.
 Чарая П. Г. 97, 114, 127, 149, 167, 195, 211, 214, 235, 262.
 Чарыков 91.
 Чачба (Шервашидзе) В. К. 175, 176, 177, 305, 309, 339.
 Чачаа О. 321.
 Чачхалия Е. 321.
 Черкезия Г. М. 221.
 Черкезия Г. Т. 95, 133.
 Чернецов Н. Г. 22, 34.
 Чернышевский Н. Г. 120, 147.
 Чернявский В. И. 147, 221.
 Чехов А. П. 141, 145, 146, 208, 209, 325, 326.
 Чилашванли (Чилаев) Б. Г. 22, 44.
 Чиркбая С. С. 221.
 Чичба Ч. 200.
 Чичбая М. Г. 221.
 Чолокагвили Д. 160.
 Чолокуа В. 314.
 Чочуа А. М. 97, 98, 111, 164, 168, 170, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 195, 201, 202, 214, 221, 223, 229, 230, 235, 238, 239, 276, 280, 285, 303, 314, 317, 326, 327, 333, 334, 340.
 Чочуа Е. В. 326.
 Чочуа Т. С. 213.
 Чрыгба С. 196.
 Чукбар А. И. 164, 185, 190, 195, 197, 198, 199, 211, 219, 221, 230, 262, 274, 280, 286, 287, 300, 311, 340.
 Чукбар А. X. 225, 246, 286.
 Чукбар Т. 197.
 Чукбар (Лаврова) О. М. 228, 230, 231.
 Чаргулна О. Г. 19.
 Чурсин Г. Ф. 49.
 Чхебелия Р. К. 226, 235.
 Чхенкели А. 293, 294.
 Чхивкишвили В. Г. 297, 304, 305.
 Чхотуа Г. С. 95.
 Чхотуа Д. З. 94, 95, 96, 97, 107, 156, 246.
 Чхотуа З. М. 94, 304.
 Чхотуа Н. З. 221.
 Чхотуа Н. М. 94.
 Чхотуа Н. 95.
 Чхотуа Р. Н. 304, 305.
 Чхотуа С. 95.
 Шагиния М. 324.
 Шакая А. 320, 321.
 Шакирбай Г. 212.
 Шакирбай З. С. 212, 221.
 Шакирбай К. З. 330, 331.
 Шакопбай 217.
 Шакрыл А. 235.
 Шакрыл М. 50.
 Шакрыл Н. 48.
 Шакрыл П. С. 211, 234, 289, 326, 327.
 Шакрыл Р. 49.
 Шакрыл Ш. 49.
 Шакрыл Э. 36, 48, 49, 50.
 Шакрылбай З. X. 221.
 Шакрылбай (Шакрыл) М. К. 221.

- Шакрылбай Т. Ш. 221.
 Шакрылбай Х. Х. 221.
 Шалайин Ф. И. 209, 326.
 Шамы (Шамба) Х. 322.
 Шамба В. 115.
 Шамба Е. 276, 312, 313.
 Шафранова С. П. 141.
 Шахгельдян А. 300.
 Шашков 83.
 Шевченко Т. Г. 208, 209.
 Шельцель К. Э. 198.
 Шенгелая 209.
 Шервашидзе А. Г. 34, 85, 175.
 Шервашидзе А. Г. 160, 221, 284, 293.
 Шервашидзе А. Д. 221, 274.
 Шервашидзе (Дадзиани) А. Э. 63, 64, 142.
 Шервашидзе (Чачба) А. К. 61, 129, 173, 174, 175, 278, 289, 323, 324, 326, 328.
 Шервашидзе А. П. 100.
 Шервашидзе Александра Г. 35, 87.
 Шервашидзе Александра К. 32.
 Шервашидзе Александра 109.
 Шервашидзе Александра 142.
 Шервашидзе Асланбей 52.
 Шервашидзе Анегга 103.
 Шервашидзе В. А. 243, 244, 245, 304.
 Шервашидзе В. К. 32, 61, 174, 175.
 Шервашидзе 62, 63, 64, 139.
 Шервашидзе Г. Б. 221.
 Шервашидзе Г. В. 173.
 Шервашидзе Г. Д. 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 135, 175.
 Шервашидзе Г. М. 6, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 107, 111, 128, 156, 175, 191, 209, 221, 246, 268, 269, 270, 289, 291, 323.
 Шервашидзе Г. Ф. 73, 74, 75, 82, 83, 84.
 Шервашидзе Гаяне 142.
 Шервашидзе Григорий 51, 54, 57, 175, 284.
 Шервашидзе Г. (Сафарбей) К. 25, 28, 175.
 Шервашидзе Д. Г. 25, 26, 34, 106, 107.
 Шервашидзе Д. К. 32, 61, 84.
 Шервашидзе Д. Х. 50, 51, 52, 98, 99.
 Шервашидзе Давид 85.
 Шервашидзе Джото 302.
 Шервашидзе-Кипиани Е. А. 34, 85, 86.
 Шервашидзе Е. М. 63.
 Шервашидзе (Соллогуб) Е. С. 205.
 Шервашидзе (Андреевская) Е. Э. 89, 323.
 Шервашидзе И. Г. 84, 135, 221.
 Шервашидзе Иоане 17.
 Шервашидзе Г. (Хуршидбей) К. 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 57, 60, 61, 86, 103, 129, 175, 176.
 Шервашидзе Квапу 17.
 Шервашидзе Келешбей 17, 169.
 Шервашидзе (Дадзиани) Кесария 62, 87.
 Шервашидзе К. Г. 192, 220, 221, 274.
 Шервашидзе Л. А. 10.
 Шервашидзе Л. 53.
 Шервашидзе М. А. 85, 86.
 Шервашидзе (Николай) М. А. 100, 102, 106.
 Шервашидзе М. (Хамудбей) Г. 30, 31, 32, 34, 35, 49, 51, 52, 53, 66; 87, 90, 175.
 Шервашидзе М. Д. 206.
 Шервашидзе М. К. 53.
 Шервашидзе (Чачба) М. Л. 5, 241, 242, 243, 274, 282, 305, 317.
 Шервашидзе М. М. 89, 175.
 Шервашидзе М. П. 100.
 Шервашидзе (Ян) М. 32.
 Шервашидзе Н. Г. 100.
 Шервашидзе (Дидна) Н. Ф. 242, 305, 327.
 Шервашидзе Николай 109.
 Шервашидзе Нина 85.
 Шервашидзе П. Л. 53, 100, 148, 169, 170, 175.
 Шервашидзе С. Л. 52, 53, 84, 169, 175.
 Шервашидзе Сегеман 15.
 Шервашидзе Сустар 17.
 Шервашидзе Т. А. 221.
 Шервашидзе Т. К. 29, 34.
 Шервашидзе Т. П. 100.
 Шервашидзе Терезия 142.
 Шервашидзе Туфан-бек 135.
 Шервашидзе (Волконская) Т. К. 32.
 Шервашидзе Х. 28.
 Шервашидзе Ч. 108.
 Шервашидзе Ю. Л. 107.
 Шерванский Е. В. 222.
 Шерипов А. 293, 294.
 Шилльбергер И. 11.
 Шмидт Г. 181.
 Шонажоков 255.
 Шоуа А. С. 226, 235.
 Шувалова А. И. 177.
 Элиава Ш. З. 309.
 Элзев А. 105.
 Эмухвари (Эмхаа) А. М. 73, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 108, 127, 128, 150, 156, 221.
 Эмухвари Александр 112.
 Эмухвари Бату 78, 84.
 Эмухвари Баджу 83.
 Эмухвари В. Э. 186, 221.
 Эмухвари Вл. 272.
 Эмухвари В. 113.
 Эмухвари (Эмхаа) Г. М. 172, 200, 221.

- Эмухвари (Эмхаа) Г. 213, 320.
 Эмухвари (Эмхаа) Григорий 73, 74, 83.
 Эмухвари Д. К. 178, 272, 283, 335, 340.
 Эмухвари И. А. 136.
 Эмухвари И. 163.
 Эмухвари М. Б. 172, 200, 221.
 Эмухвари Н. К. 163, 221.
 Эмухвари П. Б. 165, 166.
 Эмухвари Т. 161.
 Эмухвари Ч. 75.
 Эмухвари Ш. 93.
 Эмухвари Э. 75.
 Энгельс Ф. 162.
 Эранов С. П. 222.
 Эсадзе С. С. 90.
 Эристави Г. 29.
 Эристави Р. 63.
 Эристави Э. 26, 27.
 Эшба (Эшмбая) Г. А. 118.
 Эшба Д. 136.
 Эшба Д. 328.
 Эшба Е. А. 163, 232, 234, 260, 291, 294, 297, 298, 300, 311, 313, 314, 339, 340.
 Эмухвари М. 274.
 Эшба Р. 312.
 Эшба Смел 57, 66.
 Эшба С. 155.
 Эшба Ф. Х. 108, 109, 110, 111, 114, 150, 157, 190, 195, 201, 275, 316, 317.
 Эшбая Т. 335.
 Яблонский 166.
 Яверь-бей 20.
 Ярошенко М. К. 208.
 Ярошенко Н. А. 95, 145.
 Яценко И. П. 167.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая. Присоединение Абхазии к России и зарождение абхазской интеллигенции	22
Глава вторая. Сдвиги в формировании абхазской интеллигенции во второй половине XIX в.	55
Глава третья. Деятельность абхазской интеллигенции в период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России	159
Глава четвертая. Роль абхазской интеллигенции в годы борьбы за Советскую власть в Абхазии	283
Список сокращений	343
Именной указатель	344

Гьаргы Алыкьса-шьа Зызарка
Ареволуциа Калаанзатәи аҭсуа
интеллигенциа ашьакугылара
Урысшәала

გიორგი ალექსის ძე ძიძარია
რევოლუციამდელი აფხაზეთის
ინტელაგენციის ფორმირება
რუსულ ენაზე

Георгий Алексеевич Дзидзария
Формирование дореволюционной
абхазской интеллигенции

Редакторы издательства: **А. Я. Бесселия, Л. Г. Хрушкова**
Художественный редактор **П. Г. Цквитария**
Технический редактор **С. А. Гордезиани**
Корректоры: **Ж. И. Гублиа, А. А. Мхитарян**
Выпускающая **Т. С. Ашхараа**

ЭИ00095. Слово в прозае. 14.VIII.1978 г. Подписано к печати

13.III.1979 г. Иллюстрацион. бумага, ф. 60x90¹/₁₆.

Печ. лист. 22,25. Уч.-изд. л. 26,18.

Заказ № 7926.

Тираж 2000.

Цена 4 р. 10 к.

Издательство „А л а ш а р а“, Сухуми, Ленина, 9.

Сухумская типография № 7 им. Ленина
Госкомитета Совета Министров Груз. ССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
г. Сухуми, ул. Ленина, 6.